

**ВЛАДИМИР
ВАСИЛЬЕВ** **АЛЕКСАНДР
ГРОМОВ**

**АНТАРКТИДА
ONLINE**

**АНТАРКТИДА
ONLINE**

**ВЛАДИМИР
ВАСИЛЬЕВ** **АЛЕКСАНДР
ГРОМОВ**

З В Е З Д А Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

**ВЛАДИМИР
ВАСИЛЬЕВ**

**АЛЕКСАНДР
ГРОМОВ**

**АНТАРКТИДА
ONLINE**

ИЗДАТЕЛЬСТВО **АСТ** • ХРАНИТЕЛЬ

МОСКВА 2006

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
В19

Серия «Звездный лабиринт» основана в 1997 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Художник М.Н. Калинин

Компьютерный дизайн С.В. Шумилина

Подписано в печать 1.08.06. Формат 84×108^{1/32}.
Усл. печ. л. 23,52. Доп. тираж 5000 экз. Заказ № 2021.

Васильев, В.Н., Громов, А.Н.

В19 Антарктида ONLINE : [фантаст. роман] / Владимир Васильев, Александр Громов. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. — 444, [4] с. — (Звездный лабиринт).

ISBN 5-17-038493-9 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-9713-3066-7 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)

ISBN 5-9762-0378-7 (ООО «ХРАНИТЕЛЬ»)

Мир СОШЕЛ С УМА?

Нет. ПЛАНЕТА СОШЛА С УМА!

Антарктида переместилась в центральную часть ТИХОГО ОКЕАНА!

Ученые и политики пребывают в шоке.

Но они еще не знают, что претерпевшие ОЗАРЕНИЕ от смеси жары и алкоголя российские антарктологи, в содружестве с антарктологами австралийскими, намерены ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ МОМЕНТОМ, дабы обратить Антарктиду в НЕЗАВИСИМОЕ ГОСУДАРСТВО.

Как?

Зачем?

И — ЧТО ПОТОМ?

Слушайте.

Антарктида ONLINE!

Последствия НЕПРЕДСКАЗУЕМЫ!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© В.Н. Васильев, 2006

© А.Н. Громов, 2006

© ООО «Издательство АСТ», 2006

...по-прежнему в центре внимания мировой общественности, в особенности научных и политических кругов, остается необъяснимое мгновенное перемещение антарктического континента в центральную часть Тихого океана. На международном геофизическом симпозиуме в Лозанне ведущие специалисты пятидесяти семи стран констатировали отсутствие сколько-нибудь убедительных гипотез, способных объяснить данный феномен. Доктор Огастес Браун из Кембриджского университета выступил с заявлением, расцененным большинством участников симпозиума как скандальное: «В настоящее время мы бесконечно далеки не только от раскрытия этой тайны, но даже от выявления сколько-нибудь рационального пути подхода к проблеме. По-видимому, оставаясь в рамках научного метода, мы никогда не сможем объяснить внезапный «прыжок» Антарктиды. Речь идет о границах человеческого познания... Я намерен задать вам, дорогие коллеги, прямой и честный вопрос в надежде получить столь же прямой и честный ответ: должны ли мы предпринимать дальнейшие попытки отворить лбом запертую дверь? Не следует ли нам принять свершившееся как данность, ни в малейшей степени не зависящую от нас и не объяснимую при помощи наших мысленных усилий? Никто ведь не спрашивает, отчего летает Лапута, — она просто летает...» Выступление доктора Брауна неоднократно прерывалось неподобающими выкриками с мест и даже свистом...

Рейтер, 17 апреля 20... года

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1 РОКИРОВКА

Автопилот взбесился как раз в ту минуту, когда стюардесса Жаннет Пирсон внесла в пилотскую кабину поднос с двумя чашечками дымящегося кофе, двумя сандвичами с ветчиной, предназначенными командиру корабля, и одним чизбургером для второго пилота, не любившего ветчины. В-767 заложил глубокий вираж. С точки зрения пассажиров, он свалился на правое крыло столь стремительно, словно это самое крыло вдруг обломилось под корень и улетело прочь.

Однако обе плоскости оставались на своих законных местах, двигатели также не выключались, и ничто не свидетельствовало об отказе системы управления. До последней секунды полет проходил штатно. Ни облачка, ни нарождающегося циклона, ни бродячей зоны турбуленции. Ближайший грозовой фронт проходит столь далеко, что о нем можно забыть. Видимость — миллион на миллион. С высоты девяти с половиной тысяч метров желто-зеленые атоллы архипелага Тувалу четко вырисовывались в густом ультрамарине Тихого океана. Несколько минут назад была пересечена линия перемены дат, и пассажиры чартерного рейса Гонолулу — Брисбен, главным образом австралийцы, возвращающиеся с приятного отдыха на Гавайях в пекло зимней Австралии, были оповещены о том, что в одно мгновение перепрыгнули из двадцать четвертого в двадцать пятое февраля. Еще через полтора часа под крылом проплывет выводок островов государства Вануату, левее оста-

нется французская Новая Каледония, и лайнер выйдет на финальный отрезок маршрута. В двух сотнях миль от австралийского побережья его поймают радары аэропорта, и только тогда пилоту найдется иное занятие, кроме как вполглаза контролировать работу пилотажного комплекса.

Ударившись о переборку, Жаннет вскрикнула не столько от боли, сколько от испуга. Поднос выскочил из рук и прыгнул прямо в лицо. Ожгло горячим кофе. Чизбургер и сэндвичи посыпались на пол.

Не стало сил держаться на ногах. Она упала бы, если бы перегрузка милостиво не прижала ее к переборке, позволив лишь сползти вниз. Жаннет не сомневалась: случилось что-то серьезное, но что?

Слыша возгласы пассажиров, стюардесса механически отметила: паники еще нет, пока налицо лишь удивление и возмущение. Нормальная человеческая реакция, когда лайнер выделывает акробатические трюки и только что разнесенные напитки опрокидываются пассажирам на колени. Чтобы испугаться, а тем более запаниковать, человеку требуется время. Разумеется, в любом рейсе среди пассажиров неизбежно окажется один или несколько тех, у кого еще в аэропорту заранее трясутся поджилки при одной мысли о посадке в самолет; обычно они и становятся катализаторами паники в любой нештатной ситуации, для них временной промежуток между началом происшествия и окончательной потерей самоконтроля чрезвычайно мал.

Обошлось. Пять, десять секунд — и из первого салона до слуха Жаннет донеслись отнюдь не панические возгласы и облегченный смех. Лайнер не падал — он завершал разворот и аккуратно выравнивался. Сейчас командир корабля обратится к пассажирам с извинениями за причиненное беспокойство: по требованию наземных служб пришлось срочно очистить воздушный коридор, возникла необходимость обойти грозовой фронт или что-нибудь в этом роде. И это будет ложью. Полет продолжается, для беспокойства нет никаких оснований, вы находитесь на борту Боинга-767-400ER, одного из са-

мых надежных трансконтинентальных авиалайнеров австралийской национальной авиакомпании «Квантос-Эйр», известной своими высокими стандартами безопасности, ну и так далее... И это в первом приближении будет правдой.

Перегрузка исчезла. Лайнер медленно, очень медленно выполнял левый вираж, снова ложась на курс. Опершись о переборку, Жаннет поднялась с пола. Колени противно дрожали, руки тоже. Она рассердилась на себя и одновременно позавидовала пассажирам: часто профессиональный опыт дает больше оснований для страха, нежели беспочвенная мнительность. Лицо и униформа были залиты кофе, пластмассовые чашечки, сэндвичи и чизбургер раскатились по полу пилотской кабины. Жаннет стиснула зубы. А ну хватит дрожать! Делай свое дело! Во-первых — приberi на полу. Во-вторых — не мешай пилотам. В-третьих — иди приведи себя в порядок. Нечего и думать о том, чтобы появиться в таком виде перед пассажирами, а что до экипажа, то одного взгляда достаточно, чтобы понять: в течение ближайших минут он вряд ли вспомнит о кофе...

Ей хватило времени и на то, чтобы наскоро помолиться.

— Слушается? — жадно спросил второй пилот.

— Как видишь.

Руки командира корабля лежали на штурвале. Автопилот был отключен. Сейчас над пилотажным комплексом колдовал бортинженер.

— Что там? — не оборачиваясь, спросил командир.

— Сейчас скажу. М-м... Кажется, все в порядке... Да, все в порядке. Уверен.

— Тогда какого дьявола он взбрыкнул?

— Еще не знаю.

— Хотел бы я знать, откуда взялся этот туман, — пробормотал второй пилот.

Действительно, синева океана под крылом исчезла. Внизу насколько хватал глаз простиралась сплошная густая облачность... или туман.

Никто не ответил. Бортинженер возился с бортовым компьютером. Командир держал курс по гирокомпасу.

— На море такой туман бывает, когда вода теплее воздуха, — сообщил второй пилот и поежился. — Такое часто случается на кроссполярных маршрутах...

— Заткнись! — наорал на него командир. — Мы где, на кроссполярном маршруте, по-твоему?

— Нет, но...

— Все в норме, — уверенно сказал бортинженер. — Видимо, случайный сбой. Ничего серьезного.

— Программа полета?

— Проверил.

Несколько секунд командир размышлял, не вернуться ли к автоматическому полету. Затем, не глядя, включил микрофон и ровным, внушающим доверие голосом передал пассажирам сообщение, содержание которого было почти точно предсказано стюардессой Жаннет, только вместо грозового фронта фигурировала зона турбуленции. За это время в его голове созрело решение: попытаться снова включить автопилот и быть начеку, чтобы мгновенно отключить его при первом подозрении на сбой в системе.

— Внимание... Готовы? Включаю.

Лайнер начал валиться на крыло. Опять на правое.

— О черт!

На этот раз только очень внимательный пассажир мог заметить неладное — небольшой внезапный крен был плавно выровнен, а по поводу автопилота командиром было сказано несколько слов.

— Не пойму, в чем дело, — встревоженно отозвался бортинженер. — Все должно работать. Голову даю, что...

— Оставь при себе свою голову, — буркнул командир и, помолчав, добавил: — Дай наше местоположение.

Несколько секунд командир смотрел на карту, отображенную на экране монитора, не замечая, что медленно роняет челюсть. Судя по карте, самолет шел вовсе не над Тихим океаном. Он шел над материком, и очертания этого материка были

хорошо знакомы каждому, кто в детстве увлекался рассказами о пингвинах, морских слонах, ледовых трещинах и мужественных зимовщиках. Антарктида!

Бред...

Командир со стуком захлопнул рот.

— Кто-нибудь что-нибудь понимает?

Против воли его слова прозвучали жалобно-просяще.

Наиболее вероятная гипотеза уже сформировалась в его голове. Пилотажный комплекс получил неверные данные. Или неверно их обработал, сейчас это не суть важно. Зато в остальном автоматика сработала штатно и дважды попыталась нацелить самолет на Брисбен... исходя из заведомо ложных координат.

Была и вторая гипотеза — невероятная. Но ее командир не стал рассматривать.

— Если бы сейчас была ночь, я мог бы попытаться определиться по звездам через астрокупол, — сказал, маясь, второй пилот. — Когда-то я умел это делать. Если бы была ночь...

— Если бы была ночь, — фыркнул командир. — Если бы на сосне росли бананы... Если бы мы могли подняться тысяч до пятнадцати и увидеть днем звезды... У нас не истребитель! У нас пассажирский лайнер, и либо у него напрочь свихнулся пилотажный комплекс, либо нас в одно мгновение перебросило через четверть окружности земного шара. Первое куда вероятнее, нет?

Бортинженер упрямо замотал головой:

— Такого сбоя никогда не бывало. Строго говоря, его просто не может быть. Комплекс либо работает, либо нет. Врать он не обучен.

— Врет, как видишь!

— Чтобы так соврать, ему необходима самая малость, — усмехнулся бортинженер, — чтобы несколько спутников GPS разом сорвалось со своих орбит. Да и то... Проще уж предположить, что переместились мы... хотя бред, я понимаю...

На координаты, отображавшиеся на мониторе, не хотелось и смотреть. Восемьдесят семь градусов южной широты! Судя

по картинке, несколько минут назад лайнер пролетел недалеко от Южного полюса и теперь удалялся от него в сторону Атлантики.

Бред, бред...

Вошла Жаннет в новой блузке, неся на подносе кофе и сэндвичи. Командир раздраженно замахал на нее рукой. Стюардесса поставила поднос и вышла.

— Есть еще третья вероятность, — подал голос второй пилот. — Все мы сошли с ума и видим не то, что есть на самом деле.

— Тогда нам уже ничем не поможешь, — отрезал командир. — Будем исходить из первых двух предположений. Значит, так. Допустим, мы не верим автопилоту и берем прежний курс. Тогда, если наше местоположение не изменилось, в чем лично я совершенно уверен, мы через два часа оказываемся над Австралией и спокойно садимся в Брисбене. Если же прав пилотажный комплекс, а мы ошибаемся, то мы расходует горючее до капли и падаем примерно вот здесь. — Палец командира ткнулся в южную часть Атлантики. — Теперь второй вариант. Мы верим этому чертову комплексу, меняем курс и идем... м-м... на Кейптаун. Если же мы по-прежнему над Тихим океаном, то не должны промахнуться мимо Филиппин и сядем в Маниле. Полагаю, в этом случае всех нас как минимум ждет отстранение от полетов. Ваше мнение?

— Спутниковая система не может давать неверные данные, — убежденно сказал бортинженер. — Она этого просто не умеет.

— То есть ты за второй вариант?

— Да.

— Я тоже, — быстро сказал второй пилот.

Командир помедлил, прежде чем принять решение. Он с тоской смотрел на облачную кипень в двух тысячах метров под самолетом. Если бы в ней был хоть один просвет! Поди определи, что там внизу: материк или океан! Начавший летать тогда, когда о GPS и Глонасс никто еще не задумывался, командир больше привык полагаться на свои глаза, нежели на радары.

ры и спутниковые системы. Сейчас он еще не знал, что потом будет благословлять этот внезапно появившийся густой туман: не будь его, двигатели В-767 выхлебали бы последнюю каплю топлива где-нибудь над южной Атлантикой.

Пора было принимать решение.

— Хорошо, — сказал командир, — идем на Кейптаун. Пусть всех нас примут за психов. Сообщать пассажирам пока не станем.

Он чуть тронул штурвал, выводя машину на новый курс.

— Передайте кто-нибудь мне кофе.

— До Кейптауна топлива в обрез, — обеспокоенно сообщил второй пилот.

— Должно хватить. — Командир скользнул взглядом по индикаторам и, отпив кофе, добавил: — Если не будет встречного ветра.

Ветер был попутный.

Пытку одиночеством Максим Горобейчиков полагал одним из наиболее мучительных истязаний и тем не менее подвергался ей третьи сутки подряд. Обычных зевак вокруг лагеря экспедиции и близлежащего раскопа — и тех не было. Двое подсобных рабочих, уяснив, что в ближайшие пять дней их услуги не понадобятся, повесили на прикрытые пыльными пончо спины пыльные мешки со скудным скарбом и отбыли в близлежащую деревушку проведать семьи, если Максим правильно их понял. Непросто понять местных тому, кто из всего запаса испанских слов знает только «корриду», «амиго», «пульке» да еще «буэнос диас», но лучше уж быть безъязыким с людьми, чем с языком, но без людей. Без слушателей язык не язык, а инструмент для пропихивания внутрь пищи, вроде артиллерийского банника. Не в пустоту же травить байки — что ей до бак, пустоте!

Да и вообще перуанское побережье — разве это место для русского человека? Для двоих русских — еще куда ни шло, для троих русских место вообще не имеет значения, а для одного? Коммуникационное недоедание. Тоска. Сиди, слушай ветер с океана, хлопанье палатки да крики чаек... И пиво кончилось.

Максим облизнул губы и вздохнул. Еще два дня... Через два дня из Кордовы вернется основной состав экспедиции, все четверо. По правде говоря, сволочь этот Мануэль Рамирес, хоть и ученый с мировым именем. Пригласил не одного, не двоих — всех! Самолет прислал в Куско — не иначе договорился с каким-нибудь больным на голову меценатом... Хотя вполне может статься, что в Аргентине палеонтологи живут и в ус не дуют за счет государства, недаром тамошняя научная школа во всем мире почитается продвинутой и уважаемой. Может, университету в Кордове понадобилось срочно потратить суммы, отпущенные на международные контакты, — вот Рамирес и обрадовался возможности пригласить российских коллег из не менее продвинутой палеошколы, уже два месяца перекапывающих плиоценовые слои «по соседству», в южном Перу. Почему бы не сгонять небольшой самолет за три тысячи километров ради такой okazji?

Нам бы их проблемы.

Пригласил-то Рамирес всех пятерых, но ясен пень, улетели четверо. Пятый остался скучать, ковыряться помалу в раскопе, обрабатывать находки да сторожить имущество экспедиции. И этим пятым, как назло, оказался он, Максим Горобейчиков!

А с другой стороны — можно понять выбор начальства. Самый младший, единственный аспирант среди одного доктора и трех кандидатов — это во-первых. Физически крепкий, способный в случае шторма или еще какой напасти постоять за себя и имущество, — это во-вторых. Неунывающий оптимист — это в-третьих. Кого же еще оставить в лагере? Выдюжит, никуда не денется!

Максим еще раз вздохнул и подумал о четвертой возможной причине, сподвигнувшей начальника экспедиции на жестокое решение. Устали от него, от Максима Горобейчикова? А вдруг коллеги промеж себя считают его балаболкой? Что-то последнее время у всех враз находилось срочное дело, чуть только он, Максим, подсаживался к кому-нибудь рассказать анекдот или просто потрепаться за жизнь... Да нет, не может

этого быть! Он не рассказал им еще и половины того, что хотел!..

В кастрюльке над примусом булькал «привет с Родины» — гороховый супчик с копченостями. Кажется, готов. Максим вылил суп в миску, дождался, когда немного остынет, и вылез до дна. Завтрак. Суп из пакетика с пресной лепешкой из неведомо каких местных злаков. Чай с карамелью. И хватит. На одну персону нет смысла изобретать более развернутое меню.

Хлопала на ветру палатка. Две трети ее объема занимали ящики с пропитанными склеивающим раствором и тщательно упакованными для транспортировки костями плиоценовых ластоногих. Вероятно, их удастся вывезти из страны: Перу не Аргентина, на палеонтологию здесь чихали с колокольни, у этой страны с избытком хватает более насущных проблем. Говорят, местная таможня удовлетворится небольшой мздой и не чинит препятствий. Не наркотики? Кости? Ах, только по форме кости, а на самом деле пропитанные клеем куски рыхлого камня? Фосси... как ты сказал, амиго? Фоссилизированные останки? Бульона, значит, из них не сваришь? Ха-ха. Ну, грустите поживее свои кости...

Максим зевнул, потянулся и вразвалку вышел из палатки. Еще позавчера он перетащил свой надувной матрац из жилой палатки в лабораторию, ел в ней и спал. Во избежание. Хотя население близлежащей деревушки, сплошь состоящее из флегматичных, вечно курящих табак или жующих коку индейцев, вроде бы нельзя было обвинить в неудержимой тяге к воровству, но береженого, как известно, бог бережет. И Максим на всякий случай осмотрел две жилые палатки, покинутые и наглухо застегнутые. Нет, все чисто, никто ночью не наведывался...

Вот и славно.

Настроение, однако, не улучшилось. Он сходил к ближайшему раскопу, находящемуся всего в пятидесяти шагах от крайней палатки. Постоял на краю, посвистывая «не нужен мне берег турецкий», прикинул программу на день. Покопаться тут? Или в дальнем раскопе?

А вдруг действительно наткнешься на что-нибудь ценное? Потом ору не оберешься: почему самовольничаешь, не мог подождать более опытных коллег, подверг экземпляр опасности, неумеха... Это он-то неумеха? Это вот этот скелет позднелиоценового тюленя — экземпляр?! Курам на смех. Почти такой же тюлень, какие сейчас по морям плавают, неспециалист и не отличит...

Или лучше полазать, поискать новое захоронение — должно же оно быть! Пожалуй, это лучше всего. Что ж, молоток в руки, веревку на плечо — и шагом марш. Вон к тем обрываю. Пока четыре сачка отдыхают от экспедиционной рутины в Кордове — трудись, юнга, драй медяшку. Отрабатывай грант.

При воспоминании о средствах на экспедицию, предоставленных европейским Фондом развития неприкладных наук, Максим ядовито хмыкнул. Знаем мы, какой он европейский и каких наук! Это ж надо быть совсем слепым или умственно ущербным, чтобы не понять, чьи деньги вот уже несколько лет идут на раскопки плиоценовых слоев по всему западному побережью Южной Америки — и в Чили, и в Перу, и даже в Эквадоре. «Ищи, кому выгодно!» Грамотно работают ребята из НАСА по недопущению урезания бюджета своей конторы, ох и грамотно!..

Астероидная опасность! Сколько в космических просторах шляется шальных каменюк, только и ждущих случая врезаться в Землю, — это же волосы дыбом! Караул! Спасайте Землю! Мониторинг потенциально опасных объектов! Ядерное оружие — на орбиту! Самоокупаемая пропаганда опасности из космических глубин — книги, фильмы, лекции, комиксы. Нормальный пиар — кап, кап обывателю на мозги. И налогоплательщик верит и ежится, поглядывая на небо. Кряхтит, но соглашается отстегнуть денежки: валяйте, ребята, бдите и оберегайте. И Конгресс утверждает.

Поучительные примеры из прошлого Земли? Пожалуйста! Как-никак астероиды время от времени все же сталкиваются с Землей, и следы этих столкновений остаются в виде гигантских кратеров, иридиевых аномалий, а иногда и необычных за-

хоронений древних организмов. Классический пример — кратер Чиксулуб и гибель динозавров. Неужели не ясно, что одно событие напрямую связано с другим?

Ах, большинство палеозоологов считает, что не связано? Вот как? Они и разговоры об этом считают неприличными? При одном упоминании о связи между ударами астероидов и массовыми вымираниями их колдобит почище старика Ромульдыча? Вот ведь вредные очкарики... Они полагают, что динозавры сходили со сцены постепенно, а к моменту падения астероида последние семь видов и так уже дышали на ладан? Они толкуют о причинах вымирания динозавров, не связанных с самопадающим астероидом? Они (вот негодяи!) раскопали, причем на территории самих США, останки двух динозавровых фаун, переживших падение астероида на сотню-другую тысяч лет?

Да. Но их возражения можно обойти при должной изворотливости. Да и кого вообще интересует мнение очкариков? Деньги-то на раскопки они берут с охотой, а их многословные отчеты можно интерпретировать так, как нужно инвестору — истинному инвестору, а не какому-то там левому Фонду...

Максим еще раз хмыкнул и, окончательно решив, что потратит сегодняшний день на разведку, сходил в палатку за веревкой и геологическим молотком. Скальные обрывы, тянущиеся к северу от лагеря, были бегло осмотрены в первый же день и большинством участников экспедиции признаны не слишком перспективными. Но Максим так не думал.

Орали чайки. Слева менее чем в километре синел океан. Максим точно знал, что нынче непременно сбегает туда окунуться — потом, когда жгучее февральское солнце выжмет из тела все запасы пота. От океана местность полого повышалась. Травянистый склон выгорел. Справа вставали горы, вблизи невысокие, округлые, поросшие густым лесом, а далеко за ними, напоминая картины Рериха, жутко отливали синим и лиловым изломанные пики Анд. Легкий теплый бриз — и ни облачка. Вот-вот из-за хребта должны были брызнуть солнеч-

ные лучи. «Чу, Солнца жрица к нам сюда должна явиться», — пробормотал Максим и ускорил шаги.

Слева остался второй раскоп, тоже довольно удачный. Кости ластоногих. Отпечатки морских водорослей в мягком сланце. Отпечатки земных мхов бок о бок с водорослями.

Большинство тюленьих скелетов, попадавшихся в раскопах, были раздроблены еще тогда, когда на них росло мясо. Зажмурившись, Максим еще раз представил себе, как это было тогда, два с половиной миллиона лет назад. Невдалеке от берега большое, даже очень большое тюленье стадо охотится за неисчислимыми косяками рыбы, кормящейся в холодных, но богатых пищей водах Перуанского течения... жирная рыба, вкусная рыба... Благодать! А в это время гораздо южнее, в семи тысячах километров от нынешнего Перу, на шельф близ Антарктиды рушится Эльтанинский астероид... то есть он теперь назван Эльтанинским, а тогда это была просто четырехкилометровая космическая глыба-бродяга, повстречавшая на своем пути Землю и вонзившаяся в нее с несусветной скоростью. Мелкое море под собой она, конечно, расплескала, не заметив, а дальше последовал собственно удар, распыливший астероид и окружающие породы, выбивший на морском дне колоссальный кратер, удар, от которого крякнула жалобно земная кора...

Ну крякнула и крякнула, ей не впервой. С ней, корой, иной раз случались катаклизмы и похлеще, причем без всяких астероидов. Минут через двадцать, постепенно теряя силу, отдавая часть энергии океану, до этих мест дошла продольная ударная волна в базальтах, и тюлени, знамо дело, встревожились. Затем, еще минут через пятнадцать, пришла гидроакустическая волна, пошумела на узком шельфе хаотичными отражениями от берега и дна желоба — и успокоилась. Успокоились и тюлени, а зря.

Впрочем, что они могли сделать, когда километровые волны цунами уже катились наискось вдоль тихоокеанского побережья Южной Америки, мало что не перехлестывая через Анды? Удирать подальше в океан? Нет, наверно, было уже поздно...

Можно себе представить ужас несчастных ластоногих, подхваченных и вознесенных на гребень колоссального мутно-зеленого вала, неукротимо катящегося к горам! До удара о скалы, до бешеной мясорубки чудовищных бурунов многие тюлени были еще живы.

Очень недолго. Изогнувшись, вал опрокинулся, с ревом снес с прибрежных гор все, что плохо держалось, а все, что притащил с собой, швырнул себе под брюхо и накрыл сверху. Побесился, смывая холмы, побурлил и схлынул. От большинства морских обитателей, плененных им, даже мокрого места не осталось; от меньшинства остались измочаленные фрагменты; наконец, совсем уж немногочисленным трупам «повезло» уцелеть более или менее неповрежденными. Последний вал, отступая, захоронил их вперемешку с останками сухопутных организмов в ложбине под слоем обломочного материала и клейкого ила. По всему андскому побережью в плиоценовых слоях такая каша, но только здесь, в Перу, найдены заброшенные на сушу скелеты морских позвоночных — южнее в смеси сухопутного и морского материала находят лишь всякую мелочь вроде диатомовых водорослей. Оно, конечно, в Чили валы были еще выше и злее...

Вот и копаются палеонтологи в плиоценовых слоях известно на чьи денежки ради нетерпеливо ожидаемого инвестором заключения: падение астероида приведет к глобальным экологическим катаклизмам, от которых вымрут сотни и тысячи биологических видов, а уж человек с его спецификой — в первую очередь. Пока что ни одна группа исследователей не продемонстрировала столь вопиющее отсутствие научной добросовестности, чтобы подтвердить подобный бред. Нет, если лидер ядерной державы с перепугу задействует пресловутый чемоданчик с кнопкой, то в принципе все возможно — однако при чем тут биология вообще и палеонтология в частности? Вот они, наглядные следы падения Эльтанинского астероида — и что? Волна — была. Еще какая. Иридиевая аномалия соответствующего возраста — имеется. «Астероидной зимы» — не было. Выброшенная в стратосферу пыль осела за считанные недели,

если не дни. На планете не вымер ни один вид живых существ. Иное дело, что особям, оказавшимся в месте падения или попавшим под километровую волну, было... э... несколько неприятно, скажем так. Тем же тюленям. Но при чем тут глобальная катастрофа? Локальные, чисто локальные последствия, угрожающие в случае повторения отдельным группам людей, но никак не человечеству в целом...

Повторится такой катаклизм завтра — несколько прибрежных стран, безусловно, смоеет. Удар астероида «сбросит» напряжения земной коры, и раньше времени произойдет ряд землетрясений. Возможно, из-за пыли и временного похолодания кое-где погибнут урожаи. И только. Человеческая цивилизация, бесспорно, уцелеет.

Собственно, черновик отчета об экспедиции можно было написать еще в Москве, а на месте лишь дополнить. С Эльтинским астероидом специалистам уже давно все предельно ясно. Ничего принципиально нового здесь не выкопаешь, никаких принципиально новых выводов не услышит инвестор и от российской экспедиции, и опять придется ему изворачиваться, охмуря обывателя: замалчивать одно, выпячивать другое... Что ж, в следующий раз он даст денег другим в надежде, что они напишут то, что ему, инвестору, надо...

Конечно, поездка в Перу сама по себе интересна, однако Максим в который раз подумал о том, что неверно выбрал специализацию. Все-таки скучное это дело — заниматься кайнозойскими позвоночными. Если очень повезет в жизни, можно открыть и описать один-два неизвестных ранее вида, но обосновать новую концепцию — нет шансов. Ну, почти нет. Кайнозой слишком хорошо изучен, а главное, интуитивно понятен даже школьнику — чересчур похож на современность.

Если уж честно, то отпущенных «добрым дядей» денег хватило не на одну, а на две экспедиции, и вот вторая-то сейчас вскрывает в Туркмении действительно интересные слои, о чем упомянутому «дяде» знать совсем не обязательно... А ты — отработывай грант.

Э-хе-хе...

Лагерь остался далеко позади. Максим прошел шагов пятьсот вдоль сланцевого обрыва, пока не увидел место, понравившееся ему при первом осмотре. Здесь несколько крупных глыб, повисших на высоте метров шести, ждали только толчка, чтобы загреметь вниз, а под ними... под ними могло оказаться все, что угодно. Или не оказаться. Во всяком случае, Максим надеялся на лучшее.

Держась от нависающих глыб подальше, он вскарабкался на кромку обрыва — действовать сверху было сподручнее. Поднявшееся над горами солнце уже жарило вовсю. Максим взглянул на океан, заранее щурясь от слепящих бликов, и обомлел.

Бликов не было, не было поблизости и океана. За те несколько минут, что Максим не смотрел в его сторону, океан неслышно отступил, оставив на желтеющем песке бурые груды водорослей. А слева, с юго-запада, совсем как Максим только что себе представлял, наискось на берег шел мутно-зеленый водяной вал.

Нет, не километровой высоты. Пожалуй, метров пятнадцати, не выше.

Край вала кудрявился пеной, изламывался и рушился на берег. Максим видел, что там творилось. Волна была еще далеко, и пока что крики суматошно кружащихся в небе морских птиц заглушали рев взбесившейся воды.

Максим побежал.

Путаясь ногами в жухлой траве, он бежал вверх по склону, негодуя, что склон такой пологий и волна, конечно, вылизет его дочиста; он не оглядывался, боясь споткнуться. Несмотря на сумасшедший бег, дыхание не сбивалось, и ноги не уставали. Он бежал что было сил к ближайшему холму, как будто нарочно отодвигавшемуся от него, и понимал, что вал нагонит его задолго до того, как он достигнет подножия холма...

Но все-таки Максим бежал.

Один раз он все же оглянулся на бегу и увидел, как зеленая стена воды поглотила раскоп и палатки экспедиции. Теперь уже не стало слышно ни криков птиц, ни свиста ветра в ушах — лишь приближающийся рев. Ощутимо вибрировала почва.

Максим вскрикнул и надал, как спринтер. До спасительного холма было еще далеко... слишком далеко.

А значит, холму не стать спасителем.

В последний момент, уже ощущая спиной то, что, наверное, ощущает муха под опускающейся на нее мухобойкой, Максим вновь успел подумать о плиоценовых тюленях. И еще он подумал о том, что угроза гибели отдельных человеческих групп не идет ни в какое сравнение с угрозой гибели всего человечества лишь с точки зрения тех, кто не входит в эти отдельные группы...

Затем вал накрыл его. И стало темно.

Глава 2 ПО ВЕРХАМ

Личный секретарь президента был мужчиной по одной простой причине: на этом настояла жена президента. Если бы случилось так, что во всех Штатах сыскался бы только один человек, пригодный на роль секретаря, и если бы этот человек на свою беду оказался женщиной, ему — вернее, ей — пришлось бы пойти на транссексуальную операцию, дабы получить эту работу. «Он дурак, — говорила первая леди о своем супруге. — Его ничего не стоит обвести вокруг пальца. Если какая-нибудь сексапильная стерва захочет его охмурить, чтобы потом написать об этом бестселлер, — она это сделает».

Личному секретарю было двадцать девять. Помимо исключительных профессиональных качеств, он обладал удивительно подходящей внешностью: невысокий, хрупкий, чуть залысый, с незапоминающимся лицом гарвардского интеллектуала. На любом митинге, на любой пресс-конференции он служил выгодным обрамлением, рядом с ним президент казался выше, крепче и мужественнее, чем был на самом деле. Некоторые даже уверяли, что у президента волевой подбородок, почти как у Керка Дугласа. А злые языки утверждали, что не

будь рядом с президентом секретаря, этой бледной тени, он вчистую проиграл бы последние выборы.

— Дело не терпит отлагательства, — сказал один из вошедших. — Разбудите его побыстрее, Тони.

— Сегодня он спит в бандаже, — проинформировал секретарь и сейчас же проскользнул в спальню. Вообще-то полагалось предварительно постучать в дверь, но на этот раз секретарь пренебрег лишним смыслом ритуалом.

Двое вошедших переглянулись. Последнее время президент частенько спал в противохраповом бандаже — специальном корсете, мешавшем повернуться на спину и захрапеть во всю силу легких. Помогало не очень: лежа на боку или на животе, президент храпел немногим тише, зато по утрам частенько жаловался на плохой сон.

Тем лучше. Проще будет восстать ото сна посреди ночи.

Само собой разумеется, в спальне стоял телефонный аппарат, но разбудить президента телефонным звонком удавалось нечасто. К счастью, никто из репортеров, обожающих писать о том, что президент относится к своим обязанностям спустя рукава, еще не пронюхал об этом.

— Теряем время, — тихо сказал один из посетителей.

— Спокойнее, Дон, — столь же тихо отозвался второй. — Думаю, у нас есть фора. Минутой больше, минутой меньше — какая разница?

— На минуту бы я согласился. Десять минут — это уже из рук вон. Сколько нужно времени, чтобы вскочить с койки?

— Тебе или ему?

— Не понимаю, — пробормотал первый, — как он служил в армии?

— Жалеешь, что не ты был его сержантом? — подколот второй.

— Еще как.

— Можно я скажу ему об этом?

— Это будет последнее, что ты скажешь в жизни.

Оба ухмыльнулись. Пошутили — вот и ждать легче. Минут через пять из дверей спальни появился заспанный президент

в пижаме. Следом вышел секретарь и, миновав дверной проем, сейчас же подался в сторону, избегая неуместной аллюзии с конвойным и конвоируемым. Умный подчиненный сохмнит тогда и только тогда, когда этого желает шеф, причем сделает это так, чтобы не показать шефу свое превосходство в остроумии. Половина шуток, которые президент произносил с трибуны и искренне считал своими, на самом деле не была сочинена ни им, ни спичрайтерами, а принадлежала секретарю.

— Привет, Дон, — сказал президент, стараясь подавить зевок. — Как дела, Колин? Что-нибудь экстренное? Террористы...

— Террористы ни при чем, Джордж, — сказал госсекретарь.

— Что же тогда? Ну, я слушаю... Это так трудно выговорить, а?

Двое переглянулись. Оба жалели, что не условились, кто возьмет на себя труд первым проинформировать президента. И кого президент немедленно заподозрит в остром приступе умопомешательства.

— Это действительно трудно выговорить, — сказал министр обороны. — Это полный бред. Если бы не данные со спутников, я бы ни за что не поверил. Пожалуй, мне проще показать это, чем пытаться объяснить словами. — Он раскрыл папку.

— Вот и хорошо, Дон, — улыбнулся президент. — Вот и покажите. Что это?

— Снимок, сделанный сорок минут назад из космоса с высоты семи с половиной тысяч миль. Акватория Тихого океана. Узнаете? Это Антарктида.

— Да? — Близоруко сощурившись, президент ткнул пальцем в снимок. — Очень может быть. А это что?

— Новая Гвинея.

— Без сомнения, это она. А это Тайвань?

— Нет, это Филиппины. А вот тут — Гавайи.

— Мне известно, где находятся Гавайи, Дон, — сказал президент. — Гм... А это?

— Тропический тайфун. Не обращайтесь на него внимания, он достанется Японии. Главное — Антарктида.

— Гм. Вы уверены? Я вижу только большое белое пятно. Просто большая медуза. И вся она в облаках. А это что за хвост торчит?

— Антарктический полуостров, вернее, самый его кончик. Он узкий, поэтому облака над ним снесло ветром. Над остальной частью континента действительно сплошная облачность. Метеорологи считают, что так и должно быть: при контакте теплых океанических воздушных масс с холодной поверхностью всегда начинается конденсация...

— Понятно, Дон. И все же...

— Это не розыгрыш, Джордж, — вставил слово госсекретарь. — И мы не сошли с ума. Нас тоже подняли среди ночи. На данный момент Антарктида действительно находится в центре Тихого океана, нравится нам это или нет. Дон, убери к черту этот снимок, покажи карту.

Несомненно, «карта» выползла из лазерного принтера не более получаса назад. Ее качество оставляло желать лучшего, зато на ней отсутствовал облачный покров.

— Компьютерная реконструкция, — пояснил министр обороны. — Мы предполагаем, что внезапному переносу подверглась вся Антарктическая платформа, то есть материк, шельф и прилегающие острова. Аналогичный кусок океанской платформы оказался как бы вырезан из центра Тихого океана и занял место Антарктиды. Вероятно, данный «обмен» произошел спонтанно и мгновенно. Самое поразительное то, что он, по-видимому, не сопровождался сколько-нибудь значительными катаклизмами. К западному побережью идет небольшое цунами, предупреждение береговой охране уже послано. Есть связь с нашими базами на тихоокеанских островах... то есть на бывших тихоокеанских, а теперь околополюсных. В южные широты перенесло Маршалловы острова, восточную часть Каролинского архипелага, острова Лайн, Гилберта, Самоа, Фиджи, и я уже не говорю о мелких атоллах. Несколько наших крупных боевых кораблей внезапно оказались в околополюсных водах. Там ничего не могут понять. И мы, кстати, тоже.

— Так-таки и ничего, Дон? — спросил президент, разглядывая карту.

Сейчас он напоминал мудрого учителя, пытающегося заставить двух старательных, но туповатых учеников пошевелить мозговыми извилинами. Растерянный президент — это нонсенс. Снимать привычную маску ради ближайших помощников — чересчур хлопотно. Проще и надежнее позволить маске прирасти накрепко и навсегда.

Журналисты называли его простоватым тугодумом. Он не был согласен с таким определением, но на публике нередко подтрунивал над своим невысоким IQ, обезоруживая самых безжалостных злопыхателей. Всем известно, что дурак, сознающий, что он дурак, на самом деле далеко не глуп. Имиджмейкеры недаром ели свой хлеб.

— Мы пока ничего не можем сказать о причинах феномена, — уточнил министр обороны. — Надеюсь, что когда-нибудь мы получим ответ, но вместе с тем убежден: данный вопрос не является сугубо срочным. Сейчас для нас куда важнее не причины, а следствия и перспективы, вытекающие из нового положения материка.

— Антарктида в Тихом океане, — сказал президент и зевнул. — Сума можно сойти. И смотрите, как раз посередине. Как нарочно. Это что же, бывший полюс теперь на экваторе, да?

— Совершенно верно. Континент перенесся без вращения на девяносто градусов широты. То, что было полюсом, теперь находится на экваторе, а Антарктический полуостров направлен в сторону Эквадора и Перу. Вопрос об антарктических островах пока остается открытым, но мы это выясним в ближайшее время.

— А люди? — спросил президент. — У нас же там... э... научные станции, верно?

— Пока мы располагаем свежей информацией только со станции Мак-Мёрдо. Пострадавших нет. Можно предположить, что и на других станциях... словом, мы скоро это узнаем. Думаю, все в порядке.

Президент кивнул с видимым облегчением. Улыбнулся. Нет трупов — уже хорошо. Американские трупы — плохие трупы и для президента всегда дурно пахнут.

— Обратнo она не перескочит? — проговорил президент. — Я имею в виду на свое прежнее место?

— С чего бы? Впрочем, такая возможность не исключается. Мы следим за ситуацией.

— Полагаю, надо послать разведывательные самолеты? — спросил президент.

— Они уже в воздухе. Кроме того, перепрограммированы два спутника, ведется усиленная радиоразведка, на Оаху готовится к выходу в море гидрографическое судно. Свежая информация поступает непрерывно. Через полчаса-час мы будем иметь достаточно полную и подробную картину, чтобы принимать решения. Пока же предлагаю обсудить создавшееся положение, так сказать, в узком кругу: вы, я, Колин и Кондолиза, она будет здесь через пять минут... как-никак дело касается национальной безопасности. Пожалуй, все.

— Еще пресс-секретарь, — сказал президент. — Мы должны успокоить нацию.

— Разумеется.

Личный секретарь президента, застывший в некотором отдалении, подумал о том, что на этот раз нация, пожалуй, прекрасно обошлась бы и без успокоения. Для большинства американцев атаки террористов и биржевые котировки — вполне достаточная причина, чтобы не обращать серьезного внимания на игривый прыг-скок малообитаемого ничейного материка. Скакнул, никого не угробив, — ну и пусть себе резвится, никому от этого ни горячо, ни холодно.

Составить речь — не труд: мы мирная нация, с оптимизмом смотрящая в завтрашний день (спорный тезис), президент уверен в непоколебимой стойкости своих сограждан (он и в своей-то никогда не был уверен), ситуация временно вышла из-под контроля, однако контроль уже восстановлен (гвоздями, что ли, Антарктиду приколотить, дабы отучить прыгать?), мы готовы отразить угрозу своей безопасности (ага, сбить ра-

кетой «Пэтриот» остров Борнео, если ему вздумается свалиться на Капитолий), тем не менее мы будем молиться Всевышнему (полезное занятие, а еще можно в бубен постучать), упоывая на неизменное великодушие Создателя, да свершится Его воля, аминь. Можно еще призвать нацию к сплочению, это никогда не вредно.

Другой президент произнес бы такую речь экспромтом, да много ли в ней толку? Какую речь ни напиши, окружение президента четко разделится на две группы. Одна займется прагматичной геополитикой, другая будет принуждена играть роль буфера между нею и общественным мнением: реагировать на протесты обществ охраны животных, пекущихся о здоровье пингвинов, убеждать сектантов, гиперпатриотов, противников абортотворцев и прочих сумасшедших недоэкстремистов в том, что перемещение тектонических плит не имеет ничего общего с их идиотской деятельностью... Никчемный сизифов труд, утомительный и заведомо безрезультатный.

Ничего этого секретарь, разумеется, не произнес вслух, но на один миг привычное тайное презрение к президенту сменилось в его душе сочувствием.

— Договорились, Дон. Жду вас в Картографическом кабинете... скажем, через четверть часа. Надеюсь, к тому времени появятся новые данные. — Президент зевнул. — Пойду приму приличный вид. Ну и ночь, пропади она совсем...

— По-моему, он так и не поверил до конца, — тихо сказал госсекретарь, когда президент удалился.

— А какая разница, Колин? — возразил министр обороны. — Поверил он или нет, но попотеть ему придется, это как пить дать. Да и нам с тобой тоже.

Он принужденно улыбнулся, прежде чем добавить:

— Если честно, мне самому хочется ущипнуть себя. Надо же — Антарктида...

Солнце, воздух и... нет, не вода, совсем не вода, а снег. Сверкающий под февральским солнцем снег, укатанная выровненная трасса и горные лыжи. Горные пики. Горный воз-

дух. Стрекочущий в синеве вертолет наблюдения. Немного раздражает, но пусть следит за перевалами, предосторожность не лишняя. Вчера в ста километрах отсюда спецназ запер в ущелье бандформирование человек из восьмидесяти, по нему работают из всех видов. Похоже, на этот раз уделают всех, хотя прорыв, как всегда, не исключен.

Холуи не советовали ехать сюда, мало ли что... Дудки, пусть другие прячутся от террористов по авиабазам. Пренебрег, приехал. Наверняка в «Куклах» по этому поводу изобразят поставленный на горные лыжи переносной сортир для бандитомочения... Ерничают, но уважают. А что, разве лучше быть обвиненным в трусости, чем в безответственности? Ну то-то. У нас — никогда. Предшественнику за бесшабашность прощалось и не такое, люди выли от восторга, когда он полез на танк. Потом, правда, стали подвывать уже не от восторга... Но все равно хотали до слез и сквозь слезы над глупым ирландским премьером, напрасно прождавшим у трапа самолета. Знай наших!

Президент усмехнулся про себя — так, чтобы на лице ничего не отразилось. Холуи глупы... Тщатся обозначить свое никчемное присутствие, проявить заботу о безопасности президента — можно подумать, им известно о безопасности больше, чем ему самому! На самом деле шанс нарваться на пулю здесь несколько не выше, чем в любом другом месте. Были бы заинтересованные серьезные силы, а снайпер найдется. Кто из лидеров уцелел, имея таковые силы против себя? Один де Голль, пожалуй. Редкостно везло его охране... ну и ему, понятно, тоже. Рейгана — смех! — пытался завалить недоросль из пукалки двадцать второго калибра...

Президент погасил невидимую усмешку. Мысленно встряхнул головой, отгоняя несвоевременные мысли. Не нужно их сейчас. Солнце, горы, снег. Никого и ничего лишнего. Что может быть лучше? Хотя бы два, нет, даже один день настоящего, полноценного отдыха без бумаг, без людей, без проблем, требующих незамедлительного решения...

Скорее всего так не получится. Почти никогда не получалось. Неотложные проблемы найдут президента в Красной

Поляне с той же неизбежностью и почти с той же скоростью, как и в кремлевском кабинете. Махни отдохнуть в Сочи, в любимую Чупу Шуйскую, куда угодно, хоть погрузись в батискафе на дно океанской впадины, хоть уйди в медитацию и в позе лотоса созерцай собственный пуп — все равно достанут и из впадины, и из медитации. До обидного мало инициативных исполнителей, все приходится решать самому. Почему в России всегда так: преданных дураков пруд пруди, а если человек умен, то за ним нужен глаз да глаз? Где командные игроки, не работающие втайне на чужого дядю, не гребущие под себя обеими граблями?

Да гребни, шут с тобой, но оправдывай греблю, не будь лукавым холопом, будь человеком государственным! Где Потемкины, Горчаковы и Лорис-Меликовы? Ау! Теперь такие наверх не всплывают, всплывает всякая мелочь и сволочь. Может, умные, преданные и готовые рискнуть головой не ради себя — ради страны, только при монархии и произрастали? Сколько раз об этом думано. Может, демократия с ее выборностью органически не может не плодить временщиков? Хотя нет, вряд ли. Вон у американского коллеги вполне приличная команда, аж завидно...

Легонько оттолкнувшись, президент начал спуск по трассе. Краем глаза разглядел телеоператора, сделал вид, что не заметил. Черт с ним. Трасса «чайниковая», сенсации с кувырканием лидера страны по типу «голова-ноги» не предвидится. И пускай, увидев на экране съезжающего президента, мастера презрительно бросят: «Постыдился бы!» Будто он сам не знает, что и палки держит не так, как у мастеров принято, и поворот у него корявый, и сам-то он классический чайник. Ну и что? Собака лает, а караван идет, и рейтинг президента высок, как никогда. Нет, было бы забавно в частном порядке пригласить одного-двух горнолыжных злопыхателей продолжить спор... на татами. Много вы видели людей, господа, которые и на лыжах съезжают, и истребитель пилотируют, и имеют седьмой дан... ну хорошо, если по-честному, то третий, но и его поди заработай. А много ли вам известно таких, которые при всем том еще

и президенты большой страны? Только один и известен? Ответ верен, ставлю «отлично», приглашайте следующего.

Так получается, что спорт для президентов, будь то теннис, бег трусцой, дайвинг или ловля лосося нахлыстом, — не самоцель и даже не средство поддерживать себя в сносной форме, а попросту удобный способ хотя бы ненадолго остаться в одиночестве, очистить голову от проблем, подумать о какой-нибудь ерунде, а то и вовсе ни о чем. Как раз в такие минуты в голову ни с того ни с сего приходят удачные мысли. Зря нынешний американский коллега увлекается гольфом — глупый это спорт, ходьба да болтовня о тех же, как правило, проблемах...

Оп!.. Вынесло на перегиб, поджался, чуть-чуть даже пролетел по воздуху. Теперь немного притормозим и обработаем поворот... Ага, получилось. Нет, разгоняться мы не будем, сделаем это в следующий раз, а пока просто продлим удовольствие...

Трасса все равно кончилась быстрее, чем хотелось. Внизу стояли охранники, и один из них молча протягивал радиотелефон. Опять что-то неотложное...

— Да! — бросил он в трубку.

— Господин президент! — Он узнал взволнованный голос секретаря. — Пожалуйста, не поднимайтесь на гору. Только что получено сообщение чрезвычайной важности. Я сейчас направляюсь к вам...

Понятно. Разговор не телефонный. Президент мысленно чертыхнулся и заставил себя не смотреть на ползущую канатку. Кажется, с лыжами на сегодня покончено...

— Если я сам прибуду, это упростит дело?

— Очень, господин президент.

— Ждите.

Лыжи — в сугроб. Машина уже заведена, дверца услужливо распахнута. Пешком до оборудованного под резиденцию альпийского домика всего ничего, но на колесах секунд на тридцать быстрее, проверено.

Секретарь ждал при входе. Физиономия его была растерянной и, пожалуй, глупой. Так мог бы выглядеть суровый за-

вуч, уличенный в стрельбе из рогатки по воробьям, либо профессор астрономии, проигравший спор на желание: объявить на научной конференции, что Земля стоит на трех китах, а звезды намертво приколочены к хрустальной сфере.

Проходя в кабинет, бросил «слушаю». Выслушал. Дважды вперился в лицо секретаря — непробиваемая маска, а не лицо. Нарочно говорит деревянным, без всякого выражения голосом, и легко понять почему. Кому охота выглядеть идиотом. Не виноват, но пытается оправдаться хотя бы тоном: мол, не я это все устроил и не я обнаружил, я тут ни при чем, я только передаточное звено, не бейте по голове...

Усмехнулся — опять про себя. Спросил:

— Это точно?

— Подтверждено данными со спутников, сигналами бедствия с иностранных кораблей и самолетов. Из Чили и Новой Зеландии поступили сообщения о цунами средней силы. Есть сообщение с американской антарктической станции Амундсен-Скотт. Капитан судна «Зина Туснолобова», находящегося в районе Маршалловых островов, сообщил о внезапном изменении координат... судно находится сейчас на восемьдесят первом градусе южной широты, по-видимому, вместе с островами...

— Когда это произошло?

— Два часа пятьдесят минут назад.

Так, подумал президент. Медленно, медленно работаем. Нет сомнений: американцы опережают часа на два... два часа уже на ушах стоят.

— Есть ли сообщения о катаклизмах на нашей территории?

— Пока не поступало.

— Докладывайте мне немедленно, если поступят.

Чуть-чуть отлегло от сердца. Катастрофы на российской территории в довесок к прыгающему континенту — это уже лишнее, не надо их... Почему-то у нас всегда так: стоит лидеру со скрипом повернуть государственный руль — неожиданные катастрофы сыплются как из рога изобилия, один Чернобыль чего стоит. У народа крыша съезжает с понятными последстви-

ями. А четыре года неурожая при Борисе Годунове? Мало ли, что давно это было! Для государственной власти нет слова «давно», законы ее всегда одни и те же. Власть — она и в Африке власть, и в шестнадцатом веке.

Стабильность нужна, стабильность. И цены на нефть чтобы не падали. Тогда лет через двадцать можно будет делать настоящие дела на мировой арене, не увязая по уши во внутренней политике, а главное, имея крепкий тыл — подрастет новое, внушаемое поколение. Без непомерной армии интеллигентов и полуинтеллигентов с обязательной фигой в кармане. Вырастет стадо кичливых, сытых, самодовольных болванов, которым так легко внушить, что они свободны, и которыми так легко управлять. Безопасен раб, воображивший себя одним из господ.

Пока еще в стране чересчур много умников. Не верящих. Рассуждающих. Кто широко образован и не прикормлен, тот всегда опасен. Нельзя всех их взять на службу, да не все и пойдут. Пьяный люмпен лучше: то, чего ему хочется, можно разрешить без ущерба для Власти.

Нужно время. Страна станет иной. Жаль будет, если достанется она уже преемникам...

Пронесет нынешний катаклизм мимо России — все равно хлопот не оберешься. Коммунисты поднимут вой: мол, у президента не все под контролем, да и вообще чего хорошего можно ждать от антинародной власти? Много они сами пеклись о народе... Свались завтра Луна на Землю — ответственность ляжет на президента: почему не удержал? Как будто президент отвечает за нарушение физических законов.

— Только Антарктида? — спросил он, помолчав.

— Пока только она одна. — Секретарь мгновенно уловил, куда клонит президент. Если материки начнут скакать туда-сюда, как блохи... Господи, пронеси, не надо!

Скакнул только один, притом обледенелый и по большому счету никому не нужный, — этого уже более чем достаточно. Политический катаклизм превзойдет размахом катаклизм природный.

— Причина? — спросил президент, подняв бровь.

Секретарь едва заметно развел руками.

— Пока не установлена.

— Узнайте, кто в Академии наук ведущий специалист по геофизике, свяжитесь с ним немедленно. Также и с его научными противниками. Их мнение мне нужно знать уже сегодня, хотя бы в виде сугубо предварительных соображений. Для прессы: президент прервал отпуск и возвращается в Москву. Пусть подготовят самолет. Пока никаких публичных выступлений не будет. Впрочем, подготовьте черновик, я потом посмотрю. Лейтмотив: Россия не намерена вмешиваться в потенциальный конфликт... хотя нет, о конфликте не надо... Россия далека от намерений извлечь одностороннюю выгоду из создавшегося положения, войска — это подчеркните особо — не приведены в повышенную боеготовность, мы ждем от всех заинтересованных стран точного выполнения положений Вашингтонского... э... какого года?

— Пятьдесят девятого, господин президент.

— ...Вашингтонского, тысяча девятьсот пятьдесят девятого года, договора о статусе Антарктиды. Точка. Текст договора найдется?

Секретарь оказался на высоте — текст был. Свежеотпечатанный на принтере. Быстро и цепко, как умели немногие, президент пробежал глазами документ. Ага... указан сам материк, перечислены попадающие под договор острова, и никакой географической привязки в виде широт и долгот. Стало быть, договор никак не может утратить силу автоматически...

Уже кое-что. Хотя ясно: это только отсрочка. Любой договор перестает соблюдаться, как только перестает быть выгодным. Но можно поволынить, потянуть время демаршами и апелляциями к так называемой мировой общественности... никто не знает, что это такое, но все к ней апеллируют... Все равно ясно, чем это кончится рано или поздно, но пусть лучше Штаты проглотят бесхозный континент поздно, нежели рано.

Может, под шумок и мы свой кусок пирога урвем — невкусный пирог, признаться, без него бы расчудесно обошлись, но не оставлять же другим! А хорошо, что при «танкисте», пэнэмаэш, мы из Антарктиды не ушли, не забывали выделять зимовщикам копейки, пэнэмаэш... Миллионы надо было давать, не жалея, новые станции строить десятками, столбить каждый ледник, на каждого тюленя бирку навесить — российский тюлень! Пусть российский криль жрет только законная российская треска, а чужую — взащей!

Смеялись бы над нами — да на здоровье! Всем известно, кто хорошо смеется... Ну ничего, главное, наши там есть. Пусть мало. И сейчас еще не поздно занять кое-что явочным порядком. Как «танкист» в Косово, пэнэмаэш. Заставим с нами считаться. Надо будет — пингвинов соберем, пусть попросят о протекторате России над какой-нибудь Землей королевы Мод...

— Есть ли официальные обращения из-за рубежа? — спросил президент. Секретарь покачал головой. — Неофициальные? Тоже пока нет? — Кивнул. — Ну хорошо.

На самом деле ничего хорошего в этом не было. Дождаться звонков или самому позвонить американскому и китайскому коллегам, прозондировать их позиции? Ладно, немного выждем, время пока терпит. Позвонить можно и из самолета.

— На восемнадцать ноль-ноль назначаю экстренное совещание Совета национальной безопасности, — сказал президент. — Известите всех... Что? Он все еще в Иркутске? Пусть вылетает немедленно... Как скоро можем выехать мы?

— Распоряжения уже отданы. Через пять минут можем ехать.

Кивнул. Отметил, что секретарь очень доволен собой: понимает, что угадал и угодил. Улыбнулся ему одними глазами. Не выдержал — взглянул напоследок в окно на сверкающий снежный склон с очень хорошо подготовленной трассой.

И подавил вздох.

Глава 3

АНТИМАГЕЛЛАНЫ

Все-таки древние не зря назвали этот океан Тихим. Четвертая неделя идеальной погоды, четвертая неделя идеально-го ветра.

Сказка. Курорт.

После сложнейшего по всем параметрам перехода через Индийский команда блаженствовала и, разбившись на две вахты, попеременно отсыпалась. Нужный коридор с попутным пассатом давно был найден двумя с небольшим градусами севернее экватора, и устойчивый фордак равномерно влек яхту на восток. Раз в неделю показывался судейский катер, оставлял по курсу плотик с припасами. Плотик с гиканьем вылавливали, перегружали припасы на борт, а взамен выгружали севшие батареи и пакеты с мусором — у босса этой безумной гонки были какие-то тесные связи с экологами, поэтому капитану «Анубиса» строго наказали: даже окурки за борт не бросать!

Вот интересно: гадить за борт можно, а бычки бросать — ни-ни! Хотя, с другой стороны, продукты человеческого метаболизма — суть естественная для океана органика. Кит нагадит — куда там человеку. А пластиковые бутылки или окурки — чужеродная дрянь и планктону не по зубам. В сигаретных фильтрах, говорят, какую-то химию последнее время применяют. Или не последнее, Юрий не разбирался. В экипаже курили все: Олег Баландин, Мишка Брылев по прозвищу Нафаня, капитан Юрий Крамаренко и его напарник по вахте Женька Кубицкий (Большой). Большим Женьку называли потому, что в родном Николаевском яхт-клубе имелся еще и Малый Женька, причем Малый — это была настоящая фамилия. Так и повелось: «Женьку видел?» — «Какого, Малого?» — «Нет, Большого!»

Юра задумчиво сплюнул за борт и покосился на компас.

— Хорошо идем! — сказал Женька и довольно причмокнул.

— Хорошо...

Родимый допотопный компас Баландин и Женька притащили со своей многострадальной «Асты», третий год терзае-

мой бесконечным ремонтом. И парусов с «Асты» взяли на всякий случай — штормовой комплект, хотя у Юры на «Анубисе» таковой, конечно же, имелся. Да много чего взяли — Нафаня с «Косатки» тоже немало прихватил. Но почему-то дороже всего после старта стал им этот компас — металлическая полусфера с прозрачным оконцем, под которым лениво шевелилась магнитная стрелка. Выпуклую крышку полусферы можно было приоткрыть, словно дверцу, и поставить внутрь горящую свечу. Дверца защищала свечу от ветра и случайных брызг, а огонек позволял пользоваться компасом даже ночами.

Женька задрал голову, провожая взглядом здоровенную белую чайку. Неправдоподобно здоровенную.

— О, гляди! — сказал он воодушевленно. — Наверное, альбатрос!

Юра тоже покосился на птицу.

В тот же миг альбатрос (или чайка, черт их разберет тут на экваторе) вдруг дернулся, словно подстреленная из рогатки ворона, разинул клюв, сложил на мгновение крылья и, протяжно хрипя, стал валиться к волне.

— Ух ты, — поразился Женька.

В следующий миг альбатрос опомнился, сильно замолотил крыльями и кое-как выровнял полет, зато из воды, вспенив поверхность, полезла стая летучих рыб.

Первое время непривычный к экваториальным водам экипаж даже нервничал от всех этих радостей. Потом поосвоился. Но такой огромной стаи за два месяца регаты они еще не встречали.

— Чё это с ними? — пробормотал с недоумением Юра.

Женька, опомнившись, подобрал брасс, а то спинакер начал было слегка заполаскивать. Юра тоже подработал рулем и привычно уже покосился на компас.

В океане курс держать — это не на лимане, когда вечно лишь вдоль берега. Тут ориентиров нет, только вода. Одна надежда на компас. Первое время, как сказали с судейского, «Анубис», подобно всем новичкам, заметно рыскал на курсе. А потом ничего, освоился экипаж.

Ко всему ведь привыкаешь.

Регату-кругосветку для малотоннажных яхт практически сразу нарекли «гонкой самоубийц». Так оно, в сущности, и было, ибо максимум, что «Анубис» мог выдержать, — это семи-, ну восьмibalльный (если повезет) шторм. А сложности начинались уже с шестерки, когда ветер начинал рвать с гребней белесую пену и полосами вытягивать ее поперек волн.

Сумасшедший русский миллиардер Денис Шимашевич, папа «гонки самоубийц», гарантировал участникам только две вещи: солидное вознаграждение после финиша и спасение экипажа — только экипажа, не яхты — в случае жестокого шторма.

Николаевцы купились, ибо риск того стоил. «Анубис» вместе со всем такелажем и вооружением по максимуму тянул тысяч на двадцать — двадцать пять зеленых американских рублей. В Николаеве больше чем за пятнадцать продать его было нереально, разве что в Одессе. Или каким залетным москвичам-питерцам.

Все участники гонки подписывали специальную бумагу — дескать, пускаются они в эту авантюру добровольно, без принуждения, и снимают с организаторов регаты всякую ответственность за возможные эксцессы и несчастные случаи. Ну а в случае успешного завершения гонки получают по пятьдесят тысяч безоговорочно и финишные бонусы, тоже немаленькие, в зависимости от занятого места. Даже последнее место оправдывало эту авантюру с головой. Да и от спонсора, пивного концерна «Оболонь», кое-что перепало бы в любом случае. Поэтому экипаж молился и ежевечерне пил за погоду. Единственное, что могло помешать благополучному финишу, это озлобленность океана, шквальный ветер и чрезмерно высокие волны. Буря, непредсказуемая и слеподырая.

Но океан пока оправдывал свое название.

На старт вышло сорок три яхты. Со всего бывшего СССР и только с него — таково было железное условие Шимашевича, хотя просились и голландцы, и шведы, и израильяне, и еще черт знает кто.

Израильтян Шимашевич пустил — те убедительно доказали свою причастность к СССР: все эмигрировали в конце двадцатого века с шестой части суши на землю обетованную. Еще Шимашевич допустил к гонке болгарский экипаж, сказав, что Болгария, мол, тот же совок был в свое время, а болгарские слоны испокон были лучшими друзьями российских слонов. Капиталистов же отшил всех до единого. «Вы и так жирные, чтоб я вам еще бабки платил, — заявил Шимашевич. — На фиг всех».

Старт дали на Занзибаре. В Индийском гонку потрепало, но выбыла всего-навсего одна яхта, ребята из Туапсе. Команду «Анубиса» первое время страшно бесили сумасшедшие тропические ливни, разражавшиеся с регулярностью ежедневного курьерского поезда. Но, невзирая на новое для себя окружение, «Анубис» добрался-таки до первого промежуточного финиша в Сурабае; из теперь уже сорока двух яхт они пришли восьмыми — результат очень даже неплохой. Лидировали, как ни странно, горячие эстонские парни из Сяэре, что на острове Сааремаа, веселый киевский экипаж и яхтсмены из Астрахани.

От Сурабаи до самых Филиппин, где некогда сложил буйну головушку ловец удачи Магеллан, идти было несложно: начался лоцманский этап, сначала через Зондский пролив; потом морем между Явой и Калимантаном, потом вдоль западных берегов Сулавеси и на Минданао, в порт Давао. В Зондском вволю полюбовались на темный конус бабахнувшего в позапрошлом веке вулкана Кракатау. Впереди яхты всегда маячил катер с флажком на топе, так что с курса сбиться мог только полный идиот. Но в Тихом снова пришлось полагаться только на себя.

Этап назывался «Антимагеллан» — океан гонка пересекала в направлении, противоположном первой на Земле кругосветке. Как и тогда, старушка-планета смилостивилась над идущими в неизвестность моряками и в меру сил радовала погодой. Ровный пассат и встречные завихрения от могучего экваториального течения влекли растянувшуюся на несколько сотен ки-

лометров гонку к западным берегам Америки, и, по уверениям вралей-синоптиков, такая же тихая погода прогнозировалась как минимум на две-три недели, а то и дольше. Против «и дольше» не возражал, наверное, ни один участник «гонки самоубийц», включая папу Шимашевича.

Строго говоря, сам Фернан де Магеллан шел совсем не так, что и понятно: Панамский канал в XVI веке существовать никак не мог. По слухам, Шимашевич сначала хотел проложить курс регаты в точном историческом соответствии — через Магелланов пролив или, если чилийцы упрутся и запретят, в обход мыса Горн. Пожалуй, тут бы «гонка самоубийц» и закончилась: обогнуть упомянутый мыс, двигаясь с запада на восток, и при этом уцелеть — невероятная удача для малотоннажника. А для сорока двух малотоннажников? Да и Магелланов пролив совсем не сахар. В конце концов Шимашевич дал себя уговорить изменить маршрут: гарантировать участникам гонки спасение на подлинном пути Магеллана не мог даже он.

Пестрый пузатый спинакер с красочным логотипом «Оболони» трудолюбиво тащил «Анубис» на восток. Океан пронзительно синел — такого потрясающего цвета никто раньше не видел. Даже в Индийском — там вода выглядела гораздо темнее. Юра сидел по левому борту на руле, Женька валялся по правому, лениво удерживая брасс. Стаксель не поднимали уже с неделю — все равно не работал под спинчем, а грот, полностью растравленный, работал вполне.

Проснулся Нафаня, выбрался из кубрика, рефлекторно зыркнул на компас, потом на небо, потом на море, где продолжали почему-то бесноваться летучие рыбы, и вполголоса буркнул:

— Буэнос утрос...

— Как спалось? — поинтересовался участливый Женька. Подобно всем крупным людям, он был заметно добродушнее, нежели могло показаться с виду.

— Нормально. Только фигня какая-то приснилась, аж проснулся...

Нафаня побрел к вантам, отлить.

Проснулся и Баландин.

— Привет, мужики... Блин, пурга какая-то снилась, блин! Он часто дышал, словно после стометровки. Не иначе — последствия приснившейся пурги.

— О! — заорал Нафаня, навалившись на ванты грудью. — Глядите!

Лоснящееся черное с белыми отметинами на боках тело на несколько долгих секунд вознеслось над волнами и, подняв тучу брызг, вновь рухнуло в соленую свою обитель.

— Косатка, чтоб я сдох! — восхищенно выдохнул Юра. — Нафаня, это специально для тебя небось! Ты ж у нас единственный из экипажа Дядика.

— У нас «Косатка» не в честь рыбы, — пояснил Нафаня, — а в честь ласточки.

— Косатка — не рыба, косатка — дельфин. Только хищный, — со знанием дела поправил Баландин, в свою очередь наострившись к вантам.

— Так обычные дельфины тоже хищники, рыбу же жрут, — резонно заметил капитан.

— Ты мне мозги не парафинь дельфинами! — с деланным высокомерием отбрыкнулся Баландин. — К тому же ласточка с буквой «а» пишется.

— По-русски — с «а», — равнодушно уточнил Нафаня. — А у нас — по-украински написано!

— А... — понял Баландин. — Тогда ладно.

— Чего только в длинной гонке не узнаешь! — вздохнул Большой Женька. — Сто раз с вами ходил и не знал...

«Анубис» величаво скользил по водной глади, лениво взбираясь на пологие синие холмы и так же лениво скатываясь в неглубокие между ними ложбины.

Через какое-то время заскучавший Кубицкий изъявил желание сварганить обед, поэтому на брасс упал Нафаня, а Баландин принялся помогать Женьке. Через полчаса поползли бередящие обоняние ароматы, на камбузе аппетитно шкворчало. Пиликал радиоприемник, извергая некую восточную какофонию, которую наивные азиаты полагали музыкой. «Идеаль-

ный звуковой фон для работы, — объяснил как-то Женька. — Не грузит и не мешает». Остальные не возражали.

Летучие рыбы вскоре унялись — перестали выпрыгивать огромными стаями. Косатка тоже больше не показывалась, только давешний альбатрос парил чуть в стороне справа по борту. Пикировать он тоже перестал.

Женька уже раскладывал снесь по боевым, пережившим не один поход (правда, не такой грандиозный) алюминиевым тарелкам, когда Мишка вдруг, вытягивая шею, принялся глядеть вперед, на что-то скрытое от капитана пузом раздутого спинакера.

— Что там, Нафаня? — спросил Юрий.

Он все еще боялся океанских сюрпризов. Отсутствие опыта заставляло нервничать даже по пустякам.

— Не пойму, — ответил Мишка. — Что-то белое прямо по курсу. И тучки какие-то на горизонте поползли.

— Подержи-ка руль. — Юрий встал.

Баландин, не дожидаясь просьбы, вынул из рундучка бинокль и молча протянул капитану.

С полминуты Юрий разглядывал море впереди.

— Тоже не пойму, — объявил он. — Скоро подойдем.

Минуты шли, «Анубис» ходко тянул навстречу загадке.

— Бумага, что ли? Или скатерть какая-нибудь?

— Откуда тут бумага? — спросил Нафаня.

— Да мало ли? Обронил кто-нибудь.

— А может, водоросли? — несмело предположил Баландин, тоже выбравшийся на палубу.

— Разве бывают белые водоросли? — усомнился Юрий.

— Черт их знает, — вздохнул Баландин. — У нас — не бывает точно. А тут...

До белого пятнышка осталось метров тридцать; и было оно не таким уж маленьким.

— Левее возьми, — скомандовал капитан.

Нафаня послушно шевельнул румпелем; «Анубис» чуть заметно отклонился.

— Братцы, — дошло вдруг до капитана. — Да это же льдина!!!

Неровная, оплывшая по краям глыба обыкновеннейшего льда осталась справа по борту, а секундами позже заколыхалась в кильватерной струе.

— Лыдина на экваторе?

— Наверное, с судейского катера сбросили, — авторитетно заявил Нафаня. — Скоро растает. Эх, жаль пленка кончилась, сфоткать бы!

— А откуда на катере столько льда?

— Да мало ли, — фыркнул Нафаня. — Холодильник, к примеру, размораживают.

Капитан передернул плечами и вновь поднес к глазам бинокль.

— Мамочки, — остолбенел он.

— Что?

— Что? — наперебой всполошился экипаж.

— Сами поглядите.

Впереди, снова точно по курсу, вставала целая гора. Белая, ослепительно сияющая на южном солнце. А между нею и «Анубисом» виднелось десятка три льдин поменьше.

— Это тоже из холодильника? — с иронией обратился к Нафане Юрий.

Он уже снова стоял на руле, отдав бинокль команде.

Никто не ответил.

Одна из небольших льдин осталась по левому борту; что-то черное шевельнулось на ней.

Баландин поглядел в бинокль.

— Ёлы-палы, — сказал он ошарашенно. — Это пингвин! Чтоб я сдох — настоящий пингвин!

Если бы Олег Баландин как следует разобрался в пингвинах, он бы уточнил, что это пингвин Адели.

А еще дальше впереди, за целой россыпью льдин разной величины, вставала сплошная стена белесого-белесого, плотного-плотного тумана.

Капитан зябко передернул плечами, только тут сообразив, что ему действительно холодно.

Спинакер громко шлепнул и заполоскался.

— Ветер меняется, — забеспокоился Женька Большой. — В бейдевинд уходит...

— Спинакер майна! — без колебаний скомандовал капитан. — Стаксель вира. И давайте-ка левым галсиком, а то в айсберг вмажемся еще ненароком. Олежка, захвати свитерок заодно. Зябко что-то...

Здоровенный столовый айсберг медленно дрейфовал на встречу — наверное, гонимый изменившимся холодным ветром. «Анубис» закрепился и изменил курс, капитан привычно отметил отклонение по компасу.

— Экватор называется, — с отвращением пробурчал из кубрика Баландин. — Холодрыга, пингвины...

Ветер изменился не зря — стекающий с ледяного купола Антарктиды холодный воздух подкорректировал экваториальные пассаты как по направлению, так и по температуре. Многотысячекилометровая глыба материка окутала берега непроглядным туманом. Кроме того, она стеной стала на пути теплового экваториального течения. В годах устоявшийся котел, где варилась местная погода, плеснули вдоволь нового ингредиента, чтобы не зря прозванный Тихим океан нахмурился не на шутку.

Судейский катер появился ближе к рассвету, когда проклятый туман успел осточертеть всем стократно. Команда, натянувшая куртки и свитера, услышала хорошо знакомую сирену. Значит, их запеленговали в этом отвратительном влажном киселе и можно было больше не сидеть поочередно на самом носу с отпорником в руке, дабы не вмазаться в очередную льдину.

Катер вынырнул из тумана, словно корабль-призрак.

— «Анубис»! — Зычный голос одного из судей, хорошо знакомого николаевцам Палыча, земляка, звучал как из бочки. Глухо и сдавленно.

Но как же он всех порадовал! Нервная ночь, полная неизвестность, и лед, лед кругом — откуда, скажите на милость, лед на экваторе?

Нервничали все — и капитан Крамаренко, и Женька Большой, и всезнайка Баландин, и даже рубаха-парень Нафаня,

которого наверняка не выбил бы из колеи и снова взорвавшийся вулкан Кракатау в Зондском проливе.

— Здесь мы, Палыч! Здесь! — надсадно заорал в ватную волгую взвесь капитан.

Женька посигналил для верности фонарем, но на катере их уже и так заметили.

Рулил незнакомый мрачный тип со шкиперской бородкой, а Палыч и один из хлыщеватых подручных Шимашевича стояли, вцепившись в носовой релинг и глядя вперед. Оба были в современных ярко-оранжевых куртках с полосами светоотражателя и вязаных шерстяных шапочках.

— Что тут у вас? — первым делом поинтересовался Палыч.

— Да нормально, в среднем. Лодка цела, такелаж тоже. Всю ночь отпорником льдины распихивали...

— Это льдины нас распихивали, — поправил Баландин. — Новый вид спорта: помесь парусного и лыжного, ёлы-палы!

— У вас одежда теплая есть? — Палыч все еще тревожился.

— Обижает, Палыч. Конечно, есть. Хоть и холодрыга на их хваленном экваторе, но мы-то не из Новой Гвинеи какой-нибудь!

Команда и впрямь щеголяла в разномастных свитерах, распахнутых штормовках, тренировочных брюках и бейсболках.

Катер тем временем подошел вплотную; Женька привычно одержал за релинг. Из кубрика двое матросов в ядовитожелтых куртках вытаскивали на носовую палубу продолговатые тюки, похожие на боксерские груши.

— Принимайте! — скомандовал Палыч.

На «Анубисе» дисциплинированно стали принимать.

— А что за ледниковый период-то, Палыч? — с неподдельным интересом спросил Крамаренко. — Откуда пингвины?

— А чтоб я знал, хлопцы! — честно развел руками судья. — Мы еще утром во льды влезли. Капитана «Кассандры» чуть кондратий не хватил прямо на мостике. Шимашевич с утра от мотильника не отлипает да от рации. Сначала обойти пытались, миль тридцать к северу дали, а там вообще сплошняком стена

ледяная. В общем, катера сейчас ловят регату и буксируют к месту стоянки. Так что это... Давайте конец.

Тюки и два больших походных термоса уже спустили в кубрик «Анубиса»; Нафаня с Баландиным окончательно смайнали и увязали грот, Женька подал на катер буксировочный трос.

— За вами недалеко «Балтика» и «Царица» идут, — сообщил Палыч. — Миль двадцать, не больше. Их тоже подберем. А вы там пока грейтесь. Только на водяру не налегайте, хрен знает, что в ближайшее время грянет — может, жара, может, шторм, может, град, может, цунами.

— Не бойсь, Палыч, мы свою плепорцию знаем! — воодушевленно заверил капитан «Анубиса». — А что со временем, кстати? Что зачитывать будут?

— Средний пеленг на девять утра и на полдень, когда «Кассандра» первые льды встретила. Слава богу, все зафиксировано, спутник бдит, «Цикада» который, навигационный. Следующий этап будете стартовать по интервалам, как шли вчера. Пока этап прекращен, до выяснения. Кстати, вы спали?

— Нет, Палыч, какой уж тут сон? — сокрушенно всплеснул руками Крамаренко.

— Тогда бейтесь на вахты и спите, пока «Царицу» с «Балтикой» подбирать будем.

— Добро! Палыч, а как мы идем, а? Лидеры далеко?

— Хорошо идете, — буркнул Палыч. — Аж жалко. Шестыми, отставание от лидеров — тринадцать часов.

— Йес! — в один голос рявкнула команда.

— Так что, мы за неделю четыре яхты наехали? — не веря, спросил Женька, замерев у носовой утки.

— Наехали, будь здоров! «Пассат», «Айна» и «Альтаир» во встречную струю вляпались и полветром на юг почти сутки шли, а «Русалка» сначала не пойми зачем на север забралась, а потом спинч утопила. Полдня на этом потеряли, не меньше! За ними Герещун на судейском-четыре с утра ушел.

— А остальные? Никто не сошел?

— Вроде нет. Разве только в эту ночь. — Палыч сразу нахмурился. — Ладно, будет болтать, нам еще двадцать миль на восток да полста обратно. Не зевайте мне, магелланы...

— Антимагелланы! — поправил довольный Баландин.

Еще бы не радоваться — с десятого места «Анубис» перебрался на шестое.

Женька несильно пихнул релинг, и катер стал медленно разворачиваться. Вот он подался вперед, конец постепенно выбрался из воды и натянулся, «Анубис» мягко дернуло и повлекло на запад — туда, откуда николаевский полутонник недавно пришел своим ходом.

В переданных с катера тюках оказались такие же современные куртки, как и на судьях, теплые спортивные костюмы, добротные кроссовки, спальные мешки, одеяла и дополнительный сухпай. В термосах — горячая пища, чай и кофе. Спиртное и курево — в отдельном рюкзаке.

— Ну чего, орлы? — спросил капитан с подъемом. — Пожрем, раз дали, и потянем спички?

Никто не возражал. И даже непонятно откуда взявшиеся холода, лед и туман отошли куда-то на второй план. О них, неопытных по океанским меркам яхтсменах, помнят, на них надеются, за них даже болеют (хоть судьям и не положено болеть, но кто же не поболует за земляков?). Все путем! Все нормально! Все понятно! Ну, почти все.

Самое ужасное — это неизвестность и неопределенность. Как вечером вчерашнего дня и на протяжении всей ночи. А сейчас все действительно стало просто и более-менее понятно. Подобрать «Балтику» и «Царицу», с комфортом проехать до стоянки. Отоспаться, наконец! Живи, моряк, сегодняшним днем, не парь попусту голову, для этого судья есть и дядя Шимашевич с шикарного теплохода «Кассандра».

Первыми нести вахту выпало Баландину и Нафане. Спать условились по четыре часа.

А туман и не думал рассеиваться.

На буксире шли остаток дня и всю ночь. Команда «Анубиса» в несколько приемов отоспалась, успела слегка махнуть водочки — своей, славянской, а не того жуткого пойла, что удавалось незадорого купить на Занзибаре, в Сурабае и Давао. Успела протрезветь. Успела побывать в гостях на волгоградской

«Царице» и принять экипаж калининградской «Балтики», попутно вдоволь почесав языки с коллегами.

Напряжение одиночного плавания через океан спало.

Нет ничего лучше и приятнее, чем сидеть в кокпите, глядеть на розовеющий туман экваториального утра, почему-то обрамленного многочисленными льдинами на поверхности океана, изредка пропускать рюмашечку, захрустывать ее огурчиком...

И общаться.

На «Царице» тоже уже проснулись — один из волгоградцев копался у мачты, остальные точно так же разместились в кокпите. «Балтика» еще дрыхла, только нахохлившийся Борис Баринов клевал носом на руле. Впереди стрекотал двигатель судейского катера — там все, кроме вахты, тоже беспробудно спали.

Неоднократно у ближних льдин наблюдалась разнообразная малохарактерная для экватора живность вроде пингвинов или тюленей. Раз видели здоровую пятнистую зверушку, пожиравшую что-то на плоской верхушке довольно крупного айсберга. Красное на белом выделялось особенно ярко.

Зато напрочь пропали летучие рыбы, а чайки теперь встречались другие, нежели ранее. Умный Баландин назвал одну из них поморником.

Женька Большой в который раз пытался настроить приемник на русскую волну. По иронии судьбы, в плавание они взяли достаточно древнюю магнитолу фирмы «AIWA» с настройкой коротковолнового диапазона на азиатские станции. На средних волнах попадались англоязычные передачи, но никто из николаевцев чужого языка не знал. Длинных же волн на шкале допотопной «Айвы» не было вообще. Поэтому в плавании ее чаще использовали как магнитофон, оглашая экваториальные воды экзотическими для этих мест «Машиной времени», «Воскресением», «Арией», Михаилом Кочетковым — всем, что имелось в продолговатом ящичке с аудиокассетами. Еще вчера Женька упорно пытался выловить из эфира что-либо вразумительное, оставив попытки только поздно вечером. Сегодня он, похоже, решил продолжить поиски. Полулежал по левому борту и ле-

ниво вращал верньер. Магнитола извергала хрипы, треск, завывания и, реже, непонятную иноземную речь. Баландин курил, зябко кутаясь в штормовку. Капитан тоже курил, изредка стряхивая пепел на транец и наблюдая, как его слизывают прихотливые завихрения кильватерного бурунчика. Нафаня невозмутимо грыз чипсы из вчерашнего сухпая.

— Не, — убежденно сказал Баландин, — не могли мы так далеко на юг отклониться, чтоб во льды въехать. Каждый же день солнце на востоке, по носу вставало, так? Проходило почти точно над головой, потому что экватор, и садилось на западе. И компас — не мог же магнитный полюс уехать фиг знает куда?

— Да сто раз уже это обсосали, — досадливо вздохнул капитан.

Нафаня похрустел и осторожно вставил:

— А что там калининградцы вчера про наклон земной оси толковали? Я не понял.

— Ну, — охотно принялся объяснять Баландин, — если предположить, что наша старушка внезапно накренилась относительно плоскости эклиптики... знаешь, что это такое?

— Знаю. Блин, который планеты со своими орбитами образуют.

— Во! — подтвердил Баландин. — Так вот наклон земной оси к плоскости эклиптики составляет... э-э-э... не помню точно, не то двадцать три, не то двадцать шесть градусов. Если бы он изменился, изменилось бы привычное движение солнца по небу. Во всех широтах. Но мне кажется, что фигня все это: такое событие сопровождалось бы катаклизмами почище льдов и пингвинов вблизи экватора. Цунами и землетрясения, наверное, еще не самые страшные из них. Тут что-то иное. Какой-то погодно-климатический катаклизм. Локальные заморозки на экваторе. Хотя это объясняет только льды и вовсе не объясняет присутствие пингвинов.

— А где пингвины водятся? В Антарктиде? — уточнил Женька, на время оставивший неблагоприятную магнитолау.

— В Антарктиде, на ближних к ней островах и на самом юге Южной Америки, кажется, водятся.

— Может, этот твой катаклизм потихоньку на экватор двигался? А пингины вслед за ним кочевали? — предположил Нафаня.

— Ну да! — усомнился Баландин. — Айсберги потихонечку и движутся. Хоть один не то что до экватора, до тропика добрался?

— Почему я знаю? — пожал плечами Нафаня. — Я вообще за пределы бывшего совка впервые попал... Да, вспомнил! На Галапагосах пингины есть. Хотя где мы, а где Галапагосы...

Неизвестно до чего экипаж «Анубиса» доспорился бы, но тут тон двигателя буксировщика изменился. Все как один дружно повернули головы прямо по курсу.

До сих пор приходилось часто вилять вслед за катером, огибая встречные ледяные горы. Теперь же впереди из тумана, освещенная мощными прожекторами, восставала сплошная ледяная стена, сколько удавалось разглядеть. Что вправо, что влево. К стене был пришвартован теплоход «Кассандра», судно обеспечения «Фестиваль», а уж к ним — с десятков яхт, участниц «Гонки самоубийц», судейские катера...

— Вот это да! — впечатленно пробормотал Баландин. — Это ж какой катаклизм мог в этом пекле такую стену склепать!

Катер сбросил ход; «Анубис» и «Царица», постепенно сближаясь бортами, продолжали идти по инерции.

Когда борта николаевцев и волгоградцев разделяло всего пять метров, один из матросов «Царицы» протянул руку к ледяной стене и спросил у украинских коллег:

— Уже знаете, что это? Это побережье Антарктиды, Земля Уилкса. Только что про нас по радио передавали.

Команда «Анубиса» молча взирала на льды.

Глава 4

КАК КРЯКАЮТ УТКОНОСЫ

Как хорошо известно каждому, кто в детстве сумел осознать невероятный и, по правде говоря, не очень-то логичный факт шарообразности Земли, население нашей планеты делит-

ся на две категории: те, кто ходит головой вверх, и те, кто ходит головой вниз. Существует, правда, и промежуточная категория, состоящая из жителей экваториальных стран, чьи головы торчат вбок, заполняя тем самым классификационную пустоту между вверх- и внизголовыми. Так сказать, связующее звено и золотая середина. Как правило, переход из одной категории в другую, даже добровольный, связан с неудобствами и зачастую мучителен. А уж если переход этот принудителен и притом мгновенен...

В крайнем, окруженном мачтами на растяжках домике поселка, где помещалась радиостанция, в стандартном домике с плоской крышей, вечно придавленной сугробом, в домике, до крохотных окошек увязнувшем в осевших за полярное лето снежных наносах, в помощь слабосильному калориферу горела печка-капельница. Было не продохнуть, воняло соляром, табаком и крепким мужским потом. Спиртом тоже пованивало — как от четверых сидевших за дощатым столом, так и от их жестяных кружек.

— Еще по сто? — спросил Непрухин.

— Можно, — басом согласился Ломаев и, с хрустом потянувшись громоздким телом, на всякий случай уточнил: — Разбавленного?

Непрухин только повел слегка осоловевшим взглядом в сторону гостей: мол, за кого ты меня принимаешь, я же не изувер какой...

Гостей было двое: Джереми Шеклтон и Эндрю Макинтош, магнитологи с австралийской станции Дейвис, неделю назад прилетевшие в Новорусскую ради научных контактов и уже успевшие стать здесь своими ребятами, особенно для аэролога Ломаева и радиста Непрухина. Свои-то они свои, но умерщвлять гостей девяностошестиградусным спиртом, да еще не медицинским, а техническим, правда, очищенным марганцовкой, было бы не по-божески. Пусть еще поживут на этом свете.

— А мне чистого полста грамм. — Ломаев протянул кружку. Ухмыльнулся в бороду: — Помнишь того японца?

Еще бы Игорю Непрухину не помнить гостя из Страны восходящего солнца, а точнее, с японской станции Сёва! Из-за него он схлопотал выговор и, кроме того, три дня чистил картошку на камбузе, напропалую проклиная самураев, хризантемы, гейш и особенно остров Сикоку, родину Такахаши Кацуки, старшего над группой японских ученых. В отличие от своих улыбчивых коллег этот Кацуки держался надменно, всячески подчеркивая свое превосходство не только над подчиненными ему соотечественниками, но и над хозяевами, чем вызвал к себе глубокую неприязнь со стороны доброй половины населения Новорусской. Типунов, начальник станции, приказал не обращать внимания и терпеть, благо миссия японцев была краткосрочной.

Может, все и обошлось бы, если бы на прощальном ужине Типунов не разрешил народу принять толику спиртного и если бы Кацуки не начал прилюдно хвастаться тем, что он, мол, не простой японец, а особенный, поскольку не только простое саке, но и императорское саке может пить без всякого труда. Кто-то покивал в ответ, кто-то уважительно промычал; Непрухин же, знающий о спиртных напитках если не все, то очень многое, в том числе и то, что крепость императорского саке достигает лишь семнадцати градусов, с нарочитым простодушием предложил «непростому» японцу отведать «русского саке». Хлопнув полстакана спирту, Кацуки закатил глаза и остекленел. Несмотря на хлопоты врача, из стеклянного состояния он не вышел до самого отлета и был с бережением уложен в чреве самолета на пожертвованный Типуновым матрац. После чего начальник станции приступил к поискам виновного и, конечно же, нашел.

Вне всякого сомнения, знай Типунов о пьянке в радиостанции, последовавшей непосредственно вслед за общей попойкой «по случаю хамского поведения Антарктиды, самовольно поставившей крест на полярных исследованиях», он непременно явился бы пресечь безобразие. Но начальник антарктической станции Новорусская Аркадий Степанович Типунов давно спал. Спали и видели сны завхоз Недобитько, повар Сусе-

ков, дизелисты Самоклюев и Хвостовой. Спал врач Бакланов-Больших. Спала наука: магнитолог Крот, метеоролог Жбаночкин, гляциологи Полосюк и Мокроватов. Спали и храпели во сне гравиметрист Ухов и микробиолог Немато. Спали после бурного застолья пилоты, механики и водители. Начальники отрядов — и те спали. Спала вся Новорусская, от мала до велика, от обветренного ветерана до розовощекого новичка-первогодка, ибо белая февральская ночь полярных широт в одночасье сменилась двенадцатичасовой экваториальной темнью, и сказать об этом что-нибудь, кроме невразумительных междометий, на несвежую голову люди не решались. Не спал Геннадий Ломаев — дежурный на эту ночь, часто предпочитавший коротать вахту в помещении радиостанции со своим дружкой Непрухиным, и пока еще не спали, держались австралийцы. Впрочем, долговязый Эндрю Макинтош давно уже не участвовал в беседе, а сидел, пригорюнившись, жамкая лицо в пятерне, и не раз делал поползновение ссыпаться с табурета под стол.

— Джереми, — позвал Непрухин. — Ерема! Хау ар ю? Уонт ю э дринк мала-мала? Йес ор ноу?

Голубоглазый великан Джереми Шеклтон (не родственник, а однофамилец знаменитого исследователя Антарктики Эрнста Шеклтона, о чем он в первый же день знакомства поведал на ломаном русском языке российским коллегам, ревниво не желая, чтобы отсвет чужой славы падал на его персону) благосклонно наклонил голову и успел затормозить ее движение прежде, чем впечатался лбом в столешницу. Поводил туда-сюда воспаленными глазами, пододвинул кружку.

— Джаст э литтл, — сказал он. — Как это... немного.

— Конечно, немного, — уверил Непрухин, наливая Шеклtonу спирт и разбавляя его водой из чайника. — Слышь, Ерема, ты Андрюху толкни — он будет, нет?

— Ему уже хватит, — определил Ломаев, взглядываясь через стол в Эндрю Макинтоша. — Почти готов. Ты себе налил?

— А то, — качнул кружкой Непрухин. В кружке булькнуло. — За что пить будем?

— Все за то же, — вздохнул Ломаев. — Помянем нашу Антарктиду, светлая ей память. Сурова была покойница, да все ее любили. Теперь... не знаю, что будет теперь, да и знать не хочу, потому что не жду ничего хорошего. И-эх-х!.. — Ломаев поднял кружку со спиртом, пододвинул к себе чайник. — За Антарктиду, за Новорусскую! За Мирный, за Восток, за Новолазаревскую, за Молодежную, за Моусон, за Дейвис, за МакМёрдо, за Бэрд, за Амундсен-Скотт! За Дюмон, блин, Дювилль! За ту Антарктиду, что была! Помянем! Светлая память старушке.

— Помянуть — это верно, — поддержал Непрухин. — Поминки она заслужила. Это ты правильно сказал. Ерема, ты куда лезешь с кружкой? Нельзя чокаться, поминки же.

— Что есть поминки? — заинтересованно спросил Шеклтон. — Я не знаю.

— Поминки? — переспросил Непрухин. — Как бы тебе объяснить... Традиция такая. Помянуть покойника. Выпить-закусить. Словом, это такой званый обед, когда кто-нибудь умирает.

— Обед? — Шеклтон озадаченно заморгал. — Русский традиций? Обед из того, кто умер? Я не понимаю.

Непрухин всхотнул.

— Ты нас в мертвоеды-то не записывай, ага? Ты сперва выпей, а потом я тебе объясню. За Антарктиду выпей, какой уже нет и не будет... если, конечно, она не перекинется обратно. Хотя зачем ей назад на полюс, спрашивается? Холодно там, а зимой еще и темно...

— Летом, — поправил Шеклтон. — Летом темно. Зимой светло.

— Это у вас в Австралии привыкли так считать — летом, мол, холодно, зимой жарко... Вы не из того полушария. А у нас наоборот, понял? Если холодно и темно, то и зима, а если солнце показалось, значит, весна началась. Вот так. Ты пей давай, нечего на спирт смотреть, его пить надо...

Выпили разом. Непрухин подцепил себе из банки зеленую маринованную помидорину. Посмотрел на Шеклтону и поло-

жил ему на тарелку такую же. Ломаев, задержав дыхание, набулькивал в кружку воду из чайника.

Прожевав твердые, хрюкающие под зубами помидоры, помолчали. Несмотря на то что с момента «прыжка» континента минуло более суток, случившееся только начинало укладываться в головах людей, и то не без помощи спирта. По правде говоря, в тот момент, когда солнце внезапно переместилось с горизонта в зенит, а затем заволоклось густейшим туманом, никто ничего не понял.

Мигрень случилась у всех, что верно, то верно. Врач объяснил это явление резким изменением магнитного поля, выдал личному составу анальгин и посоветовал расслабиться. Какое там!..

Общая растерянность выразилась в неуместной суете. Ошалевшие полярники без толку бегали из домика в домик, из балка в балок, мешая работать немногим флегматикам, пытающимся продолжать заниматься своими делами, растерянно матерились, и глаза у каждого были в пол-лица. У повара Сусекова выкипел борщ. Издалека было слышно, как орали перепуганные пингвины из ближайшего к станции стада. Выл и путался под ногами несчастный кобель Тохтамыш. Типунов, сам ничегошеньки не понимающий, бросался на подчиненных не хуже цепного пса, орал, карал и разносил.

Произошел крупный природный катаклизм — это было ясно каждому. Но сути его не понимал никто. Только-только, казалось, изготовились к очередной зимовке — и вот на тебе!

По-видимому, мировые средства массовой информации здорово растерялись, иначе невозможно объяснить тот факт, что первые сведения о перемещении шестого континента пошли в эфир лишь спустя пятнадцать часов. Вскоре, однако, Непрухин принял радиограмму с «Капитана Хлебникова», только вчера ушедшего из Мирного в сторону Тасмании с возвращающейся на родину сменой полярников и нахватавшейся «полярной экзотики» ненавидимой зимовщиками толпой круизных и капризных туристов, утонуть бы им на глубоком месте.

Радиограмма была скупая: новые координаты судна (близ берегов Канады), рекомендация сохранять спокойствие, дружеские пожелания и более ничего. Непрухин клялся и божил-ся, что, согласно давно и прочно установленному порядку, он доложил о содержании радиограммы одному только Аркадию Степановичу Типунову и более никому, однако же через пятнадцать минут о «переезде» материка стало известно всем на станции. Типунов только махнул рукой. Потом пришла радиограмма из родного ААНИИ примерно того же содержания. Не нервничать, сохранять спокойствие, ждать указаний. Мол, подумаешь, материк с цепи сорвался — ха! Видали, мол, и не такое!

Кто видал? Когда?

Теперь уже не могли работать и самые стойкие, с бронированной психикой. Собирались кучками в промозглом тумане, ежились в каэшках, спорили и галдели. Столь густой туманной пелены не помнили и ветераны. Туман на антарктическом побережье, что в Новорусской, что в не очень далеком Мирном, вообще редкость. Появись он — стекающий с купола ветер порвет его в клочья и унесет в океан.

Приходилось признать, что море у припая парит с чудовищной силой, а значит, вода куда теплее, чем ей положено быть. Не поленились сбегать — намерили семь градусов, через час — восемь с половиной, а еще через час — десять ровно! После этого туман сгустился до того, что бегать на припай стало опасно, и измерения прекратили. Правильно сделали: через двадцать минут пришла волна, невысокая, но длинная и могучая, как прилив. Припайный лед не просто взломало — искрошило в густую кашу. Чему удивиться, когда материки прыгают с места на место, как блохи. Удивительно, что не пришла волна с небоскреб высотой.

Но как раз туман больше всего и убедил скептиков в реальности наблюдаемых событий. Можно не согласиться с радиограммой, но поди поспорь с физикой!

С рекомендацией расслабиться Типунов в конце концов согласился вполне, приказав завхозу выдать по двести граммов

водки на индивида и добавив две бутылки коньяка от себя — кутить так кутить. Коньяк, как все на станции знали, был особенный — его предполагалось выпить в ноябре по случаю окончания зимовки. Однако о какой зимовке теперь могла идти речь?

— Я не понять, — молвил Шеклтон, прожевав помидорину и моргая. — Почему смерть Антарктида? Изъясни.

— Чего тут не понять, — махнул рукой Непрухин и, задев флягу со спиртом, едва успел ее подхватить. Покачал в руке, подумал и поставил на стол. — А, ладно, не будем о грустном. Ты мне, Ерема, лучше про ваших утконосов расскажи, очень я ими интересуюсь, а вот живьем сроду не видел. Они крикают или как?

Шеклтон наморщил лоб, пытаясь вникнуть в смысл вопроса. Так и не вникнув, смастерил из ладони подставку и уронил в нее лицо.

— Отстань от человека, — прогудел Ломаев, со вкусом жуя хлебную корку. — Вчера приставал, позавчера приставал, сегодня пристаешь. Дались тебе эти утконосы. Он их, может, и в глаза не видел.

— Как это не видел, когда он из Австралии? Скажешь, он и кроликов не видел? Или кенгуру?

Ломаев ухмыльнулся в бороду.

— По-твоему, у них там утконосы в каждом пруду резвятся? Ну вот ты, скажем, из России. Расскажи-ка, как у нас медведи по улицам табунами ходят. Гостям интересно.

— Иди ты, — буркнул Непрухин и вновь устремил взгляд на Шеклтона. — Нет, правда...

— Мьедвэд? — поднял голову Шеклтон. — Что есть?.. О, бэр!.. Ноу, бэр — не есть в Аустралия. Коала есть. В зуу... в зуупарк... Утконос в зуупарк есть тоже. Я ходить видеть.

— Он из Ньюкасла, — пояснил Ломаев. — Сколько тебе раз говорить? Большой город. Откуда там утконосы, кроме как в зоопарке?

— Не знаю, — сказал Непрухин и вздохнул. — Я как думал? Пришел на ихний пляж, разделся, прыг в воду, а утконосы — только фр-р-р в разные стороны. Так и шустрят. И кри-

кают. Думал, там у них искупаться нельзя, чтобы не напугать утконосов...

Прислушивающийся с видимым напряжением австралиец решительно замотал головой:

— Утконос пугать — нет. Не надо. Данджер... опасность. Ядовитый спур... как сказать русски?

— Шпора, — перевел Ломаев и гулко икнул.

— Йес, ядовитый шпора на задний нога. Пугать — не надо. Только самый глупый человек. Умный — не пугать.

— Ясно, — кивнул Непрухин, тщетно пытаясь побороть икоту. — А они — ик! — крикают?

— Ноу. Зачем?

— Ну как зачем? — удивился Непрухин. — Утконосы все-таки. Были бы дятлоносы — долбили бы что-нибудь. А так должны крикать. Скажешь нет?

Шеклтон долго думал.

— Должны, — согласился он наконец. — Но не крикают.

— Ты на Непрухина внимания не обращай, — сказал Шеклтону Ломаев. — Ему утконосов подавай, или бушменский язык выучить, или еще чего. Лет сорок назад из него получился бы нормальный романтик с горящими глазами.

— А сейчас? — заплетающимся языком спросил Шеклтон. — Кто есть сейчас получился?

— А сейчас — Непрухин. И этим все сказано.

— Так почему они не крикают? — упрямо спросил Непрухин.

— Ты стебешься или правда глупый? — поинтересовался Ломаев.

— Догадайся.

— А вот выкину тебя наружу, чтоб гостей не изводил, — побродишь ты там, ежик в тумане... поищешь утконосов.

— И у тебя юмор на нуле, — тяжело вздохнул Непрухин. — Убийца. Ничего же не видно. Заплутаю и замерзну, что тогда?

— Похороним. Только ты не замерзнешь. Спорим?

— Это почему?

— Потому что спирт при минус двадцати не замерзает. Сколько ты в себя влил?

— Шуточки у тебя... — обиженно пробурчал Непрухин.

Ломаев замолчал. Оба знали, что во время прошлой зимовки во время внезапно начавшейся пурги в двух шагах от станции насмерть замерз нетрезвый дизелист. Отошел по малой нужде...

— Извини.

— Ладно, проехали. Давай-ка еще выпьем по чуть-чуть. За утконосов.

— Опять? — задвигал бородой Ломаев.

— Ну как... Мы все-таки немного ближе к ним стали, нет?

— Чуть-чуть ближе, кажется, — подумав, согласился Ломаев. — Только с другой стороны. А за утконосов твоих я пить не стану, сам пей. Давай-ка лучше еще раз за Антарктиду-матушку, светлая ей память, и за зимовку несостоявшуюся... Помянем! Налей!

— Почему помянем? — спросил Шеклтон, мучительно пытаясь не уронить голову на стол, однако с готовностью подставил кружку. — Уай? Почему рашен званый обед?

— По кочану, — угрюмо сказал Ломаев. — Выпьем.

Забыв, что нельзя, чокнулись. Выпили.

— Ты что, не слышал, что за столом Жбаночкин сказал? — с усилием ворочая непослушным языком, спросил Непрухин. — Э! Андрюха, ты куда?

Опираясь на стол, Эндрю Макинтош мучительно тщился подняться с табурета, имея сильный крен на правый борт. («Щас улетит», — определил Непрухин.) Через секунду бортовой крен австралийского магнитолога сменился глубоким дифферентом на корму, и жертва русского гостеприимства, попятившись, наткнулась на дощатую стену, по коей и сползла на пол, задрав тощие колени выше головы на манер паука-сенокосца.

Немедленно вслед за тем австралиец уронил голову на грудь и продолжил мирный сон.

— Готов, — с пьяной улыбкой констатировал Непрухин.

— Ну, хоть не под стол нырнул, — рассудительно заметил Ломаев. — Не трогай его, пусть отдыхает.

— Почему поминки? — повторил вопрос настырный Шеклтон.

Непрухин сражался с непослушным лицом, пытаясь соорудить кривую ухмылку.

— Ты хочешь сказать, что наша работа будет продолжена, так? Ты, наверное, хочешь еще сказать, что работы в связи с переездом континента на новое место у нас... э... о чем это я? Да! Работы у нас будет даже больше, чем раньше, и... это... она станет еще интереснее? Так? А вот хрен нам всем! Одно дело околополюсный район, на фиг никому, кроме нас, не нужный, и совсем другое... э-э... Тихий океан. Купол когда-нибудь растет, а под ним, сам понимаешь, нетронутые ископаемые, бери да вывози. Лакомый кусочек. Да если бы только ископаемые! — Непрухину все же удалось соорудить ухмылку. — Тут... э... много чего, кроме ископаемых. Ничейной территорией Антарктиде уже не быть, зуб даю. Сколько лет продержится Вашингтонский договор, как ты думаешь?

— Хватил — лет! — глухо, как в бочку, прогудел Ломаев. — Недель, а не лет. А то и дней. Вот увидишь, набросятся со всех сторон, как псы, и порвут Антарктиду на части. Всякая дрянь, какую и на карте-то не вдруг найдешь, начнет кричать, что у нее, мол, здесь исконные национальные интересы. Сверхдержавы — те кинутся в первую очередь. Тут такой клубок завяжется, что мало не будет. В лучшем случае мирно поделят кусок, в худшем — перегрызутся между собой, и гран мерси, если не начнут войну. А нас — в шею, чтоб под ногами не путались. Что в Антарктиде есть научные станции, это хорошо, это готовые форпосты, только скоро их займут совсем другие люди. — Он насупился и, помолчав, добавил: — Вот так вот.

— Теперь понял? — сочувственно спросил Непрухин. — Хм. Странно, Ерема, что ты не слышал. Витька Жбаночкин об этом еще когда говорил...

— Он на другом конце стола сидел, — пояснил Ломаев. — А Витьке Типунов сразу велел заткнуться.

— Почему — в шею? — спросил Шеклтон, моргая непонимающими голубыми глазами.

— Почему да отчего... — Непрухин качнулся на табурете и затейливо выругался. — Ну ладно, кое-кто из нас поначалу бу-

дет нужен... как старожил, так сказать, как инструктор... У нас как-никак опыт, мы пока что... э... представляем ценность. Скажи, Ерема, ты хочешь обучать командос ведению боевых действий в условиях купола, а?

— Ноу. — Шеклтон уверенно замотал головой и едва не уронил ее с руки-подпорки. — Не хочу.

— И я не хочу. А придется. Прикажет тебе твоя австралийская родина — и будешь. Что, нет?

— Ноу. Нет. Не буду.

— А не будешь — вышлют тебя в твою Австралию в двадцать четыре часа. К твоим утконосам.

Шеклтон упрямо мотал головой:

— Ноу. Нет выслать. Нет командос. Нет утконос. Вашингтон... э... договор! Протест... Каждый научник есть протестант... Фрэндшип, йес? Со-ли-дар-ность! — Произнеся это трудное слово, он разгладил морщины на лбу и победно блеснул глазами.

Непрухин только махнул рукой и вновь чудом удержал равновесие.

— Наивный ты человек, Ерема. Не знаешь, как договорами подтираются? Ну так узнаешь — делов-то! Тьфу!

— Хорош о плохом, — прогудел Ломаев. — А то я что-то трезветь начал. Зимовка, блин, псу под хвост, деньги, наверное, тоже... Да что деньги! А Молодежная? Такая станция! Столица, хоть и законсервированная... А Новорусская наша? Отнимут ведь... Не трави душу, Игорек, лучше налей еще. Там еще осталось? Тогда выпьем! Не забудь — Ереме разбавленного.

— Со-ли-дар-ность! — повторил Шеклтон.

— Чего-о?

— Политик — дрянь, — из последних сил сообщил австралиец. — Ученый — всегда договориться. Дьепломат — нет. Факин политик — гоу хоум. Антарктик — наша...

Вслед за тем он со стуком уронил голову на стол и отключился.

Ломаев шумно вздохнул и посмотрел на него с сожалением:

— Договорился один такой... А, ладно! Что бы там ни случилось — за Антарктиду! По последней.

Звякнули кружками, выпили, задвигали челюстями, жуя зеленые хрюкающие помидоры. Душевно...

— А может, он прав? — спросил Непрухин, одной рукой смахивая набежавшую слезу, а другой указывая на Шеклтона. — Сколько тут у нас... э... станций? У нас четыре действующие да еще три можно расконсервировать, у американцев — теоретически шесть, у австралийцев — три, у англичан, аргентинцев и китайцев по две, у французов, бельгийцев и новозеландцев по одной, у японцев и чилийцев обратно по две, потом еще норвежцы, южноафриканцы, поляки... кто там еще?

— Украинцы, — подсказал Ломаев.

— Точно, у них старая английская станция, им подарили... Да я же их вчера в эфире слышал, значит, в этом году они собрались зимовать. В общем, бери на круг человек пятьсот, а то и тысячу. Если всем объединиться, то... Генка, ты представляешь, что будет?

— А что будет? — спросил Ломаев.

Глаза у Непрухина горели — совсем как у Шеклтона две минуты назад. Чудилось в них синее спиртовое пламя.

— Не солидарность никакая, этого мало. Го-су-дар-ство, понял? Новое и суверенное государство Антарктида. Скажем... э... Антарктическая Федерация... или Конфедерация, не суть важно, потом решим. Самопровозглашение, понял? Страны, какие послабее, нас поддержат, только чтобы у сильных кусок из лап ушел. А вступим в ООН — съешь нас тогда без хрена! Вот им! — Непрухин попытался отбить положенное «им» на локте и едва не сверзился с табурета. — Ерема-то прав, только не успел договорить, потому что устал...

— А Россия? — нахмурился Ломаев.

— Поддержит в числе первых. На что спорим?

— Я о другом. О России ты не думаешь? Ну ладно, Вашингтонский договор державы похерят, тут я согласен... Но, по моему, раз де-факто мы сидим тут, то России при дележе должен отойти кусок. Хотя бы вот эта Земля Уилкса...

— И что Россия будет с нею делать, а? Сам подумай. Генка, ты чего, а? Аляску вспомни, Калифорнию. А ведь тогда мы сильные были, и все равно оказалось, что руки коротки...

Ломаев тяжело вздохнул и стал мрачен.

— Не знаю... Может, базу для флота... бесплатную. Вместо Камрани.

— Это какого флота? — прищурился Непрухин. — Это ржавого, да? Того, что из Владивостока никак не может выйти?

— Заткнись.

— Сам заткнись. Россия нам еще спасибо скажет, это я тебе говорю. Многополюсность мира, равновесие и все такое. Одним полюсом больше — какая, на фиг, разница? Лишь бы не меньше.

— Давай перекурим, — сказал Ломаев.

— А гости?

— Потерпят. Во сне легко терпеть.

Затянулись «Примой». По комнате поплыл дым, дышать стало труднее.

— Ты хоть бы дверь на минуту приоткрыл, — укорил Ломаев. — Задохнемся ведь. Это у тебя от духоты мысли такие дурацкие.

На то, чтобы, хватаясь за стенки и шкафы с аппаратурой, преодолеть расстояние от стола до двери, Непрухину потребовалось полминуты. Струя холодного воздуха, не сухого, как обычно, а влажного, промозглого, потекла по ногам. Сидящий на полу Макинтош замычал и зашевелился, но не проснулся.

— Назад, Тохтамыш! — заорал вдруг Непрухин, и чей-то мокрый нос коснулся свесившейся со стола ладони Ломаева. — Брысь! Пшел вон, скотина!

Пока выгоняли лохматого Тохтамыша, нипочем не желавшего ночевать в холодном тумане, скулящего, уворачивающегося от рук и огрызающегося, домик совсем выстудило. Дрожая, захлопнули дверь и, не обращая внимания на скулеж и царапанье, набуровили еще по двадцать капель. Сглотнули без тоста и закуски.

— Суки, — невнятно, но с чувством произнес Ломаев. — Вот суки.

— Точно, — согласился Непрухин. — Дай пять. А кто суки?

— Да все... Все, кто гробит Антарктиду. Все, кто сидит и ничего... ничего, блин, сделать не может. Вот как ты и я. Тошно мне, Игорь, не могу я так... Включи радио, что ли, давай послушаем, что в мире делается...

Минут через пять стало ясно, что ничего особенного в мире не делалось. То есть ничего такого, что было бы невозможно предсказать заранее. Недолго послушали американцев и новозеландцев, затем поймали на КВ русский «Маяк». Повсюду в блоках новостей шло одно и то же: передавались новые координаты Антарктиды, сообщалось о жертвах цунами, пропавших самолетах, сбившихся с курса судах и тревожной судьбе полинезийцев, чьи острова в одночасье скакнули в южные полярные широты. Эксперты-геофизики не могли сказать ничего вразумительного, солидные религиозные конфессии реагировали лишь призывами молиться, уповая на безграничное милосердие Всевышнего, а несолидные выступали с жутковато-злорадными заявлениями и пророчествами — мол, то ли еще будет, гореть вам синим пламенем, схизматики, и поделом. Совет безопасности ООН заседал со вчерашнего дня, однако не принял пока никакой резолюции. В Москве плюс один градус, осадки, налипание мокрого снега.

— Во связь, — с блаженной улыбкой сказал Непрухин и уронил подбородок с кулака. — Ни тебе ионосферной непрух... непроходимости, ни какой другой фигни... Не, я тащусь...

— Выключи, — морщась, как от мигрени, потребовал Ломаев.

Стало тихо. Даже Тохтамыш смирился со своей участью и перестал царапать дверь снаружи.

— Антарктик! — пробубнил вдруг Шеклтон, не поднимая головы. — Фридом! Солидар... — Не договорив, он густо всхрапнул и издал носом залиvistый свист.

— Ты чего, Ерема? — участливо спросил Непрухин. — Может, уложить тебя? Баиньки, а, Ерема?

Австралиец не реагировал.

— Слышь, Игорь, — неожиданно прогудел Ломаев, комкая в кулаке бороду, что служило у него явным признаком серьезной работы мысли. — Слышь, говорю! Твоя рация в нормальном вещательном дипа... диапазоне работает?

— Может. А что?

— Включай. Давай подпортим сукам праздник. Бумага, карандаш есть? Пиши.

Непрухин потянулся за карандашом и, своевременно ухватившись за стол, избежал опасного крена.

— Чего писать-то?

— Независимость объявим. Ты против?

— Я?

— Ты.

— Я — за.

— И я — за. Консенсус. Пиши документ и приложи их, сук, как следует.

— Манифест или воззвание?

— А не все равно? — прогудел Ломаев и некстати икнул. — Сам сообрази. И изобрази. Ты у нас — ик! — стилист.

Писать документ пришлось дважды — в первый раз листок бумаги улетел под стол, что не сразу заметили. Зато второй раз дело пошло успешнее, поскольку каракули на фанерной столешнице послужили черновиком. Не без труда отстранив нетерпеливого Ломаева, Непрухин поднес листок к глазам и, старательно вглядываясь в неразборчивые письма, зачитал текст вслух:

— Всем, всем, всем!!! Внимание! Говорит Свободная Антарктида! Говорит Свободная Антарктида! Слушайте сообщение информационного агентства «Антарктида онлайн»! Работают все радиостанции Новорусской и окрестностей! От имени и по поручению народа Антарктиды, а также всех ее живых существ, включая пингвинов и примкнувших к ним утконосов, сим манифестом объявляется о создании независимой, суверенной и неприсоединившейся Антарктической республики с юрисдикцией, распространяющейся на весь материк,

шельфовые ледники и прилегающие острова, исторически принадлежащие Антарктиде, а также территориальные воды и двухсотмильную экономическую зону. Считая самоопределение неотъемлемым правом каждого народа, мы, антаркты, заявляем о своей твердой решимости защищать независимость нашей страны от агрессии любой другой державы всеми доступными нам средствами, включая вооруженное сопротивление. Будучи, однако, народом традиционно миролюбивым, мы приглашаем все страны и народы мира к честному и взаимовыгодному сотрудничеству на благо всеобщего прогресса и процветания. Да здравствует Антарктическая республика! Дано на станции Новорусская двадцать шестого февраля сего года. От имени народа Антарктиды: Ломаев, Непрухин, Шеклтон, Макинтош. Ну как?

— Про утконосов выброси, — посоветовал Ломаев, сясь удержаться на табурете. — А вообще — ик! — неплохо. Теперь наговори то же самое на пленку по-русски и по-английски. Пленку — в кольцо. Транслировать без конца.

— Без конца? — шало улыбаясь, спросил Непрухин.

Ломаев думал, шевеля ушами.

— Ну, пока дизеля стучат.

— Угу. Да, вот еще: «онлайн» как писать — кириллицей или латиницей?

— А ты как — ик! — написал?

— Сейчас посмотрю. — Непрухин поднес бумажку к самым глазам. — Ничего не вижу... Не, вроде латиница. А как надо?

— Как есть, так и оставь — ик! Для бумаги. И для политкорректности. — Ломаев указал на австралийцев. — А вслух ты это тоже будешь произносить кириллицей или — ик! — латиницей?

Непрухин задвигал бровями — думал.

— О! — просиял он наконец. — Точно! Вслух — без разницы. Ну, ты голова!..

Спустя примерно полчаса нетрезвый русский голос объявил на весь мир о рождении нового государства Свободная Антарктида. Любой утконос, услышав такое, несомненно, закры-

кал бы от изумления во весь голос. К сожалению, эндемичные австралийские яйцекладущие так ничего и не узнали о возмутительном сообщении, непрерывно транслировавшемся на коротких волнах в течение восьми с половиной часов.

Зато о нем узнали люди.

Глава 5 ОЙ, ГДЕ БЫЛ Я ВЧЕРА...

Начальник Новорусской Аркадий Степанович Типунов почти всегда просыпался за минуту до звонка будильника. Исключение составляли экстраординарные случаи. Например, в прошлом году, провалившись в полынью на припае и схватив жестокую ангину с температурой под сорок, он проспал двое суток подряд и выздоровел. Одиннадцать лет назад на станции Восток, тогда еще исправно действующей и даже процветающей, прямо в лоб ему отлетел обломок кувалды, лопнувшей на морозе от несильного удара, как стекло. Понятно, что, пока Типунов лежал без сознания, его биологические часы бездействовали. Да и во время акклиматизации на Востоке, если говорить честно, они вращались нещадно. Были в жизни и другие случаи того же сорта. Ничего не поделаешь: биологические часы не снабжены противоударным балансом и на всякую встряску организма реагируют сбоем. Дешевые часы, штамповка...

Будильник пищал. Очень недовольный собой Типунов заткнул шлепком ладони назойливый механизм, пробормотал под нос ругательство без конкретного адреса, мужественно потянулся и уже готов был вскочить, отбросив одеяло, чтобы проделать комплекс утренней гимнастики, как вдруг припомнил вчерашние события и задумался. Восстать от сна было можно и, пожалуй, необходимо. Но чем заняться, Типунов решительно не знал. Было только ощущение, что забот полон рот, но каких?

Прежде он не задумывался об этом, ориентируясь на ходу. Вроде получалось. Рутинная — она и в Антарктиде рутинная, особенно после ухода последнего судна. Обеспечивай работу на-

учных групп, не забывай об организации быта и поддержании благоприятного микроклимата в коллективе, поощрай отличившихся, наказывай разгильдяев и, главное, всеми средствами своди к минимуму вероятность ЧП, ибо здесь, как и везде, пригодность начальника оценивается вышестоящим руководством на «пятерку» как раз по отсутствию неожиданных неприятностей.

Но что значат неприятности местного значения по сравнению с дурной шуткой, которую выкинул континент?! Вчера Типунов сломал голову, пытаюсь понять, КАК он это сделал, причем вместо КАК то и дело возникал глупый и безответный вопрос ЗАЧЕМ. Сегодня Типунова мучил совсем иной вопрос: что в новых условиях должен делать он, начальник станции Новорусская?

Прежде всего — не поддаваться панике. Это мы знаем, это мы проходили, это нам как дважды два. Пресекать расхлябанность подчиненных — вне всякого сомнения. Пусть каждый занимается своим делом по старому плану, пока не составлен новый, а тех ученых, чья работа связана не с Антарктидой собственно, а вообще с высокими широтами, надо найти, чем занять. Это первое. Запретить всем без исключения удаляться от поселка дальше расстояния прямой видимости, особенно к краю барьера. Это второе. Никаких полетов в туман — это третье. Провести двумя вездеходами ближнюю разведку, хотя бы до седьмого километра, — это четвертое. Но осторожно! Может статься, что после «посадки» континента на новое место лед расколо такими трещинами, что холодный склад на седьмом километре безнадежно отрезало. Если нет — попробовать пробиться к оазису Грирсона, где на будущий сезон намечали поставить новую станцию, оставив Новорусскую лишь как перевалочный пункт. Сдерживать или нет ожидаемую инициативу геологов, метеорологов, биологов и прочей научной братии, рвущейся немедленно собрать, бесспорно, уникальный научный материал, каждый по своей части?.. Гм... Там посмотрим. Но ждать указаний руководства — это, безусловно, пятое и главное!

Интересно, сколько времени придется ждать толковых указаний?

Типунов снова ругнулся. Черт, подготовились к зимовке... А никакой зимовки теперь не будет. Солнце каждый день будет нагло светить по двенадцать часов кряду и проходить чуть ли не через зенит. Лед потечет, снег начнет таять, и в домах, большинство из которых за три года существования станции занесло снегом до половины, начнется потоп. А значит — что? Значит, уже сегодня надо мобилизовать людей на сборку щитовых домиков — кажется, есть на складе комплекта три... или четыре? На всех, безусловно, не хватит, но хоть какой-то паллиатив. И срочно пробить, где можно, траншеи для стока воды, особенно в сторону Пингвиньей балки. А в ожидании судна со сборными жилыми конструкциями (когда оно еще придет, это судно!) не мешало бы попытаться раскопать наиболее утонувшие в снегу нежилые постройки и посмотреть, не годятся ли они как материал для возведения новых домиков или хотя бы балков...

Стоп! А откуда следует, что новое жилье вообще понадобится? Вчера за столом в кают-компании Жбаночкин сказал то, что говорить не следовало, во всяком случае, не следовало при иностранцах, но ведь сказал-то он чистую правду! Кому, кроме ученых, была нужна Антарктида на полюсе? Разве что состоятельным туристам, усиленно ищущим все новой и новой экзотики. А кому нужна Антарктида на экваторе? О, она много кому нужна!.. Завопят, что прежние соглашения о ее статусе устарели, и с легким сердцем пустят их побоку. Вцепятся в материк и друг другу в глотки. Начнут делить.

Положим, первое время можно не особенно волноваться — политика политикой, а наука наукой. Ну а потом?

Еще позавчера будущее рисовалось Аркадию Степановичу Типунову спокойным и в меру обнадеживающим. Похоже, после десятилетия упадка, безденежья и равнодушия государственной верхушки ко всему, что невозможно немедля прибрать к рукам, начиналось то самое попятное движение, благотворное действие которого некогда ощутил на себе булгаковский

профессор Персигов. Верхи вдруг вспомнили, что за Россией числятся несколько антарктических станций, опекаемым ААНИИ, давно уже воющим дурным воем по причине недофинансирования, выделили сколько-то из бюджета, начальство подбросило снаряжения и техники, и экспедиция этого года получилась побогаче прошлогодней. Отпал вопрос об окончательном закрытии станции Беллинсгаузен. Верхи вспомнили также о геополитических интересах страны, о необходимости точного прогнозирования погоды в любой части земного шара, и многое говорило за то, что уж в следующем-то году законсервированная станция Восток будет открыта вновь — хотя бы только ради метеонаблюдений.

А что такое Новорусская, как не перевалочный пункт на еще не пробитом новом пути к Востоку? Представляется, что путь отсюда до Востока будет чуть-чуть попроще, чем из Мирного. А в общем-то что Мирный, что Новорусская, что несостоявшаяся станция в оазисе Гирсона — очень далеко не Молодежная и не Новолазаревская. У них иная функция. Мирный и Новорусская — типичное захолустье. Если нет насущно необходимого Востока — что им остается делать, как не хиреть?

Восток попытаются реанимировать, тут нет сомнений. Теперь это даже актуальнее — в Тихом океане внезапно возник огромный «холодильник», и вызванные им погодные катаклизмы прямо коснутся России. И не только ее. Не-ет, те страны, что явочным порядком застолбили себе здесь места для научных станций, без грызни их не отдадут... А чем дело кончится?

Ясно, чем... Уж кого-кого, а Россию из Антарктиды начнут выдавливать в первую очередь. И можно не сомневаться — выдавят. Мускулы у страны еще не те... или уже не те?

Впрочем, без разницы.

Типунов вздохнул и решил, что мрачных мыслей на сегодня достаточно. До поступления указаний свыше надо жить как жили. Вон и люди уже успокоились, шутки шутят... Вчера в конце застолья микробиолог Нематодо, отлучившийся на ми-

нугу из кают-компаний, ворвался с криком, что в небе наблюдается полярное сияние уникальной красоты. Это на экваторе-то! В густейший туман! А кинулись смотреть многие, и не только новички. Потом, правда, едва не начистили Нематодо рыльце за такой розыгрыш...

Выскользнув из-под одеяла, Типунов нашарил на полу гантели и стал с ожесточением предаваться утренней гимнастике. Раз-два, раз-два! Чтобы тепло по жилам. Р-раз! Вопррросы — ррррешим! Прррроблемы — рразгррребем!

Хлопнула дверь шлюза, по лестнице застучали чьи-то ноги. Нематодо — легок на помине — влетел в личную спальню начальника станции без приглашения и даже без стука. Факт не имел прецедента. Озадаченный Типунов даже не рыкнул — вопросительно уставился на влетевшего, застыв как стоял, — в трусах, майке и с гантелями в разведенных руках.

На губах микробиолога играла шалая улыбка. Глаза — в пол-лица, безумные. Столкни такого с ледяного барьера — он полдороги пролетит и не заметит.

— Слушайте! — И на стол начальника станции брякнулась магнитола. Английский голос с омерзительно правильным оксфордским выговором вещал из черной пластмассовой коробки:

— ...подстроено русскими. Предполагается, что двух граждан Австралии, Джереми Майкла Шеклтона и Эндрю Льюиса Макинтоша, угрозами или насилием заставили поставить подписи под документом, не имеющим аналогов в мировой истории по наглости и дурному тону. Пока неизвестно, кто скрывается под заведомо вымышленными фамилиями Непрухин и Ломаев и какая организация в действительности стоит за новоявленными сепаратистами. Несколько видных политических деятелей высказали предположение о том, что в действительности речь идет о создании зоны, контролируемой международным терроризмом и предназначенной для размещения лагерей подготовки боевиков, а также перевалочных баз для транспортировки наркотиков из юго-восточной Азии в США, Австралию и Японию. Роль России в разворачивающихся на наших глазах событиях остается во многом неясной, однако

тот факт, что передача возмутительного манифеста была осуществлена с российской антарктической станции Новорусская, является неоспоримо доказанным. Два часа назад посол Соединенных Штатов в Москве передал президенту России ноту протеста; аналогичный шаг, вероятно, предпримет Великобритания и другие цивилизованные страны. Мы будем регулярно знакомить наших слушателей с последними новостями с Ледового континента. Оставайтесь с нами на волнах Би-би-си. Через минуту мы повторим запись манифеста антарктических сепаратистов, затем перед вами выступит приглашенный в нашу студию второй секретарь британского министерства иностранных дел господин Хапхоуп...

Челюсть Типунова медленно отваливалась. Когда она достигла предусмотренного анатомией предела, начальник станции громко икнул, что с разинутым ртом сделать не очень просто. Вслед за тем мирную ватную тишину занесенного снегом домика разорвал негодующий вопль и, вырвавшись наружу, заплутал, завяз в тумане:

— Что-о-о?!.

Сон Ломаеву приснился из самых безобразных: посреди бурлящей на площади громадной толпы его, вздев на шест, жгли на манер чучела. В далеком пионерском детстве Ломаев и сам любил подобные забавы, случавшиеся в пионерлагере не реже раза в смену на специальном антиимпериалистическом мероприятии, и не однажды помогал набивать соломой чучело пузатого мироеда с Уолл-стрит, непременно обряженное в картонный цилиндр, фрак, манишку и звездно-полосатые штаны.

Солома горит хорошо, с керосином — тем паче. Заокеанский буржуин весело стрелял искрами, чернел и разваливался на куски, к удовольствию пионеров. Это был на редкость правильный буржуин, он ничего не имел против детей и был всегда готов принести им радость.

Но даже в самом дурном кошмаре Ломаев не мог представить себе, что сжигаемым чучелом станет он сам!

Толпа веселилась и улюлюкала. Пока горел керосин, было еще ничего, терпимо, но когда огонь слизнул бороду и охватил каэшку, Ломаев ощутил некоторый дискомфорт. Затем язык пламени шустрой змейкой скользнул под нижнее белье и поджег выбившийся из разошедшегося на боку шва клочок сена. Ну конечно, его, Ломаева, дурно пошили и не озаботились заштопать! Да и набили кое-как! Стоит ли возиться с тем, что все равно сгорит! На миг Ломаев почувствовал глубокое отвращение к бракоделам, но только на миг, потому что огонь начал пожирать его изнутри. Свалились унты, расселось прогоревшее брюхо, отвалилась голова, и Ломаев умер.

Умерев, он проснулся и немедленно о том пожалел. Тошнило; хотелось пить; в голове тяжело и надоедливо били в рельсу; потный живот сводило судорогой; ноги то отнимались совсем, то принимались беспричинно дергаться.

Ломаева ломало. Как' научник, привыкший доверять исключительно показаниям точных, поверенных метрологом приборов и лишь в крайнем случае своим глазам и ощущениям, он никогда не верил в полтергейст, барабашек и прочую муть, выдуманную жуликами для скорбных разумом обывателей. Но сейчас в нем поселился именно барабашка, причем явный хулиган с садистскими наклонностями. Вообще-то барабашки в людях не живут, но этот, вероятно, настолько надоед своим коллегам по ремеслу, что был сослан ими в первое попавшееся нетрезвое тело. В его, Ломаева, тело!

Стучало в затылке, висках и, кажется, даже в позвоночном столбе. Собравшись с духом, Ломаев потянулся всем телом и мужественно попытался не застонать.

Барабашка бесчинствовал. Все-таки не застонав, Ломаев открыл глаза и попытался определить, где он находится — в радиостанции или у себя? О том, что он мог выйти из радиостанции и свалиться в сугроб, не дойдя до своего домика, Ломаев, как всякий полярник, разумеется, не задумывался. Чудес не бывает. Раз поутру ожил — значит в тепле, иных вариантов нет. Стало быть, отключился он все-таки в помещении. Но где?

Чуть ли не в бороду упиралось нечто твердое, похоже — рифленая подошва тяжелого ботинка. Ломаев пихнул ботинок ладонью, и тот сделал слабую попытку отлягнуться в ответ. Ага, значит, ботинок не просто так, а на ноге... Чудеса... На российских антарктических станциях всякий нормальный человек носит унты, а если изредка и встречаются ноги в ботинках, то это ноги или сумасшедшего, или иностранца. Они дураки, унтов не разумеют...

Австралийцы!

Теперь Ломаев вспомнил. Да, хряпнули вчера изрядно, и австралийские коллеги отключились. А вот что было потом?.. Кажется, прикончили спирт на пару с Игорьком Непрухиным и легли баиньки. Прямо тут. Да, пожалуй, идти к себе в темень и туман в таком виде не стоило...

Стиснув зубы, Ломаев поворочался и, взгромоздившись на четвереньки, дотянулся до стола. Дальше уже пошло легче. Схватив жестяной чайник, Ломаев припал к носику с жадностью бедуина, нашедшего в Сахаре неизвестный прежде колодец. Воды в чайнике оставалось всего ничего, но на два полноценных глотка хватило, вслед за чем Ломаев окончательно ожил.

Оказывается, в помещении не было темно — под низким потолком на коротком, похожем на плодоножку шнуре тускло светилась груша, которую не кушают. В крохотное оконце также пробивался свет — стало быть, ночь кончилась. Светился индикатор питания радиостанции, почему-то только один из двух, и слегка пованивало едким дымком, как от тлеющей пластмассы.

На единственной койке мертвым сном спал Игорь Непрухин. Там же покоились обутые в меховые ботинки ноги Джереми Шеклтона. Сам же Шеклтон пребывал на полу и густо храпел — не иначе проснулся среди ночи, сидя за столом, искал, где прилечь, подвинул Непрухина и прилег было под бочок, но свалился с койки во сне. Беспокойный человек. Эндрю же Макинтош как сполз давеча по стене, так и спал, только ноги вытянул.

А откуда вонь?.. Ломаев принялся и чихнул, содрогнувшись от боли в голове. Барабашка сбежал, зато на внутренней поверхности черепа, казалось, выросли шипы и шевелились при малейшем движении.

Стараясь не вертеть головой, Ломаев поводил глазами туда-сюда. Вроде ничего не горело, зато появилось ощущение, что чего-то не хватает. Мучительно наморщив лоб, он оглядел помещение. Нет, никто не пропал, и ничего не пропало, вещи и тела были в наличии. А вот что действительно исчезло, так это звук — монотонный шелест встроенного в радиостанцию вентилятора.

Чело Ломаева разгладилось. Включенный на всю ночь передатчик, стало быть, уже не работал. Не гудел больше анодный трансформатор, и зря ухмылялся с боковой стенки небольшой приветливый череп, нарисованный фломастером. Все стало понятно. Испортился и встал кулер, через пару минут на необдуваемом радиаторе перегрелась и дала дуба лампа выходного каскада, от нагрева потекла изоляция, где-то замкнуло — вот вам и дымок. А дальше честно сгорели предохранители передатчика, не допустив окончательного отравления недоотравленных алкоголем тел, как отечественных, так и особо ценных, австралийских. Каковыми проблемами, без сомнения, не стоит отягощать начальство...

Ломаев слегка расслабился. Он боялся узреть с утра куда более печальные следы вчерашнего застолья. Если честно, то вчера того... перестарались малость. И хорошо, что вместо настоящей беды случилась всего лишь неприятность, к тому же не в его, Ломаева, хозяйстве, а у Непрухина, и вдобавок неприятность легко поправимая. Уж запасные-то лампы наверняка имеются.

За каким-то бесом крутился древний, просящийся в музей катушечный магнитофон «Тембр-2М», бесконечно волоча длинную закольцованную ленту. Звук был выключен. Несколько мгновений Ломаев силился вспомнить, что они с Непрухиным вчера хотели от магнитофона, и, наверное, вспомнил бы самостоятельно, если бы его мысли не были прерваны самым гру-

бым образом. Дверь домика рванули снаружи с такой силой, что она едва не слетела с петель, и в помещение вместе с клубами тумана ворвался Аркадий Степанович Типунов, начальник и гроза всяя Новорусской. Глаза его были вытарашены, рот распахнут, правую щеку дергал тик.

Левую, кажется, тоже. И вдвое чаще.

Могучий организм Ломаева уже в достаточной степени привел в кондицию рассудок, чтобы тот помог сообразить: что-то не так. Что-то случилось. И виновный в случившемся находится здесь, в этих стенах.

Силлогизм стремительно развился дальше. Что бы ни случилось, виновны в этом явно не австралийцы. То есть, может быть, и они тоже, но лишь за компанию. Будь виновны они одни — политкорректный Типунов не стал бы вламываться в радиостанцию так, будто намерен всех тут повязать, отвести на припай и скормить морским леопардам.

Наверное, вчера действительно начудили... Но как?!

Ломаев ждал начальственного рыка. Но начальство, окинув единственным, зато безумным взглядом внутренность домика с одним вертикальным телом и тремя горизонтальными, воззрилось на передатчик и магнитофон с таким ужасом, словно в последнем ползла не лента, а по меньшей мере гремучая змея. Вслед за тем из горла Типунова выползло свистящее, тоже напомнившее о змее шипение:

— Это что?.. Это как понимать?..

— А что такое, Аркадий Степанович? — спросил Ломаев приветливым голосом Хомы Брута, обратившегося к ведьме словами: «А чего, бабуся, тебе надо?» — Случилось что-нибудь?

— Случилось? — медленно произнес Типунов, растягивая шипящие согласные, как обозленный удав. — Сслучилоссь?.. — Задохнувшись, он метнулся к магнитофону, включил звук.

«...на весь материк, шельфовые ледники и прилегающие острова, исторически принадлежащие Антарктиде, а также территориальные воды и двухсотмильную экономическую зону. Считая самоопределение неотъемлемым правом каждого на-

рода, мы, антаркты, заявляем о своей твердой решимости защищать независимость нашей страны от агрессии лю...»

Нетрезвый голос Непрухина Ломаев узнал сразу. Вслед за тем начало припоминаться остальное, но как-то кусками. Осколками смальты. Сборке мозаики помешал Типунов, оставивший воспроизведение и с остервенением изорвавший ленту в клочья.

— Доигрались? Мать вашу! Независимость объявили, так? Нацию основать решили? Антаркты! Суверенные и неприсоединившиеся! Пьяное болото!

— А что там дальше было? — спросил Ломаев, изнывая от любопытства.

Типунов задохнулся. Увидев на лице начальника блуждающие фиолетовые и зеленые пятна, Ломаев ужаснулся. Вообще-то среди зимовщиков Типунов считался неплохим начальником, отдавать его во власть инфаркта было бы жалко.

— Да что вы, Аркадий Степанович, — изрядно осипшим голосом примирительно забормотал Ломаев. — Мы же понимаем, не младенцы. Папу Римского к едрене фене не послали, верно? Не послали. Джихад никому не объявили? Не объявили. Ни по чьему адресу не матерились? Не матерились. Так, пошутили немного...

Прежде чем рывкнуть, начальник станции издал слабый, полный муки мученической стон, не услышанный Ломаевым по причине похмелья. Затем тесное помещение радиостанции наполнилось ревом, от которого беспокойно заворочался под столом Макинтош.

— Пошутили?! Я вам пошучу! Вон со станции! Кто там за Шеклтоном прячется — Непрухин? Протрезвить мерзавца! Оба вон! Первым же бортом!

— Каким бортом? — озадаченно спросил Ломаев. — Туман же сплошной, самолет не сядет...

— Рассеется туман — сядет! Ил-76 примем. Из Владивостока. Ты лично полосу будешь расчищать! Один! Вручную!

Ломаев тяжело вздохнул. Недостаток научных знаний начальство во все времена компенсировало горлом. А зря, между прочим.

— Не рассеется туман, Аркадий Степанович, — сокрушенно покачал головой аэролог, разжевывая Типунову очевидное, и даже руками развел. — Теплый влажный воздух с океана над ледяным куполом — вот вам и туман. Он тут всегда будет, по всему побережью. Разве что стоковый ветер сдует его на фиг... Но хороший ветер с купола — это пурга, а в пургу самолет опять же не сядет...

— «Капитана Хлебникова» вернем!

Еще того лучше... Ломаев деликатно промолчал. Ляпнул Типунов сгоряча, с кем не бывает... Не такая шишка начальник антарктической станции, чтобы своей волей гонять по океану теплоходы. Да и начальнику всей экспедиции для этого не достанет шишковатости... Нет, случись настоящая беда, «Хлебников» вернется, но ради эвакуации двух провинившихся — держи карман. Круизные туристы Антарктиду уже повидали и видеть ее второй раз вряд ли захотят, правильно понимая, что Антарктида посреди Тихого океана — все равно та же Антарктида, ничуть не изменившаяся. Обещанную Тасманию туристы не увидят, и, надо думать, «Хлебников», вмиг перепрыгнувший полмира вместе с антарктическим шельфом, теперь держит курс на Гонолулу — пусть вместо Тасмании бездельники полюбуются на Гавайи. В рамках, так сказать, форс-мажора. Для северян там в феврале самый сезон. Кокосы, серфинг, пальмовое вино, танцы в тростниковых юбочках. А начальник Новорусской пусть сам расхлебывает свой прокол — распустил подчиненных, понимаешь...

Ломаев вгляделся. Нет, Типунов еще не понимал того, что главным виновным окажется он сам. Или делал вид, что не понимает. Есть такая забавная юридическая формулировка: виновность без вины. Как раз для него придумана.

— Да что «Хлебников», — со вздохом сказал Ломаев. — Далеко «Хлебников»... Ладно, признаю: напорол. Виноваты, искупим. — Он шагнул к койке и, не совсем деликатно сбросив с нее ноги храпящего Шеклтона, потряс Непрухина. — Игорек, вставай, тут такие дела...

Непрухин всхрипнул, свистнул носом, выдохнул порцию крепчайшего перегара и попытался перевернуться на другой бок. Ломаев затряс сильнее.

— Игорек...

— Уйди, — через силу простонал Непрухин. — Уйди или добей, нельзя так жить...

— Точно, — подтвердил Ломаев. — Без передатчика жить никак нельзя. Вставай, болезный, техника накрылась...

Глава 6 О ПОЛЬЗЕ НЕПРОЧНЫХ КОСТЕЙ

Типунов выскочил из радиостанции в бешенстве. Так он и знал, так он и думал! Нельзя было оставлять на зимовку Ломаева с Непрухиным, поганой метлой их надо было гнать из Антарктиды! Мало ли — не первая зимовка у каждого и незапятнанная анкета! Пьянь, хулиганье! Хуже того — уголовники! Подшутили над мировым сообществом... А оно, сообщество, таких шуток не понимает, за такие шутки приходится дорого платить. Вот пусть и платят! Пусть не воображают, что начальник станет их отмазывать, ему бы себя отмазать, он первый вставит им такой фитиль, что мало не покажется. И австралийцы не лучше, жаль, что с интуристов не спросишь по полной программе...

— Сволочи! — от души сказал Типунов в туман, как в вату. Жаль, что никто не слышит. Ну ничего, на экстренном совещании, назначенном через полчаса — раньше негодьям не протрезветь, — оба шутника услышат много ласковых слов. К сожалению, Ломаев прав: эвакуировать их будет затруднительно. Значит, до первого борта, когда бы он ни прибыл, оба посидят под домашним арестом. А вот как выпутываться из скандальной истории — тут еще нужно подумать. Раз уж дело дошло до самых верхов — жди беды. Понятно, надо оправдываться, кричать о глупом недоразумении, каяться и клясться, что самые строгие меры уже приняты. Поможет ли? Ох, не факт. И чем в конце концов кончится дело — неизвестно...

Ноги скользили. Снег в Новорусской и раньше был утоптан до предела, облизан талой водой и давно дошел до кондиции хорошего катка в оттепель. Теперь стало еще хуже. В кошках ходить по такому снегу... Попадались лужи. Где-то в тумане журчал ручей. Вот скотство — ветра нет, туман висит, как приклеенный. Уж лучше бы запуржило...

Сейчас же под ноги подвернулся Тохтамыш. Псина скулила, пытаясь подобрать под туловище разъезжающиеся в разные стороны лапы. С шерсти капало — не иначе друг человека уже не раз поскальзывался и падал прямо в лужу.

Злость была такая, что ни в чем не повинного пса хотелось пнуть. Однако Аркадий Степанович сдержал этот, безусловно, неблагородный порыв и взял в сторону, намереваясь обойти скулящее животное. Его ли вина, что он заметил гладкую скользкую рытвину лишь тогда, когда ступил на ее край?

Одно мгновение он пытался не упасть. Затем его ноги внезапно подлетели выше головы, правую руку пронзила острая боль, голова со стуком ударилась о лед, и Типунов потерял сознание.

Денис Шимашевич отнюдь не родился миллиардером. И родителей его во времена советской власти трудно было назвать богатыми людьми. Обеспеченными, даже зажиточными — вполне. А вот богатыми — вряд ли. Во всяком случае, отец Дениса, начальник отдела кадров одного из минских «почтовых ящиков», мечтал о «Мерседесе», а ездил на «Жигулях». Мать Дениса, сотрудница одного из отделов того же «ящика», мечтала о двухэтажном особняке, но была вынуждена довольствоваться трехкомнатной квартирой на Якуба Коласа. Правда, в хорошей сталинке. Но что такое треха в сталинке по сравнению с особняком на выезде в Дзержинск?

Поэтому и Денис, с детства имевший некоторые карманные деньги, всегда считал, что имеет их мало. И довольно рано стал задумываться над способами их умножения. Доить родителей он считал ниже своего достоинства, поскольку полагал себя человеком предприимчивым и умным, да и прекрасно со-

знавал, что родители не вечны. Более того, он очень быстро уловил, что и власть большевиков не вечна. Уже в начале восьмидесятых. И свято верил в собственное большое будущее.

Как показало это самое будущее — верил Денис Шимашевич не напрасно. К новому времени он сумел приспособиться гораздо быстрее и лучше родителей. Теперь он с улыбкой и легкой ностальгией вспоминал свои первые дела — осторожные операции с валютой, первые рейсы в Германию за бэушными стиралками и холодильниками... Конечно, все это смешные мелочи, но именно они закалили его ум и чутье будущего бизнесмена.

Денис, опять же, одним из первых понял, что вещи — далеко не самое ценное в этом мире. И даже сырье вроде нефти или металла — штука хоть и дорогая, но... Во-первых, давно поделенная, во-вторых, небесконечная и, в-третьих, громоздкая. Ко всяким МММ-образным пирамидам и прочему откровенному надувательству населения Денис сразу отнесся резко отрицательно. Главным образом оттого, что затейникам вроде Мавроди рано или поздно приходится драпать или того хуже — предстать перед судом, а такой финал любого предприятия Шимашевич считал совершенно неприемлемым для себя. Владеть нужно чем-то действительно стоящим, тогда можно это безбоязненно продать или сдать в аренду, причем без перспектив будущих прятков от властей и при крепком здоровом сне каждую ночь.

Сначала Денис занялся недвижимостью; довольно быстро это занятие привело его в Москву, где Шимашевич-младший и поселился. К этому моменту минский «ящик» родителей благополучно загибался от недостатка средств и хронического равнодушия со стороны власть предержащих; Денис вскоре перевез отца с матерью в Москву, объявив, что они давно заслужили пенсию, но не такую, какую платит государство, а такую, какую может безболезненно предоставить им любящий сынок.

Насчет любящего, кстати, все было честно: родителей Денис действительно любил и уважал, ведь не в последнюю очередь благодаря их ненавязчивому воспитанию Шимашевич-

младший вырос тем, кем вырос. И именно сетования отца, сокрушающегося по поводу своего безвременно почившего минского «ящика», навели Дениса на очередную идею.

— Какие специалисты, Денис! Какие темы! — вещал Шимашевич-старший, с удовольствием беря собственные раны. — Профессора сидят без гроша, потому что у этих сраных политиков нет ума вложить копеечку в будущее! У них есть ум только разворовать все сегодня, а на будущее им плевать!

Вложить копеечку в будущее Денис был вполне готов. И потому, что копеечка имелась, и потому, что отец, сам того не ведая, подсказал, как можно эту копеечку превратить в жирный целковый. Ибо выше всего в мире наживы и гонки к вершине ценится...

Правильно. Информация. Своевременная информация. Она всегда бывает востребованной.

Словом, спустя пять лет на Дениса и его компаньонов в Дубне пахал целый частный научный центр. Пользуясь знакомствами отца и бедственным положением ученых в Белоруссии и экс-СССР в целом, Шимашевич-младший отыскивал и перетягивал под Москву целые лаборатории. Из отцовского института, из других заведений — бывших «ящиков», открытых НИИ, университетов даже. Смежных направлений и совершенно отдельных. Минских, киевских, московских... И оборудовали этот центр Денис со товарищи, не жалея средств. Потому что прекрасно представляли: вложенные средства вернуться сторицею.

Понятное дело, не сразу. К чести Дениса Шимашевича, следует сказать: стратегическое мышление было ему не чуждо. Бывало, он отказывался от сделок, сулящих немедленную прибыль, чем приводил в изумление коллег и конкурентов. «Тише едешь — дальше будешь» — этой поговорки Денис не любил. Но если разовьешь предельную скорость, не зная, что за поворотом, — запросто окажешься в кювете, и пеняй на себя. Вернее, на свою неспособность просчитывать ситуацию на несколько шагов вперед.

Как-то незаметно трудиться в центре Шимашевича стало очень престижно, а главное — невероятно выгодно. Куда вы-

годнее, нежели мотать в Штаты или Израиль на весьма сомнительные эмигрантские хлеба. Денис давно пришел к выводу, что собственное богатство следует строить не на безжалостном обирании каждого члена своей империи, а на достатке и благополучии его. Все — от маститого ученого до последнего лаборанта или уборщицы — должны жить хорошо. Тогда им незачем будет уходить и предавать. А каждый выплаченный доллар завтра превратится в десять, в пятьдесят, в сто — только заинтересуй тех, кто имеет мозги, и тех, кто имеющим мозги ассистирует. И умело воспользуйся результатами.

Так было в теории. На практике — и так, и этак. Стратегия стратегией, но если окружающая действительность навязывает тебе свои представления о тактике, не стоит ими совсем уж пренебрегать, иначе сожрут. Для акул бизнеса идеалист — вкусный корм. Для делового человека компромиссы между целью и средствами необходимы как способ существования и опора для движения вперед.

К началу двадцать первого века Шимашевич торговал технологиями направо и налево, но не терял при этом обычной осмотрительности и не забывал прислушиваться к мнению компетентных в своих областях людей. Среди клиентов исследовательского центра в Дубне значились десятки медицинских и фармацевтических компаний, NASA, Пентагон, Intel, Microsoft, Вооруженные Силы России, Mitsubishi, Nokia, Sony, Nissan, Philips, Coca-Cola, Nike, Vodafon, General Motors, а также космические ведомства более двух десятков стран и международная служба Глонасс. На Шимашевича выходили через десятых людей исламские террористы, ирландские террористы, баскские террористы, еще черт знает какие террористы... Но оружием лаборатории Дениса не занимались. К нему обращались некие темные личности из Колумбии и Венесуэлы. Но наркотики лаборатории Дениса тоже не производили.

Империя Шимашевича без заметных потрясений пережила смену президента и неоднократные рокировки в правительстве. Его не раз пытались прижать государственные мужи — и не могли, потому что информация и технологии нужны всем,

в том числе и государственным мужам. Дениса неоднократно пытались втянуть в разборки политиков и медиамагнатов — Шимашевич и его люди всегда оставались по-швейцарски нейтральными ко всем без исключения и всегда вели дела с теми, кто платит больше. К моменту, когда Денис неожиданно для многих увлекся парусным спортом, его империя стала столь же неизбежной в России и всем мире, как Тибет в Азии. Живой и процветающий Шимашевич был для всех неизмеримо более выгоден, нежели Шимашевич, у которого дела пошли под откос. А поскольку он никогда не вставал ни у кого на дороге и никогда никого не обманывал...

Короче, его не трогали даже самые одиозные из политиков и прочих хозяев жизни.

Идея «гонки самоубийц» пришла к Денису после просмотра одного малоизвестного фильма под названием «Полным бакштагом к смерти». И еще после того, как он побывал в нескольких южных яхт-клубах. Ну и не в последнюю очередь в результате одного из свежезаконченных исследований в области климатологии и метеорологии. «Почему, — подумал Денис, — в «Вольво оушен рейсез» больше не участвует ни одна российская, или украинская, или хотя бы прибалтийская яхта? Почему буржуи могут себе позволить такую роскошь, а наши ребята-яхтсмены из провинциальных клубов вынуждены брать в гонку водку подешевле, чтоб больше получалось? Да и на чем они ходят? Нет, лодки в большинстве своем ухоженные и окруженные посильной заботой. Но они ж даже не вчерашний — позавчерашний день!! Некоторым по пятьдесят лет!»

И Денис, как обычно, справедливо рассудил: одна подаренная продвинутым людям яхта ничего не решит. Нужно, по обыкновению, начинать с низов. Нужно, чтобы у самых преданных рыцарей ветра и парусов, у истинных маньяков и фанатов, появились лодки посовременнее.

Так родились одновременно два мероприятия: кругосветная гонка малотоннажных яхт и дополнительный цех на одном из южноукраинских судостроительных заводов. Каждый, кто дойдет до финиша «Гонки самоубийц», получит круглень-

кую сумму... и возможность купить новую, свежестроенную в новом цеху яхту. Разумеется, по льготной цене.

В плане коммерческой выгоды дело выглядело на первых порах однозначно убыточным, хотя это Шимашевича совершенно не смущало. Он умел смотреть в будущее дальше, чем многие. И кроме того, ему страшно хотелось собственными глазами увидеть придуманную им экстремальную кругосветку, а охота зачастую бывает пуще неволи и вдобавок заставляет закрывать глаза на расходы.

Без хобби жить нельзя на свете, нет. В былые годы Денис перепробовал почти все классические увлечения нуворишей и остался ими недоволен. Он пробовал и пляжи Мальорки, но только покрывлся волдырями солнечных ожогов, и африканские сафари с бельгийкой-слонобоем шестисотого калибра, выплевывающей пулю весом в девяносто граммов с силой в четыре тонны, но повредил отдачей ключицу и на неделю оглох на оба уха, и дайвинг у Большого Барьерного рифа, где едва не был обкусан со всех сторон стаей мелких, но очень настырных акул, и полет через Шпицберген на Северный полюс, где отморозил ухо, и многое другое в том же роде. В конце концов все эти дежурные мелочи вытеснила одна, но пламенная страсть: яхты!

В первой гонке Денис Шимашевич решил лично не участвовать, предпочел тщательнее позаботиться о безопасности и обеспечении. А когда «Гонки самоубийц» перестанут быть новинкой, делом неизведанным и темным... тогда можно будет и оттянуться. По полной программе.

О безопасности и обеспечении Денис позаботился с присутствием ему размахом и предусмотрительностью. Задействованы были сотни структур по всему миру. Расходов оказалось куда больше, чем представлялось с самого начала. Но, в конце концов, так случается во всяком неосвоенном пока деле. Поэтому Шимашевич не огорчился и не отступал.

Гонка стала реальностью спустя три года.

Все остальное было чистой случайностью. Случайностей Шимашевич не любил, но считался с ними и всегда был готов

использовать их раньше конкурентов. Как ни жаль, не все на этом свете можно просчитать заранее.

Зато все можно использовать.

Небольшой холл в доме начальника станции издавна служил местом плановых и экстренных совещаний с руководителями отрядов и иным мелким начальством Новорусской. Сам дом, возведенный несколько раньше радиостанции, успевшей утонуть в снегу только наполовину, и вдобавок построенный в редкостно неудачном месте, давно был погребен вместе с крышей, выставив из гигантского плоского сугроба лишь вентиляционную трубу да тамбур, как ту соломинку, за которую без толку хватается утопающий. Тамбур тоже постепенно заносило; по мере его погружения приходилось углублять ведущую к входному люку траншею со ступенями, пока наконец не стало ясно, что проще уж нарастить лестницу и воздвигнуть на поверхности новый тамбур. Воздвигли, и все началось сначала. Теперь, чтобы спуститься вниз, приходилось преодолевать траншею плюс лестничный пролет.

Антарктическим летом лестница почти всегда была мокрая, сверху то капало, то подтекало, то капало и подтекало одновременно. Случалось, что воду из-под домика приходилось откачивать электрической помпой.

Причина, по которой на экстренном совещании отсутствовал начальник станции, была донельзя уважительной: Аркадий Степанович Типунов лежал на операционном столе в медпункте с открытым переломом руки и сотрясением мозга и дышал хлороформом, чего, впрочем, не замечал, так как с момента падения на лед не приходил в сознание. По той же причине на совещании отсутствовал начальник медпункта Валентин Валентинович Бакланов-Больших, в данную минуту вспоминающий навыки хирурга. Остальные были на месте.

Совещание открыл Ефим Евграфович Ерепеев, он же «Е в кубе», он же начальник транспортного отряда и заместитель начальника станции, волей-неволей исполняющий теперь его

обязанности. Вообще-то на антарктических станциях должность замначальника занимает обычно кто-либо из ученых, но на Новорусской сложилось иначе. Во-первых, не предвиделось больших санно-гусеничных походов. Во-вторых, четыре успешные зимовки говорили за Ерепеева лучше любых рекомендаций. В-третьих, Аркадий Степанович Типунов вообще слабо представлял себе ситуацию, в которой всю силу власти ему пришлось бы передать другому.

И, как оказалось, напрасно.

Ерепееву молчаливо сочувствовали, и он старался не показывать виду, насколько ему отвратительно неожиданное повышение в должности в самый неподходящий для карьеры момент. Всерьез разозлиться на Типунова он не мог — Типунову приходилось явно хуже, чем ему, — и он злился на себя за то, что согласился пойти в заместители. На себя он злился даже сильнее, чем на двух виновников паскуднейшей ситуации — Ломаева и Непрухина.

И без этих двух друзей-оболтусов у и.о. начальника станции хлопот был полон рот. А поразмыслить было некогда, давно наступило время принятия решений. Какие первоочередные работы проделать на станции — вопрос не праздный, но и не главный. Как убедить высокое руководство не карать направо и налево — вот вопрос из вопросов!

Основной передатчик Новорусской вышел из строя; в данный момент Непрухин занимался его ремонтом. Узнав, что единственная запасная лампа выходного каскада до сих пор венчает, аки шпиль, верхушку новогодней елки в кают-компании, Ерепеев вышел из себя и наговорил разных слов, хотя два месяца назад сам выклянул лампу на украшение нейлонового древа — эстетичная, мол, штучка. К счастью, лампа благополучно пережила новогоднее веселье. Протрезвевший Непрухин божился, что максимум через час передатчик будет «как новенький». Через полчаса даже!

Поскольку Непрухин чинил связь, в качестве жертвы присутствовал один угрюмый Ломаев, готовый принять на свою бычью шею все кары. С австралийцами решили не связывать-

ся — ну их, иностранцев, да и ясно как день, что на безобразную выходку их спровоцировали российские коллеги. За границей вообще есть многое, включая упомянутых в паскудной радиogramме утконосов, и своих оборотов там навалом, но таких, как наши, российские, сыскать трудно. Они эндемики.

Надо же такое выдумать — объявить суверенитет!

— Ну, — хмуро сказал Ерепеев, — что делать будем?

Никто не знал, что вопрос был риторическим. И.о. начальника станции уже знал, что он будет делать. Обоих виновников, Ломаева и Непрухина, изолировать на камбузе. Пускай картошечку почистят и поразмышляют о жизни и о себе, им полезно. Далее: как только восстановится связь, объяснить начальству недоразумение, списав его, понятное дело, не на пьянку, а на психическое расстройство двух полярников, приключившееся вследствие необъясненных пока наукой физических эффектов, связанных с перескоком материка. Не худо бы затребовать с Большой Земли медицинскую бригаду. С больных взятки гладки, и с их начальства тоже.

Единственный способ спустить все на тормозах. Правда, скандал велик, тормоза получатся жесткие, но иных все равно нет. Вообще-то двух придурков даже жаль — не видать им больше Антарктиды, — однако никто, кроме них самих, в этом не виноват. Никто. На этом пункте надо стоять твердо.

Ерепеев с сожалением подавил соблазн соорудить на весь свет рожу кирпичом, изобразив, будто ему вообще ничего не известно, и объявить случившееся безобразие выходкой неведомых радиохулиганов. Жаль, но ничего не выйдет. Учинят следствие и очень быстро докопаются. Всем коллегам рты не заткнешь. А кроме того, передатчик, скотина, сгорел далеко не сразу, успев прежде проработать несколько часов, и его точное местоположение наверняка было определено — хотя бы из космоса. Сволочи американцы набросали на орбиты уйму всякого железа...

— А может, и ничего, а? — робко промямлил начальник аэрометеотряда Пятко и, между прочим, непосредственный

шеф Ломаева. — Может, и обойдется? Связи-то пока нет. Может, они там уже все поняли...

В холле разом закричали и задвигались. Видно было, что эта мысль пришла многим по душе.

— Что поняли? — прищурившись, спросил Ерепеев.

— Ну... что все это дурацкий розыгрыш. По-моему, должны они понять, не глупые...

— А кто это «они»? Уточни, будь добр.

— Ну... в ААНИИ. И выше...

— Насколько выше?

— Ну...

— Баранки гну! — рявкнул Ерепеев. — Ты бы понял? Нет, не здесь, а находясь черт знает где отсюда. Что, да? Понял бы? Ты-то, может, и да, потому что кто ты есть? Никто. Какой с тебя спрос? Ты только за свой отряд отвечаешь, а если на тебе лежит ответственность куда как повыше, а? Ты не слышал, что в эфире делается? Послушай вон приемник. Нас уже узурпаторами называют. Чилийцы с аргентинцами заявили протест...

— А при чем тут Чили и Аргентина? — спросил кто-то.

— Ты что, неграмотный? — напустился на него Ерепеев. — Здравсьте-приехали! Они договор о статусе Антарктиды не подписывали и не собираются. И именно потому, что считают Антарктиду своей исконной территорией, понятно? Они, между прочим, давно поделили ее — половина вам, половина нам... Тут каша мирового значения! Из-за двух идиотов! Мало того что эти два голубчика ославились на весь мир, так еще и передатчик сожгли!..

Пятко с гадливой гримасой вбил в пепельницу окурочек. Будто клопа казнил.

Ломаев молчал, уронив подбородок на могучий кулак, глядя исподлобья, и был похож на помесь роденовского мыслителя с насупленным неандертальцем.

— А рации на вездеходах и самолетах? — подал голос кто-то.

— Слабые! С ближайшими станциями на континенте мы еще кое-как можем связаться, а с Большой Землей — вот! —

Ерепеев откровенно отбил на локте это «вот». — Через спутник — тоже пока никак. Уже пробовали. Так что же, просить соседей, чтобы передали наше опровержение? Не знаю кому как, а мне «испорченный телефон» не нужен. Да и стыдно. Лучше уж подождать полчаса — и самим...

— А с Новолазаревской? — настаивал тот же голос.

— С Новолазаревской связи нет, а с Беллинсгаузеном и недавно, — отрезал Ерепеев. — Есть связь с Мирным, но неустойчивая. Магнитная буря, наверное.

Сейчас он нагло врал в глаза своим товарищам — со станцией Новолазаревская, резиденцией начальника всей российской антарктической экспедиции Михаила Михайловича Троглазова, связь была, хотя и верно — неустойчивая. Немногие знающие об этом помалкивали, понимая, что и.о. начальника Новорусской просто-напросто оттягивает момент неизбежного тягостного объяснения. Ну что же, ждать починки единственного мощного передатчика — тоже занятие...

Минут через десять вялой дискуссии с Ерепеевым согласились все. Затем кто-то предложил дать слово Ломаеву.

— Это еще для чего? — долетел из угла чей-то дискант.

— А пусть скажет нам, что он сам думает обо всем этом...

Ломаев оторвал подбородок от кулака. Роденовский мыслитель сгинул — остался страдающий мигренью неандерталец.

— Здесь что, товарищеский суд? — сипло осведомился троглодит, встопоршив бороду, и нехорошо ослабиллся.

На него заорали — вразнобой, зато от души:

— А хоть бы и товарищеский... Мы тебе что, уже не товарищи? Брезгуешь, гад?

— Из-за тебя, урода, все, из-за тебя!

— Шутки ему!.. Кому шуточки, а всем без премии оставаться?

— Да если бы только без премии! Мелко берешь. Теперь у всех нас считай волчий паспорт...

— Тихо! Пусть скажет...

— Всех подставил, гнида!..

— У меня четвертая зимовка, а теперь что — весь послужной список псу под хвост? Искать работу на Большой Земле? Кем? Сторожем? Кому я нужен?

— У меня, между прочим, зимовка тоже не первая...

— Да тише вы!

— Что тут «тише»?! Морду ему набить, а уж потом...

— Нет, пусть он сначала скажет...

Ломаев воздвигнулся, едва не коснувшись головой потолка, большой, набрякший, как грозовая туча, и стало ясно, что шансы набить ему морду, мягко говоря, проблематичны. Разве что он сам позволит.

— Ну и скажу! — рявкнул он так, что все разом притихли. — Скажу! Да! Спьяну! Один я виноват — моя была идея! Сам и отвечу, никого за собой не потяну! Сам! Поняли? Кто не понял, кому повторить персонально? Теперь все, я могу идти?

Одну секунду висела тишина. Разумеется, не могло быть и речи о том, чтобы вот так просто отпустить виновника под домашний арест, не пропесочив его как следует, но много ли в том толку?

— А вот и второй именинник, — сказали у двери. — Починил уже, что ли? Э, ты чего? Ты не толкайся!

Но Игорь Непрухин не мог не толкаться — едва успев ссыпаться с лестницы, он влетал в холл пулей и был не в состоянии погасить инерцию. Да и не желал. Глаза — сумасшедшие, рот — вкривь.

— От астралийцев с Дейвиса! — выпалил он, напролом прораввшись к Ерепееву, и перед изумленными глазами и.о. начальника птицей порхнул торопливо исписанный бумажный листок. — И еще от американцев с Амундсен-Скотта. Передают непрерывно, просят отозваться...

Зашуршала бумага. Начальственный взгляд, суровый и деловой, забегал по корявым строчкам, и на чело Ерепеева пала тень. Многие видели, как и.о. начальника Новорусской сбился, заморгал и начал читать снова. Затем бумажный лист в его руках мелко задрожал.

— Это что-то... — начал Ерепеев.

Не сыскав в русском языке подходящего эпитета к неведомому «что-то», он осекся и вхолостую задвигал губами. Глаза его расширились и округлились, как у лемура, а лицо начало багроветь.

— Разыгрываешь, паскуда? Нашел, блин, время...

— Ни боже мой! — Непрухин отшатнулся и, как мельница, замахал руками. — Все правда! Наладил связь, и первым делом — вот...

Ему не хватило дыхания, что иногда бывало, и не хватило слов, что случилось с ним впервые. Он шумно втянул воздух и сглотнул слюну, зверски дернув кадыком. Руки остались в движении, и Непрухин выделял ими жесты, по-видимому, означающие: «Да что вы, мужики, стал бы я так шутить, я тут вообще ни при чем, я не я и кепка не моя...»

У Ерепеева, застывшего столбом с листком в руках, окончательно перекопилось лицо.

— Вслух! — потребовал из угла настырный дискант.

Строго говоря, и.о. начальника станции имел полное право не знакомить никого из подчиненных с содержанием любых радиogramм. Вспомнил ли «Е в кубе» об этом в данную минуту или нет, осталось неизвестным. Впоследствии он объяснял свое несолидное поведение крайним изумлением. Во-первых, он с хлопком закрыл рот, во-вторых, громко икнул, а в-третьих, приблизил листок к глазам, словно страдал близорукостью, и покорно и медленно начал читать вслух, выделяя каждое слово:

«Амундсен-Скотт. Подавляющим большинством поддерживаем российских и австралийских коллег и просим сообщить условия присоединения к Свободной Антарктической республике. Желателен скорейший обмен представителями для координации совместных действий. Можете ли принять самолет? Дайте метеосводку, сообщите состояние ВПП. Готовы вылететь немедленно. Мак-Мёрдо поддерживает. Уоррен, Тейлор».

Дальше Ерепеев читать не смог. Скомкав бумагу в кулаке, он ринулся вон из холла, и всем слышен был его drobный га-

лоп вверх по лестнице. Хлопнула дверь тамбура. Вне всякого сомнения, и.о. начальника станции помчался в епархию Непрухина лично проверить поступающие от иностранных коллег сообщения.

В наступившей тишине кто-то вдруг оглушительно расхохотался, и хохот этот был дик и жуток, как крик филина в крошечной ночи.

Ошалевшие люди вскакивали с мест. Загремели по дощатому полу отодвигаемые стулья. Вмиг стало шумно и тесно, словно холл съежился, испугавшись криков:

— А Дейвис? Дейвис что?

— Да почти что то же самое! — завопил Непрухин, перекрывая общий гвалт. — А кроме того, они восхищаются нами, а также двумя своими соотечественниками — Шеклтоном и Макинтошем, значит. И тоже спрашивают насчет ВПП...

От общего вопля с потолка что-то посыпалось.

— Ну надо же! — хохотал, подвывая и колыхаясь, завхоз Недобитько. — У-у... у всех одни и те же мысли! У американцев, у австралийцев, у наших... У-у-у... у меня, признаться, тоже были, но не решился... Теперь... у-у... не попаду в отцы-основатели нации антарктов...

— Попадешь! — орали ему в ухо. — Памятника тебе, правда, не поставят — вот этим двум идиотам поставят, а тебе нет, — зато твое пузо, может, на барельефе изобразят, знаешь, бывают такие многофигурные штуковины вокруг цоколя...

И еще многое кричали ошалевшие люди с вытаращенными глазами и хлопали друг друга по спинам, возбужденные и несолидные, как дети или болельщики. С шаткого столика спрыгнул узорчатый графин цветного стекла и распался на осколки с мерзким бутылочным звоном. Как видно, на счастье.

— Не может быть, — потерянно бормотал забытый всеми Ломаев, обращаясь преимущественно к своей бороде, поскольку никто из присутствующих его не слышал и уже давно не слушал. — Бред какой-то. Нет, так не может быть, так попросту не бывает...

Глава 7

ОТВЕТ КЕРЗОНУ

ИЗ ЗАПИСОК ЛОМАЕВА

«Не знаю у кого как, а у меня не было и нет сомнений: не сломай Типунов руку — сидеть бы мне и Игорьку под арестом до первого рейса на Большую Землю. Тем бы дело и кончилось, это я вам говорю. Пошумели бы и успокоились. И коллеги-иностранцы успокоились бы, пойдя мы на попятный. И вообще все понемногу успокоилось бы. В общем, Троеглазов получил из родного института Арктики и Антарктики втык и внушение: разобраться, принять меры и доложить. Раздраженная телеграмма была подписана всего-навсего директором ААНИИ, а послал ли он ее по своей собственной инициативе или дождался пинка сверху — то темный лес. Лично мне это не очень интересно. Важен факт: сразу после радиограмм от американцев и австралийцев было принято сообщение из Новолазаревской: Троеглазов, настроенный свирепо, требовал, разносил и грозился карами. Правда, обращался он при этом к Типунову, все еще пребывавшему под наркозом в медпункте.

Субординация! Ясное дело: будь Типунов здоров и вменяем, он щелкнул бы каблуками и мигом навел порядок. Всем известно, что такое начальник среднего звена — трансмиссия с гидроусилителем, дабы стучать кулаком, если сверху погрозили пальцем. И Троеглазов такой же. Так что еще оставалась возможность объявить все глупой шуткой, наказать виновных и о шутке забыть. Но... не сложилось.

Разумеется, наказаны были бы все, а не только мы с Непрухиным. Типунов как начальник станции — в первую голову. Тем охотнее он стал бы чинить расправу... не окажись лед таким скользким. Что до Ерепеева, то он какое-то время пребывал просто-напросто в прострации, не зная, что делать, — ну и дождался следующей радиограммы. Уже с Большой Земли.

Она была страшна, эта радиограмма. Меня и Непрухина в ней объявляли изменниками Родины, сепаратистами и отще-

пенцами. Говорилось о попустительстве и пособничестве. Большая Земля клятвенно уверяла, что все сестры получают сполна свои серьги и виновные обязательно понесут суровое наказание. Более того, намекалось, что в скандальной хулиганской выходке (если это только хулиганство, а не нечто большее!) виновны, хотя и в разной степени, все без исключения зимовщики, коим и предлагалось смягчить свою вину такими-то и сякими-то мерами. Прошу заметить: всего лишь смягчить вину, а не оправдаться полностью! Вот так.

А в чем, спрашивается, должны были оправдываться Ерепеев, Жбаночкин, Нематодо и все остальные? В том, что мирно спали, вместо того чтобы денно и ночью держать нас с Игорьком и австралийцами на мушке?

Даже я, один из прямых виновников, озверел с этой радиограммы. Карать-то карай, но не всех чохом! Что еще за коллективная ответственность, ровно в чингизовой орде?

А главное, эта радиограмма помимо обычной связной частоты пошла в вещательном диапазоне КВ на весь мир. Открытым текстом. Хуже того: она была подхвачена повсеместно и не раз звучала в эфире как на родном русском, так и в переводах на английский, немецкий, французский и, кажется, даже китайский. Кто-то из наших перенастроил спутниковую тарелку, и теперь в кают-компании постоянно толпился праздный народ, обсуждающий свежие новости Си-эн-эн. Наша слава оказалась столь же сомнительна, сколь и ослепительна. Наверное, за все время с того дня, когда Беллинсгаузен наткнулся на «матерой лед», об Антарктиде не было сказано столько слов, сколько за один только день. Были забыты похороны всемирно знаменитой поп-звезды, подавившейся на концерте микрофоном. В кают-компании яблоку негде было упасть. А затем...

А затем на экране возник наш президент и в краткой энергичной речи дал суровую оценку «антарктическому инциденту», как это теперь называлось. Решительно отмежевываясь от «полярно-экваториальной нелепицы», Россия осуждала тех, кому она на руку, призывала не ловить рыбу в мутной водиче

и очень, очень настойчиво обещала наказать виновных, попадающих под ее юрисдикцию. С более пространным, однако выдержанным в тех же непримиримых тонах заявлением вскоре выступил министр иностранных дел.

Как всегда, мировая общественность в лице Си-эн-эн не очень-то верила в искренность российских заявлений. О комментариях упомянутой мировой общественности и говорить не хочется.

Кают-компания тряслась от взрывов негодования. Взрывы были сдвоенные: сперва взрывались те, кто хорошо понимал по-английски, потом все остальные, чуть только им переводили смысл сказанного. Пес Тохтамыш, не упускавший ни одного случая нырнуть из сырой туманной промозглости в тепло помещения, — и тот гневно облаивал чужеземных дикторов, по-моему, жалея, что не может покусать поганцев. Одним словом, информационная шумиха развивалась по стандартному сценарию.

Удивляться — не удивлялись. Привыкли. Задолго до антарктического прыг-скока привыкли. Информационная обработка есть информационная обработка. Дело обычное, технология знакомая. И набить морды хотелось именно дикторам, а не их хозяевам.

Да, да, я знаю, мне объяснили: телеведущие информационных программ подбираются не только из людей приятной внешности с уверенными повадками и безупречной дикцией — этого мало! Они подбираются из людей внушаемых. Ведущий должен быть непоколебимо уверен в том, что изрекает правду, только правду и ничего, кроме правды. Но тогда, извините, он дурак с фаршированными мозгами, а дураков и в алтаре бьют. Жаль, что мы были никак не в состоянии дотянуться до их открытых и честных физиономий.

И что удивительно: о прыжке Антарктиды, об этом потрясающем геофизическом феномене уже почти не говорили, да и то болтали больше не о причинах, а о последствиях. Нашелся, правда, один журналюга, объявивший земную литосферу разумной и дееспособной, но успеха не имел. Как будто все,

что способно прыгать, — разумно! Лягушки, например. Однако вломить этому юродивому так, как он того заслуживал, никто не удосужился. Неинтересно, видите ли. Публике скучно. Обыватель, по большому счету, не хочет знать, ПОЧЕМУ произошло то-то и то-то; он хочет знать, ЧТО ИМЕННО произошло, да и то лишь для того, чтобы держать нос по ветру, пытаясь догадаться, что произойдет в дальнейшем. Людям вообще свойственно переоценивать свои способности.

Дальше — хуже. Для начала мы узнали, что авианосная группа в составе авианосцев «Томас В. Вильсон», «Эндрю Джексон» и кораблей поддержки получила приказ направиться к берегам Антарктиды. Нашу пьяную радиограмму о независимости объявили чудовищной провокацией, направленной, само собой, на подрыв мирового сообщества, вот только не могли решить, чьей провокацией: русских? антиглобалистов? международного терроризма?

А может, австралийских утконосов?

На причастность России пока только намекали. По всему видно, эта версия держалась в запасе. Во всяком случае, об участии в скандале двух австралийцев предпочитали не вспоминать. В рукаве всегда оставался козырь: неизвестно, мол, какие «меры убеждения» применили эти русские к несчастным Шеклтону и Макинтошу, и неизвестно, имеют ли австралийцы вообще какое-либо отношение к наглому вызову всей мировой общественности.

С русских станется! Кто столь недавно расстался с тоталитарным прошлым, тот — о-о-о! — на многое способен.

Да на что он способен-то? Спирт пить? Это да, это мы умеем получше всяких австралийцев. С примкнувшими к ним утконосами, как сказал бы Игорек Непрухин.

Насчет антиглобалистов говорили больше, но как-то без адреса. Где их искать? Вокруг европейских саммитов — пожалуйста! Сколько угодно. Там они собираются в стаи, шумят, требуют от цивилизации справедливого самообустройства и прочих небывалых чудес, заодно обеспечивая стабильную прибыль производителям пива, водометов и слезоточивых гранат.

А в антарктической природе таких зверей не имеется, это я вам точно говорю. Почему? Да как-то так само собой получилось, что здесь нужны люди, умеющие работать — матерьясь, быть может, но работать, а не бесноваться почем зря и, главное, без всякого толку.

О терроризме и террористах шумели громче всего и были потрясающе убедительны. Даже я, уж на что не гожусь в дикторы, и то стал оглядываться: не маячат ли где поблизости смуглые ребятишки из Аль-Каиды? Понятное дело, никакой критики эта версия не выдерживала уже потому, что мусульман на всю Антарктиду сыскалось бы от силы особи две, и то вряд ли. Ну не озаботился никакой эмират заранее построить здесь свою станцию! И никакая тайная организация этим не озаботилась — на что ей замороженный насквозь континент? Аллах, знамо дело, акбар, но мозги-то надо иметь!

Получалась фантастика. Если некая глубоко законспирированная международная террористическая организация задумала использовать Антарктиду как плацдарм — она должна была начать действовать практически мгновенно после перескока континента на экватор. Более того, она должна была заранее провести всю подготовительную работу. Отсюда с неизбежностью следовал вывод: таинственная организация знала о предстоящем прыг-скоке и — страшно сказать, — возможно, сама его и организовала...

Хотел бы я знать — как?!!

И почему в таком случае неведомые злодеи не уложили Антарктиду прямо на США? Трансантарктическими горами — на их Скалистые, вулканом Террор — на Капитолий? Вышло бы куда эффективнее, да и символичнее... Несли материк, но не донесли, что ли? Из рук по пути выпал?

Но логика в таких случаях приходит задним числом, а пока она в пути, обыватель думает задним местом. Не надо обижаться, я ведь говорю и о себе тоже. Ну не дошла до меня сразу истина даже в первом, самом верхнем ее слое! И весь первый день она ни до кого не доходила. Кто-то работал по привычке, кто-то работать не мог и торчал в кают-компании, внезапно

стушевавшийся Ерепеев пребывал в жалкой тоскливой растерянности, а Непрухин, окруженный незаконными зеваками, сидел сиднем в аппаратной и азартно принимал радиogramмы от новозеландских, немецких, японских, французских, польских коллег, каких-то ненормальных яхтсменов, уткнувшихся в ледяной барьер посреди Тихого океана...

А мы молчали. Позорно молчали.

Возмущение угрозами Троеглазова и обещаниями президента наказать виновных — было. Владело всеми. Никто, однако, не решался сделать следующий шаг. Ерепеев — он ничего, неплохой мужик и не глупый, но корпусом быстрого реагирования ему не командовать. Каждое серьезное решение он должен сначала выносить, как пингвиниха яйцо, а потом уже... Словом, на начальство надежды рухнули, тем паче что прооперированному Типунову было совсем худо не столько от перелома, сколько от сотрясения мозга.

Теперь, спустя энное время, я, грешным делом, думаю, что, может, оно и к лучшему...

Часам к четырем пополудни по поясному времени в кают-компании накурили и надышали до того, что находиться там стало невозможно. В радиодомике — тем более. Я вышел подышать, а заодно навестить аэрологический купол.

Было тепло — даже в расстегнутой каэшке. Орала поморники. Туман заметно поредел, и над головой клонился к западу диск — не диск, а так, какая-то невзрачная солнечная амеба. Помнится, я еще подумал о том, что летчики сегодня вполне могли бы совершить рейс. Если, конечно, расчистить взлетно-посадочную площадку.

Никто ее не расчищал. Не до того было.

Мне тоже не работалось, хотя надо было работать, еще как надо! Внезапное изменение местоположения материка — это вам не хиханьки, тут такие природные механизмы могут прийти в действие, что вообразить страшно. Помнится, я еще подумал: странно, что нас до сих пор не потрянуло таким землетрясением, какого человечество никогда не видело и не хочет видеть. Удивительно, что материковая плита вообще сохрани-

ла целостность, не поломавшись на части, как шоколадка. Заодно мне пришла в голову мысль об Атлантиде — а что, если она вот так же скакнула, но напряжения в земной коре превысили предел прочности гранитов... и где теперь та Атлантида? Ау! Разломилась и булькнула — только ее и видели.

Кора корой, думал я, плита плитой, но и в атмосфере должны начаться такие пертурбации, что чертям тошно станет. Шутка ли — на экваторе возник гигантский холодильник, и, кажется, надолго. Пока купол не растает. Надо подсчитать, что и когда произойдет, а как считать — пес его знает. Существовавшие до сих пор атмосферные модели были хороши, пока материки стояли на своих местах и океанские течения текли в общем и целом туда, куда надо. Даже поганое Эль-Ниньо прогнозировалось достаточно уверенно, равно как и его последствия. Теперь что прикажете делать? Точность старых моделей в новых условиях — плюс-минус два лаптя и один безразмерный валенок; как хочешь, так и интерпретируй данные. Откуда и когда ждать тайфуна — неведомо, да и в верхних слоях такое начнется... Совершенно новая схема воздушного переноса! Циркумполярный вихрь исчез — раз. На пути пассатов возник мощный постоянный антициклон над ледяным куполом — два. Что из этого воспоследует, можно уже сейчас прикинуть на пальцах, да только цена таким прикидкам — кал тюлений. Считать, считать надо! И быть готовым к тому, что все расчеты пойдут псу под хвост из-за недоучета какого-нибудь ма-а-аленького фактора!

Интересно все это, безумно интересно. Я-то понимал, что половина аэрологов планеты легко согласилась бы отдать пять лет жизни, чтобы поменяться со мной местами, но в тот момент ничего поделаться с собой не мог. Все валилось из рук. Надо было хотя бы добыть водорода и запустить шар-зонд, и лучше не один, — а я не мог себя заставить. На месте, однако, тоже не сиделось. Проверил оборудование, снял кое-какие показания и спустя примерно час понял, что ничего я тут не высижу. Каюсь, но мысли мои были крайне далеки от науки. Мысли были совсем о другом.

Возвращаться в кают-компанию не хотелось, идти слушать радиозфир — тоже. Хотелось либо напиться и уснуть, либо изнурить себя до изнеможения физическим трудом — расчислить ВПП, что ли. Только не бульдозером. Лопатой. Да. Во исполнение устного приказа Типунова. Чтобы забыть. Чтобы хоть какое-то время не вспоминать, что все это добром не кончится, не может закончиться!

Ну поорали все хором с выпученными глазами, ну на минуту почувствовали себя антарктами, ну и что? Дальше-то как быть? Толпа неразумная. Похмелье — теперь я это отчетливо сознавал — придет очень скоро. В конце концов, здесь у нас не балаган какой, здесь собрались в общем-то здравомыслящие люди. Серьезные. Нет, их, как и вообще всяких людей, может иногда увлечь безумная идея... ненадолго.

Вот именно, что ненадолго. Здравый смысл возьмет верх — и отступятся. Правильно, между прочим, сделают. И я хорош! Пить толком не научился! Ну разве сотворил бы такое на трезвую голову?!

Козел отпущения — я. Дурная моя перспектива, ох дурная... И поделом. Все правильно: дурной голове — дурную перспективу...

Справедливо. Но обидно.

Обидно мне было до того, что хотелось заехать кому-нибудь в рыло. Так сказать, превентивно. Ведь ясно же было как день: чуть-чуть задумаются коллеги — и отыграются на нас с Непрухиным. Сдадут. Сожрут. Утопят. Неизбежно. А на ком им еще и отыгрываться-то? Кого делать козлами отпущения?

Впору было завывать на все побережье. Братцы-людоеды, да за что же вы меня?..

Тут вижу: навстречу мне прямо из кают-компании торопятся Коля Пятко — начальник аэрометеоотряда, то есть мой шеф непосредственный, — и с ним Витька Жбаночкин, метеоролог. Спешат, луж не замечают. Увидели меня — прибавили шагу. Глаза у обоих шальные. И с налета, с поворота — хрясть мне по зубам! Жбаночкин-то промахнулся, потому что у меня голова от первого удара мотнулась, — а Пятко попал.

— Сволочь! — шипит с каким-то даже истерическим призывом. — Все из-за тебя!

Сплюнул я кровь на снег, утер рот кулаком, и тут бы им обоим худо пришлось, потому что в тот момент я себя не помнил. Изуродовал бы, честное слово. Чего мне терять?

Витька — умница. «Стой!» — кричит. Притормозил я замах, стою. Терплю. Отчего бы не потерпеть одну секунду? Трудно, но можно. И чувствую: дольше секунды не вытерплю.

— Допрыгались! — вопит Витька и за грудки меня — хват! Мне «стой», а сам не выдержал. — Преступники мы теперь, понял? Только что приняли по Си-эн-эн. Уголовное дело на нас заведено! Статья об измене Родине, между прочим! Понял, кретин, что ты наделал?

— Чего-о? — не верю ушам. — Очумел?

— Того! Генпрокурор выступил. Тебе, Непрухину и всему зимовочному начальству — статья! А заодно всем вашим пособникам, до кучи! — визжит Витька, а Коля снова налаживается приложить мне по уху.

Второй раз это еще ни у кого не получалось. Оторвал я Пятко от себя, приподнял, потряс немного, чтобы в чувство привести, а у самого на душе гадостно-гадостно.

Спрашиваю Витьку:

— А ты-то тут при чем? Вот он, — киваю в сторону Коли, — начальство какое-никакое, а ты? Сразу в штаны наклал? Ты-то с какого боку пособник? Да таких пособников, знаешь, человек с полтысячи по всем станциям наберется плюс пингвины с тюленями. Крыша поехала, да?

Пятко хрипит и брыкается, а Витька наскაკивает и шипит змеем:

— Крыш-ш-ша? Коз-зел! Да кто там станет разбирать: пособник — не пособник? Насчет независимой Антарктиды все орали! Что, не так? Не было этого? Насчет отцов-основателей — тоже орали! Антаркты, блин!.. Думаешь, никто не заложит?..

И далее гонит в том же духе, да только все зря и куда-то вбок. А я ясно вижу: его, Витьку Жбаночкина, никому и зак-

ладывать не придется, незачем это делать. И не у него поехала крыша, а у меня. Это я от Родины оторвался, потому что совсем забыл, как такие дела у нас делаются. Вали кулем, после разберем!.. И ведь разберут! Так разберут, что мало никому не покажется. Чтобы, значит, успокоить мировое сообщество. С чего я взял, что козлами отпущения окажемся только мы с Игорьком да наше начальство? Да сейчас на этих самых «козлов» начнется загонная охота! Всем, всем придется доказывать, что никакие они не «козлы»! И, конечно, не верблюды.

Хрен докажут.

Опомнился я, поставил Колю на ледяную твердь, пока он не задохся, а у самого мысли ясные-ясные. Только теперь похмелье окончательно из головы выскочило.

Одно ясно: каяться никак нельзя. Сечет меч повинную голову, еще как сечет! С радостным посвистом.

Ох, не загоняйте вы крысу в угол...

— Чего нюни распустили? — говорю я строго. — А ну пошли в кают-компанию.

— Зачем?

— Хором обмозгуем. А захотите меня линчевать — пожалуйста! Только сразу. Вы что думаете, я каждому болвану по отдельности буду морду подставлять?

«Болвана» они проглотили.

В кают-компании — дым коромыслом. Гвалт, стоны, скрежет зубовой. Увидели меня — на секунду замолкли, а второй секунды мне и не понадобилось. Упредил — рыкнул, чтобы не вякали, и, пока не опомнились, толкнул речь.

Сперва по Фемистоклу: бей, но выслушай. Потом доходчиво объяснил тем, кто туг умом и еще на что-то надеется, кто они такие и что с ними Родина сделает. Да, да, по моей вине, без вас знаю! Но чтобы нас наказать, надо сначала сцапать, так ведь? А как нас сцапаешь, пока мы на Белом континенте, а? Думайте! Да никак! Экстрадиция? Какая может быть экстрадиция, когда Антарктида не государство... то есть, пардон, уже государство, но пока не обремененное никакими международными соглашениями? Группу захвата, что ли, вышлют нас брать?

Тоже нет: Россия всю демонстрирует приверженность договору о ничейном статусе Антарктиды, следовательно, не пошлет сюда ни одного вооруженного человека. Чтобы не провоцировать супостатов. Ну и как нас, спрашивается, можно повязать? Да только уговорить сдаться добровольно, никак не иначе!

— Голодом выморить, — мне в ответ.

На это я даже отвечать не стал. Да и оппонент не настаивал — опомнился, сообразил, что чушь сморозил. Продовольствия и топлива у нас запасено на всю зимовку, причем с резервом, то есть до января будущего года мы наверняка дотянем, а в режиме экономии — и до мая. В конце концов, можно тюленей бить, рыбу ловить. Пингвинятина — гадость, но тоже еда. Не сдохнем!

А за год с лишним всякое может случиться.

— Между прочим, — продолжил я заговаривать им зубы, — в тексте Вашингтонского договора, насколько я помню, нет ни слова о возможности самоопределения антарктической нации. Там другое: подписавшие договор страны отказываются от прав собственности на Антарктиду. Так что мы, ребята, в своем праве и ровным счетом ничего не нарушили. Это наша земля, наши льды! И море на двести миль вокруг — наше! А если какая вооруженная группа по мандату ООН или, скажем, НАТО без всякого мандата попытается нас отсюда выставить — правы будем мы, а не они! Мы не нарушили ни одного международного закона!

— Какая им разница, кто прав! — сердито бурчит кто-то.

— Верно, — говорю, — но сейчас это дело десятое. А первое вот: надо немедленно выйти в эфир и подтвердить существование суверенной, свободной, миролюбивой, неприсоединившейся Антарктиды каким-нибудь декретом или манифестом... наплевать каким. Любым. В общем, наш ответ Керзону. Выразить недоумение реакцией некоторых — без имен — политиков. И подписать так: временный правительственный совет Антарктической республики. Далее — установить прямые контакты с иностранными коллегами, а то неудобно получается: они к нам просятся, а мы молчим. ВПП — расчис-

тить. Летать! Какие там яхтсмены застряли неподалеку? Сюда их, к нам! В следующем сообщении отметим: республика обладает морским флотом и готова обзавестись речным, как только подтаает купол... Вообще надо всячески проявлять активность — кто не активен, тот труп. Что примолкли? Да поймите вы наконец: нет у нас иного выхода, ну нету!..

Накинулись тут на меня, загорланили, но уже видно: морду мне шупать не станут. Загрузил я им мозги работой. Со мною бы сразу согласились, но вот в чем главная проблема: семьи-то у всех на Большой Земле остались. Жены, дети. В спальнях все стены фотографиями увешаны. Бобылей среди нас мало. Нервничают коллеги.

Как будто меня в Твери Валя не ждет с двумя пацанами!

Поднял я руку, потребовал тишины и доказал им как дважды два, что прав я, а не они. Зимовать на Новорусской мы все равно собирались, так? Настраивались на то, что полтора года никто из нас своих близких не увидит? Не слышу! Ах, настраивались? Ну и чего же вы тогда ждете? Полагаете, наших близких из-за нас на благодатный Таймыр сошлют? Это вряд ли. В самом худшем случае на них давить станут, чтобы через них на нас воздействовать, да и то я в это не верю. Год-полтора мы здесь продержимся, а за это время ситуация может перемениться на противоположную. В любом случае говорить с кем бы то ни было надо только с позиции силы, иначе нас сожрут и не поперхнутся! А так — начнут уважать. И прецеденты есть. Забыли, что ли, как при Ельцине с чеченами договаривались?

Мне потом признавались некоторые: именно этим аргументом я их и добил. Сообразил народ: даже если суверенными антарктидами нам не быть, все равно можно выторговать сносные условия, если гнуть свою линию. Это в худшем случае. А в лучшем — интересные перспективы могут открыться. Очень интересные!

Поспорили-покричали только для порядка. И вижу: глаза у коллег вновь понемногу начали разгораться. Вот это правильно! Так и сели сгоряча сочинять обращение к мировому сообществу и всем людям доброй воли — мол, суверенитет нами

объявлен не просто так, не проформы ради, а с благим намерением не допустить конфронтации между державами, а также с целью ослабить региональные конфликты по всему миру. Готовы принять всех обиженных, не самоопределившихся, за исключением находящихся в розыске террористов. Курды, ирландцы, баски — айда к нам! Всех примем, хоть эфиопов, всем места хватит! Только не забудьте захватить с собой шубы и валенки с галошами.

Тут же, ломая карандаши, сочинили по настоянию завхоза Недобитько заявление временного правительственного совета: Свободная Антарктида не принимает на себя ответственность за жертвы и разрушения, вызванные прокатившимся по акватории Тихого океана цунами, а также за судьбу оказавшихся близ Южного полюса полинезийцев с их островами, поскольку на момент перемещения материка Свободная Антарктида еще не существовала как суверенное государство. Решили, что для начала хватит, и совсем уже было собрались топтать к Непрухину в радиодомик, как вдруг у очнувшегося Ерепеева возникает вопрос:

— А кто, собственно, у нас входит в этот... правительствующий Сенат?

Делаю широкий жест:

— В правительственный совет, между прочим. Кто входит? Тыходишь. Я вхожу. Типунов пока не входит по болезни. А так — все входят. Шеклтон и Макинтош тоже входят, потому как они теперь одной нации с нами. Сколько нас на станции? Двадцать семь душ всего-навсего. Что мы, меж собой договориться не способны?

На том и порешили.

И чудно: толпа как-то сразу начала рассеиваться, к Непрухину отправились человек пять всего-навсего. Никто не командовал, каждый сам нашел себе дело. Рачительный Недобитько прямо в кают-компани засел за расчет норм потребления еды и солярки. Механики вышли на бульдозерах ВПП чистить. Авиаторы технику готовят. Ерепеев со своими ребятами над картой колдует — прикидывает бросок к яхтсменам

на одном-двух вездеходах. Иные вернулись к науке, а иные добровольно ломачи желобы долбят для стока талой воды. Завертелось дело.

А где-то через час после этого очухался от наркоза Типунов, зеленый весь, тошнит его, смотреть жалко, но первым вопросом: какие, мол, новости? Ему и сказали какие. Он крепкий мужик, оттого не помер сразу, только сознание потерял, а врач погнал нас из медпункта.

Шеклтон и Макинтош, между прочим, еще дрыхли после вчерашнего, только уже не у Непрухина, а в гостевом домике. Кто-то из наших помог им добраться до коек, дабы иностранные тела не загромождали ценное пространство подле передатчика и прочей непрухинской машинерии. А только какие они теперь иностранные? Свои! Свои в доску.

— Эй, соотечественники! Подъем!

Сдернул с них одеяла, распахнул двери тамбура, пустил через порог холодный воздух — зашевелились. Поднес им воды попить — замычали страдальцы и ожили. Морды помятые, в глазах муть плавает, однако вижу: воспринимать информацию уже способны.

Ну я им и выложил всю информацию.

И что бы вы думали — удивились они? Схватились за голову? Ничуть не бывало. Андрюха Макинтош буркнул «йес», а Ерема Шеклтон добавил «оф коз» — вот и вся их реакция. Поплескались под ручкойником, а через пару минут предстали уже почти в человеческом облике.

— О'кей. Что есть нам дьелат? Ми готоф.

Я так удивился, что отправил обоих в кают-компанию — пусть им там кто-нибудь дело найдет, — а сам был сильно озадачен. Вот вам и одна нация — антаркты! А на поверку выходит, что все разные. Это что же получается: и спирт на нас по-разному действует? Мы-то с Игорьком больше куражились по пьяной злобе, а они — всерьез? В полном здравии не тела, но ума?

А впрочем, почему бы нет? Их-то Австралия изменниками не объявляла. Да и какие они изменники? На свободе свихнулись? Так уж воспитаны. Тонко чувствуют разницу между стра-

ной и государством? И это тоже. Для англосакса родина по большому счету там, где говорят по-английски. Кроме того, они оба ученые. Умеют мыслить немножко шире, чем всякие прочие. Наверное, Шеклтон и трезвым готов повторить то, что бормотал вдрызг пьяным: факин политик — гоу хоум...

·Если бы с нашей братией было так легко!

Если бы...»

Место под стоянку выбрали несколькими десятками миль севернее, где лед не просто вставал из воды стеной, а образовывал плавную ложбину наподобие привычных долин Днепровского или Бугского лимана. «Фестиваль», судно обеспечения, пошарил вдоль побережья эхолотом: глубина у ледяного «пляжа» колебалась в пределах четырех—девяти метров. Яхты ставили на якорь, кормой к берегу; на сушу выносили длинный конец и крепили к металлическим колам, вбиваемым во льды. «К мертвякам», — кратко сказали бы полярники; яхтсменам же еще предстояло овладеть местной терминологией.

Тут планировали отсиживаться минимум неделю — так объявил Шимашевич.

Океан у побережья парил. Туман успел всем осточертеть. Соседние с «Анубисом» яхты едва угадывались по обоим бортам. Стоило выйти на берег — и собственная яхта тоже пряталась в густом киселе тумана.

Льды неведомо как перепрыгнувшей на экватор Антарктиды таяли. Сотни ручьев стекали в океан, промывая многолетние напластования снега. Кое-где даже обнажалась влажная черная земля. Океан у прибоя сильно опреснился и охладился. Да и вообще было прохладно, как в марте на Украине. Устойчивый ветер дул с суши в океан — как объяснили антимагелланам, с антарктического купола стекал холодный воздух. Какая каша заваривалась в местах столкновения антарктического воздуха с экваториальным, даже подумать было страшно.

Шимашевич устроил на берегу форменный табор. Зачем — непонятно, ведь на борту «Кассандры» можно было с успехом проделывать все то же самое. Возможно, дальновидный рос-

сийский нувориш неосознанно (а может, и осознанно — фиг его разберешь) пытался продемонстрировать закрепление на новой земле. Палатки, штырь с вымпелом компании, даже циклопический полустационарный мангал напротив хозяйского шатра. Ленивых судовых буфетчиков Шимашевич заставил даже пивную палатку разбить и поддерживать в рабочем состоянии. С яхтсменов денег не брали, с судей и персонала — тоже.

Просто постоять в жиденькой очереди и втянуть бокальчик-другой «Оболони» или «Кенигсберга» за столиком... Было в этом нечто домашнее, отстоящее от блудного континента на тысячи километров, но по запаху и духу невероятно знакомое. Возможно, Шимашевич пытался внушить антимагелланам подспудное чувство дома, чувство родины. Хотя относиться к льдистому куску суши и туману как к дому даже ошалевшим пингвинам и поморникам, похоже, было трудно. Но так или иначе, разбитый на берегу табор — именно табор, а не лагерь, название закрепилось мгновенно, — незаметно сделался основным местом пребывания участников регаты.

Палатки, а не яхты, — именно так. Ничего особо удивительного в этом не было: недели, проведенные на борту яхт, сказывались. Ведь никто из яхтсменов не оставался на борту своих лодок ТАК долго. Море зовет, но и берег зовет, если моря слишком много. А особенно если море подменяется океаном. Ни один экипаж — ни один! — не предпочел базой и локальным домом оставить яхту. Все перебрались в палатки на берегу, наведываясь на борт верных плавсредств лишь изредка.

А Шимашевич, похоже, этого и добивался.

Экипаж «Анубиса» в компании волгоградцев и калининградцев основал собственную «улицу» табора. Пяток минут поспорив, нарекли ее улицей Магеллана. Через десять шагов от жилых палаток и металлической костровой решетки улица Магеллана пересекалась с улицей Новоантарктической, на которой обитали киевляне, рижане и мариупольцы. Чуть дальше располагалась площадь Вешних Вод, на которой никто не обитал ввиду избытка влаги: ручьи. Зато в самой излучине, подаль-

ше от табора и недалеко от места, где талые воды низвергались с полуметровой высоты в океан, установили современный сортир — с виду точь-в-точь как деревянный. Конечно, унитазы на «Кассандре» были комфортнее, но для яхтсменов вместо сомнительного висения на транце даже сей приют размышлений и отдохновения казался верхом цивилизации. Пустырек перед сортиром мстительно обозвали площадью Ильича, хотя никаких особых чувств к проигравшему социализму никто из бывших совков уже давно не испытывал. Нареклось — и ладно. Главное понимание, а вовсе не злорадство по минувшему.

Олег Баландин со свежезаправленным газовым баллоном в руках топал по Новоантарктической в сторону Магеллана. Боцман «Кассандры», случившийся на месте заправки, милоство выделил Баландину полстакана «Tullamore Dew», отчего Баландин пребывал в слегка приподнятом расположении духа. Женька Большой и Нафаня в компании двоих калининградцев дружно чистили картошку, а Юрка с капитаном «Царицы» на пару в данный момент выгребали на резиновой лодке к «Анубису» за припрятанным салом. Сала требовала душа каждого обитателя улицы Магеллана, а едва николаевцы обмолвились о неприкосновенном запасе на борту «Анубиса», народ взвыл и потребовал.

Поскольку николаевцы отнюдь не были лишены души, также жаждавшей сала, долго раздумывать не пришлось. Снарядили капитанов, снарядили Баландина за газом и уселись чистить картофан. О наличии или отсутствии водки речь вообще не шла — у русских (или украинцев, что, в сущности, одно и то же) водка не переводилась даже на побережье Антарктиды. Антимагелланам иногда казалось, что трюмы «Кассандры», «Фестиваля», судейских катеров и каждой яхты, что смутно проступали из осточертевшего тумана, содержат даже не неисчерпаемые запасы водки, а непрерывно действующие ликеро-водочные заводики. Хозяйственные волгоградцы в который раз выкатили трехлитровую бутылку маринованных огурчиков. Как они все эти запасы не сожрали еще в Индийском — уму непостижимо. Впрочем, вскоре тайна раскрылась: на «Кассандре»

имелся целый контейнер, ключами от которого заведовал один из бонз волгоградского яхт-клуба, в гонке самоубийц — судья.

Одним словом, на улице Магеллана готовились хорошо закусить, слегка выпить и в очередной раз потрепаться о невероятной ситуации, в которую волею случая вляпались все участники организованной Шимашевичем регаты.

— Заправил? — поинтересовался Женька, когда Баландин приблизился.

Тот утвердительно кивнул.

— А чего это у тебя глазки масляные, а? — прищурился Женька. — Чего, тяпнул уже?

— Так это... Боцман налил. Не отказываться же? .

— Лучше бы меня за газом послали, — сокрушенно вздохнул калининградец Дима Дахно.

— А мы, блин, решили уж всех дожидаться и только тогда, — негодуяще сообщил Женька. — В то время, когда мы не покладая рук, некоторые несознательные личности...

— Зато я газ принес, — очень веско заявил Баландин. — Помочь?

Он тоже взялся за нож. Сидящие вокруг мусорного пакета потеснились.

Резинка с «Анубиса» уже гребла назад. Волгоградцы Витька Сивоконь и Володя Власевич, которым Баландин минуту назад вручил баллон, разожгли походную двухконфорочную плитку и колдовали над парой сковородок.

Нафаня метнул очередную очищенную картофелину в пластиковое ведро и непроизвольно принялся.

— Эх! — мечтательно произнес он. — На сале оно бы лучше было!

В пайках выдавали дурацкий импортный маргарин «Рама» — запах от него разносился совсем не тот, чем если б кинуть на сковородочку несколько ломтиков сала...

— Хватит, поди? — Повар-волгоградец Толик Хмелев заглянул в ведро с картошкой. — Точно хватит.

Поваром Толик работал в родном Волгограде. Как ни странно, вид кастрюль и готовка как таковая совершенно ему не на-

доедали, поэтому обитатели улицы Магеллана даже не задумывались, кому сегодня священнодействовать на камбузе. А вот в помощь себе Толик всегда брал одного-двух человек, а то и более — как сегодня, — и попробуй не согласишься!

Женька принялся мыть картошку, остальные немедленно закурили. Тем временем подоспели капитаны — с закатанным в банку салом. Над улицей Магеллана разнеслось дружное троекратное «ура».

— Ёксель-моксель, — сказал другой калининградец, тоже Дима, носящий странную фамилию Субица. — Думать не думал, что буду в Антарктиде сало жрать!

— Хе-хе! — хмыкнул Женька Большой. — Совок вспомни. Ты взрослый, должен помнить. Думал ли ты, что водка без очереди будет? Или вот в стриптиз по телевизору — верил, а?

— Нет, — признался Субица. — Не верил. Да что там верил — я и не думал, что такое возможно!

— А теперь уже и континенты прыгают, как кузнечики, — мрачно добавил Дахно.

— Да уж, — поддакнул Женька. — Начался век! И чем дальше, тем круче. Что ж лет через десять произойдет?

— На Луну полетим, — проворчал Баландин, собирая ножи. — Или на Марс.

Картошку тем временем порезали и вывалили на сковородки. Предложение пропустить по полста на этот раз отвергать никто не решился. Налили даже Баландину, хотя Дахно пробовал вяло, без всякой веры в успех, протестовать, ибо признал сей поступок педагогически неверным. Баландин только весело скалился.

Молчаливый капитан-волгоградец Леня Шпак, закусив соевым огурчиком, с тоской вперился в сивую завесь тумана над головами. Солнце проглядывало сквозь туман бледным, похожим на плафон дневного света пятном. У мусорного пакета уже дрались две серые чайки. На них рывкнули.

— И все-таки, — задумчиво сказал Леня, — не идет у меня из головы та передача.

— Какая? Про суверенную Антарктиду?

— Она самая. И неспроста мы тут торчим.

Боря Баринов, капитан «Балтики», взглянул коллеге-вогogradцу в глаза и коротко попросил:

— Поясни.

— Сдается мне, — поделился сомнениями Леня, — что Шимашевич, папуля наш ненаглядный, заглотив наживку. А какой у него нюх — сами знаете.

— Да брось, — фыркнул Баландин. — Какая еще суверенная Антарктида? Думаешь, Америка это позволит?

— Не знаю, — честно сознался Шпак. — Но что, если не это?

— Драка, — без тени сомнения заявил Баландин. — Страны-киты передерутся за новые территории. Ну, не в буквальном смысле, конечно, на уровне переговоров-претензий и все такое. Хотя, может, и в буквальном... Но смотрите — мы тут уже неделю, а ни одного военного корабля не видели.

— Увидишь их в этом киселе, как же! — фыркнул Нафаня. — Тут палатки на Новоантарктической не видно в упор. Да и станут ли вояки к берегу подходить?

— Шимашевич, братцы, зря ничего делать не будет. Тут у наших станция неподалеку — та самая Новорусская, с которой передача и транслировалась в эфир. Так вот, — Шпак сделал многозначительную паузу, — Шимашевич с ними по радиации ежедневно по несколько часов болтает.

— А ты откуда знаешь? — усомнился Дахно.

— Мне радист с «Кассандры» рассказывал вчера.

— А что? — вклинился в разговор Юра Крамаренко. — Если представить, что Антарктиде и впрямь предоставят независимость... Шимашевич тут развернется будь-будь! Тут же земли немерено! Как на Диком Западе!

— Пока тут немерено льда, — проворчал Женька Большой. — И чаек этих дурацких! У, пшли!!! Ну вот, опять пакет расклевали!

Женька помчался пугать чаек и сгребать мусор. Верный своим экологам Шимашевич даже сейчас не позволял разбрасывать мусор где попало — ежедневно по табору, бренча цепями на колесах и все равно скользя, проезжал микрогрузови-

чок и собирал все отходы в оранжевое пузо с зелеными стрелками «Рециклед» на боках.

— Но когда-то же будет и земля! — резонно продолжил Крамаренко. — Прикинь, сколько тут полезных ископаемых, а? Их же сроду никто не разрабатывал! Да эти антаркты, как арабы в эмиратах, только по праву гражданства в баксах купаться будут!

— А ты, — прищурился Баландин. — Вот лично ты — готов принять антарктическое гражданство?

— Готов! — заявил в запале Юра. — Гнить на Украине, когда тут такие перспективы? Да на фиг! Предложит Шимашевич оставаться — даже думать не буду! Жену с дочкой заберу только, это да.

— Ну, предположим, — по обыкновению тихо и задумчиво сказал Леня Шпак. — Предположим, Шимашевич ухватится за эту, признаю, вполне перспективную идею застолбиться в Антарктиде. Но кто поручится, что она не сиганет опять к Южному полюсу?

— А вот это, голуба, — проникновенно пояснил Юра, — Шимашевич и пытается прояснить, болтая ежедневно с полярниками! Улавливаешь? На станциях ведь ученые — кому, как не им, знать тайны Антарктиды. Тем более наши ученые. Ну, российские, это ж почти наши.

— Для Шимашевича так совсем наши, — хмыкнул Дахно.

— А зачем Шимашевичу мы? — невзначай поинтересовался Женька.

— Да тут работы, сам видишь, непочатый край. Таким люди всегда нужны, — пожал плечами Юра. — В принципе вербовать рабочую силу в России или Украине и доставлять ее сюда — это ж денег стоит. А мы уже тут. Целая орава...

— ...уже практически сформировавшихся антарктов в душе, — съязвил Баринов.

— А я бы тоже остался, — неожиданно заявил Нафаня. — Уж что-что, а тут стократ интереснее, чем дома!

— Толик, картошку мешай! — прикрикнул Баринов на повара. — Развесил уши, понимаешь...

Повар и волгоградцы-помощники действительно подтянулись к дискуссии и внимали спорящим с неподдельным интересом.

Еще бы. В этом споре, вполне возможно, могло родиться их будущее. Будущее суверенных антарктов под началом тертого и хитрого жука Шимашевича. Или же будущее незадачливых и неудачливых участников гонки самоубийц, гонки, так и не дошедшей до финиша из-за каприза ледяного континента, которому вздумалось сняться с миллионами лет насиженного места и сигануть в центр Тихого океана.

— Давайте-ка еще по одной, магелланы, — предложил Баландин. — И опрокинем ее знаете за что? Чтобы не ошибиться в выборе. Каким бы он ни был.

Опрокинули. Закусили. Помолчали.

— Это только мне кажется или?.. — насторожился вдруг Дахно.

— Что — или? — не понял его Нафаня.

— Гудит! — неуверенно сказал Дахно.

Все прислушались. Действительно, словно двигатель неподалеку тарактел. Туман, зараза, сглатывал звуки и не позволял сколько-нибудь точно определить, далеко ли расположен их источник.

А потом из тумана вынырнул приземистый вездеход и, разбрызгивая гусеницами талую воду, пополз по улице Магеллана. В сторону центра табора, к палатке Шимашевича.

«Станция Новорусская» — было начертано на его бортах.

Глава 8 ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ

Востроносый Ан-3 развернулся против ветра, нескончаемо несущего в океан клочья тумана, свирепо взвыл, надал и оторвался от ВПП. Одно мгновение казалось, что он обломает стойки шасси о громоздящуюся неподалеку от станции стену материкового льда, — но обошлось, как обходилось всегда.

Нырря и раскачиваясь, биплан набрал высоту и лег на курс к полярной станции Амундсен-Скотт. Точнее — к когда-то полярной, а теперь экваториальной станции Амундсен-Скотт.

Место проведения Конгресса по вопросам независимости Свободной Антарктиды напрашивалось само собой. Непрухин, правда, кричал, что делегатов надо собрать в Новорусской или Новолазаревской, от крайности расконсервировать Молодежную, без обиняков объявив ее столицей, но остался в меньшинстве.

На подготовку ушло пять дней. Наконец с двадцати одной антарктической станции сообщили о готовности вылететь на Амундсен-Скотт, как только позволит погода. Чилийцы и аргентинцы уже успели заявить, что никогда не признают никаких решений самозванного Конгресса. Украинцы и поляки пока отмалчивались.

В сплошной облачности прошли оазис Грирсона и трещиноватую зону, а над зоной застрогов понемногу развиднелось. С высоты тысячи пятисот метров Ерепеев неласково оглядывал бесконечные гряды ледяных волн. Сверху они казались совсем не страшными, даже красивыми. Но только тот, кто телепал по ним на вездеходе, ежеминутно то вздымаясь вверх, то рушась вниз, чиня на ходу сыплющуюся технику и яростно матеря любой объект, попавшийся на глаза, знает действительную цену этой красоты. Цена ей — угробленные вездеходы, вымотанные до предела нервы, сердечные приступы и желудочные язвы, иногда сотрясения мозга, пневмонии и почти всегда обморожения от починки гусениц и трансмиссии на открытом воздухе.

Починил — и снова верх-вниз... Говорили, что у бельгийцев один механик, обрабатывая особо мощный заструг, напроць откусил себе половину языка и умер от болевого шока раньше, чем истек кровью. Одни только новички в Антарктиде, подозревая розыгрыш, сомневались, что это правда.

Прелестей зоны застрогов Ерепеев вкусил предостаточно — кому же и вкушать их в первую очередь, как не начальнику транспортного отряда? И все же он, как и всякий нормальный человек, желающий еще пожить на этом свете, предпочитал

заструги трещиноватой зоне близ края купола. Трещины близ Новорусской злы, но зона их сравнительно узка, куда уже, чем близ Мирного. Между прочим, это обстоятельство сыграло едва ли не главную роль в выборе места для новой станции. А что зона застрогов здесь шире, чем у Мирного, то не беда. Заструги не трещины, их можно и потерпеть.

Мало-помалу ледяная зыбь под крылом сошла на нет, а прорехи в серой пелене над головой стали увеличиваться и сливаться, выедавая облачный фронт, пока наконец прямо сверху не ударило солнце, заставив вспомнить о темных очках. Континент засверкал, как пересохшее соляное озеро. Казалось, он радуется прямым солнечным лучам, желая показать себя во всей красе.

— Сколько градусов за бортом? — перегнувшись вперед, крикнул Ерепеев пилоту в ухо.

— Минус двадцать два, — проорал тот в ответ. — Теплынь!

Да уж. На поверхности, надо думать, не ниже минус пятнадцати. На этих широтах феноменально много для рубежа февраля-марта...

Тьфу! На каких таких широтах? Для нынешней широты этих мест, лежащих почти на экваторе, не феноменально много, а феноменально мало!

А все купол. Холодильник. Когда еще он начнет всерьез таять...

— Когда все это растает, а? — крикнул Ерепеев сидевшему рядом с ним Ломаеву.

— Чего орешь? — недовольно прогудел тот, поковыряв мизинцем в ухе. — А? Что ты спросил — когда купол растает?

— Вот именно. Когда.

— Целиком?

— Нет, блин, наполовину! Целиком, конечно.

— А я знаю? Считать надо.

— Ну хоть примерно?

Аэролог пожал плечами:

— Ну если **ОЧЕНЬ** примерно... Смотри: по периферии материка сплошной туман, что и понятно. Влажно и довольно

тепло. Там лед будет стаивать сравнительно быстро, оазисы пойдут в рост. А над большей частью купола — сам видишь, мощный устойчивый антициклон. Отражение от льда практически стопроцентное. Температуры минусовые. Не знаю, как выйдет в действительности, но думаю, что муссонам этот антициклон окажется не по зубам. Значит, таяния льда не будет, одно испарение. Процесс не быстрый даже при солнце в зените...

— Короче. Десятки лет? Сотни?

Ломаев пожевал губами, от чего борода его пришла в движение.

— Первые тысячи.

— Точно?

— От одной тысячи лет до трех, я думаю. Точнее — считать надо.

— Ну и посчитал бы.

— Ну и посчитаю, только не вдруг. Да и без меня посчитают, причем на хороших компьютерах и рафинированных моделях. Знаешь сколько факторов придется учесть? Тут так посчитают, что какую примут модель, таков и выйдет результат. Лично я никакому результату удивляться не намерен...

— Но все-таки не раньше тысячи лет?

— Четыре километра льда в момент не растают. Не бойсь, поездишь еще по куполу на вездеходе, попрыгаешь по застругам...

— Не напоминал бы уж, — буркнул Ерепеев.

— А что?

— А то! Где мне сейчас надо быть? В вездеходе! А я...

— Без тебя справятся, — сказал Ломаев. — Твои ребята — классные водилы. И Непрухин с ними. Знаю, что ты о нем скажешь, но от Востока к Мирному он уже однажды шел, тягач водить умеет... Подменит в крайнем случае.

— Не должно быть никаких крайних случаев! Трещиноватая зона...

— Они ее прошли.

— У Новорусской — да. И по застругам пройдут: вдоль — не поперек! А дальше снова трещиноватая зона, так? И не разведанная!

— Справятся, — успокоил Ломаев. — На вожжах пройдут. Не впервой.

— В трещины проваливаться нам не впервой, это точно! Мне надо было идти, мне! Да я вообще не понимаю: на кой ляд нам сдался этот Шимашевич с его яхтсменами!..

Ломаев помолчал, ухмыляясь в бороду.

— А зачем мы летим на Амундсен-Скотт — понимаешь?

— Это да. Это — необходимость. Консолидация. И потом, общество решило, что от нас лететь должны ты да я...

— И Шимашевич — необходимость. Ты знаешь, кто он такой?

— Фамилию только слышал. Шишкарь какой-то новорусский. — Ерепеев поморщился. — Нувориш.

— Даже если бы он был просто нуворишем — все равно он был бы нам нужен.

— Ну и что он может нам предложить? Ссудит деньги на первое время?

— Оружие.

— Что-о?!!

— Только при сугубой необходимости. Вообще-то мы намерены поддерживать демилитаризованный статус Антарктики столько времени, сколько у нас получится. Наша сильная сторона — точное следование букве Вашингтонского договора.

— Ну ладно. Деньги займы, оружие — и только?

— Информация. Шимашевич на ней собаку съел.

— И только-то? — с разочарованием произнес Ерепеев.

Ломаев фыркнул.

— Ты питекантроп. Тебя еще учить надо, что в современном мире ценнее всего...

— От синантропа слышу. Значит, деньги, оружие в перспективе, информация... что еще?

— Флот.

Одну секунду «Е в кубе» сидел с раскрытым ртом. Затем затрясся от не очень-то веселого смеха. Картинно вытер якобы слезящиеся глаза.

— Яхты, да?

— Там еще судно обеспечения, — без тени улыбки пояснил Ломаев. — Даже два судна. Плюс катера — большие, океанские. Плюс танкер. Для начала хватит. Кнут есть, а лошадь будет. Объявим на весь мир: Свободная Антарктида располагает собственным флотом, как торговым, так и военным... Хотя что это я говорю? Только торговым, конечно! Ну, еще погранично-патрульным и рыболовным...

— Хочешь, чтобы над нами потешались?

— Обязательно. Между прочим, благодаря флоту возрастут наши котировки на Конгрессе... российские, я имею в виду.

— Ты же вроде уже антаркт, а не россиянин, — подколот Ерепеев.

— Я русский антаркт, — отрезал Ломаев. — Что тебе не понятно?

— А, — глубокомысленно молвил «Е в кубе». — Ну, русский так русский. Допустим. Ты мне лучше вот что скажи: этот твой Шимашевич вообще мужик серьезный или так, шутки шутит?

— Вот именно, серьезный. Для чего мы, по-твоему, с Игорьком столько времени убили на переговоры? А он сам? Для него время — деньги.

— Надеюсь, оно того стоит, — с сильным сомнением в голосе проговорил Ерепеев. — И что же Шимашевич потребует взамен? Я не жадный, мне просто любопытно. Пост президента страны или удовлетворится всего-навсего местом в правительстве?

Ломаев выдержал паузу — как видно, специально, чтобы до собеседника лучше дошло. Затем сказал как отрезал:

— Не должно быть никакого правительства.

Не зря, ох не зря наведывались к Шимашевичу зимовщики со станции Новорусская!! Объединенные общей улицей команды николаевцев, волгоградцев и калининградцев не успели даже водку допить, как в таборе началось шевеление. Во-первых, матросы с «Кассандры» стали спешно сворачивать мангал у резиденции Шимашевича, а буфетчики — вожде-

ную пивную палатку. «Фестиваль» поднял якоря и сгинул в прибрежном тумане. А главное — по табору прокатился шепоток: после объявленного совета капитанов гонка снимается с насиженного места и перебазировается к Новорусской.

Капитаны, понятно, ушли на совет. Оставшиеся давили столы любимый на постсоветском пространстве напиток и строили догадки — одна фантастичнее другой.

Все оказалось еще неожиданнее.

Вернулись мрачные капитаны. Быстренько помогли свернуть улицу Магеллана и доложили на «Кассандру» о готовности стартовать.

— Трындец гонке, — сообщил Юра, когда команда «Анубиса» собралась в кокпите. — Россия объявила зимовщиков изменниками Родины и военными преступниками. А заодно предупредили Шимашевича, команды «Фестиваля» и «Кассандры» и экипажи всех российских яхт. Коллеги в панике.

Все невольно оглянулись на соседствующие «Балтику» и «Царицу».

— А... Украина-то что? — осторожно, словно боясь спугнуть пока еще ненарушенное гражданство, спросил Баландин.

— А Украина, как всегда, хитрожопее всех. Ни вашим, ни нашим. Из правительственного заявления вообще невозможно понять, поддерживает она Свободную Антарктиду или же осуждает. Но по крайней мере измену нам пока не шьют.

— Не понял, — сказал Баландин, вздохнув с некоторым облегчением. — Что, Свободная Антарктида — свершившийся факт?

— Угу. Шимашевич уже и фирму где-то там у себя в Швейцарии совместную зарегистрировал. Швейцарско-Антарктическую. Кроме того, земляки с Новорусской организовали какой-то там Совет. Типа временное правительство. Шимашевич наверняка уже там, причем не удивлюсь, если председателем.

— Ха! — оживился Баландин. — Я же говорил — подождите малость, и наш папочка точно станет директором Антарктиды. А буржуи что?

— Смотря какие. Америка злобствует. Арабы всяческие поддерживают. Россия — только на своих вызверилась, Антарктиду как таковую считает ничьей и неприкосновенной. Кстати, австралийские зимовщики и американские присоединились к психам с Новорусской. Даже в Совет вошли.

— Не такие уж они и психи, как я погляжу, — буркнул Женька.

— Ты еще самого интересного не знаешь. Что учинили прибалты.

— И что учинили прибалты?

— Ну, ежу понятно, что они Антарктиду поддержали. А вот в отношении своих яхтсменов...

— Что, расстрел через повешение? — мрачно предположил Нафаня.

— Наоборот! Они, понимаешь ли, гордятся, что среди первых граждан новоопределяющегося на лике Земли государства имеются и их соотечественники! И заявляют, что готовы в любой момент поспособствовать доставке семей всех эстонцев, латышей и литовцев на территорию Свободной Антарктиды, а также оставить всех их и гражданами своих прежних стран тоже! Доставка семей, между прочим, бесплатная!

— Н-да. — Баландин задумчиво почесал в затылке. — Повезло прибалтам. А вот россиянам я не завидую.

— Шимашевич вообще-то сказал: ничего россиянам не будет. В смысле, тем, кто останется тут, а не тем, кто сдуру вернется. Кто вернется — тех, наверное-таки, повяжут. Но как Россия дотянется до оставшихся в Антарктиде? Войска введет? Да фиг, ООН этого не допустит.

Капитан пел явно со слов Шимашевича.

— Скорее уж Америка не позволит, — фыркнул Баландин. — Что ООН? Пузатые бездельники-функционеры, не более.

— А Америке, я в новостях слышал, уже лихорадит. Губернатор Техаса заявил, что сама Америка может служить идеальным примером новоопределившейся страны, просто у нее стаж солидный набежал. И что он от лица своих избирателей поддерживает Свободную Антарктиду. Сейчас в Америке жут-

кая ругня идет по всем этажам: остальные штаты определяются, с кем они — с президентом или с Техасом. И я бы на президента не ставил. Дайте закурить.

Неожиданная смена капитаном темы повергла всех в глубокую задумчивость. Закурить Юре, конечно же, дали и огоньку поднесли. Но вот мысли упорно продолжали вертеться вокруг раскручивающихся на ледяном континенте событий.

— Короче, — продолжил Юра спустя примерно минуту, — к послезавтрашнему утру каждая яхта должна сообщить свое решение. Кстати, если согласимся — мы все теперь, вместе с «Анубисом», станем державным антарктическим флотом.

Баландин смешно хрюкнул и с иронией уточнил:

— Военным? Или рыболовным?

— Каким скажут, таким и станем, — невозмутимо отозвался Юра, стряхивая пепел за борт. — Кстати, Шимашевич еще заверил, что устроит вопрос с семьями всех остающихся яхтсменов, судей и обслуги.

— Гляжу, ты для себя уже все решил, капитан, — спросил угрюмый Женька. — Так?

— Так, — подтвердил Юра, вышвыривая окурок. — Я за то, чтобы остаться.

— Я тоже, — встрял Нафаня.

— Итого уже половина голосов «за», — подытожил Баландин. — Знаете, лично я в Шимашевича верю. И могу рассказать почему. Вот прикиньте, мы в гонке в чем-нибудь нуждались? В жратве, там, вещах, судейских релизах? Правильно, не нуждались. И знаете почему? Потому что Шимашевич реально заботится обо всех, на ком стрижет бабки. Зуб даю, он и антарктов в обиду не даст. И потому я тоже за то, чтобы остаться.

— А мой голос превратился, в сущности, в формальность, — грустно заключил Женька.

— Ну, почему же, — не согласился Юра. — Ты можешь уехать. Но «Анубис», ты уж извини, останется здесь, раз большинство порешило податься в антаркты.

— Да понимаю... — все так же грустно кивнул Женька. — Можно я до утра хотя бы подумаю? Как-то... не готов я вот так, сразу. Да и жене я бы позвонил сперва.

— Тьфу. — Юра досадливо стукнул себе по лбу. — Об этом-то я и забыл. Все желающие посоветоваться с семьями могут в течение завтрашнего дня позвонить домой с «Кассандры». Мы по графику в полдень.

Женька малость повеселел, по крайней мере лицо его перестало быть таким напряженным.

— Эй, хохлы! — донеслось с соседней «Царицы». — Вы там что себе решили?

— Решаем как раз, — зычно проорал Баландин. — А вы?

— А что нам остается? — невесело ответил кто-то из волгоградцев, кажется, капитан, Леня Шпак. — Не в тюрьму же... Попробуем стать антарктами, раз не получилось стать людьми.

— Мы тоже остаемся, — крикнул Баландин. — Только Женька еще колеблется, а мы трое решились.

— Н-да. Были с вами земляками полжизни, потом развели нас политики эти долбаные, и они же, гляди, снова сводят. Гримасничает жизнь...

С «Анубиса» ответить не успели. На берегу как раз, еле видная в тумане, взвилась ракета.

— Десять минут до старта, — буркнул капитан. — Грот вира, потом отдать кормовой... Тянем на север вдоль побережья. Новый табор будет у Новорусской.

Баландин послушно полез с транца в резинку — отдавать кормовой и извлекать из подтаявшего льда вбитый кол.

«Сколько нам еще так швартоваться, на кол во льду? — подумалось ему. — Хотя надо привыкать. Мы ж теперь вроде как антаркты...»

Ко второй ракете Баландин был уже на борту. Резинку решили не сдувать — пусть себе болтается в кильватере, все равно гонке конец, обычный переход. Из тумана смутно доносились глухие голоса яхтсменов, треск шкотовых лебедек, хлопанье парусов.

— Блин, — пожаловался Женька. — Чего это они нас своим ходом решили гнать? Побьемся же в таком тумане! Нет чтобы за катера уцепить — и караванчиком...

— Льды, наверное, мешать будут, — предположил Нафания. — Вклинится какой-нибудь айсберг между двух яхт, и чего? С катера ни бельмеса ж не видно.

— Ну да, — хмуро сказал Женька. — Катер Антарктиде дороже, чем какое-то там парусное корыто и пяток невольных эмигрантов...

— Не бойсь, прорвемся! — Капитан унывать не собирался. — С купола дует ровно, нам вдоль берега — значит пойдем себе спокойненько в полветра. От льдин отпихиваться уже пробовали. Кстати, Женька, давай-ка ты как самый могучий на бак. Отпорник там?

— Там.

— Если что — кричи...

Баландин как раз закрепил резинку, спрятал швартовы, кол и лодочные весла под кокпит и выбрался наружу. Встал у люка и зябко повел плечами. «Анубис» косо шел прочь от берега — капитан боялся в прибрежной толчее кого-нибудь протаранить. Или наоборот — что «Анубис» кто-нибудь протаранит.

Старт не прозевали только благодаря секундомеру — ракету видно уже не было, а слабый хлопок выстрела легко спутать с чем угодно — тюлень какой-нибудь местный безмозглый ластой по воде ляпнет или на «Кассандре» боцман уронит на палубу какую-нибудь железку... Проклятый туман искажал звуки до полной неузнаваемости.

— Поехали, — сказал капитан.

Баландин с Нафаней тут же подобрали паруса. «Анубис» заметно накренился — с купола дуло все-таки не слабо. Потом уселись по наветренному борту. Из тумана то и дело проступали контуры льдин.

— Левее! — подсказал с бака Женька.

Капитан послушно переложился.

— Еще!

Переложился еще. Остальные привычно, уже на полном автомате подрабатывали парусами.

Проскользнули впритирку с большим айсбергом, по склону которого, весело журча, стекал неслабый ручеек.

Так и шли, почти на ошупь, лавируя среди льдин.

Часа через два экс-антимагелланов чуть кондратий не хватил — тех, что сидели в кокпите.

За кормой шевелилась неприятно черная вода, вздымались небольшие бурунчики. Мерно билась пузом о волны буксируемая резиновая лодка. Кокпит на «Анубисе» был самосливной, так что от воды его отделяло от силы полметра.

И вдруг, с плеском и брызгами, в кокпит влетело нечто черное, продолговатое, словно торпеда. Уперлось в пластик под брандер-щитом и тяжело забарахталось. Мгновением позже между основанием руля и левым бакштагом из воды высунулась оскаленная усатая морда, покрытая мокрой пятнистой шерстью. Клацнула зубами, шлепнула ластой по транцу и тяжело сползла в воду.

Никто из яхтсменов, впрочем, не заорал с перепугу, только Нафаня, бросив к чертям стаксель-шкот, с невероятной быстротой отстегнул с палубы спинакер-гик и вытянул его в направлении нежданного гостя. А остальные проворно подобрали из кокпита ноги. Брошенный стаксель немедленно заполоскал, отчего встрепенулся и Женька Большой, которому с бака ничего не было видно.

— Эй, чего там у вас? — рявкнул Женька.

— Твою мать! — наконец-то сумел выдавить из себя капитан. Почему-то шепотом.

Черное-продолговатое продолжало ворочаться в кокпите. Нафаня опасливо ткнул его концом спинакер-гика, а потом оно кое-как встало вертикально, привалившись спиной к наклонному борту, показало белое пузо, маленькую голову и клюв, и стало понятно, что это всего лишь пингвин.

Баландин выдал длинную непечатную фразу, облегченно вздохнул, но ноги в кокпит так и не опустил.

— Да что там, бля, у вас? — вторично рявкнул Женька. — И стаксель подберите кто-нибудь!

Нафаня, не выпуская из рук гика, дотянулся до шкота, подобрал, и стаксель наконец-то перестал полоскаться. «Анубис» сразу пошел бойчее.

— Это... — прокомментировал капитан встревоженному Женьке. — К нам тут в кокпит пингвин запрыгнул.

Вышеупомянутый пингвин, растопырив крылья, пытался шагнуть, но лапы скользили по мокрому да вдобавок наклонному пластику.

— Пингвин? — зачем-то переспросил Женька.

— Угу. И хорошо, что не запрыгнул тот, кто за ним гнался... — подтвердил Баландин. — Морду эту кто-нибудь видел?

— Я — нет, — буркнул капитан.

Он и вправду не видел преследовавшую пингвина пятнистую зверюгу, поскольку до рези в глазах всматривался в туман впереди.

— Твое счастье, — заверил Баландин. — Зубы — больше карандашей.

Говоря начистоту, зубы у морского леопарда куда меньше карандашей, но в данную секунду Баландин совершенно искренне верил в то, что говорит.

— И башня, как у собаки Баскервильей! Во-от такая! — Баландин развел руки и показал нечто, напоминающее размерами крупный арбуз.

Капитан опасливо оглянулся и насколько мог продвинулся вперед от транца.

— Слышь, Нафаня! — обратился он к Мишке. — А вынь-ка на всякий случай ножичек. Самый большой, какой найдется...

Нафаня закрепил шкот в стопоре и с гиком наперевес шагнул к люку. Пингвин смешно вытянул шею, еще сильнее растопырил крылья и издал странный звук, напоминающий шипение и kloкотание одновременно.

— Слушай, Олег! — обратился Нафаня к коллеге. — А они кусаются или как?

— Да фиг их знает! — буркнул Баландин. — Жрут они вроде рыбу, а людям их бояться, говорят, нечего.

— Ну так гоните его в воду! — сердито сказал капитан.

Нафаня намекнул незваному гостю гиком в подмышку — пора, мол, и честь знать, давай вали в свою пучину и гребь к ближайшей льдине. Пингвин оказался сообразительный:

шлепнулся на пузо и заскользил к транцу. На стопоре бакштага он застрял, бестолково молотя крыльями и суча лапами. Но кое-как ему удалось проползти и съехать в неприветливую околоантарктическую воду.

— Ф-фу!!! — облегченно выдохнул Мишка. — Смылся, слава богу!

— Нафаня, ножик! — напомнил капитан.

Нафаня послушно полез внутрь и зашарудел на камбузе.

— Вот так вот пристройшься на транце посрать, — задумчиво протянул Баландин, — задницу тебе и оттяпают...

— За незалежность надо платить, хотя бы и задницей, — изрек Нафаня из камбуза и с грохотом что-то обрушил.

— Так то в переносном смысле!

— Угу. Будь добр, в следующий раз объясни это леопарду.

— Остряк. Ты нож нашел, нет?

Нафаня появился на палубе с тесаком таких размеров, что Баландин присвистнул:

— Ну вот, теперь у нас точно военное судно...

Посмеявшись, согласились. Нос «Анубиса» размеренно и даже как-то меланхолично раздвигал темную воду. О борта с шорохом терлись мелкие ледышки.

— Как это — никакого правительства?

— А вот так. Совсем никакого.

— Ты шутки-то свои брось. — Ерепеев нахмурился.

— Отшутили уже, — сказал Ломаев. — Уже неделю, как отшутили... кстати, сегодня исполнилась ровно неделя с нашего пьяного манифеста. Юбилей как-никак. Первый День независимости.

— Предлагаешь отметить, что ли?

— Не-е... — Ломаев замотал головой. — Исполнится год — отмечу, так и быть, но не раньше. Зарок дал.

— Отрадно слышать. Так что насчет правительства, а?

— Ничего. Кстати, а зачем оно Свободной Антарктиде?

— Ну как это — зачем! Да хотя бы...

— Что?

— Чтобы править.

— Не понял, поясни.

Ерепеев морщил лоб, думал.

— Монархию учредить хочешь, что ли? Абсолютную? А с барьера в океан ты не падал?

— Нет и не хочу, — серьезно сказал Ломаев. — Поэтому мы и отказались от монархии... в смысле, и поэтому тоже. А кроме того, мы в манифесте уже объявили Антарктиду республикой. Главное, конечно, то, что при монархии у нас резко падают шансы быть поддержанными хоть кем-нибудь извне. Демократия — иное дело...

— Погоди, погоди, — перебил Ерепеев. — Как это «отказались от монархии»?

— А ты что, монархист? Вот уж не думал.

— Я о другом! Кто отказался? Кто вообще это обсуждал?

— Я, Непрухин, Андрюха Макинтош, Шимашевич и вот он. — Ломаев кивнул в тесный проход между двумя дюралевыми скамьями, где с самого начала полета сладко спал Джереми Шеклтон, поместив под себя надувной матрац и взгромоздив ноги на бочку с горючим, взятым на обратную дорогу. — Во дрыхнет, болезный. Суток трое не спал.

— А на остальных, значит, тьфу? — заорал Ерепеев. — Ты у людей спросил, чего они хотят? Ты у меня спросил? Я твой начальник, между прочим!

— Да ну? Ты мой начальник во всем, что касается Новорусской, с этим я не спорю. Разве я не выполнял твоих распоряжений? А насчет Свободной Антарктиды — извини, тут у тебя прав не больше, чем у меня или, скажем, Жбаночкина. Мог бы зайти к нам на огонек и принять участие в обсуждении — не как начальник, а как антаркт. Мы никого не гнали.

— !..

— Не нервничай так, случится что-нибудь, — меланхолично проговорил Ломаев. — На борту валидола нет.

— Не мог позвать, да? Вот так взял и решил за других? Знаешь, кто ты после этого?

— Я все про себя знаю. Считай, что я позвал тебя сейчас. До приземления уйма времени, мы успеем обсудить все что угодно. По-твоему, нации самоопределяются непременно в беломраморном зале с колоннами? Вынужден разочаровать: хорошо, если не в сортире. И потом, речь пока идет лишь о наших предложениях, а утвердит их Конгресс... если утвердит. Впрочем, кое-какая поддержка у нас уже есть... Ну начинай.

— Чего? — Ерепеев зло сопел.

— Обсуждать, конечно. Ты ведь что-то обсудить хотел, кажется? Или только мне в рыло захватить?

Ерепеев демонстративно отвернулся и стал смотреть в иллюминатор. Минут через десять под крылом проплыли сугробы над занесенной снегом станцией Пионерская. До боли знакомое начальнику транспортного отряда место. Пилот покачал крыльями. Внизу проплывала история. Останься Антарктида на месте — все равно трасса санно-гусеничных поездов к Востоку прошла бы не здесь, а левее, от Новорусской, а не от Мирного.

И первый поезд повел бы Ерепеев.

Глупый вышел сезон. Мало того что снабдить станцию Восток всем необходимым для зимовки не представилось возможным (а выяснилось это лишь перед отплытием из Питера), так еще и континент выдал такой фортель, какого от него не ждал ни один шизофреник, не говоря уже о людях в здравом уме! И вот тебе пожалуйста — Свободная Антарктида...

Голова кругом.

Восток так и остался законсервированным, и теперь никто не мог сказать, пригодится ли он когда-нибудь Свободной Антарктиде. Но трассу полета пилот удлинил так, чтобы бо́льшая ее часть проходила над прежним санно-гусеничным путем — в случае вынужденной посадки вблизи Пионерской, Комсомольской и Востока-1 можно было протянуть какое-то время, а на Востоке и вовсе оставался запас горючего и продовольствия, живи не тужи хоть год. Пилот знал свое дело и не собирался помирать за здорово живешь.

— Ладно, — сказал Ерепеев, подуспокоившись. — Говори. Какую такую демократию без правительства вы выдумали?

— Непосредственную, — сейчас же отозвался Ломаев. — Как в Древней Греции. Общее голосование антарктов по всем мало-мальски важным вопросам. Нас тут всего-то несколько сотен, связь действует, так неужто не договоримся?

— Чуть что — референдум, значит...

— Угу.

— Не угадай, не филин. Значит, вообще без правительства? Ну а кто будет вопросы для референдумов готовить? А принимать быстрые решения, когда нет времени голосовать? А представлять Антарктиду за рубежом Пушкин будет?

Ломаев хохотнул:

— Неплохо бы: его бы небось не арестовали за измену, постеснялись бы...

— Я серьезно!

— А я шучу, что ли? На первое время выберем, конечно, каких-нибудь представителей народа и президента-зицпредседателя. Построим для мировой общественности потемкинскую деревню. А потом примем закон о ротации, скажем, еженедельной. Ты еще не был президентом страны? Значит, будешь. Ты мужик авторитетный, никуда не денешься.

— Иди ты знаешь куда...

— Куда это я пойду из самолета? Ну скажи, тебе не хочется стать президентом? А ведь станешь когда-нибудь.

— Если только это дурацкое предложение пройдет.

— А ты что, будешь голосовать против?

Ерепеев помолчал.

— Нет, — сказал он изнывающему от любопытства Ломаеву. — Не буду я против. А только реально править будет не президент, не представители и не референдум всех антарктов, а этот твой варяг Шимашевич. Нет? Деньги-то чьи?

— Отдадим, и очень скоро отдадим, — махнул рукой Ломаев. — Сомневаешься?

— Еще как.

— Зря. Экономический потенциал у нас будь здоров. Туризм — раз. Рыболовство — два. Да тут в холодных прибреж-

ных водах на экваторе биомасса так попрут — успевай собирать! Думаешь, в манифесте о двухстах миллионах экономической зоны я зря сказал?.. Ну ладно, тебе одному признаюсь: пьян был, ничего не помню, но ведь и спьяну в точку попал! Да мы на одной рыбе разбогатеем! Продажа айсбергов нуждающимся в пресной воде — три. Австралийцы и калифорнийцы купят, доставка за их счет. Теперь это станет рентабельным, Шеклтон с Макинтошем уже прикидывали. Что еще, ну? Думай.

Ерепеев наморщил чело.

— Поставка пингвинов в зоопарки, что ли?

— Мелко плаваешь. Да мы со временем зимнюю Олимпиаду сможем принять, во как! С горнолыжными трассами в Трансантарктических горах. Да мы какой угодно державе сдадим в аренду участок под космодром — экватор же, выгодно! Опять же и отработанные ступени ронять в океан удобно. А ископаемые?! Пустим к себе геологов — плати денежку, веди разведку пока что в оазисах, бури шельф. Но под нашим контролем! Кинутся как саранча и наверняка что-нибудь найдут. Думаешь, с Шимашевичем не рассчитаемся? С процентами? Ну скажи, что ты думаешь...

Пролетая над озябшим необитаемым Востоком, пилот Ан-3 снова покачал крыльями. Ломаев и «Е в кубе» этого не заметили.

— Отели для туристов придется построить и места хорошие выбрать. Чтобы и лыжные курорты были, и купальные. Скоро во всех оазисах хорошие озера возникнут, чистые и незамерзающие...

— Это потом, а пока с иностранных ученых группы деньги брать надо, скоро много их к нам понаедет. Пусть платят за право исследования.

— А с корреспондентов?

— По первому разу, пожалуй, только малую въездную пошлину, а потом поглядим, что о нас напишут и как покажут. Со злопыхателей — втрое за повторный въезд!

— Лучше вдесятеро.

— Да, и насчет хорошей обсерватории астрономам намекаем — в центре купола астроклимат лучше, чем на Мауна-Кеа...

— Транзитные деньги за пролет гражданских лайнеров над нашей территорией...

— Таможенные доходы...

— Торговля лесом...

— Каким лесом, ты чего, перегрелся?

— В малой кальдере Эрбуса растут елки. Немного, но есть. Представляешь, сколько будет стоить табуретка, сработанная из ТАКОЙ древесины? Думаешь, не купят?

— Лучше сами купим мицелий каких-нибудь подосиновиков и будем продавать лицензии на право грибного сбора на Эрбусе. И доход больше, и елки целы.

— Живы будем, не помрем, — подытожил Ломаев и весело пихнул Ерепеева в бок. Ерепеев немедленно ответил тем же:

— Да здравствуют антаркты, маленькая, но гордая нация!

— Ага, и тебя проняло? — Ломаев просиял и неожиданно пнул ногой лежащего Шеклтона. Несильно. — Спит...

— И так видно, что спит, — прокомментировал Ерепеев. — Вымотался человек. Чего ради ноги-то распускать?

— А того ради, — понизил голос Ломаев, — что до меня только сейчас кое-что дошло. Как до жирафа. Ереме это слышать не обязательно. Как ты думаешь, почему Родина не просто открестилась от нас, но и объявила нас преступниками, да еще всех списком?

— Чтобы отмазаться.

— Только-то? А поглубже копнуть не хочешь?

Морщины на лбу Ерепеева собрались в чрезвычайно пересеченный рельеф.

— Погоди... Ты хочешь сказать, что...

— Вот именно это я хочу сказать. России в Антарктиде все равно ничего не светит, вот она и не оставила нам иного выбора, кроме как отчаянно добиваться независимости. Господи! В кои-то веки умный шаг во внешней политике! Одобряю. Да Свободная Антарктида для России стократ выгоднее, чем Антарктида поделенная!.. Дошло наконец?

— Кажется, дошло. — Ерепеев был потрясен. — Так, значит, мы не изменники?

— Не обольщайся. Лично я в ближайшее время в Россию ни ногой. Знаешь, здесь тоже лед, но все же теплее, чем в Магадане. Лучше останемся антарктами, согласен?

— Придется, — вздохнул Ерепеев.

Ломаев самодовольно подбоченился, черт ему был не брат:

— А разбогатеем — все у нас будет! Из Австралии утконосов выпишем, вон Игорек Непрухин о них давно мечтает...

— На кой черт нам утконосы? — изумился Ерепеев.

— Чтобы были! — отрезал Ломаев. Могучая борода аэролога топорщилась дикой метлой, глаза блестели. Глядя на него, хотелось расправить плечи.

Ан-3, чуть заметно ныряя в слабых воздушных ямах, тянул к станции Амундсен-Скотт.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1 ЕЕ ЗВАЛИ РОБЕРТА

Несколько восточнее островов Туамоту над океаном копились облачные массы. Под назойливо-жгучим солнцем тропиков рождался обыкновенный, ничем не примечательный циклон.

Сколько их было до него! Миллионы. Сотни миллионов. Рождаясь, подпитываясь теплом океана, закручивая тучи в тугие спирали, они брели на запад, донося ливни до Новой Гвинеи, Австралии и Новой Зеландии. Каждый десятый или двадцатый из них непомерно рос, достигая кондиций тайфуна, и хулиганил на море, пока не натыкался на сушу, где и разваливался, побуянив напоследок. Свирепо воя, плюясь пеной, гоня мутные валы, море бросалось на берег. Соленой воде было тесно в океанической котловине. Кто сказал, что вода всегда течет сверху вниз? Вверх, а не вниз. На скалы! Еще! Еще!

Тропики, чего вы хотите.

Из века в век, из эпохи в эпоху из лавы и кораллов строилась суша, размываемая океаном. Ползли материки, раскрывались рифты, плита наезжала на плиту, вулканы плевались раскаленными бомбами, фонтанировали лавой и жидким стеклом, а над прогретыми солнцем водами происходило одно и то же: рождались циклоны, и каждый десятый или двадцатый из них непомерно рос... Взбесившиеся валы загоняли аммонитов на глубину, вынырнувший за порцией воздуха плезиозавр рисковал захлебнуться прямо на поверхности, в «оке» тай-

фуна кружились, хрипло вопя, обреченные птеродактили... Тайфуну безразлично, над кем измываться, будь то ящеры или киты, птерозавры или птицы. Это только чересчур расплодившимся двуногим с их умеренным интеллектом и неумеренными запросами то и дело кажется, будто подлая стихия с особенной яростью терзает творения рук человеческих. Типичная мания величия! Кто много о себе мнит, для того и синяк — гангрена.

Почти ласково пошуршав листьями пальм на атоллах Туамоту, циклон сместился к западу, закручиваясь все туже, вбирая в себя новые и новые массы воды, несильно потрепал Тубуаи и над островом Раротонга уже достиг силы тропического шторма. В трехстах милях западнее самого южного атолла архипелага Кука в центре шторма образовался «глаз», отчетливо различимый на снимках из космоса, и тайфун получил имя Роберт. С этого момента за новорожденным атмосферным явлением следили внимательнее, чем за любым новорожденным младенцем человеческой породы.

Набирая силу, тайфун пронесся над островами Тонга, задел Новые Гебриды и натворил дел в Новой Каледонии. Оттуда он свернул на юго-запад и спустя сутки посрывал все до единой крыши на острове Лорд-Хау, смыл в океан прибрежные постройки, взамен выбросив на берег несколько судов. Не обошлось без жертв. На подходе к Австралии тайфуну была присвоена пятая, высшая степень. Скорость ветра достигла двухсот восьмидесяти километров в час.

Сильнее всего досталось побережью между Сиднеем и Ньюкаслем. Своевременное предупреждение о надвигающемся тайфуне свело число жертв к минимуму, но разрушения были велики. Весь мир обошли потрясающие воображение телекадры: крупная акула (серая рифовая, почему-то названная в комментарии тигровой), бестолково бьющаяся на плоской крыше чьего-то коттеджа за десять секунд до того, как следующая волна принесла портовый буксир, раздавивший коттедж вместе с акулой. В Сиднее не осталось ни одного целого стекла. Поиграв мускулами над сушей, Роберт быстро иссяк, так что Кан-

берра отделалась уже пустяковыми разрушениями, а Мельбурн не пострадал вовсе. Зато на восточном побережье погибшие и пропавшие без вести насчитывались десятками, а материальный ущерб исчислялся миллиардами.

Дело, конечно, неприятное, но в целом обычное. Там, где солнышко греет воду, человек наслаждается жизнью в промежутках между пакостями природы, и чем больше вокруг него воды и солнца, тем крупнее пакости и выше страховые взносы. Диалектик найдет в этом единство с его неизменной борьбой противоположностей, поборник справедливости — законное возмездие за тропическую негу, священник — кару Господню. Впрочем, и священнику может показаться, что тайфун пятой степени — это того... немного слишком.

Бывает, конечно. Редко, но бывает. Тем более что проливные дожди в два счета потушили лесные пожары, бушевавшие на востоке континента, и охладили раскаленный, как в печи, воздух до комфортных кондиций. Но не в этом дело.

Дело было в другом: случилось то, чего не бывает.

Одновременно с Робертом, день в день, восточнее острова Гавайи возник еще один мощный циклон. Перемещаясь на запад, он быстро обрел силу шторма и, непрерывно усиливаясь, превратился в классический тайфун всего лишь несколькими часами позднее своего южного собрата. Экваториально-симметричный «систер-тайфун» назвали Робертой, наплевав на политкорректность последних лет, заставляющую метеорологов снабжать разрушительные ураганы по преимуществу мужскими именами. Пока Роберт резвился в Южном полушарии, Роберта не теряла времени в Северном. Пятую степень она получила лишь на тридцать минут позднее своего брата-близнеца и вскоре превзошла его по разрушительной мощи.

Все динамические модели летели к черту. Испить горькую чашу пришлось Марианским островам, архипелагам Нампо, Рюкю, Филиппинам, Тайваню, Китаю и Индокитаю. Вильнув на юг, а затем свернув к северу, Роберта прошлась беспощадной метлой вдоль азиатского побережья от Вьетнама до Кореи. Seriously пострадали Гонконг, Шанхай и Циндао. В Шанхае

озверевший ветер валил портовые краны. В дельту Хуанхэ тайфун нагнал столько воды, что китайские власти даже не пытались отстоять размываемые дамбы, а сосредоточились на спешной эвакуации населения. Для оказания помощи терпящим бедствие была брошена армия. Радикальные меры дали свои плоды: количество погибших (девятьюстами семь человек по китайским источникам и несколько тысяч по мнению иностранных журналистов) оказалось раз в пятьдесят меньше, чем привыкли ожидать от Китая. Число оставшихся без крова колебалось, по разным источникам, от миллионов до десятков миллионов.

Крупные международные телекомпании вроде Си-эн-эн, знакомя обывателя с основами метеорологии, выдергивали из за рабочих столов умных очкариков из Национального бюро погоды в Пасадене; прочие охотно обращались к местным авторитетам в области прогнозов. Все без исключения специалисты в один голос утверждали перед телекамерами то, что любой человек со средним образованием мог припомнить из школьного курса, если только не прогуливал уроки географии: в Северном полушарии тайфуны бесчинствуют с июля по октябрь, в крайнем случае по ноябрь. Но разрушительный тайфун на рубеже февраля — марта?.. Нонсенс, господа. Исключительнейшая редкость. Хотя, по правде сказать, теперь трудно утверждать что-либо наверняка, так как из-за перемены местоположения Антарктиды изменилась вся картина морских течений... кхе-кхе... она еще нуждается в тщательном изучении, и только потом можно будет делать какие-то выводы... кхе-кхе... в том, разумеется, случае, если на исследования будут выделены необходимые, кхе-кхе, ассигнования...

Иные тшились показать на пальцах, что получается, когда теплые течения сталкиваются с холодными. На Антарктиду с ее ледяным щитом кивали все как на виновницу. Детально прослеженный путь Роберты ясно указывал, что тайфун обогнул Антарктиду по широкой дуге, не желая связываться со льдами и туманами. Тем не менее в юго-западном Китае тайфун сопровождался таким градом, что некий репортер «с места событий» утверждал, будто с неба падали айсберги. Врал, конеч-

но: самая крупная из взвешенных градин не потянула и трех килограммов, далеко не превзойдя китайский же градовый рекорд столетней давности. Никто почему-то не задал репортеру вопрос: как же он сам умудрился остаться в живых?

Но слово «айсберг» было произнесено и прямо указывало на обледенелый шестой континент.

Каждое подобное заявление вызывало бурю негодования в кают-компании станции Новорусская. От эпитетов дрожали стены.

— Ладно, — возражали рассудительные, — а мы-то тут при чем? В огороде бузина, а в Киеве дядька...

На рассудительных шикали. Здравомыслие в свихнувшемся мире — штука опасная. Тут иной уровень логики.

К метеорологу Жбаночкину, выловившему из сети карту погоды над Тихим океаном и глубоко над нею задумавшемуся, заглянул Игорь Непрухин:

— Что нового на небеси?

— Да вот тут, кажется, зарождается еще один тайфун. Почти там же, где Роберта.

— Сильный?

— А черт его знает. Через денек-другой увидим. Дверь закрытой — дует.

Непрухин помялся.

— Слышь, а как будет уменьшительная форма от имени Роберта, а?

— Тебе на что?

— Так просто размышляю. Если уменьшительное от Роберта — Боб, то от Роберты — Бобина?

— Исчезни.

— Странное имя. Я давно говорил, что эти американцы...

— Кто-нибудь! Дайте ему в ухо!

— Нет, ну правда...

— Уменьшительное — Бобби, понял? А теперь вон отсюда! Уничтожу!

Раскорячкой двигаясь по мокрому льду, Непрухин жаловался туману:

— Нет, все-таки они уроды. Женщину — собачьей кличкой... Бобби в гостях у Барбосси...

Аркадий Степанович Типунов страдал в медпункте от приступов головокружения и ноющих болей в загипсованной руке. Но еще больше он страдал от невозможности что-либо изменить в творящемся вокруг беспределе.

Поздно. Ушел момент — теперь ищи-свищи его. Момент, ау!..

Нету. Прошляпил. Выпустил из рук рычаги управления. И кто там, на Большой Земле, примет во внимание уважительную причину — перелом какого-то мосла, пусть даже открытый? Кому в контексте мировой геополитики интересен сломанный мосол, да еще чужой?

— Можно к вам, Аркадий Степанович? — возник на пороге Непрухин. С мокрой каэшки капало на пол.

— Ты уже вошел, — мрачно констатировал начальник станции. Бывший начальник.

Непрухин помялся.

— Вот... пришел узнать, как ваше здоровье.

— А тебе зачем?

— Да так. По-человечески...

Типунова передернуло.

— А как, по-твоему, я должен себя чувствовать?!!

— Либо как козел отпущения, либо как наш лидер. — У Непрухина был заготовлен ответ.

— Какой еще лидер! — взорвался Типунов. — Лидер! Козел я. Отпущения. А вы вот все — просто козлы! Магадана не видели? Так увидите!

— Там посмотрим, — загадочно улыбнулся Непрухин. — Да и что такое Магадан для антаркта? Климатический курорт, только и всего.

— Антаркты! — с презрением выговорил Типунов. — Тьфу, слышать противно. Да вас к ногтю возьмут в пять секунд!.. Да вас в бараний рог...

— Как?

— Что — как?

— Я спрашиваю: как нас скрутят в бараний рог? Технически.

— Найдут как! Пришлют кого-нибудь и повяжут.

Непрухин просиял и со значением поднял вверх палец.

— О! В точку. Вчера по всем каналам передали: к нам вылетел Ил-76 с судебным приставом на борту. Вязать нас, значит. А есть ли на борту кто-нибудь еще, кроме пристава, — о том молчок.

— Ну а если есть?.. Стой, повтори! Вчера, говоришь, вылетел?

— Вчера передали, а вылетел позавчера. Сидит, наверное, во Владике или в Токио, погоды ждет.

— Дождется ведь! Эта самая Роберта пошумит и успокоится.

— Знамо дело, успокоится, — беззаботно кивнул Непрухин. — Прилетят — примем.

С минуту Типунов немигающе смотрел на олуха царя небесного и думал, не ослышался ли он.

— Ты что, правда дурак?

— Вам виднее, — сдерзил Непрухин. — Если дурак, то это вы дурака зимовать оставили.

— Я за все отвечу! За все и за всех, понял? И за тебя в том числе!

— Значит, решили лететь?

— Идиот! Кто ж тебя спросит-то? Под белы ручки — и домой, в ближайший СИЗО! ТАМ за нас за всех уже решили!

— Да? — Непрухин казался озадаченным. — А мне вот почему-то кажется, что за себя я буду решать сам. И Жбаночкину то же самое кажется, и Полосюку, и Нематодо, и Сусекову...

— Ну-ну! Посмотрим!

— А что так зловеще-то? Допустим, «семьдесят шестой» умудрится сесть. Допустим, на борту есть группа захвата. Ну и?.. На крайний случай снесем вездеходом стойку шасси и наполним население Антарктиды за счет опергруппы.

— Запрут вас по помещениям и вызовут второй самолет! Или судно.

— Оно, конечно, могут, — согласился Непрухин. — Да только без нас им на Новорусской до следующей оказии не выжить, так что как запрут, так и выпустят. Дизелистов, завхоза,

повара выпускают в первую очередь, а там и до остальных дело дойдет. Аркадий Степанович! — Непрухин умоляюще прижал руки к груди. — Да задумайтесь вы хоть на минуту! Полезная же привычка думать, ей-ей! Народ к вам всей душой, а вы в кусты! Мы же антаркты, понимаете? И все эти опера через пять дней станут антарктами, зуб даю.

— Чушь собачья!

— А вот увидите. В смысле, увидите, если нас действительно прилетят брать. Лично я думаю, что никакой группы захвата на борту нет.

— Это еще почему?

— Да так. Просто мнение.

Типунов издал звук, средний между стоном и рычанием.

— Ну не знаю, кто из вас как, а я не антаркт. У меня мозги хоть и с сотрясением, но зато на месте.

— Точно?

— Уверен.

— Жаль, — вздохнул Непрухин. — То есть жаль, что вы не антаркт. Потом пожалеете, да поздно будет... А может, еще передумаете? Время есть.

— Уйди!.. Нет, стой! Расскажи, что у нас нового?

— У нас? — возликовал Непрухин.

— Сволочи! У вас! Что нового у вас на вашей — теперь вашей! — станции, ну и вообще...

— У нас моросит. По всему побережью туман, только у аргентинцев ясно на ихней Эсперансе. Генка Ломаев передает — над Амундсен-Скоттом чистое небо. Конгресс работает третий день.

— И есть результаты? — ядовито спросил Типунов.

— Спорят. Вроде как с завтрашнего дня начнут принимать резолюции всеантарктическим голосованием. Вы голосовать будете?

— Сам голосуй! Антаркт! Что еще?

— А что еще? — развел руками Непрухин. — Работаем. Домики сколачиваем. Те яхтсмены, которых я привел, здорово помогают. Некоторые совсем без башни, а поселить людей

надо — соотечественники как-никак, не мотаться же им у припая на своих яхтах... Да, вот еще что: решили начать регулярные радиопередачи на КВ, для начала научно-популярные. Обыватель должен знать, что такое Антарктида. Первую передачу дали утром, вторая начнется, — Непрухин глянул на часы и заторопился, — через двадцать минут. Ну, мне пора. Я диктор, мне еще текст просмотреть надо...

Дверь за ним закрылась. На полу осталась лужа воды — округлая и с игривым хвостиком, зловредно смахивающая на очертания Антарктиды. Некоторое время Аркадий Степанович Типунов тупо смотрел на эту лужу, невольно пытаюсь найти на ее периферии место, где должна располагаться станция Новорусская. Ему хотелось демонстративно плюнуть в лужу, но он этого не сделал — для начальника, даже бывшего, это было бы невместно. Затем Аркадий Степанович с выражением произнес: «Д-диктор!», после чего облегчил душу простыми русскими словами.

Почти те же слова изрыгал Нафаня, уронив молоток и тряся отбитым пальцем. Три щитовых домика, обнаруженных на холодном складе, уже сколотили, продлив на два десятка метров единственную улицу Новорусской, и разыграли, кто из яхтсменов будет в них жить первую неделю, — а четвертый домик оказался некомплектным. Как раз тот домик, который по воле жребия должен был принять на жительство экипажи «Анубиса» и «Балтики». Недоставало целой стенки, а куда она девалась — неизвестно. К счастью, на складе имелся рулонный утеплитель, а стенку на крайний случай всегда можно сделать из подручного материала.

В этом смысле хороши старые станции вроде Мирного. Ежесезонная разгрузка судов, начиная еще со старушки «Оби», всегда оставляет свои следы, надо только знать, где что может валяться, и не лениться копать снег. Тут — пустые бочки из-под солярки, здесь — бревна, приготовленные для переправы тракторов через полыньи, а вон там, помнится, в позапрошлом году свалили тонны две оцинкованного железа, да так и

бросили, потому что началась пурга... Станция Новорусская была молода, но и здесь старожилы охотно указывали места захоронения «полезных ископаемых», изредка вступая в ожесточенные споры: «Да не тут оно лежит, а во-он там, аккурат в ложбине...» Третьим судьей выступал Тохтамыш, догадавшийся, чего хотят люди. Если пес переставал путаться под ногами и начинал копать — бери лом и долби там же, потому что с таким полуснегом-полульдом собачьим когтям вовек не справиться.

Попадались бочки, бревна, доски, фанера из-под разломанных ящиков. Недостающую стенку в конце концов возвели — досками внутрь, фанерой и оцинковкой по утеплителю наружу, — провели электричество, поставили калорифер, и в домике стало можно жить, хоть он и напоминал своим видом о латиноамериканских трущобах. Команда «Анубиса» потирала руки. Вот только Нафаня, забивая последний гвоздь, промахнулся мимо шляпки, зато снайперски попал по пальцам.

— !..

— Это ты кому? — любопытствовал Женька Большой.

— У-у-у-у-у!.. — подвыл Нафаня так, что крутившийся возле новостройки Тохтамыш сел на хвост и гавкнул в знак не то сочувствия, не то осуждения.

— Дай! — потребовал Баландин и силой осмотрел битые пальцы. — Нормально, кости вроде целы. Ноготь сойдет разве что.

— Уйди-и!

— Эй, нельзя ли потише! — крикнули от радиодомика.

— А что?

— А то, что сейчас передачу начинаем! В прямом эфире! Вот только матюков ваших не хватало! Кстати, всех касается. Полчаса тишины. Эй, там, хорош долбить!

Последнее относилось к сводной бригаде яхтсменов и полярников, рубивших ломами наклонные траншеи для стока талой воды. Сводная бригада с охотой положила инструментарий, вознамерившись устроить перекур. При этом один лом соскользнул в только что пробитую канавку и понесся по ней, наращивая прыть.

— Куда-а?!! Держи!!!

— Стой!

— Ату его!

В начальной фазе погони приняли участие все, но половина попадала на первых же шагах. На повороте беглый лом выскочил из канавки и закрутился по мокрому льду. Волгоградец Витька Сивоконь пал на него во вратарском броске и остановил. Раздались аплодисменты.

— А ведь это не дело, — сказал хозяйственный Крамаренко. — Ходим раскорячкой. То и дело — брык, и ноги кверху. Их начальник так руку сломал.

— А что ты предлагаешь? — спросил Баландин. — Песочком лед присыпать?

— Вот именно.

— А кто присыпать будет? Кто к берегу за песком потащится? Ты?

— Почему я? Ты.

— Нет там песка, одни камни. А у меня перекур, между прочим. — И Баландин демонстративно закурил. Нафаня не подержал его — сосал палец.

— Нет зла большего, чем безначалие, — вздохнул Крамаренко. — Начальник станции самоустранился, зам улетел на Амундсен-Скотт... По-моему, тут у них анархия с элементами дедовщины, ты не находишь? И бухта здесь так себе, на троечку. Вот попрет с зюйд-веста волна — нахлебаемся лиха.

Ему не успели ответить. Из двери радиодомика зычно донеслось:

— Да тихо вы! Передача начинается!

— Пойдем послушаем? — предложил Женька.

— Приемник на яхте, переться неохота...

— А мы так, под дверью. Не прогонят же нас.

— Почему не прогонят? — удивился Крамаренко. — Я бы точно прогнал. Салаг «деды» всегда гоняли.

— А вот сейчас проверим. Антаркты мы или кто?

За Женькой последовал только Баландин. Он и дерзнул потянуть на себя дверь — та скрипнула. Гравиметрист Ухов, при-

мостившийся за спиной Игоря Непрухина, сделал страшные глаза и погрозил вошедшим кулаком. Баландин успокоил его жестом — понимаем, мол, не маленькие.

Передача уже началась. Восседая перед микрофоном на табурете, неестественно выпрямив спину, Непрухин зачитывал текст. Миллионы слушателей должны были узнать тот самый голос, который с неописуемой наглостью объявил недавно на весь мир о суверенитете Антарктиды, но на сей раз диктор был хотя бы трезв. На койке — пятки голенастых ног задраны на стену — валялся Эндрю Макинтош, также мобилизованный в дикторы, и лениво просматривал английский перевод — научно-популярную программу предполагалось вести поочередно на двух языках.

Какое-то время Баландин пытался понять, почему эти странные загодя не записали передачу на пленку. Потом сообразил, что, видно, у них попросту не нашлось на это времени.

— ...почти четырнадцать миллионов квадратных километров, включая шельфовые ледники Росса, Уэдделла и несколько более мелких, — вещал Непрухин. — Площадь Антарктиды почти вдвое превосходит площадь Австралии и в полтора раза — Европы. Некоторые из вас, разумеется, скажут, что недопустимо приплюсовывать площадь ледников, однако любой геолог со всей ответственностью заявит, что лед тоже минерал отнюдь не хуже других. Антарктида располагает крупнейшим в мире монолитным поликристаллом в виде ледяного купола, и не учитывать купол нет никаких оснований. Например, массив Винсон высотой 5140 метров, являющийся наивысшей точкой материка, почти на три километра сложен изо льда. Удалите лед — что получится? Континентальная платформа, освобожденная от тяжести ледяного купола, начнет «всплывать», как всплывает разгруженное судно и как «всплывает» ныне Скандинавия, освободившаяся от бремени четвертичного оледенения. По геологическим меркам, процесс этот очень быстрый — какие-нибудь десятки тысяч лет. В результате таяния тот же массив Винсон начнет расти по нескольку сантиметров в год, пока не достигнет вполне почтенной высоты. Благодаря льду

наш континент как бы перегружен и вдавлен в мантию, но благодаря тому же льду средняя высота Антарктиды над уровнем моря превышает две тысячи метров, что является абсолютным рекордом среди материков...

Ухов показал Непрухину большой палец. Непрухин сделал вдох, судорожно облизнулся и продолжал:

— История ледников шестого континента началась в олигоцене, примерно тридцать миллионов лет назад. В те времена Антарктическая платформа, дрейфуя к югу, разорвала «пуговину» перешейка, соединявшего ее с Южной Америкой, и вокруг Антарктиды начала формироваться замкнутая циркуляция холодных океанских течений. Как следствие в не столь уж высоких Трансантарктических горах образовались первые ледники, которые в следующем геологическом веке — миоцене — покрыли панцирем весь материк. Около десяти миллионов лет назад близ Южного полюса образовался гигантский самоподдерживающийся естественный холодильник, каковой и существовал до самого последнего времени, аккумулировав в себе до восьмидесяти пяти процентов всех ледников мира и до двух третей мировых запасов пресной воды. Возникает законный вопрос: что случилось бы дальше при естественном, так сказать, ходе вещей? Ответ на него ясен: Антарктида в своем движении УЖЕ миновала «высшую точку» и, двигаясь далее в направлении Австралии, через десять-пятнадцать миллионов лет сползла бы с Южного полюса. Не следует думать, что она натолкнулась бы на Австралийский материк — тот сам движется в направлении на северо-восток и, безусловно, избежал бы тарана. Без всяких сомнений, замкнутая циркуляция холодных вод вокруг Антарктиды со временем разрушилась бы, и началось бы интенсивное таяние ледяного купола. Как видим, потрясающее событие в тектонике плит, свидетелем которого нам посчастливилось стать, должно лишь ускорить естественные природные процессы и никоим образом не привести к катастрофам глобального масштаба...

На измученном лице Непрухина ясно читалось: «Вот это я дал! Вру и не краснею!» Ухов показывал ему уже не один, а два больших пальца.

— ...Обладая свойством пластичности, антарктический лед под действием собственной тяжести постепенно течет от, грубо говоря, центра материка к краям. Движение его крайне неравномерно — от нескольких метров в год в глубине континента до одного-двух километров в год в так называемых выводных ледниках близ побережья. О трещинах, неизбежно возникающих в толще льда благодаря разнице в скоростях движения и перегибам подстилающего рельефа, мы поговорим в одной из следующих передач...

«Если она состоится», — добавил про себя трезвомыслящий Баландин. Уж очень несолидно выглядела «Антарктида online» с потным Непрухиным на табурете и горизонтальным Макинтошем, почесывающим пятку с грациозной ленью природного русского Емели. Да, но что такое солидность? А главное, нужна ли она отцам-основателям новой нации?..

«Нет, — ответил Баландин так же мысленно, как и усомнился. — Наглость нужна — это верно. Так ведь она у них есть...»

— Ошибаются, однако, те, кто думает, будто Антарктида сплошь покрыта унылыми льдами, — продолжал потеть Непрухин. — Помимо поднимающихся над куполом вулканических конусов и так называемых нунатаков, среди льдов встречаются оазисы солидной площади — до семисот квадратных километров... В оазисе Бангера есть озеро, прогревающееся к февралю до двенадцати градусов — любители могут купаться! Встречаются, правда, и незамерзающие соленые озера, купаться в которых не рекомендуется даже пингвинам... В оазисах богат — по антарктическим меркам — животный и растительный мир, о котором мы поговорим в нашей следующей передаче завтра в это же время. Оставайтесь с нами! — Непрухин сделал глубокий вдох и продолжил: — Через несколько минут мой коллега и соотечественник Эндрю Макинтош повторит этот выпуск программы для англоязычных слушателей, а пока настройтесь на волну «ретро» и прослушайте песню «В Антарктиде льдины землю скрыли», как нельзя лучше соответствующую нашей сегодняшней теме. Увидимся!.. — Обессиленный,

он отвалился от микрофона, рот — вкривь, глаза — удавленника.

— Класс! — прошептал Баландин. — Для непрофессионала — класс!

— Мужики, — жалобно, явно через силу позвал непрофессионал, — выпить нету?

— Дадим, — ядовито прошипел Ухов, показывая кулак и строя страшные гримасы. — Особенно если микрофон выключишь.

—?! — Зашипев на вдохе, Непрухин вскочил, уронив табурет. Сделал безумные глаза, замахал руками.

— Шучу, — засмеялся Ухов. — Я выключил.

— Шуты, да знай меру! За такие шуточки знаешь...

— Что?

— Нальешь двойную порцию.

Если очень постараться, то можно нагреть океан и на полюсе, но вопрос его остывания — лишь вопрос времени. Физики не обманешь — приходится к ней приспособливаться. В марте месяце в южных околополюсных широтах день еще достаточно долог, зато ночь моментально отбирает у атмосферы крохи тепла, накопленные днем. Как следствие теплый — пока еще теплый — океан чудовищно парит, заволакиваясь густейшим туманом. В нем тонут Магеллановы облака и Южный Крест, исчезают атоллы с озябшими пальмами, прячутся айсберги, по воле ветров и течений заплывшие туда, где прежде был материк, растворяются очертания спасательных судов, и мир съживается до границ вытянутой руки. Лишь ярчайшие прожекторы на рубках да сильные вопли корабельных сирен дают намек на то, что мир вообще-то несколько протяженнее, нежели вытянутая рука. Но верится в это с трудом.

На ночь спасательные суда ложились в дрейф, отойдя подальше от ближайшей суши. Утреннее низкое солнце выедало туман столь медленно, будто стремилось продлить удовольствие от смакования небывалого деликатеса. Везло только островам, имеющим порты, где океанские суда могли пришвар-

товаться к пирсу, или хотя бы удобные гавани. Там спасательные работы не прекращались и ночью. Но кто же, находясь в здравом уме, стал бы строить порты на всех без исключения островах и островках Полинезии, по воле «рокировки» заброшенных ныне в ближайшие окрестности Южного полюса?!

С атоллов, гаваней не имеющих, эвакуацию жителей можно было производить лишь с полудня до наступления ночной темноты, да и то не всякий день. Близ мест, где теплые воды сталкивались с холодными, оставалось только молиться о ветре — губителе туманов. Как назло, во всем южном полярном бассейне надолго заштило. Всякий моряк понимал, что хороший полярный шторм — лишь вопрос времени, что рано или поздно природа, получившая небывалый хук, опомнится, придет в себя, накопит силы и растратит их единственным доступным ей способом. Кое в чем природа похожа на человека — тот тоже, получив поленом по лбу, какое-то время приходит в себя. Зато уж потом...

Спешили. От судов к берегам и обратно безостановочно бегали шлюпки и катера. Палубы лайнеров, сухогрузов, эсминцев и даже танкеров заполнялись толпами некогда коричневых, а теперь серых от холода туземцев с их скарбом, хнычущими детьми, блеющими козами и бессловесными кокосами. Многие беженцы подавленно молчали — иные, напротив, яростно требовали эвакуации с замерзающих островов их любимых «тойот», мотороллеров, велосипедов, швейных машин — и, случалось, добивались успеха.

Весь мир обошла душераздирающая история: некий полинезец застрелил капитана спасательного судна за отказ взять на борт любимую свинью означенного аборигена и двенадцать ее поросят. В сообщениях случившегося на борту корреспондента, казалось, слышался визг несчастных хавроний. Преступника хотели было выбросить за борт, но потом посадили в трюм под замок. Туземец выиграл во всех отношениях: ехал в тепле, вместо того чтобы мерзнуть на палубе, и был в конце концов освобожден от судебного преследования благодаря общественному движению в защиту домашних животных, нанявшему

лучших адвокатов. О трех малолетних детях застреленного капитана ничего не сообщалось.

С некоторым опозданием в высокие южные широты прибыли два судна, зафрахтованные Гринписом, и целая флотилия катеров, вскоре напомнивших о легендарной спасательной операции, осуществленной Ноем и сыновьями. Часть этих судов занялась перевозкой в более теплые края брошенных домашних животных, другая часть обратилась к дикой фауне. Людей игнорировали и те, и другие. Ловили всевозможных пингвинов, в том числе императорских, имевших неосторожность уплыть на айсбергах за границу «зоны рокировки» и оставшихся в приполярных водах, грузили их на катера и, препятствуя птицам в их намерении выпрыгнуть за борт, везли возмущенно орудий груз к берегам Антарктиды, потому что пингвины должны жить именно там. По дороге эти катера встречались с другими катерами, идущими навстречу от берегов Антарктиды и также груженными отловленными пингвинами, потому что исконный ареал этих птиц — южные приполярные воды, а не где-нибудь. Дружелюбно побеседовав под гвалт живого груза, капитаны катеров приказывали лечь на прежний курс и продолжали путь.

Если в любом деле главное — система, то человек воистину велик. Он сумел привести в систему и полный бедлам.

Обманывая береговую охрану, катера притыкались к любому гостеприимному берегу, выпуская на волю мычащий, хрюкающий и блеющий груз бесхозного скота, отчего в Австралии возник ящур, причинивший громадные убытки, а морские пограничники Филиппин и Индонезии вскоре стали обстреливать гринписовские посудины без предупреждения. Бури эмоций, пенясь и клопоча, изливались с телеэкранов и газетных полос.

В тумане гринписовский катер на полном ходу протаранил французский сухогруз. Катер затонул; сухогруз с дырой ниже ватерлинии выбросился на песчаный пляж ближайшего атолла, огласив эфир истошным «SOS». Человеческих жертв, к великому удивлению, удалось избежать, но островитянам,

только что снятым с этого атолла, довелось еще на несколько дней продлить прощание с родимой сушей, уже припорошенной первым пушистым снежком. Местных пальм только-только хватило на костры для обогрева замерзающих. Туземцами был побит один гринписовец, принесший к костру для обогрева оцепеневшую на холоде сколопендру.

Впрочем, будем справедливы: подавляющее большинство моряков занималось спасением людей, а не пингвинов, в спасении не нуждающихся, и не сколопендр, спасать которых — себе дороже.

Соединенным Штатам досталась эвакуация сотен атоллов Маршалловых островов, восточной части Каролинского архипелага, Восточного Самоа, островов Бейкер, Хауленд и Джарвис — как своих непосредственных владений, так и территорий, находящихся под опекой. Новая Зеландия эвакуировала принадлежащие ей острова Кука и Юнион; Франция — острова Уоллис и Хорн.

Ключки суши в океане нужны всем; обитающее на них туземное население — никому. На долю одних лишь Соединенных Штатов пришлось более трехсот тысяч человек, нуждающихся в срочном переселении. Хуже того — претендующих на предоставление им под жительство таких же райских уголков с тропической природой, каковыми были недавно их атоллы. Незначительным большинством голосов Конгресс проголосовал за предоставление всем эвакуированным вида на жительство в США. Коренные американцы в большинстве своем вернулись на материк; островитяне предпочли Гавайские и Марианские острова, коренное население которых отнюдь не пришло в восторг от наплыва бездомных чужаков. Кое-где прошли акции гражданского неповиновения, в двух случаях переросшие в серьезные бунты. На острове Кауаи властям пришлось привести в боевую готовность войска и мобилизовать национальную гвардию.

И все же «своих» худо-бедно вывозили и расселяли. Что делать с «чужими» — оставалось вопросом. Вот когда жители суверенных островных государств Микронезии и Полинезии

пожалели об избавлении от колониального гнета! За первые две недели с памятного дня великого географического катаклизма ни у одного из бесчисленных островов республики Кирибати не бросило якорь ни одно спасательное судно. В ООН велись вялотекущие дебаты. Япония выразила готовность предоставить для эвакуации замерзающих островитян целую флотилию сухогрузов и супертанкер «Оманого Мару», но, перегруженная собственным населением, категорически отказалась принять хотя бы одного человека. Очень скоро вспомнилось, что Кирибати и Науру входят в британское Содружество, и дипломатическому давлению подверглись Лондон, Веллингтон и Канберра. В ответ посыпались отказы, припудренные соболезнованиями.

Острее прочих отреагировала Австралия. Она также была готова предоставить флот для эвакуации островитян, но категорически не желала видеть их на Зеленом континенте. Общая численность «спорного» населения не превышала ста тысяч человек, а куда их девать, оставалось загадкой. В конце концов Австралия сделала уступку, согласившись принять двенадцать тысяч жителей Науру — людей с солидными банковскими счетами благодаря многолетнему экспорту фосфатов и системе «народного капитализма». Голодранцы же из Кирибати, извечно пробавлявшиеся торговлей кокосами и плодами хлебного дерева, не были нужны решительно никому. Что с того, что они христиане? Тем хуже для них — о мусульманах кричали бы сильнее. Что с того, что их денежная единица — австралийский доллар? Ты сперва предъяви достаточное количество этих долларов, докажи кредитоспособность, а потом и претендуй на право въезда в Австралию, понял?

— Не понял.

— Объясняю еще раз. Любой человек, желающий переселиться в другую страну, тем более в Австралию или Новую Зеландию, должен лично обратиться в иммиграционную службу указанных стран, не забывая о том, что критерии отбора у них очень строги и направлены прежде всего на поддержание высокого уровня жизни собственных сограждан. Никакое разум-

ное правительство благоустроенной страны не допустит увеличения безработицы, массовой нищеты и ненужной этнической пестроты, это вам понятно?

— Это понятно, но...

— До свидания. Балласта хватает и без вас.

С трибуны ООН звучали призывы к правительствам стран тропического и субтропического поясов принять у себя переселенцев. Призывы тонули, как камни, в зыбучих песках длинейших периодов от «с одной стороны, нельзя не согласиться...» до «с другой стороны, надо ясно понимать...». В положительном смысле отозвался один Иран, да и то с условием принятия всеми без исключения переселенцами ислама шиитского толка. Затем эстафету подхватила Россия, выразившая готовность предоставить полинезийцам места для проживания в Якутии и Красноярском крае.

В полном отчаянии дипломаты замерзающей островной республики, о которой прежде никто толком и не слыхивал, выслушивали слова соболезнования и сожаления — ничего, совсем ничего нельзя сделать. Мы бы рады, но... «Но» бывали самые разные, но сводились в итоге к одному и тому же.

Кивали на перенаселенность и суровый климат собственной страны, на социальные проблемы, нуждающиеся в решении, а не усугублении, на международное право. Что, собственно, является суверенным владением — сама земля как таковая или территория с такими-то и сякими-то географическими координатами? Вопрос для юристов. Если второе, то, право же, нет повода для беспокойства: в указанных координатах по-прежнему находится суша. Верно: не та суша, но все-таки суша. Пусть она пока что холодная, обледенелая, но это временно. Зато на привычной для вас географической широте!

Только дипломатический этикет не позволил послу крохотного Кирибати нанести оскорбление действием министру иностранных дел одной великой державы в благодарность за дружеский совет потребовать свое у вновь открытых антарктов. Зато немедленно по окончании аудиенции посол дал волю праведному гневу перед журналистами. Вряд ли он успел доста-

точно хорошо продумать данный шаг — скорее, наоборот, позднее рыдал от досады. Следствием импровизированного интервью стала лишь еще более озлобленная критика «так называемой Свободной Антарктиды». Удобный «стрелочник» был найден. Антарктидой и географическими координатами отныне прикрывался любой, к кому обращались отчаявшиеся островитяне.

А время шло...

Наконец случилось то, чего никто не ожидал: так называемая Свободная Антарктида подала голос. Специальной декларацией, принятой, как сообщалось в радиообращении, подавляющим большинством населения страны, антаркты признавали за всеми лицами, непосредственно пострадавшими в результате «переезда» континента, безусловное право на жительство на территории Свободной Антарктиды...

Глава 2 АНТАРКТИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС

ИЗ ЗАПИСОК ЛОМАЕВА

«Перелет прошел благополучно, а вот приземлиться нашему пилоту удалось лишь с третьей попытки — уж очень слепил глаза снег. Без солнцезащитных очков здесь мигом схватишь снежную слепоту — и ходи с повязкой на глазах, как слеподырий от рождения. Солнце настырное и злое, как в Сахаре, но температура воздуха минусовая, снег и не тает, разве что испаряется помалу. Не то что у нас в Новорусской, где не прочиаться от тумана, как и по всему побережью, я думаю.

А тут у них высокогорный курорт, только без гор. Вместо гор пучится здоровенный стационарный купол — главная постройка станции. В куполе местные и живут, и обедают, и снимают данные с вынесенных вовне приборов. Там же оранжерея со всякой растительной всячиной, в том числе цитрусовыми деревьями — любимое место большого зеленого попугая

начальника станции, если он (т.е. попугай, а не начальник) не сидит у кого-нибудь на плече и не летает под куполом, хрипло ругаясь на кого-нибудь. Попугай новозеландский, породы кеа, и зовут его Кешью по имени любимых им орехов. Проще говоря — Кеша.

Говорят, некоторые, вроде того попугая, неделями не выходят из купола, но я бы так не смог; по мне, что сидеть в куполе, что в вольере зоопарка, как антилопе какой-нибудь вилорогой, — один черт. Это только в пургу хорошо, а пуржит здесь редко. Ну, понятно, магнитологи, аэрологи, астрономы и дизелисты выходят на вольный воздух каждый день, им надо.

«Мороз и солнце, день чудесный». Знал Пушкин толк в чудесных днях. В такие дни чувствуешь, что не напрасно родился на свет — игра свеч стоила. Кончились все «прелести» материковой глубинки — ни тебе минус восьмидесяти ниже нуля, ни нулевой влажности воздуха, что сушит горло как силикогель, ни гипоксии, ни белой мглы. Знаете, что это такое? «Смока и Малыша» читали? Так вот это и есть та самая «белая смерть», но Джека Лондона я все же поправлю: дышать в белой мгле можно, если через нос, а еще лучше через подшлемник. Зато видимость — ноль. Мелкие-мелкие кристаллики снега висят в приповерхностном слое, как туман, и даже при полном безветрии не спешат опускаться. Если летишь над белой мглой на последних каплях горючего, сесть и не разбиться — крупная удача.

Столько самолетов сразу станция Амундсен-Скотт, наверное, никогда еще не видела. Мы прилетели пятнадцатыми; в тот же день прибыли еще два самолета и назавтра — еще один. Девятнадцать. От девятнадцати антарктических станций. По погодным условиям не смогли прибыть норвежцы из Модхейта, наши с Новолазаревской и индусы со станции Маитри, но обещали постоянно быть на связи. Англичане привезли украинцев. Аргентинцы с чилийцами как обещали проигнорировать Конгресс, так и проигнорировали.

Мы решили: пусть им будет хуже.

Кворум? Если считать по действующим станциям, кворума не было. Если по государствам — был. Пятнадцать нацио-

нальных делегаций из двадцати стран «антарктического клуба» — это кворум. Еще какой!

С Мак-Мёрдо прилетел «Геркулес-130». Он привез не только американскую делегацию, но и новозеландцев с близлежащего Скотт-Бэйза, запасы провизии на всю нашу ораву, а главное — еще один купол, надувной и колоссальных размеров. Для чего они держали его на Мак-Мёрдо, так и осталось для меня загадкой. Может, собирались оборудовать кегельбан. Так или иначе, к моменту нашего прилета купол был уже наполовину надут и здорово нам пригодился — и как зал заседаний, и как общежитие. Я и раньше знал, что Амундсен-Скотт — станция немаленькая, может при случае принять сотню гостей... ну вот и приняла. Хозяевам почти не пришлось тесниться.

Как я мечтал когда-то побывать на южной маковке планеты! На Востоке зимовал один раз, а слетать на Амундсен-Скотт — не вышло.

Вот она, вожделенная станция, а полюса нет, хоть тресни.

Само собой разумеется, я все равно осмотрел и сфотографировал местные достопримечательности. Тут у них точнехонько на полюсе стоял на подставке металлический шар, полированный и посеребренный, и полярники то и дело таскали его с места на место, потому что географический полюс планеты не пригвожден к одной точке, а выписывает хитрые кривые, называемые нутациями. Если хочешь совершить «кругосветку» — подстрахуйся и не пожалей лишней минуты на то, чтобы обойти шар по кругу радиусом в несколько десятков шагов. Можно прокатиться и на тракторе. А еще гости станции любят фотографировать свои безбожно искаженные физиономии, отраженные шаром. Конечно, сделал это и я, хотя шар теперь стоял не на полюсе, а на пересечении экватора с линией перемены дат. Все равно — достопримечательность.

За исключением шара и купола, здесь в общем-то почти так же, как и везде. Несколько домиков. Взлетно-посадочная полоса. Высоченные антенны. Буровая вышка. Магнитный павильон — внизу, в толще льда, как у нас на Востоке. Совсем глубоко под поверхностью — датчики нейтринного телеско-

па, а наверху торчит купол над телескопом оптическим. Зашел к коллегам-аэрологам — ничего, работать можно, хотя у нас в Новорусской удобнее. Зато по части чисто бытового комфорта американцы дадут сто очков вперед любой нации, а нам в первую голову. У нас в той же кубатуре с комфортом разместилась бы не сотня душ, как у них, а четверо больше.

Само собой, в том случае, если бы это кому-нибудь понадобилось — ААНИИ, Росгидромету или кому угодно, кто готов платить за работу и требовать результатов. Только это уже в прошедшем времени...

Ерепеев нашел знакомых из Мак-Мёрдо и Бодуэна, Шеклтон встретил соплеменных австралийцев, чуть не задушивших его в объятиях, а я оказался как бы не у дел. Впрочем, ненадолго: как только братья-полярники узнали, что я и есть тот самый Ломаев, чья фамилия стояла первой под манифестом о независимости, всяк норовил хлопнуть меня по плечу. С отбитым плечом я удрал помогать американцам разгружать «Геркулес». Рычал и вонял компрессор, заканчивая надувать купол. Человек десять дружно качали «лягушки», наполняя надувные матрасы — наши будущие кровати и «кресла для делегатов». Юлил по льду маленький японец, согнувшийся под огромной кипой одеял. Те, кто поздоровее, выкатывали из «Геркулеса» бочки с соляжкой. Хохот, шутки.

Главное, все они уже считали себя антарктами. Ну, большинство. При этом никто из них не знал, что это за зверь такой — антаркт, чем он отличается от остальных двуногих, как он должен себя вести и чего от него можно ожидать, а чего нельзя.

Я, кстати, тоже.

Может быть, по этой причине веселье было несколько жеребчым.

Мы-то ладно, нас с Ерепеевым можно понять: отщепенцы и изменники Родины. Допустим, чисто формально, но все равно изменники, нам назад ходу нет. Ну а остальные? Поляки, скажем. Или китайцы. Англичане, австралийцы, японцы, новозеландцы, украинцы — как их понять? А главное — как по-

нять американцев? Они же все жуткие патриоты, и их стране дележ Антарктиды как раз на руку!

Это потом я в патриотизме и его движущих силах стал разбираться чуть лучше, а пока — недоумевал. Вспомнить бы мне сразу шеклтоново «факин политик — гоу хоум»!

Нет в Антарктиде политиков, вот в чем дело. Ученые есть, работяги есть, попадаются и администраторы, иные даже в погонах, а политиков — ни одной особи. Нечего им тут делать. Для тех, чей питательный субстрат — народные массы, Антарктида — голод и смерть. А у ученых свои интересы.

Хотя комфортной жизни Антарктида и теперь никому не обещала. Правда, тут еще надо разобраться, что для кого комфорт, а что нет. Для адмирала ВМС, начальствующего над американской антарктической экспедицией, комфорт неразрывно связан с дисциплиной и подчинением его приказам, ну а для рядового исследователя немного не так...

Не сомневаюсь, что на американцев давили. Поначалу, наверное, мягко, затем все круче и круче, перейдя от рекомендаций к недвусмысленным приказам. Но покажите-ка мне ученого — настоящего ученого, — который откажется от дела всей своей жизни по окрику сверху? Нет таких. Если патриотизм американского обывателя держится главным образом на великолепной работе СМИ, то патриотизм интеллектуала, которому не так-то просто запудрить мозги, завязан у них на ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ. Отними у ученого право заниматься чем ему хочется — и он, надувшись, как дитя, ударится во фрондерство, диссидентство, внутреннюю или внешнюю эмиграцию и черт знает во что еще. Может, даже в политику, если чересчур наивен.

А у нас не так, что ли? Гамов, Капица, Тимофеев-Ресовский... А Ипатьев? А Сахаров?

О том, что закон этот универсален и с незначительными поправками годится для любой страны, я догадался позже. Национальный менталитет — тьфу! То есть он, безусловно, существует — как явление второго порядка значимости. В критические моменты его можно вообще не учитывать. В общем-

то человек всюду скроен одинаково: когда его берут за хрип, он начинает брыкаться. Это рефлекс. Я должен был понять сразу: мои коллеги чувствуют то же, что и я!

Пока же меня сильнее всего беспокоили американцы, затем англичане, привыкшие смотреть американцам в рот, а после них китайцы и японцы. Именно в такой последовательности.

Тот самый маленький японец, едва не погибший под грудой одеял, успокоил меня первым — пояснил на ломаном английском, что из Страны восходящего солнца на станцию Сёва пока что не было спущено ни одного конкретного указания. Попавшийся на глаза китаец сделал вид, будто не понял моего английского. А впрочем, может, и на самом деле не понял — как я ни подгонял свое произношение к оксфордским стандартам, оно как было тверским, так тверским и осталось. Овладеть же гуанчжоуским прононсом мне было как-то недосуг.

— Оу, Ломаефф!!! Гуд дэй! Кам хиа!

Гляжу — из тамбура надувного купола машет мне рукой не кто-нибудь, а сам Брюс Морган Тейлор, гроза и начальник Мак-Мёрдо. Три года назад я у них гостил по обмену, тогда Брюс еще не был начальником станции, а руководил учеными. Старый знакомый. Перед расставанием все-таки выцыганил у меня каэшку, треух и унты, а я потом кланялся завхозу, проклиная свою доброту. Этих иностранцев учи-учи, а они все равно не понимают прелести натурального меха, так в синтетике и мерзнут.

Не все, конечно. При случае некоторым удастся склонить наших полярников на невыгодный натуробмен. Носил я американские ботинки на меху, знаю! Обуй в них лошадь — у нее копыта отмерзнут и отвалятся за милую душу.

Теперь, понятно, в Антарктиде морозы не те, но Тейлор все равно прилетел в моих старых унтах. Сберег полезную вещь.

— Брюс!

Хлопнули по рукам. Гляжу — он делом занят: мастерит из швабры председательский молоток. Лично устроил швабре радикальную ампутацию, никому не доверил. Мог бы взять лю-

бую железяку, хоть ледоруб, и колотить в свое удовольствие по сковородке — ан нет. Не тот уровень, не та марка. Всеантарктический Конгресс как-никак! Ответственность перед потомками и мировым сообществом!

Доска, по которой стучать, уже тут — принесена с камбуза, и капустный лист к ней прилип. Ладно, сойдет и такая. Зато с ножовкой Тейлор обращаться не мастак. Казалось бы, три прямых распила — и готова вполне достойная киянка. А у него...

— О! — говорю с восхищением. — Это культовый предмет для отпугивания злых духов?

— Это молоток.

— В геометрии Лобачевского, вероятно. Могу я попробовать?

— Только осторожно. Майкл вторую швабру ни за что не пожертвует.

Майкл Уоррен — начальник станции Амундсен-Скотт и хозяин некогда самого южного на планете попугая. Я с ним (не попугаем) пока не был знаком, но угрозу воспринял серьезно. После моих десятиминутных трудов огрызок швабры приобрел некоторое сходство с требуемым инструментом.

— На, владей. Может, как раз тебе и пригодится.

— Что ты имеешь в виду? — сразу насторожился Тейлор.

— Что тебя изберут председателем. Может, да. А может, и нет. Сам как думаешь?

Я-то посмеиваюсь, а у него улыбка приросла к лицу, как макияж. Чи-и-и-из! А под улыбкой идет серьезная работа.

— Думаю, это было бы естественным шагом. Наша делегация самая многочисленная. Граждан США на континенте больше всего. Если же оценить наш вклад в изучение континента...

— Чего-о? Каких это граждан США? Ты, вероятно, хотел сказать «выходцев из США»? А кто Антарктиду открыл? Ваши Недлтон и Палмер, да? Опоздали они, родимые! Беллинсгаузен и Лазарев успели раньше. Из-под носа увели приоритет. А там еще французы с Дюмон-Дюрвилем...

Я уже не могу — хохочу, и только по моему смеху Брюс начинает догадываться, что я не всерьез его «опускаю» и пред-

седательского места для себя не домогаюсь. Смех смехом, а я все-таки реалист, хоть и впутавшийся в фантастическую историю. Даже у Шеклтона шансы на председательство больше моих, потому что он англосакс, а я русский. Западная политкорректность так далеко не простирается.

Тейлор — председатель? Хм. А почему бы и не Тейлор? Уж лучше он, чем какой-нибудь бразилец, уругваец или поляк, которых никто и слушать не станет. Разве что китайцы начнут мутить воду насчет американской кандидатуры — а они могут, их делегация многочисленна...

— Ты сам не против? — спрашивает Брюс вроде бы небрежно, а на самом деле с плохо скрытым напряжением в голосе.

— Твоей кандидатуры? Я-то не против, если ты не против Свободной Антарктиды...

Мы ударили по рукам. Я не стал выяснять позицию китайцев по вопросу о председателе, да и не было на это времени. Я впрягся в лямку, и до заката мы с Ерепеевым работали, как на аврале. Шутка ли — завтра нам предстояло создать основы антарктической государственности, а как прикажете это делать, если семьдесят душ делегатов не обеспечены ночлегом, горячей пищей, санитарными удобствами и прочее, и прочее... Конечно, аборигены станции слегка потеснились, но все равно на ночь наш «зал заседаний» был обязан превращаться в простую ночлежку. Так было даже лучше, поскольку отпадала надобность в стульях, креслах и прочих там скамьях — где лежал ночью, там и сиди днем. Лишь для председателя притащили вертящийся стул и конторский стол с тумбой.

А надо было еще расконсервировать и запустить резервный дизель, наладить освещение, разместить в куполе десятков калориферов и одновременно подумать о вентиляции, дабы не задохнуться ночью в атмосфере из собственной углекислоты... Надо было спешно строить новое отхожее место, пусть холодное и неудобное, зато с высокой пропускной способностью. А напилить снегу? А повесить производительность камбуза примерно вдвое? Работы — уйма, и большую ее часть пришлось сделать до темноты, так что вкалывали все.

Тейлор, пожалуй, старался даже больше других, и, как я понимаю, не без умысла. Он был прав. Хочешь пользоваться уважением — не только руководи, но и вкалывай лично. Сачков в Антарктиде не ценят.

Зашабашили уже ночью. Солнце упало вертикально, как подброшенный булыжник. Вышел на воздух — дух захватило. Звезды — как в планетарии. Туманность Треугольника видна невооруженным глазом — ей-ей, не вру! В меру морозно и в меру сухо. Снег под ногами не скрипит с истеричным пороссячим подвизгиванием, а солидно так похрюкивает. А главное — дышишь спокойно и нисколько не задыхаешься. На экваторе высоту в два километра над уровнем моря организм воспринимает совершенно иначе, чем на полюсе. Приборы тоже. Почему? Если не знаете, объясню: потому что на атмосферу действует та же центробежная сила, что не дает земному геоиду превратиться в акkuratный шарик. Как сейчас помню свою первую и единственную акклиматизацию на Востоке... бр-р!..

Зато есть чем хвастаться. Такого экстрима уже не будет на нашей планете нигде и никогда.

В куполе укладывались спать. Ерепеев, забравшись в спальник, уже храпел на надувном матрасе, а я вдруг почувствовал, что мне чего-то не хватает. Ну конечно! Где-то тут обретаются украинцы, а я с ними еще не познакомился.

Хохлы в Антарктиде — особая песня. Когда англичане решились больше не содержать станцию Фарадей по причине отсутствия на ней ВПП (вывоз тамошнего имущества введет их в изрядные расходы, а бросить жалко), они сделали дипломатический ход — подарили станцию Украине, благо дареному коню в зубы не смотрят, даже если это не конь, а полудохлый ишак. Зачем Украине нужен антарктический довесок, от которого одни убытки и никакой прибыли, никто не понял, но дар был принят с благодарностью.

Ничего удивительного, да и случай был не первый: точно так же поляки некогда взяли у нас станцию Оазис и переименовали в Добровольский. А потом уже сами основали станцию Артцовский близ нашего Беллинсгаузена.

Украинцы что, хуже? Дают — бери. Взяли. И уже задним числом стали чесать маковку — что с даром делать? Пыжиться, наслаждаясь престижным местом в «Антарктическом клубе»? Очень хорошо. А «клубные взносы», сиречь расходы на содержание станции? Який ти, до біса, «член клуба», если твою станцию вот-вот занесет снегом по верхушку антенны?

Раза два на бывший Фарадей, а ныне Академик Вернадский отправлялись «сезонные» экспедиции посещения, привозившие минимум научной информации и очень много запросов на дальнейшие ассигнования. Чаше станция вообще пустовала. И вот — нате вам, первая экспедиция с зимовкой!

А потом еще одна, и еще. Украинцы всерьез занялись Антарктидой.

Вовремя.

Я не стал расспрашивать, где расположились украинцы, и не наострил слух, внимая разноязычному говору под надувным куполом, — я просто разглядел издали пузатую бутылку «Первака», еще не распечатанную, и возле нее что-то на газетке, вероятно, сало з цибулею. Так оно и оказалось. Убежден: украинские коллеги нарочно «работали» напоказ. Не всем, но многим лестно сознавать и демонстрировать свою инакость. Хотя какое, собственно, мне до этого дело?

Зарок не пить — зарок, а дружить все равно надо. Я выудил из-за пазухи нагретую фляжку коньяку и поставил рядом с пузатой бутылкой:

— Примете в компанию?

Они переглянулись.

— А почему нет? Ты только вот что: коньяк пока прибери, мы его завтра выпьем. А сегодня так... по маленькой.

И мы приняли по маленькой с Толиком Коханским и Тарасом Онищенко. За Антарктиду, естественно. И пошло братание в кулуарах.

— Ну что, — говорю провокационно, — не ждали, что москаль снова станет вашим соотечественником?

— Так ты ж теперь антаркт, а не москаль!

— Верно. Я и забыл. Мы ведь не станем делить Антарктиду на союзные республики? Не станем, нет?

— Ни. На штаты хіба що.

— Лучше на области и районы. А впрочем, не важно. Согласен на губернии, уезды и воеводства. На улусы, сатрапии и муниципии тоже согласен. Без права выхода из состава. А?

— Почему без права?..

— А вам что, понравилось? Я исхожу из того, что право на самоопределение уже давным-давно реализовано каждой из представленных здесь наций. Ну и хватит. Или среди нас есть курды и масаи с готтентотами?

Таковых не оказалось. Зато на запах «Первака» пришел японец — тот самый Такахаша Кацуки, любитель императорского саке и жертва «русского саке», мечтающий теперь отведать украинскую разновидность данного напитка. Разумеется, по всем правилам — з салом та цибулею.

Я и не предполагал, что работа Конгресса начнется с бреда сивой кобылы. Едва Майкл Уоррен на правах гостеприимного хозяина взял слово для вступительной речи, едва он произнес: «Коллеги! Позвольте этот день шестого марта 20... года считать первым днем...» — как его моментально перебили, причем с нескольких мест разом. Почему ШЕСТОЕ марта? Для кого нынче еще шестое, а для кого уже седьмое! Линия перемены дат легла так, что разрубила Антарктиду на две неравные части. Восточная, вестимо, оказалась больше, зато Антарктический полуостров и прилегающие острова, покрытые научными станциями, как пень опятами, и почти все англо-американские антарктические форпосты оказались в западной части. Кроме, как назло, Мак-Мёрдо с ее важным значением и многочисленным населением. Вопрос на засыпку: ну и какое сегодня число?

Хуже того: Восточная Антарктида расположилась к западу от Западной. Переименовать Восточную в Западную и наоборот оказалось не так-то просто — названия эти давно устоялись. Где торчит собачий хвост Антарктического полуострова — там,

безусловно, Западная Антарктида, несмотря на то, что она теперь восточнее Восточной. Где логика? Бедные, бедные школьники с их уроками географии!..

Спорили до хрипоты и в конце концов вынесли вопрос на голосование. Тридцатью шестью голосами против тридцати четырех решили, что сегодня на всей территории Антарктиды все-таки седьмое марта, а не шестое; что до линии перемены дат, то пусть она катится куда хочет, народ Антарктиды за нее ответственности не несет. Какую-то роль сыграл и тот факт, что купол надули метрах в сорока к западу от блестящего шара. Уоррен грозился, что поκληчет своих ребят — чем они хуже самозванных делегатов? — и с их помощью при повторном голосовании добьется принятия своей точки зрения как единственно правильной. Унял его Кацуки, с деланной наивностью спросивший, страной какого дня будет считаться Антарктида — нарождающегося или умирающего?

Кому понравится жить в стране умирающего дня! Хуже того: у такой страны будут большие проблемы с моральной поддержкой извне, поскольку ее имидж подпорчен изначально. Вроде все стало ясно, но тут кто-то из англичан не без яда в голосе попросил объяснить, чем будет отличаться Страна нарождающегося дня от Страны восходящего солнца и не является ли предложение глубокоуважаемого коллеги замаскированной попыткой насадить здесь свои неприемлемые азиатские порядки?

В ответ Кацуки поклонился по-японски, затем пожал плечами по-западному и заверил достопочтенного джентльмена в том, что никакого предложения сделано еще не было, а был лишь задан вопрос; если же ему, Такахаши Кацуки, будет позволено внести предложение, то вот оно: обдумать все хорошенько и, дабы избежать недоразумений, впредь не судить о коллегах по себе.

Англичанин заявил, что вопрос сугубо принципиальный и от ответа на него будет зависеть, к какому миру, к какому типу цивилизации и к какой системе ценностей антаркты декларируют свою приверженность — Западу или Востоку? Какой-то

умник сейчас же процитировал Киплинга: «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут». Поднялся такой гвалт, что Уоррен попросил Тейлора одолжить ему молоток и устал колотить в доску. А я устал орать: «Тише, недоноски!»

И это было только начало.

Председателем избрали все-таки Тейлора — китайцы, как ни странно, дружно воздержались, и ни один из них не выступил против. Шеклтон, как ни отнекивался, угодил в секретари. Тейлор вооружился молотком из швабры, постучал по деревяшке, откашлялся и сказал речь:

— Друзья! Коллеги! Я надеюсь, что уже сегодня вечером смогу назвать вас иначе — соотечественники. Я рассчитываю на то, что мы с вами не будем терять времени даром. Мы пока лишь декларировали независимость Антарктиды, — тут он посмотрел на меня, затем покосился на Шеклтона, — теперь же мы должны заложить основы нашей государственности. Наш Конгресс, выражающий волю всех антарктов, является легитимным учреждением и как таковой должен первым делом утвердить манифест о независимости, несколько дней назад переданный в эфир четыремя нашими коллегами, и тем самым придать ему официальный статус. Ставлю на голосование... У кого нет текста? У всех есть? Ставлю на голосование!

Одиннадцать человек проголосовали против. Южноафриканский делегат требовал дать ему слово, а потом переголосовать. Выяснилось, что его не устраивают некоторые словесные обороты в нашем манифесте. Тейлор напомнил, что манифест уже обнародован, его редакция слегка запоздала и не может быть предметом обсуждения, а от делегатов требуется только одно: сообщить, согласны ли они с этим документом В ПРИНЦИПЕ. Оказалось, что да. Повторное голосование: ни одного против и двое воздержались.

Тейлор сказал, что с независимостью мы разобрались, и поздравил всех с обретением оной. По идее, тут должен был грянуть гимн, но его у нас не было, так что мы ограничились

вставанием с лежанок и всевозможными возгласами. Ура, мол, нашей независимости. Гип-гип.

Вы думаете, независимость одна на всех? Оказалось, что каждый понимает ее по-своему. Двое англичан и один новозеландец (уверен, что они сговорились заранее), взяв слово один за другим, принялись уговаривать нас отдалиться английской короне. При этом они били себя в грудь и клялись, что статус протектората (мало к чему обязывающий, как всем известно) уже почти у нас в кармане, так что за свою государственную безопасность мы можем быть спокойны отныне и во веки веков.

Поднялся шум, и я уж думал, что дело дойдет до драки. Один лысый китаец сразу заявил, что знать не знает никаких королей с королевами и почему бы в таком случае не обратиться сразу к США с просьбой о статусе добровольно присоединившейся территории — а еще лучше к Китайской Народной Республике. Она-то уж точно не даст антарктово в обиду!

Дети Альбиона заткнулись. Новозеландец поперхнулся и долго кашлял. Бельгийцы, французы и немцы ржали. До голосования по данному предложению дело так и не дошло.

С чего начать, когда ничего нет, — вот вопрос. Каждый норовил взять слово и кричать до посинения. Уоррен дождался своей очереди и предложил создать комитеты — по разработке конституции, по торговле, по внешней политике, по вопросам иммиграции и так далее, но только не сегодня, а завтра, потому что сегодня нам дай бог управиться с принятием основополагающих принципов. Предложение было разумное, но вы сильно ошибаетесь, если думаете, что Конгресс принял его немедленно. А два часа предварительной болтовни не хотите?

Я не встравал — берег силы. Как и следовало ожидать, самые жаркие баталии развернулись по поводу формы правления. За демократию-то стояли горой почти все делегаты, но мою идею насчет непосредственного народоправства большинство приняло в штыки. Кто издавна отравлен парламентаризмом, тот иначе не умеет ни жить, ни мыслить.

Я упирал на то, что население Свободной Антарктиды невелико и по общей численности сопоставимо с парламентом

любой другой страны, — в ответ меня ехидно спрашивали, кем же в таком случае парламент будет править. Как будто править самими собой легче, чем миллионами рядовых граждан! Уверяю вас: труднее! Здесь любая ошибка на виду. Зато каждому антаркту, продолжал я, придется нести бремя личной ответственности за судьбу своей страны. Аполитичных у нас не будет. Мы всех и каждого повяжем ответственностью!

Кое-кого я все же перетянул на свою сторону; прочие продолжали вставлять палки в колеса. Возражения были в диапазоне от «это вообще несерьезно» до «это технически трудно-осуществимо». Я сказал:

— Почему бы нам не испытать этот метод в действии прямо сейчас? Связь работает, так что мы можем устроить пробный референдум по какому-нибудь вопросу не первостепенной важности. Например, должен ли стать Амундсен-Скотт нашей столицей? А может, нам вообще отказаться от такого понятия, как столица? Должны ли мы как можно скорее ввести национальную валюту? А женский вопрос? Настаиваем ли мы, скажем, на обязательной моногамии?

Уж лучше бы я молчал в тряпочку насчет женского вопроса!

Сразу поднялся крик. Прежде в Антарктиде женщин практически не было, если не считать Мак-Мёрдо, и неспроста. Большому их количеству было нечего тут делать, а от малого одни неприятности. Думаете, где зимуют три десятка мужиков и больше одной женщины, там сплошной розарий? Черта с два — виварий! Серпентарий! И они воюют между собой за первенство, остервенившись сами и стервеня всех, кто попадает под руку, а в итоге мужики начинают собачиться друг с другом почем зря. Кому-нибудь это надо?

Теперь-то, конечно, «мужской континент» должен стать смешанным, хотя откуда брать женщин, осталось непонятным. У большинства на Большой Земле имелись семьи, а выписать их сюда — проблема; холостое меньшинство кричало насчет преимущественного права женщин при иммиграции; кто-то одиноко вопил, что лично он не потерпит никакой дискриминации по половому признаку — словом, базар и дым коромыслом.

Прежде и вопроса-то такого не могло возникнуть. Продолжительное воздержание — это просто-напросто плата (и не единственная) за саму возможность исследовать Антарктику. На почве этого-то воздержания некоторые особо изголодавшиеся сгоряча требовали конституционно узаконить полигамию — хотя на первых порах им светила в лучшем случае полиандрия.

Глоткой природа меня не обидела, и я рассчитывал, что смогу переорать этих любителей гнать децибелы. Куда там! Они бесновались, пока не охрипли. После чего один из охрипших ядовито осведомился у меня, каким же образом договорятся между собой пять-семь сотен антарктов, если и семь десятков способны лишь на то, чтобы потерять слух от чужих воплей и голос от собственных?

Ответ был у меня заготовлен заранее:

— Готовить вопросы для референдумов будет специальный комитет, причем ротация его членов должна быть регулярной. Равно и ротация членов правительства, если мы решим, что такое нам необходимо. Остальным останется только проголосовать, разве это так трудно?

— Тайным голосованием или открытым?

Примерно с этого момента спор начал мало-помалу выбираться в конструктивное русло. Я упирал на то, что конкретные детали не так уж важны — если они нам не понравятся, мы всегда можем скорректировать их простым всеантарктическим голосованием.

— Может, попробуем прямо сейчас?

Тейлор взглянул на меня без приязни и заявил, что лично он резко возражает. Американцы, англичане, австралийцы и новозеландцы поддержали его; украинцы, поляки, китайцы, немцы, бразильцы и уругвайцы — меня. Среди французов, японцев, бельгийцев, бразильцев и южноафриканцев единоголосия не было.

— Почему бы нам не провести эксперимент? — настаивал я. — Вот среди нас нет, скажем, норвежцев. Давайте свяжемся с Модхейтом и узнаем их мнение. Десять минут! Кто мы с вами

такие? Самозванцы и узурпаторы! Брюс, ты председатель банды самозванцев! Кто нас избирал? Где результаты выборов? Любой политик с легкостью заявит, что наше собрание незаконно. Иное дело — референдум среди всего населения Антарктиды! Кто за то, чтобы немедленно связаться с норвежцами и выяснить техническую возможность плебисцита? Голосуем!

Какая разница, как я перетянул мнение большинства на свою сторону! Сознаюсь, поорал немного. Спустил не десять, а пять минут (все норвежцы сидели у себя в кают-компании по причине пурги) мы узнали мнение Модхейта — с преимуществом в один голос победила идея непосредственной демократии. Но главное — система была опробована. И она работала!

— Она перестанет работать, как только нас станет вдвое-втрое больше, чем сейчас! — ершился Тейлор, очень недовольный, и, убрав свой «чи-и-из», грыз меня злым взглядом. — Даже раньше!

— Вот тогда мы и рассмотрим эту проблему, — ответил я. — А пока погодим с выборами президента Свободной Антарктиды. Горит, что ли?

Кажется, до многих только теперь дошло, куда метил Тейлор. Боюсь, он счел меня отступником и ренегатом. Но разве я обещал поддержать его при выборах на более высокий пост, нежели должность председателя на Конгрессе? Если он решил, что да, это только его проблема.

Словом, вопрос о непосредственной демократии был-таки поставлен на голосование, и мое предложение одержало верх незначительным большинством. Без голосов китайцев вышло бы в точности наоборот.

— Их слишком много! — надрылся кто-то. — Нас из Санаэ всего двое, а китайцев десять человек! С какой стати? Должно быть равное число делегатов от каждой станции!

— От каждой страны!

— Нет, от каждой станции, но пропорционально численности персонала. Есть станции большие, есть маленькие...

— Тогда почему не считать участниками Конгресса всех антарктов без исключения? Или, по-вашему, демократия — это когда меньшинство крутит большинством как хочет?

— Рихт! Оне ауснаме! Прафф херр Ломаефф!

— Нет, не прав!..

Меня обвинили в том, что я втайне намереваюсь обеспечить «русское большинство», сознательно умалчивая о яхтсменах Шимашевича, которых, разумеется, тут же объявлю антарктами, если только мне не будет угодно объявить их марсианами. Я отбивался как мог, и продолжалось это довольно долго. А когда кончилось, изумленные делегаты узнали, что солнце село и всем пора ужинать, поскольку время обеда минуло несколько часов назад.

Просто удивительно, насколько вербальная информация иной раз провоцирует дружное бурчание в животах!

Само собой, я потребовал, чтобы в часы нашего отдыха был проведен полномасштабный эксперимент по голосованию на всех антарктических станциях. Уоррен было заикнулся, что для этого в его хозяйстве нет технических возможностей, а я в ответ предложил перенести Конгресс в Новорусскую, где эти возможности обеспечит Непрухин.

Вышло по-моему. Наутро Уоррен с кислой миной огласил результаты плебисцита: за — четыреста один; против — сто пятьдесят семь; воздержалось — сорок; не участвовало в голосовании — шестьдесят три. Мое «детское», как он выразился, предложение окончательно победило.

Любопытно, что оно победило почти на всех англо-американских станциях, если считать голоса по каждой в отдельности!

Грешным делом я думал, что большинство людей чувствует себя неуютно, если над ними нет начальника. Вероятно, ошибался. Или просто-напросто сыграла свою роль эйфория первых дней?

Не знаю. Я решил подумать над этим когда-нибудь потом, имея избыток свободного времени. Например, в тюремной камере...

Конституционный комитет мы сварганили из трех человек с юридическим образованием (один из них диплома не получил, поскольку в далекой юности был изгнан с юридичес-

кого факультета за неуспеваемость, но мы закрыли на это глаза). Столь же быстро «испекли» и прочие комитеты. Все равно они были временными и не решали глобальных вопросов — их решало всеантарктическое голосование.

Мы с Шеклтоном попали в комитет по внешней политике. Хотел было взять самоотвод, но дал себя уговорить. Болван! Тогда я еще не понимал, в какую гадость влип, а когда понял, то... Впрочем, об этом я расскажу как-нибудь в другой раз.

К моему удивлению, наши прежние санно-гусеничные заслуги были оценены должным образом. Ерепеев и ахнуть не успел, как оказался главой комитета по транспорту (начальником транспортного цеха, как я его немедленно обозвал, в ответ на что он даже не сумел послать меня в какое-нибудь действительно оригинальное место — так был растерян).

На третий день у меня разболелся зуб, дорого и халтурно залеченный в клинике «Белый клык» еще на Большой Земле, и вздулась щека. Пришлось идти на поклон к местной медицине. Здоровенный негр-эскулап выдернул моего мучителя, отчего на утреннем заседании я почти не мог говорить — будто отсидел челюсть. Кстати, платы с меня он не взял, хотя я и предлагал расплатиться потом, когда-нибудь. Вот и утверждай после этого, что негры взяли от цивилизации самое худшее! Может, в основе это и так — но дисперсия, господи! С тех пор я ровным счетом ничего не имел против афроантарктов.

Тем более что на всю станцию Амундсен-Скотт их набралось ровно полтора экземпляра — один негр и один довольно светлый мулат.

А вопросов, требующих немедленного решения, оставалось еще по ноздри и выше. Обеспечение пищей, топливом и вообще всем необходимым. Бесперебойная связь. Вопросы международного признания Свободной Антарктиды. Оборона побережья на крайний случай. Государственный флаг — страна мы или не страна?

С флагом решили просто — белый круг на синем фоне. Всем понятно, что сие означает. Зато долго спорили, как назвать национальную валюту. Англо-американцы и австрало-новозеланд-

цы горой стояли за «антарктический доллар», но мы в союзе с китайцами и японцами провалили их предложение. Вернее сказать, китайцы сделали это в союзе с японцами и нами, хотя, по мне, что доллар, что юань — все едино. Не нравилось мне только то, что англосаксы выступают единым фронтом, а мы с поляками и украинцами никак не можем договориться. Предложи я хоть рубль, хоть шекель, хоть песо — братья-славяне горой стали бы за доллар. Я и не особо высовывался.

В конце концов один китаец нарисовал эскиз — торчащую из воды башку морского леопарда, скалящую зубы на айсберг с безопасно устроившимися на нем императорскими пингвинами, — и предложил печатать эту картинку на деньгах. Должно быть, она означала, что и мы, антаркты, собираемся поплевать сверху на всяческих хищников. Правда, подмытые водою края айсберга несколько загибались кверху, напоминая крышу китайской пагоды, а морской леопард отчасти смахивал на дракона, но мы решили не цепляться к мелочам. Все равно никакого другого рисунка предложено не было. И в честь морского леопарда валюту чуть было не назвали «лео».

Дался им этот морской леопард! Сволочное существо, между прочим. Нематодо, не раз спускавшийся под лед с аквалангом считать криль, однажды едва от него лапы унес. И уж если мы аллегорически изображаем себя пингвинами, то обзывать валюту именем их злейшего врага нам как-то не пристало...

— Доллар! — кричали с одной стороны.

— Фунт! — вопили с другой.

Поминали и иену, и гривну, и польский злотый, и южноафриканский ранд. Ковыряясь в памяти, извлекали оттуда динары, дирхемы, дублоны и тугрики. Французы предложили было луидор, но были освистаны. При чем тут король Луи? Али мы не антаркты? Кто как, а я во французы пока что не записывался.

Дошло до взаимных попреков. Еще чуть-чуть — и посыпались бы оскорбления. Тейлор едва не сломал о доску председательский молоток. Никто никого не слушал. Все орало, не обращая внимания на деревянную стукотню. Что им молоток,

сработанный из швабры! Тут больше подошла бы пароходная сирена или царь-колокол.

Скажите, пожалуйста, какой важный вопрос — как назвать антарктический дензнак! А крику было будто на стадионе, когда судья несправедливо назначил пенальти. Чистый гонор и ничего больше. Иные способны возвыситься над окружающими, только повесившись, но понять это ни в какую не желают, вот и бодаются самолюбиями.

Помирил всех немец. Я специально привожу здесь имя этого достойного человека: Отто Штормберг со станции Неймайер, геофизик и гляциолог. Он вышел к председательскому столу и добился относительной тишины одним лишь кротким видом. Это было непривычно, особенно для немца, и это подействовало.

Он был рёбок, этот гляциолог с грозовой фамилией, он говорил, поминутно конфузясь и извиняясь. Конечно, он не возьмет на себя смелость рекомендовать Конгрессу марку, хотя бы и антарктическую. Это было бы крайне неучтиво по отношению к большинству здесь присутствующих. Но почему бы не взять талер? Во-первых, это название не носит ни одна из современных валют. Во-вторых, талер был некогда весьма ходовой монетой в Европе. В-третьих, название «доллар», набравшее здесь большое число сторонников, восходит к талеру. Так отчего бы не принять антарктический талер? Или просто — анталер?

Он попал в цель. Кто не желал никаких талеров, тот мог утешать себя тем, что «анталер» можно понять и как «анти-талер». Против такого толкования Штормберг не возражал. И никто всерьез не возразил — так, поломались для порядка, побурчали и угомонились. И председательский молоток остался цел. Анталер так анталер.

По-моему, бывают названия и похуже. А определить курс новой валюты, разместить заказ на изготовление потребного ее количества, подумать над обеспечением и решить множество смежных проблем мы поручили спешно созданному бюджетно-финансовому комитету.

Я сразу понял, что без Шимашевича дела у него не сдвинутся с мертвой точки.

Денис Шимашевич беспокоил меня всерьез. Он мог помочь, и он хотел этого, но... знаете, где бывает бесплатный сыр?

Пока что я лелеял надежду на то, что при системе непосредственной демократии и ротации членов правительства возможностей взять нас за хрип у него будет меньше, чем при обычной выборной системе. Шимашевич, конечно, это понял, и вряд ли он в восторге... если только у него не готов ответ на любые наши шаги, включая этот.

Мне было немного обидно, что меня не понял Тейлор. Но оказалось, что это я его не понимал.

Мы встретились с глазу на глаз «в кулуарах Конгресса» — во время хозработ по заготовке снега. Председатель ты или кто — не важно; пришла твоя очередь — бери пилу и пили без возражений.

Пилил он все-таки криво, но истово.

Какое-то время мы трудились молча. Я не выдержал первым:

— Прости, если я нарушил твои планы...

Он махнул рукой — забыто, мол. И сейчас же произнес со вздохом:

— Как глупы порой бывают умные люди...

— Цитата? — спросил я. — Уайльд? Шоу?

— Не исключено, что Шекспир. Впрочем, не важно. Геннадий, учти, я считаю тебя умным человеком.

— Намек понял. Ну и где я сглупил?

— Тот намек, что надо, ты как раз не понял. А я ведь сказал ясно: как только наша численность превысит некую критическую величину... что произойдет?

— Ясно что. Тогда и создадим постоянное правительство, поскольку непосредственная демократия перестанет удовлетворительно работать...

Он оборвал меня:

— Постоянное правительство будет создано без нас, то есть без участия коренных антарктов, если иммиграция будет носить целенаправленный характер. И я не уверен, что мне по-

нравится курс этого правительства. И даже не уверен, что он придется по душе вам, русским. Скажи-ка мне, друг Геннадий, тебя в последние дни ничего не удивляет?

— Многое.

— Например, китайцы?

Я почесал в затылке:

— Да при чем тут... Хотя да, и китайцы тоже. Какие-то они... шелковые. Соглашаются почти со всем, что ни предложишь.

— Странно?

— Странно.

— Не напрягайся. Ничего странного тут нет, если предположить, что им нужна Свободная Антарктида как таковая, а в какой форме — поначалу не так уж важно. И если предположить, что китаец везде остается китайцем. Китаю нужно только одно: разместить вне территории Китая миллионов триста-четыреста своих сограждан. Где угодно и как можно скорее... Так почему бы не в Антарктиде?

Тут у меня самого пила пошла криво...»

Глава 3 МОИСЕЙ В ЛЕДНИКАХ

Случилось странное: туман рассеялся почти на двое суток.

Какая сила помимо хорошего стокового ветра с купола могла уничтожить его, осталось непознанным, и метеоролог Жбаночкин, пожав плечами, флегматично занес в компьютер снятые с приборов данные, как то: ветер слабый, переменного направления, облачность ноль баллов, атмосферное давление высокое и еще растет. Видимость — миллион на миллион. Ни тумана, ни ревушей пурги. Курорт. Убрать льды — совсем бы Черное море, а то и Красное, пока не влез в воду, откуда выскочишь синий и пупырчатый. Но море синее, а не свинцовое. Ленивая курортная волна, шурша, набегает на галечный пляж, и мириады солнечных бликов играют на воде, будто в их игре есть какой-то смысл. Тихие тропики, причем без одуряющей

жары, гомона туристов и полчищ кусачих насекомых. Покойно и безмятежно.

С борта судна снабжения доставили десять ящиков фруктов, и полярники ходили с бородами, перемазанными соком. Узнав, что на станции нет иной капусты, кроме квашеной, Шимашевич распорядился прислать на берег полтонны кочанов из корабельного холодильника. Счастливый Непрухин стриг зубами капустный лист со свирепой сноровкой собаки, ловящей блоху.

Снег вокруг Новорусской был перевернут и перемешан с грунтом, как на клондайкских приисках. Все, что когда-либо оставалось валяться без дела и заметалось пургами, извлекалось на поверхность, и лишь немного из «полезных ископаемых» не находило применения. Удалось поставить не четыре, как предполагалось вначале, а целых шесть домиков. Пусть два из них превосходили безобразием модернистские скульптурные композиции — все-таки это было жилье лучше палаток. Чтобы не перегружать работой врача (хватит с него одного Типунова!), скользкие ледяные дорожки присыпали гранитной крошкой и мелким гравием, протянули вдоль них леера. Через траншеи для стока воды перебросили мостики. Палатки тех, кому жребий не отвел пока модернистской хибары, поставили кучно и сооружали подле них ветрозащитную стенку из набитых камнями бочек из-под солярки.

Нематодо развлекался.

Не чуждый литературного творчества, он, отработав смену на благоустройстве станции, правил ошибки в статье, которую намеревался послать в редакцию «Химии и жизни» и которую надеялся увидеть в апрельском номере журнала, не подозревая о том, что славный розыгрышами апрельский номер готовится к печати в январе. В статье он убедительно доказывал, что сухопутные раннепалеозойские организмы обрели способность к передвижению значительно раньше морских. Зачем учиться ползать или плавать тому, кому вода сама приносит в рот питательную мелочь — только успевай глотать? Живущие на литорали — о, это иное дело!

По версии Нематодо, питались они богатыми йодом водорослями, выброшенными на берег, а также умели с помощью бактерий-симбионтов связывать атмосферный азот, поэтому их экскременты состояли преимущественно из йодистого азота — вещества нестойкого, в сухом виде на редкость взрывоопасного, детонирующего от малейшего чиха, а то и вовсе без причины. Несчастные организмы должны были, следовательно, выработать в себе способность отползать как можно дальше от оставленных ими экскрементов до того, как последние подсохнут на солнышке. Оседлых особей, не обладающих такой способностью, попросту разрывало на части, малоподвижным отрывало филей. Особенно активно развивались роющие формы, ибо и ныне хорошо известно, что артобстрел лучше пересидеть в окопе. Совершенно ясно, почему мы знаем об этих организмах лишь по единичным отпечаткам норок и следовых дорожек: валяющиеся где попало останки самих организмов не могли попасть в геологическую летопись, поскольку также уничтожались взрывами! Помимо того, беспрестанная взрывная эрозия береговой полосы способствовала образованию великолепных пляжей, остатки которых известны и сегодня под названием Лазурного берега, Копакабаны, Золотых Песков и прочих райских местечек... Расставляя запятые, Нематодо фыркал и хохотал.

Светило солнце, сиял лед. Сверкающее море шевелило мачтами флотилии яхт, будто и впрямь где-нибудь близ Лазурного берега. Благодать!

Вот в эту-то благодать поздним утром пятого дня после отбытия Ломаева, Ерепеева и Шеклтона на всеантарктический конгресс и вломился давно ожидаемый Ил-76 с российскими опознавательными знаками, запросил посадку, ответа не получил и все равно стал садиться, благо расчищенную накануне полосу пока что не замело. Погода как нарочно демонстрировала полную лояльность к летательным аппаратам.

Заметили его издали — сначала просто как точку над океаном. Ну точка и точка, что с того? И на Солнце бывают пятна. Но точка росла и, приблизившись, начала свистеть и выть. Тут

уже все обитатели Новорусской выскочили из домиков — кроме увечного Типунова, с ядовито-горькой гримасой на лице прилипшего носом к окошку медблока. Ага, мол. Дождались, уррроды!

Растерялись — что правда, то правда. Нелегко сбрасывать кожу, как говаривал удав Каа. Нелегко в считанные дни полнотью, до печенок, проникнуться сознанием своих прав антаркта, начисто отринув все бывшее. Стояли, смотрели, сорили скупыми междометиями. Гадали — что да почему. Гляциолог Полосюк побежал заводить трактор — то ли с намерением перекрыть им полосу, то ли для того, чтобы уехать от греха подальше на седьмой километр; он сам потом не мог толком объяснить. Больше никто не предпринял активных действий. Если бы не переминались с ноги на ногу, можно было бы сказать — оцепенели.

А что толку метаться? Плетью обуха не перешибешь. Перекрыть техникой полосу — да, можно. А если на борту рота парашютного спецназа? Очень поможет перекрытие полосы. Сейчас вот как посыплются... Что там рота — много чести! На всю Новорусскую за глаза хватит и взвода, отделения даже.

Слова — словами. Особый, мол, статус Антарктиды. Вашингтонский договор. Демилитаризация. Что сам говоришь, в то и хочется верить. А назад в глотку тебе твои слова не забьют ли, чтобы не нес всякую ахинею? С зубами вместе? Прикладом?

Завестись с пол-оборота трактор не пожелал. Самолет тем временем без помехи зашел на посадку, выпустил шасси, коснулся, задрал нос, подтаявшего фирна и запыхал снежной крошкой по полосе. Развернулся, замер. Заглушил турбины, перестав надсадно свистеть. Сразу стали слышны резкие крики кружащих в небе поморников да заполошный гвалт близлежащей колонии пингвинов Адели. Зачем прилетела большая железная птица? Не надо ее. Страшная, плохая. Пугает. Прилетела — худо. Села — еще хуже. Добром ее визит не кончится...

О том же, только чуть аргументированнее, думали и люди.

Пошли к самолету, однако, все, толпой. Что толку отсидиваться? Не отсидишься. Впереди всех с напускным видом наглого висельника, плюющего на эшафот и петельку, вышагивал Непрухин. Полосюк все-таки завел трактор и покатил, но поперед батьки в пекло не лез, тархтел малым ходом сзади. Близ самолета сделал оговоренную заранее разумную вещь: затормозил бег механизма в метре от носовой стойки шасси и с явным намеком не стал выключать двигатель. Если что, мол, дам по газам, сворочу шасси к чертовой матери, и кукуйте тут вместе с нами, силовички...

Ноющая хуже бормашины гидравлика опустила кормовую аппарель.

На лед сошли двое. Только двое. Это же надо подумать — двое! Не в камуфляже — в оранжевых пуховках! И без оружия.

Первый, мужчина средних лет и невыразительной внешности, был никому не знаком. Первогодку в Антарктиде и то было понятно, что он суший новичок, впервые ступивший на обледенелый материк. Пытаясь напустить на себя суровость, он терпел жалкое поражение в борьбе с любопытством, вертел головой и живо напоминал лопухого ротозея-туриста. Фигура, словом, неинтересная. Зато второй визитер, низенький, кругленький, с карикатурной семитской внешностью, седенький там, где не лысенький, и лысенький там, где не седенький, сутливым шариком выкатившийся из чрева самолета, был знаком практически всем в ААНИИ. И в первую очередь начальникам полярных экспедиций и станций, начиная с Троеглазова и кончая Типуновым.

Кто из антарктического начальства не имел бурных объяснений с заведующим административно-хозяйственной частью Моисеем Соломоновичем Коганом по поводу снабжения! Нет таких. Кто не давил на него, пытаясь выбить что-либо вненормативное, кто не пытался улестить! Таких тем более не бывало, потому что круглые дураки среди полярного начальства встречаются редко. Дело известное: не затребуешь загодя трех вездеходов — не получишь и одного трактора. Хороший начальник не в меру хапужлив во время подготовки экспедиции

и разумно щедр во время ее проведения. С хорошим начальником не пропадешь. С плохим, то есть не способным пробить легендарную сквалыжность начальника АХЧ, хлебнешь горя да еще, вспомнив Моисея Соломоновича, начнешь быстро эволюционировать в антисемита.

Рабочий кабинет в ААНИИ, буфет и туалет — вот был обычный ареал начальника АХЧ. В первом из этих помещений он занимал место за гигантским письменным столом, гнущимся под тяжестью сотен до отказа набитых скоросшивателей, два других навещал спорадически. А вне своего ареала Моисей Соломонович попадался на глаза чрезвычайно редко. И уж в антарктический ландшафт он не вписывался категорически. Если бы специально для Непрухина самолет привез из Австралии утконоса, народ удивился бы меньше.

Замерли, разинув рты. Кто-то, подобно двум гоголевским Петрам Ивановичам, сказал «э» и не нашел, чем продолжить.

— Так-так-так-так... — торопливо и смешно, как всегда, затараторил Моисей Соломонович. — Ай-ай-ай-ай-ай!.. Что же это вы здесь над собой наделали? Записались в независимые антаркты и уже себе довольны? А здороваться-таки не надо, а?

— Э... здравствуйте, Моисей Соломонович, — сдавленно пробормотал Непрухин. Глухо загомонили и остальные.

— Дети! — всплеснул руками начальник АХЧ. — Сушие дети, чтоб вы были здоровы! Коган так сказал. Кто-нибудь другой, повыше меня, скажет: «Сукины дети». Я не скажу. Только что с того, хочу я вас спросить? Кто такой Коган и кто там, наверху? Таки разница есть?

Никто не нашелся с немедленным ответом — ждали, что он еще скажет. Тем временем дизелист Хвостовой, украдкой поднявшись по аппарели, заглянул внутрь самолета. «Да тут никого нет!» — послышался его удивленный крик и вслед за ним громкое «ой». Кто-то там все-таки был. «Не, это экипаж», — прозвучало через несколько секунд с нелогичной смесью облегчения и разочарования.

Действительно, желающий размять ноги экипаж пробирался к кормовой аппарели узким проходом, оставленным в ря-

дах ящиков и бочек непонятного назначения. Тяжелый самолет оказался загружен минимум на две трети.

— Рад приветствовать и все такое, — ожил Непрухин, но был настороженно-мрачен. — Надеюсь, долетели без происшествий? Болтанки не было? Кстати, зачем вы к нам?

— А как вы себе думаете? — фальцетом отозвался Моисей Соломонович. — Это кто, извиняюсь? — Он ткнул пальцем в сторону своего спутника, не изронившего пока ни единого слова. — Кто такой этот человек, я вас спрашиваю? Таки не догадываетесь? Коган вам скажет! Прошу любить и не жаловаться: судебный пристав. Василий Петрович, дорогой, предъявите бумаги!

Василий Петрович предъявил. Непрухин не стал и глядеть в документ — передал его Пятко, после чего сложил руки на груди и нагло ухмыльнулся:

— Брать нас прилетели. А получится?

— Да при чем тут вас брать! — И неистребимый одесский говорок Моисея Соломоновича взвинтился на октаву выше. — При чем тут вообще вы, я вас спрашиваю! Когану вы интересны? С каких пор Коган начальник кадров? Коган начальник АХЧ. И как начальник АХЧ он прибыл лично принять имущество ААНИИ...

— Какое имущество? — перебил вопросом магнитолог Крот, в то время как все разом задвигались и глухо зашумели.

— Казенное имущество. По описи. Первым рейсом — дизель-генераторы, радиостанцию, научное оборудование. К сожалению, топливо, продовольствие и строительные конструкции мы вынуждены пока оставить. За ними придет судно.

— Что-о-о?.. — взвыл и задохнулся Крот.

— А как же мы? — наивно и потерянно спросил кто-то, вклинившись в крохотную паузу.

— Я доктор? Я знаю? — развел руками Моисей Соломонович. — Что вы себе думали? Республику основали? Пожалуйста, разве Коган против? Разве я похож на того, кто станет вам мешать? Живите! Урегулируем имущественные отношения — и живите себе на здоровье!..

— Голым задом на льдине, — угрюмо уточнил кто-то.

Начальник АХЧ вторично развел руками. Что, мол, могу, то могу, а чего не могу, того с меня не спрашивайте...

— Не отдадим! — отрезал первым пришедший в себя Непрухин. Только что принуждавший себя говорить спокойно, сейчас он с удовольствием орал, как всякий россиянин, дорвавшийся до скандала. — Вот вам дизель-генераторы, ясно? Ржавого гвоздя не получите!

— Как так не отдадите? — маленьким, но ершистым боевым петушком налетел на него Моисей Соломонович. — Таки очень даже отдадите, извиняюсь! Это не ваше имущество!

— И не ваше! — рявкнул Непрухин.

— А чье же это имущество? — заверещал в ответ Моисей Соломонович.

— Не ваше!

— Может быть, таки ваше?

— Таки да! Это... — Непрухин завращал глазами и вспомнил нужные слова. — Это национализированное имущество!

— Кем национализированное? — взвизгнул начальник АХЧ.

Никто даже не прыснул. Быть может, потому, что Моисей Соломонович меньше всего походил на Кису Воробьянинова, а Игорь Непрухин — на отца Федора. Да и предмет спора был куда существеннее, чем какой-то стул, пусть даже работы Гамбса.

— Нами, антарктами. У нас суверенное государство. А вы... вы...

— Вы нарушили воздушные и сухопутные границы нашей страны, — дал подсказку кто-то из толпы.

— Точно! — подхватил Непрухин, сейчас же просияв нехорошей улыбкой. — Вы оба, а равно и экипаж, задерживаетесь... э-э... до выяснения. Самолет-нарушитель с... э-э... контрабандным грузом... кто-нибудь, гляньте, что там за груз!.. самолет с контрабандным грузом арестовывается. А это... — он выхватил из чьих-то рук судебное постановление и победно помахал им над головой, — это мы повесим в сортире. Эх, жаль бумага жесткая...

В толпе засмеялись — глумливо и обидно для «контрабандистов». Кто-то посоветовал сохранить бумагу как будущую

реликвию и музейный экспонат. Моисей Соломонович махал руками, брызгал слюной и пытался что-то сказать, но его уже не слушали. Пристав пугливо озирался.

— На камбуз их! Нехай картошечки почистят...

— Не, на седьмой километр. Лучшая тюрюга, ей-ей! Дадим им печку, и пусть живут, никуда оттуда не денутся...

— А холодный склад ты от них охранять будешь? Сказал тоже...

— В кают-компанию, а там решим...

— Оружие есть у них? Обыскать надо...

Оружия у визитеров не нашлось. Обыскиваемый Моисей Соломонович визжал от шекотки, дергался и грозил карами. Пристав подчинился безропотно, а экипаж самолета решили не обыскивать, предупредив устно: не дергайтесь, ребята, и все обойдется. Айда в кают-компанию, щами накормим...

Задержанным указали направление, пристава подбодрили тычком в спину. Коган дожидаться тычка не стал — громко объявил, что подчиняется грубому насилию, и возглавил шествие. За ним, размахивая судебным постановлением, едва поспевал Непрухин.

— Эй, не так быстро! Спешил тут один такой — теперь лежит в лазарете...

— Типунов? — проявил осведомленность Моисей Соломонович, не сбавляя шага.

— Он самый.

— Он все еще начальник станции?

— А это с какой точки зрения посмотреть. Если с формальной, то письменного отказа от должности он вроде не давал...

— Уй, на что мне ваши формальности? — сердито фыркнул Коган. — С реальной.

— Тогда нет. Был начальником, а стал пациентом. Кстати, он не антаркт. Можете забрать его с собой, когда мы вас отпустим. — Непрухин нехорошо ухмыльнулся. — Если отпустим, конечно...

— Таки отпустите! Разумеется, отпустите! — Моисей Соломонович еще прибавил шагу. Теперь его слова не долетали

до тех, кто шел сзади. — Позвольте утолить любопытство: кто новый начальник станции? Вы?

Рукой с зажатым в ней судебным постановлением Непрухин на ходу почесал в затылке. А в самом деле — кто?.. После убийства Ломаева и «Е в кубе» такой вопрос почему-то никому не приходил в голову. Работали, подчиняясь обстоятельствам и здравому смыслу, вот и все. Теоретически вакантное место начальника должен был занять кто-нибудь из научного начальства — практически в тех случаях, когда надо было распорядиться, распорядились стихийные авторитеты. Игорь Непрухин был в их числе.

— Считайте, что я пока исполняю обязанности.

— Я, конечно, извиняюсь, но вы исполняете обязанности идиота! — затарахтел, брызгаясь, Моисей Соломонович. — Что вы делаете с бумагой? Я скажу вам, если вы не можете понять: это важнейшая бумага. Если в этом месте случайно найдется один человек, у которого в голове кое-что есть, он отнимет ее у вас ради вашей же пользы. Читайте внимательно, только не надо останавливаться! На ходу читайте. Ну? Таки ничего не заметно?

— Таки ничего, — сознался Непрухин, пробежав глазами текст и умудрившись не отстать от неожиданно резвого ходока. До него наконец дошло, что Моисей Соломонович хочет сказать что-то ему одному.

— Ой, я над собой таки что-то сделаю! Вы не видите! Как вы названы в юридическом документе? Читайте!

— Самопровозглашенной республикой Свободная Антарктида, — недоуменно прочитал Непрухин. — А что, не так?

— Так, не так — какое мое дело? Вам сделали прецедент, между прочим, вас юридически назвали вашим же именем, с вами имеют дело как с политиками, а вы ведете себя... как полярники! — Месящий унтами снежную кашу, задыхающийся на ходу Моисей Соломонович был очень сердит. — Как младенцы! Нет, хуже младенца, потому что младенец себе подрастет и, может, даже поумнеет когда-нибудь...

Непрухин начал прозревать.

— Пойдите, Моисей Соломонович... Вы хотите сказать, что какой-то там московский арбитражный суд по недоразумению назвал нас... Да это просто смешно!.. Да, а почему московский?

— Потому что головная организация — Росгидромет — находится в Москве, а не в Жмеринке, вам понятно?

Непрухин снова поскреб в затылке, но уже свободной от бумаги рукой.

— Ну... допустим. А толку? Суд высшей инстанции отменит — и всех делов!

— Уже таки отменил по протесту московской прокуратуры...

— Вот видите!

— Отменил, а генпрокурор обратно опротестовал. Теперь вам понятно?

— Нет.

— Я спрашиваю, вам понятно, на какой уровень вас выведут? Какая следующая инстанция — мне сказать или таки сами догадаетесь?

— Страсбург, что ли? — проявил догадливость Непрухин и несколько шагов шел молча, переваривая информацию. — Не, ну это смешно. При всем к вам уважении, Моисей Соломонович... И потом, Страсбург же только по европейским делам...

— Это ваше «смешно» таки стоило больших хлопот, — совсем сердито и даже обиженно отозвался начальник АХЧ. — Это прецедент, уж какой есть, и вы будете себе довольны. На что вам надо ссылаться при случае, как не на эту бумагу? А вы ее хотели, трижды извиняюсь, в сортир... Дети, ну дети!

— Спасибо, Моисей Соломонович, — с некоторым сомнением сказал Непрухин. — А насчет самолета уж извините, груз мы задержим...

— Разгружать будете?

— Конечно.

— Выгружайте только ящики с маркировкой Щ42А. Они предназначены для Новорусской. Да поосторожнее, там электронное оборудование. Остальные ящики не трогайте — они для Мирного, Новолазаревской и Беллинсгаузена. Бочки тоже — в них наш керосин. Вы поняли?

— Ясно, Моисей Соломонович, — весело отозвался окончательно прозревший Непрухин. — А что в ящиках?

— Радиомаяки, радары и компьютеры. Наземный комплект для малых полевых аэродромов плюс документация. Если разберетесь в ней, то сможете принимать и отправлять самолеты в любой туман.

— Спасибо вам! — с чувством сказал Непрухин.

— Уй, только не надо меня благодарить! — скривился Моисей Соломонович. — При чем тут вообще Коган? Коган знать ничего не знает. Имущественные споры вы будете вести совсем не с ограбленным вами Коганом, а кое с кем повыше! Что взять со старого еврея, к тому же насильственно удерживаемого?

— Удерживаемого?..

— Ну да, а я вам за что толкую? Насильственно удерживаемого на станции Беллинсгаузен. Она последняя на маршруте. Должен же Коган попытаться получить назад имущество ААНИИ со всех станций? Должен, я вас спрашиваю, или нет?..

— А на острове Ватерлоо его удержат силой? — с недоверием спросил Непрухин.

— Таки да, если антаркты захотят воспользоваться советами Когана. Ой, какой вы непонятливый! Как можно так жить? Вас скушают в один минут. А с Коганом, может, и не скушают, особенно если старый завхоз под угрозой расправы станет давать вам полезные советы, а вы, то есть ваши новые власти, будете им скрупулезно следовать...

Только теперь Моисей Соломонович замедлил шаг, и видно было, что он выдохся. Крайние домики Новорусской были уже близко.

— А самолет? — спросил Непрухин.

— Что, и самолет вам нужен?.. Нет, самолет дозаправится и полетит в Мирный и так далее. Куда вам четыре комплекта аэродромного оборудования? От Беллинсгаузена самолет уйдет в Мексику, оттуда через Кубу, Мавританию и Тунис в Москву. Антаркты разграбят груз подчистую, не тронув только керосин, и разрешат улететь тем, кто, скажем так, поздоровее

умом, начиная с вашего Типунова... Или я чего-то не понимаю? Или таки не разрешат?

— Разрешат, Моисей Соломонович, не сомневайтесь, — ответил Непрухин, улыбаясь. — А с приставом что делать?

— Он вам нужен?

— А это смотря кто он на самом деле...

— Пристав настоящий. Ему много знать таки совсем не обязательно... Ой, что это у вас — мокрый лед? Поддержите меня, прошу вас...

— Сюда идите, здесь гравий... Но ведь пристав догадается?

— Само собой. Если не дурак, то подтвердит, что антаркты нас ограбили, а больше ничего не скажет. Если дурак, то таки наживет себе неприятностей. Это Коган сказал, а ему можно верить... Слушайте, молодой человек, что вы меня под локоток держите? Коган вам барышня? Я сам дойду. А вы займитесь выгрузкой, да глядите: только ящики с маркировкой Щ42А, не перепутайте...

В полдень седьмого дня работы Конгресса зоркий глаз Геннадия Ломаева, вышедшего в перерыве по нужде, углядел в густом небесном ультрамарине эфемерное, как легкий акварельный мазок, перистое облачко — циррус. Ломаев немедленно пришел в восторг и побежал к аэрологам. Не в пример ему, научники Амундсен-Скотта, отрядив для участия в Конгрессе одного мученика-делегата, занимались настоящим делом. Двое из них как раз надували шар-зонд, третий проверял приборы. Ломаев сейчас же ощутил жгучую зависть к коллегам. Они не отсиживали зады на заседаниях — ценя независимость, но ставя план научных работ выше, они пытались понять, какая воздушная кухня действует ныне в сорока километрах над ледяным куполом.

Предложенную помощь американские коллеги приняли без энтузиазма, но и не погнались взащей, и целых полчаса Ломаев был счастлив. В полном безветрии зонд улетел вертикально вверх. Провожая его взглядом, Ломаев попутно заметил две вещи. Во-первых, незаконный циррус успел стыдливо раста-

ять, подтвердив тезис об устойчивости антициклона над куполом. А во-вторых, в области зенита, в неприятной близости от жгучего солнечного диска, перемещался, возникая, казалось, из ничего и тут же тая, короткий инверсионный след.

Вообще-то в самом этом факте не было ничего особенного. Несмотря на объявленную на весь мир независимость Свободной Антарктиды, ни одна уважающая себя авиакомпания не собиралась ни сдвигать воздушные трассы на тихоокеанских маршрутах, ни платить антарктам за пролет над их территорией. С какой стати? Кто не признан мировым сообществом и не имеет собственных сил ПВО, тот не заслуживает внимания и должен помалкивать в тряпочку.

Но между пассажирским Боингом, легко различимым снизу именно как самолет, и пустым инверсионным следом, в голове которого невооруженный глаз не мог заметить даже крохотной точки, была большая разница. Задрав к небу облупленный нос, Ломаев пытался прикинуть на глазок высоту и скорость полета неизвестного аппарата и не верил собственным расчетам. Тут за его спиной кто-то взвыл от боли и заругался по-английски. Согнувшись кочергой, уронив на снег очки, Уоррен прижимал ладони к глазам. На его шее болтался на ремешке мощный бинокль. Все было ясно: начальник станции Амундсен-Скотт, высматривая сквозь оптику то же, что и Ломаев, нечаянно «хватанул Солнца». К счастью, сквозь темные очки.

Ломаев уже знал, где на станции медпункт.

— Держись за меня, Майкл, я провожу...

— Ноу. — Оттолкнув его, Уоррен выпрямился. Поморгал, с силой сжимая веки, помычал и выцедил еще одно ругательство. — Уже прошло. Не беспокойся, я сам потом зайду к доку Фишеру... Я идиот. Зато я его разглядел...

— Разведчик? — предположил Ломаев. — Ваш?

— Наш. — Уоррен даже не поправился: в смысле, мол, американский, и Ломаев решил не цепляться к мелочам. Больно же человеку. — Или это SR-71, или я Вупи Голдберг. Старый самолет, а хороший. Похоже, нас все-таки немного уважают...

— Он случайно не палубного базирования?

— Ни в коем случае. Летит с Оаху на Гуам, я думаю. — Уоррен еще поморгал и подобрал очки. — Имеет прекрасную фотоаппаратуру. Еще, наверное, средства радиоэлектронной разведки, только, я думаю, это пока лишнее. Нет у нас ничего такого, чтобы вести против нас радиоэлектронную разведку...

Хмыкнув в знак согласия, Ломаев почесал в бороде:

— Что же они, со спутника не могли все заснять?

— Одно другому не мешает. Так у вас говорят? — Уоррен несколько раз с силой моргнул, водрузил очки на нос и кивнул на надувной купол. — Пойдем, Геннадий, перерыв кончается...

— Успеем. Ты вот что: не хочешь к врачу, так сбегай на камбуз, промой глаза чаем...

— Уверен? — в сильном сомнении спросил Уоррен. — Чаем? Чай для того, чтобы пить.

— Для этого существует водка, — ухмыльнувшись, сказал Ломаев, — только мы на нее еще не заработали. Давай беги, а я шепну Тейлору, чтобы придержал начало...

О том, находится ли станция Амундсен-Скотт в радиусе действия палубной авиации, Ломаев не спросил. Да и какая разница, если любая другая антарктическая станция заведомо попадает в этот радиус? Амундсен-Скотт — де-факто сердце Свободной Антарктиды, а без тела сердце долго не живет.

Только вчера по каналу Си-эн-эн была принята информация: близ берегов Антарктиды авианосная группа разделилась на два боевых соединения. «Томас В. Вильсон» с кораблями поддержки ушел патрулировать воды к югу от Антарктического полуострова; эскадра с «Эндрю Джексон» развернулась к северу. О планах действия эскадры пока ничего не сообщалось.

Только ли блокада побережья или нечто худшее? Никто не знал, но каждый кожей ощущал опасность и втихомолку спрашивал себя: уж не дурной ли это сон? Уж не пора ли проснуться? И, убедившись в реальности происходящего, мрачнел.

Однако Конгресс продолжал работать как ни в чем не бывало. Пожалуй, теперь он работал продуктивнее, чем в первые дни. Амбициозные требования, споры ни о чем, ненужные на-

скоки, пустые обиды и бестолковые дискуссии становились редкостью. Кто с самого начала не понял, что вопрос о Свободной Антарктиде надо как можно скорее выносить за пределы материка и что времени на это осталось крайне мало, тот начал понимать это вчера. В худшем случае и при большом тугодумии — сегодня утром.

У входа в надувной «зал заседаний» Ломаев решил, что не станет скрывать от делегатов появление в небе разведчика. Наоборот, объявит об этом во всеуслышание, и пусть пугаются робкие — не страшно. Робких в Антарктиде вообще мало, а скоро не станет совсем — эвакуируются. Тяжелые на подъем, косные умом — да, встречаются. Даже среди делегатов.

Вот их-то и надо заставить шевелиться...

С самого утра Баландина глодало предчувствие.

Не то чтобы ожидание беды или еще чего похуже. Скорее — ожидание локальных перемен. К обеду оно переросло в уверенность.

После завтрака и традиционного коллективного перекура яхтсменов из некомплектного четвертого домика распределили долбить лед на месте будущего пирса. По правде говоря, льда тут было не так уж и много, так, подтаявшие пласты. У воды попадались обширные пятаки самого настоящего пляжа, похожего на крымский галечный, с той лишь разницей, что камни выглядели непривычно крупными и угловатыми — как вмерзли в незапамятные времена в белый монолит, так и сохранились необкатанными. У берега сплошь и рядом плавали льдины и мелкая ледяная крошка. Ручьи, стекающие с купола, продолжали распухать и шириться, но выбранный для стоянки яхт берег являл собою возвышение и природный мол — изогнутый выступ суши, вторгающийся в приантарктические воды, — поэтому ручьи это место старательно огибали.

Большинство яхт антарктического флота за молотом и пряталось; народ все дружнее и дружнее поговаривал о необходимости поднять яхты на сушу, потому что ежедневно приходилось вызволять их из нагромождения льдин, заносимых

в бухту ошизевшими течениями. Дальше маячили еле видные из тумана суда флотилии Шимашевича — даже вертолетоносец и танкер сюда пригнали от греха подальше. А то слишком уж активно в прибрежных водах стали шастать суда под самыми разными флагами. Причем часто суда мышастого цвета и с торчащими на манер ресниц модницы орудийными стволами.

В общем, орудовал Баландин ломом, косился на Женьку Большого и думал о том, что недолго им сегодня вздымать и опускать в ледяное крошево стылый металлический стержень.

Так и случилось. Еще до обеда приковылял болезный яхтсмен из Таганрога, по причине недуга исполняющий сегодня необременительные обязанности вестового.

— Эй, «Анубис»! Шабаш, вас папа требует. В полном составе.

«Ну вот, — подумал Баландин. — Я не ошибся...»

Женька с готовностью вручил лом соседу — калининградцу Диме Дахно. Снисходительно похлопал по плечу, наставить не забыл: «Трудись, наращивай мускул!»

— Еще один не нужен? — предложил свой инструмент и Баландин.

— Да подите вы! — уныло огрызнулся Дахно.

Долбить лед всем давно уже осточертело.

— И пойдём, — ослабилась Женька. — Нафаня! Пошли!

Капитан «Анубиса» пребывал в резиденции Шимашевича с самого утра. Что-то Шимашевич замышлял в очередной раз — может, присутствие капитана в резиденции и лежало в основе предчувствия?

Так или иначе, оскальзываясь на льду и зубоскаля с встречающимися по пути антарктами, матросы с «Анубиса» и таганрогская немочь доковыляли до яркой, как постер, палатки антарктического папы.

Крамаренко был внутри; также обнаружили за раскладным столиком экс-судья земляк Палыч, еще один из бывших судей, а также средних лет подтянутый мужчина, выглядящий даже здесь как бизнесмен в командировке. Довершали карти-

ну несколько шкафообразных мальчиков из окружения Шимашевича.

— Вот и команда, — приветствовал появление николаевской троицы Палыч. — Думаю, четверо — в самый раз.

Четвертым он считал, конечно же, Юру Крамаренко, капитана «Анубиса».

— Садитесь, — пригласил Шимашевич кивком головы.

Женька, Баландин и Нафаня уместились на раскладных стульчиках.

— Значит, так, братцы-антаркты, — начал Шимашевич, не любивший дипломатической трепотни и во всех начинаниях предпочитающий моментально брать быка за рога. — Предстоит вам небольшая экспедиция. Морская. В Новую Каледонию.

У Баландина вытянулось лицо. Новая Каледония?.. Это, если он правильно помнил, пару тысяч миль, если не больше. В океане? Без сопровождения? Когда вокруг Антарктиды творится форменное погодное черт знает что? Или все-таки с сопровождением?

— Пойдете на катере, — продолжил Шимашевич; у Баландина сразу отлегло от сердца. — Матросами. Капитан и помощник — вот...

Кивок в сторону незнакомого судьи и Палыча.

— Это охрана... на всякий случай.

Шкафообразные мальчики числом семеро даже в лице не изменились, сидели себе как истуканы, выставив вперед несокрушимые подбородки.

— Один деляга из порта Нумеа предлагает нам купить полторы тысячи щитовых коттеджей. Сомневаюсь, что в подобной дыре удастся зафрахтовать судно, на которое влезет весь груз, так что будьте готовы мотнуться и дальше, хоть в Новую Зеландию. Охрана присмотрит за порядком. Старший — Николай Семенович, прошу любить и жаловать.

Похожий на бизнесмена тип привстал и сдержанно кивнул.

— Вопросы есть?

Баландин сподобился только на сипловатое: «Когда отходим?»

— Это к Николаю Семеновичу, — отрезал Шимашевич. — Давай, Коля, занимайся.

К антарктическому папе уже очередь выстроилась у палатки; кто-нибудь то и дело заглядывал из входного клапана.

С охранниками, видимо, все было решено заранее, потому что все семеро тут же куда-то молчаливо рассосались. Экипаж «Анубиса», экс-судьи и Николай Семенович первое экспресс-совещание провели на ходу, выйдя под открытое тихоокеанско-антарктическое небо. Впрочем, неба видно все равно не было: туман.

— Сколько вам нужно времени на личные сборы? Учтите, что комплекты одежды и обуви на катере имеются на всех. Даже с запасом.

Яхтсмены переглянулись.

— Да чего там собираться-то, — ответил за всех Крамаренко. — Минут двадцать — с головой.

— Значит, через двадцать минут во-он там, на берегу, где резинки приткнулись.

У припая действительно желтели три резиновые лодки.

— Погрузим провизию, топливо и сразу отойдем. Давайте, орлы, Шимашевич нас благословил и велел торопиться. А когда Шимашевич торопит, я предпочитаю не ходить, а бегать, и от вас того же буду требовать.

— Через двадцать минут! — заверил капитан «Анубиса» и кивнул своим.

К четвертому домику они действительно побежали — насколько позволял покрытый тонким слоем воды лед.

К указанному сроку резинка у берега осталась всего одна. Прочие смутно желтели в тумане у борта судейского катера. Катер в свою очередь жался бортом к «Фестивалю», судну обеспечения. Через борт «Фестиваля» тянулась жирная прорезиненная кишка — баки катера как раз наполняли топливом.

— Давайте на борт, чего ждать, — проявил инициативу Крамаренко. — Мож, помочь чего нужно.

Минуты через три команда «Анубиса» выбралась на палубу катера. Николай Семенович, вынырнув на мгновение из

люка, узрел их, одобрительно почесал переносицу и снова спрятался. Зато появился Палыч.

— Так, хлопцы: коек у нас в обреза, поэтому на четверых двухместный кубрик. Один на вахте, один подвахтенный, двое могут отдыхать. У меня с кэпом такая же петрушка, только кубрик одноместный. Другой занимает Николай Семенович, а башибузуки евойные вообще кто где. Давайте, шмотки в кубрик, доведу обязанности.

Обязанностей у вахтенного было до смешного мало: следить за уровнем топлива в рабочем баке, за уровнем масла и вообще быть на подхвате. Поскольку дизеля на подобных катерах стояли проверенные временем и морем, вахтенному предстояло большею частью торчать на виду рубки, чтоб в случае чего подменить рулевого. Обязательный инструктаж по технике безопасности свелся к показу места, где находились средства спасения на воде и аптечка. Плюс Палыч коротко и решительно обучил всю четверку пользоваться бортовой рацией.

А вскоре кэп пронзительно свистнул, и гул насоса на «Фестивале» смолк, рассеялся в ватном тумане.

Причалила еще одна резинка; яхтсмены помогли «башибузукам» перетаскать в трюм тяжелые металлические ящики, подозрительно похожие на цинки с боеприпасами. Упомянутые «башибузуки» вопреки опасениям оказались вполне внятными ребятами, пожали матросам руки, назвали и даже пробовали шутить. Правда, когда показался Николай Семенович, все снова сделались похожими на истуканов, но теперь команда «Анубиса» твердо знала, что списывать сие следует исключительно на издержки службы.

Начальник тоже показал себя толковым дядькой без самодурских замашек. Собрал всю моряцкую часть команды и расспросил о том, чего сам не знал. Например, согласовал с капитаном штатные места вахтенных охранников (которых сначала назвал «дежурными», но поправку капитана мгновенно принял и утвердил). Поинтересовался, не будет ли мешать охранник рулевому, если расположится рядом со входом в рубку. А второй на корме никому не мешает?

В общем, контингент у Шимашевича был дисциплинированный и настроенный на разумное сотрудничество, а не на дурные понты. Матросы скоренько повеселели и раскрепостились; Женька Большой по приказу капитана повторил инструктаж по ТБ для «башибузуков». Те вполне серьезно внимали и весьма дотошно вертели в руках современные финские спасжилеты.

В качестве последнего штриха перед стартом болезный таганрожец взял на буксир все пристыкованные к катеру резинки и утянул на берег. Капитан доложил на Николай Семенычу, что катер готов к отплытию. Тот благословил.

Вместо стартовой ракеты пропели якорные лебедки, чихнув, завелись дизеля и катер-«семерка» надолго потерялся в околоантарктическом тумане.

Глава 4 СОПЛЯКИ-ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

— ...Итак, в перспективе Свободная Антарктида должна иметь положительное сальдо во внешней торговле, — устало итожил Брюс Тейлор. — Не исключено, что это реально. Однако первое время нам придется жить на полном самообеспечении, это очевидно...

— Мы и так на полном самообеспечении, — уточнил Ломаев.

Он тоже устал. Антарктический Конгресс заседал с утра до вечера, и голова от него пухла, а по ночам шла работа в комитетах. На сон и прочее — часа три в сутки. Железное здоровье Ломаева пока что справлялось с нагрузкой, зато выдержка, тоже железная когда-то, медленно, но верно приходила в расстройство. То и дело хотелось облаять кого-нибудь, а еще лучше — настучать по тылке. Раздражало тупоумие делегатов, бесили интриги, приводило в ярость столкновение самолюбий.

Вчера Ломаев был на целый день лишен слова за то, что предложил одному новозеландцу «пойти прогуляться» и как

следует повозил его носом по шершавому льду. Было обидно. К тому же новозеландец сам нарывался и не уступал Ломаеву ни ростом, ни весом...

Укоризненно покачав головой, Тейлор позвенел вилкой о графин. Комитет по внешней политике состоял всего лишь из восьми человек, и в председательском молотке не было надобности.

— Прошу проявлять сдержанность. Геннадий, у тебя было время высказаться... Что еще я хотел сказать? Да! Ни для какой иной страны Антарктида не должна представлять ни малейшей угрозы. Подчеркиваю: ни малейшей. Для всего мира Свободная Антарктида — курьез, так пусть она будет курьезом безопасным... и смешным, если потребуется. В этом наша защита от внешней агрессии — не давать повода. Это очень просто. Тот, кто безопасен для других, может рассчитывать на собственную безопасность...

Ломаев закричал, задвигаясь, но дипломатично умолчал о Югославии и Ираке. И еще он подумал о том, что американские антаркты все равно остаются американцами. Все на свете для них просто... А на деле кому нужен повод, тот его найдет или создаст. В крайнем случае обойдется без повода. Подумаешь, какая мировая константа Свободная Антарктида, чтобы ждать от нее повода! Сожрут и так, без хлеба и горчицы.

— ...и мы должны как можно скорее дать понять мировому сообществу: Свободная Антарктида намерена двигаться вместе со всем цивилизованным человечеством по пути прогресса и процветания, то есть участвовать на равных в мировой торговле, научных изысканиях, гуманитарных проектах, культурном обмене и... — Тейлор замычал, подбирая слова.

— А также всем, что понадобится впредь. Полыхаев, — с кривой ухмылкой на лице ввернул Ломаев. Вотще: председатель Конгресса не заметил сарказма. А на опознание цитаты Ломаев и не рассчитывал.

— Правильно. Но мы должны очень четко сформулировать основные аспекты нашего политического курса во избежание международных осложнений. Более того, мы должны как мож-

но скорее довести их до сведения мирового сообщества. Причем сделать это надо на уровне дипломатическом, а не... пропагандистском. Нет-нет, я вовсе не желаю преуменьшать роль радиовещания и иных способов пропаганды... кстати, пора бы ими заняться... но нам как воздух необходим выход на официальный уровень. — Тейлор облизнул пересохшие губы. — Я убежден, что в течение ближайших двух-трех дней мы сформируем ответы на вопросы, которые нам обязательно будут заданы, а также пакет предложений нашим потенциальным партнерам... Это мы сделаем. Это мы проведем через Конгресс. Вопрос в другом: добиться, чтобы нас выслушали, начать диалог, и в близкой перспективе получить международное признание. Как — пока не знаю. Это самый главный вопрос. Прошу учесть: я не политик, а всего лишь начальник станции, в некотором роде чиновник... Неделю думаю, голову сломал. У кого будут предложения?

Мертвое молчание было ответом. Тейлор тяжело вздохнул. Шумно отхлебнул сладкий чай из пластиковой кружки. Долил из чайника доверху и жадно уполовинил. Пить приходилось помногу. Даже здесь, внутри специально отведенного для нужд комитета домика, где дышали люди и непрерывно кипел чайник, воздух был сух и драл горло. Днем при плюсовой температуре было комфортно, а ночью пей жидкость, если хочешь иметь во рту слюну, а не сухой остаток. Хотя, с гордостью за бывшее подумал Ломаев, куда Амундсен-Скотту до Востока по части сухости и гипоксии! Никакого сравнения.

Пользуясь паузой, жадно потянулись к кружкам и остальные. Тейлор дождался, пока закончится движение кадыков под задранными бородами.

— Уточняю вопрос: кто хотя бы приблизительно представляет себе, как нам подступиться к этой проблеме? Председателю комитета есть что сказать?

— Разумеется, у нас есть кое-какие наработки... — Председатель комитета Жерар-Ги Лепелье со станции Дюмон-Дюрвиль нахохлился и сразу стал похож на несчастную ворону под ледяным дождем — голова втянута в плечи, шевелюра всто-

поршена, длинный влажный нос уныло повис. — Прошу, однако, учесть, что мы тоже не политики, а большей частью ученые и изредка администраторы...

— Короче, если можно, — нетерпеливо подбодрил Тейлор. Несчастливая ворона вздернула клюв:

— Если короче, то вот. Первое: мы должны всеми силами стремиться к вступлению в международные организации, прежде всего в ООН. Второе, без чего не будет первого: мы должны быть официально признаны хотя бы одним государством, а лучше несколькими. Пока, однако, ни одно правительство не выказало желания признать Свободную Антарктиду. Отсюда следует третье: для начала нам следует самим инициировать... ну, скажем, международную конференцию по Антарктиде с участием всех заинтересованных сторон — и уже на ней выходить на прямые контакты с околоправительственными кругами тех стран... скажу прямо: тех стран, которых мы боимся. А также, разумеется, тех стран, от которых мы можем ждать помощи...

Простуженно шмыгнув вороньим клювом, Лепелье забормотал извинения и вынул носовой платок. Все терпеливо ждали, пока он отсморкается.

— Прошу прощения... Теперь четвертое и главное: ни у кого из нас нет связей... э-э... в достаточно высоких политических кругах, способных организовать такого рода конференцию. Мы провели опрос делегатов Конгресса и персонала станции Амундсен-Скотт. Пусто. Завтра мы пошлем запросы на все антарктические станции, присоединившиеся к Свободной Антарктиде. Если и эта, прямо скажем, отчаянная мера не принесет успеха, то я уже не знаю... — Лепелье снова шмыгнул и с ожесточением зарылся в носовой платок. — Тогда — тупик. Тогда нам останется только ждать, что к нам рано или поздно проявят интерес извне... э-э... я имею в виду благожелательный интерес. Ну и конечно, всегда остается надежда на счастливый случай...

— А пока мы будем ждать, нас десять раз сожрут с потрохами, — бессердечно добавил Ломаев, и Лепелье скорбно кивнул, соглашаясь.

Тейлор позвенел вилкой о графин.

— Это все? Немного...

— Мы прорабатываем возможность выхода на правозащитные организации, — подал голос Ежи Ставский. — Начнем с польских, это более или менее реально, у меня во Вроцлаве зять-правозащитник, затем выйдем на международные...

— О'кей. Еще что?

— «Ученые без границ» хотят наладить контакт, — низким басом сказал норвежец Стенборк. — Сегодня они прислали предложение Конгрессу о сотрудничестве. Какое-никакое, а признание...

— В гробу эти, которые без границ, видели независимость Антарктиды, — буркнул Ломаев.

— Возможно. Но организовать с их помощью конференцию мы можем, нет?

— Ага, в лучшем случае месяца через три, когда Антарктиду уже поделят! Оно им надо, чтобы было поскорее? Это нам надо!

И вновь вилка пришла в соприкосновение с графином. Вслед за тем Тейлор занес что-то в электронный блокнот.

— Хорошо. Похоже, нам остается действовать одновременно в разных направлениях, надеясь на удачу хотя бы в одном. «Ученые без границ», правозащитники, что еще?..

— Феминистки, может быть? — высказал предположение бразилец Феррейра. — Не надо так морщиться. Почему бы нет? Нас ведь интересуют организации, имеющие влияние в мире, а вовсе не их идеологическая база. Ну вот я и подумал... На станции Мак-Мёрдо есть женщины, а просто женщина, я так думаю, в Антарктиду не полезет, так что у кого-нибудь из них наверняка есть выход на их руководство. И если мы, так сказать, на взаимовыгодной основе заинтересуем их...

Тейлор заметно покривился, но кивнул:

— Итак, «ученые без границ», правозащитники, феминистки... это все?

— Шимашевич, — без обиняков сказал Ломаев, переждав мертвую паузу. Как гвоздь вбил.

Тейлор наморщил лоб:

— Дэннис Шимашевич? Устроитель парусной регаты, которая уперлась в Антарктиду, не так ли? Кажется, он бизнесмен?

— Он бизнесмен и антаркт. Кстати, многие участники регаты тоже антаркты, но не о них речь. Для нас важно, что Шимашевич — наш. Во всяком случае, пока это ему выгодно. И бизнесмен он... необычный.

— Имеет связи? — поднял брови Тейлор.

— Не то слово.

— И согласится их использовать?

— Только предложи.

Теперь все смотрели на Ломаева с зыбкой надеждой продвухшегося в пух и прах игрока, неожиданно обнаружившего у себя за подкладкой неучтенный золотой. Во взгляде Тейлора читалось: «И ты столько времени молчал?!» Лепелье укоризненно качал головой и трубно сморкался.

— Шимашевич сделает, — подтвердил Ломаев.

Бриккендроп — «метатель кирпичей» — так некогда прозвали европейские дипломаты Иоахима Риббентропа, намекая на его манеру действовать грубо, прямолинейно, но веско. Ломаев не знал об этом и наверняка обиделся бы, если бы его сравнили с гитлеровским министром-висельником. Но сейчас он поступил в точности как Бриккендроп. Метнул кирпич на стол. С грохотом.

Ему очень не хотелось это делать. Изнывая на ночных заседаниях комитета по внешней политике, он страстно желал одного: чтобы кто-нибудь придумал иной выход. И без того Шимашевич среди прочих антарктов — ферзь в окружении пешек. А кто он такой для Антарктиды? И что для него Антарктида? Влюблён ли он в нее хотя бы на четверть так, как зимовщики? Хотя бы на десять процентов? На один?

Ломаев сам себе ответил: вопрос поставлен неправильно. Если речь идет о Шимашевиче, то она не идет о любви к пингвинам и льдам. Тут другое. И если вообще уместна аналогия с любовью, то любить внезапно обретенное новое отечество Де-

нис Шимашевич станет не как суровую мать, а как покорную наложницу, купленную рабыню, по отношению к которой все позволено. Поэтому предложи ему купить Антарктиду с по-трохами — купит и за ценой не постоит. Сам навяжется в по-купателя. Использует ради Антарктиды и деньги, и связи, и влияние. Понятно, с условием: положи наложницу ему в по-стель.

Вот почему Ломаев так мечтал о том, чтобы нашелся альтернативный вариант. Тщетно. Члены комитета больше мы-чали на еженежных заседаниях, изображая непосильную ра-боту мысли, или просто толкли воду в ступе. Японский и ки-тайский коллеги вообще взяли привычку отмалчиваться и лишь дежурно улыбались, не сказав за все время и пяти фраз. Не по-лучилось мозгового штурма, не посетило никого гениальное озарение. Без пользы уходило бесценное время. Пришлось сдаться: неслышно выматериться, швырнуть под ноги вообра-жаемую шапку, плюнуть и метнуть на стол кирпич.

«Вы этого хотели? Натё, подавитесь!»

Ломаев шел спать в препаскуднейшем настроении. Про-вожал его Тейлор — не потому, что российский коллега мог заблудиться (источников света на станции хватало, а с нача-лом работы Конгресса еще прибавилось, что доводило до ти-хого бешенства команду астрономов), а потому, что не считал разговор оконченным.

Давно перевалило за полночь. В надувном куполе тускло светились вставки из прозрачного пластика. Там спали. Кри-чал под ногами утопанный снег. Морозец был несильный — градусов сорок при полном безветрии. Ломаев плюнул вверх, где мертвым далеким прожектором висел Сириус, прислушал-ся и не услышал падения ледышки. То ли не успела замерз-нуть в полете, то ли попал в себя. Может, конечно, и в Тейло-ра. Ясно только, что не в Сириус...

Немигающие звезды тарачились жирно и нагло. Млечный Путь разлегся вальяжно, как будто имел на это право. Лежащий на боку серпик молодой луны дразнился, показывая «козу». Магеллановы Облака казались кляксами на стекле, которые

забыли стереть тряпкой. Хрустальные сферы небес издевались над Ломаевым.

— Друг Геннадий, — сказал наконец Тейлор, — кого мы пошлем переговорить с Дэннисом? — Имя Шимашевича он предпочитал выговаривать на привычный лад.

— Меня, конечно, — буркнул Ломаев. — Мы с ним все-таки соотечественники. К тому же инициатива наказуема: я предложил — мне и лететь.

— О'кей. Когда?

— Завтра же с утра. Если на Новорусской будет погода.

— А если не будет? Быть может, все же по радио?

— И заранее проорать на весь мир, чего мы хотим? Спасибо, нет.

— Ну а если все-таки не будет погоды? — настаивал Тейлор.

Начерпав во рту остатки слюны, Ломаев сплюнул еще раз — теперь под ноги. Едва слышно проворчал что-то себе в бороду — надо полагать, непристойное. Вслух сказал:

— Будет, не будет — надо лететь. Вот так. Слышь, Брюс, шел бы ты куда-нибудь, а? Я спать хочу. Мне через два часа вставать и пилота будить. Бай-бай, Брюс...

Тейлор не уходил. Даже преградил Ломаеву путь к входному тамбуру жилого купола.

— Все-таки... ты твердо уверен, что Дэннис сумеет помочь?

— Тверже некуда.

— Тогда почему ты недоволен?.. О, кажется, я понимаю!.. Во что нам обойдется его помощь?

— Мало не покажется, — со злостью сказал Ломаев. — Придет время, мы себе локти до мослов сгрызем. И самое противное то, что у нас нет иного выхода...

— И все-таки — сколько?

— Чего, денег? Брюс, не смейся. Что деньги! Денег он нам сам даст. Уверен, что ему понадобится от нас что-нибудь по-существеннее — хорошо еще, если только право на добычу нефти или лов рыбы. А то и похуже: полный карт-бланш и наши гарантии невмешательства в его дела... что бы он ни вытворил. Понятно, ему будут нужны не слова и обещания, а наши головы в заклад. Недурно, а?

— Понимаю... — задумчиво кивнул Тейлор. — Не успели начать, как уже появился первый олигарх. И, кстати, единственный...

— Скажи проще — диктатор! — рявкнул Ломаев. — Вот ты мне ответь, Брюс: этого ли мы хотели? Умники! Антаркты! Щенки! Сопляки! Отцы-основатели!..

— Поэтому ты и настоял на непосредственной демократии?

— О, прозрел наконец!.. Поздравляю. Только одной непосредственной демократии еще мало — ляжем мы под него и с непосредственной, и с посредственной, и со всякой прочей...

— Тогда что?

— Не знаю! И не смотри на меня, как на пророка, я правда не знаю! Может, чего и придумаем, у нас в России говорят: голь на выдумки хитра. Может, удастся его обмануть...

— Обман? — Тейлор был шокирован, мотал головой. — Это мне не нравится. Нет, нет, это совершенно неприемлемо...

— А в политику играть тебе приемлемо? — окончательно вышел из себя Ломаев. — Раз уж начал игру, так играй по правилам — обманывай и улыбайся! Или поручи это другим, если не умеешь сам! А если умеешь, то будь честен хотя бы сам с собой! И дай, черт тебя побери, пройти сонному человеку, не то он сослепу по тебе пройдет, по законно избранному председателю...

Жизнь на Новорусской шла своим чередом.

Давно улетел самолет с недовольным приставом и Моисеем Соломоновичем, в меру лицедейского таланта изображавшим бурное возмущение «наглым и беспардонным грабежом». С ними отправили Типунова, которому врач Бакланов-Больших после долгих уговоров разрешил лететь, и одного механика, в здравом размышлении отказавшегося становиться антарктом. Его не особенно уговаривали остаться: вольному — воля. Была бы честь предложена...

Улетающий механик выглядел подавленным и отмалчивался. Зато Типунов не скупился на слова, а на прощание вырази-

тельно покрутил пальцем у виска, чтобы все видели, с тем и отбыл.

Часа через три поступила радиограмма из Новолазаревской: несмотря на туман, Ил-76 благополучно приземлился, миновав Мирный, где погода оказалась совсем дрянь, и встречен как надо, спасибо за предупреждение. В случае благоприятного прогноза самолет уйдет на Беллинсгаузен завтра утром.

Назавтра прогноз был сносный, и борт без особых приключений добрался до Беллинсгаузена, где и застрял надолго по причине внезапно испортившейся погоды. Остров Ватерлоо, он же Кинг-Джордж, и всегда-то считался «антарктическими субтропиками» с мягкой снежной зимой и нудно моросящими дождями полярным летом — сейчас же с низкого неба лило беспрестанно и при сильнейшем ветре горизонтально. Видимость — ноль. Аэродром раскис. Многие говорили за то, что самолетный парк Свободной Антарктиды вот-вот пополнится крупным транспортным самолетом, только сможет ли он когда-нибудь взлететь?

Ироническая радиограмма донесла, что Коган, судебный пристав и немногие российские полярники, покидающие Антарктиду, пошли на поклон к чилийцам, благо до их станции топать пешком всего ничего: не помогут ли с эвакуацией морем? Куда угодно, хоть в Чили. О результатах переговоров пока не сообщалось. В кают-компаниях злорадствовали и изощрялись в остроумии.

Миновал пятнадцатый день существования Свободной Антарктиды.

Сумерки были коротки, ночи темны, дни сыры и туманны. Солнечной благодати хватило ненадолго, как и предсказывали метеорологи — жрецы самой подлой из наук. Шамапов погоды кляли порознь и гуртом. Пока небо не затянуло, дивились тому, как быстро рушится в океан раскаленный брандскугель Солнца.

Специально ходили на барьер любоваться закатом и фонтанами проходящего мимо китового стада. Казалось, океан,

поглотивший раскаленный шар, вот-вот закипит и начнет выбрасывать на берег вареных китов.

Мало-помалу привыкали и к сырости, и к двенадцатичасовому дню. Собственно, и раньше мартовский день был примерно таким же на любых широтах, в том числе и крайних южных. Трудно было, настроившись на долгую зимовку, заставить себя поверить в то, что и в июне солнечный диск в положенный час выскочит из-за ледяного бугра и вертикально взмоет в небо.

Бывало, прежде в это время года от прибрежных станций спешили отвалить последние припозднившиеся суда, долгой сиреной желая остающимся удачной зимовки. И правильно делали, что спешили уйти до мартовских морозов, ускользя из ледяных тисков. А в ноябре, когда под безостановочно кружащим по небу солнцем издыхала осточертевшая гадюка-зима, вновь приходили корабли, швартуясь к припаю, и начиналась выгрузка. Для кого-то адова работа и риск, для прибывающих — суета, для зимовщиков — праздник.

Всякое случалось. Мяли борта, ломали винты, гребили технику. Новорусскую пока бог миловал — еще ни один человек не погиб на припае, что в Мирном случалось не раз. Да и везде случалось. О коварстве льда механики-водители знают побольше фигуристов-чемпионов с их тройными тулупами. Пофигуряли бы они среди трещин и разводьев — тулуп бы точно пригодился, греться после купания. Если по-честному, то Новорусской просто везло: уходили под лед трактора, вездеходы, сани, а люди выскакивали. Случалось, и в минусовую воду. У одного водителя после ледяной купели сердечный приступ сделался — ничего, спасли, выжил...

Кончилось прошлое. Отрезало. Корабли не придут.

А если придут, то не те корабли, которые приносят радость.

Придут или не придут — жизнь продолжалась. Что толку без дела ожидать худшего?

Чинили матчасть, выкраивали время и на науку. Радикально переоборудовали малый холодный склад — в нем стало подтекать, замороженные продукты грозили испортиться. Однаж-

ды ночью с ужасным грохотом обвалилась часть ледяного барьера — пришлось заново бурить лед под мертвяки, провешивать страховочные тросы. Систему траншей и канавок для стока талой воды наконец-то довели до ума, и теперь близ Пингвиной балки с барьера в океан низвергался симпатичный водопадик.

Отчасти радовались дежурные по камбузу: никакой тебе изнурительной заготовки снега, и в руках не ножовка, а кастрюля — знай себе черпай чистую проточную воду из любой траншеи, около которой не оставил метку Тохтамыш.

Сусеков удивил всех настоящим узбекским пловом. Народ стонал и облизывал пальчики. Кто-то пустил слух о готовящейся на завтра утке по-пекински, которую, как известно, в процессе кулинарного священнодействия надувают специальным насосом, и некоторые первогодки, купившись, были отряжены на склад за компрессором весом в полтонны.

Бакланов-Больших благополучно удалил аппендикс одному механику. Какое-то время им предстояло жить в соседних комнатах: механику на койке в «больничной палате», а аппендиксу, удивившему врача какой-то только ему понятной аномальностью, — в склянке со спиртом в лаборатории. Аппендиксу завидовали.

Не успел скрыться за мысом катер, отправленный в Новую Каледонию, как уже принялись с вожделением ждать обещанных Шимашевичем домиков. Жилищный кризис на станции донял всех. На почве тесноты начались первые склоки. В кают-компаниях яблоку негде было упасть. Пришлось забыть о бильярде — все равно никому не удалось бы развернуться с кием, не заехав кому-нибудь в брюхо или глаз. В непогоду в шумное, но теплое помещение дизельной электростанции набивалось столько желающих посидеть, потрепаться и попить чайку, что дизелисты начали роптать. Один добрый повар Сусеков не гнал с камбуза никого, но всегда подсовывал визитерам работенку: начистить картошки, помыть кастрюли, выдраить полы... Поэтому, несмотря на его радушие, камбуз отнюдь не ломился от наплыва гостей.

Непрухин и добровольцы из яхтсменов, кому хватало образования и свободного времени, разбирались с технической документацией на аэродромное оборудование. Второй радист безвылазно дежурил в радиодомике и начинал жаловаться на жизнь. Тексты популярных передач об Антарктиде частенько сочинял теперь Эндрю Макинтош; он же наговаривал их на ленту по-английски. В русском переводе тексты шли в эфир в исполнении Игоря Непрухина, разрывавшегося между сотней дел.

Последний зачитанный им текст касался прибрежной антарктической фауны, насчитывающей семнадцать видов пингвинов, пять видов настоящих тюленей и два вида тюленей ушастых. Мобилизованный в консультанты-соавторы Нематодо не сумел избежать небрежно-покровительственного тона, объясняя публике разницу между безухими и ушастыми ластоногими. Мол, первые, как то: морские слоны, тюлени Уэдделла и Росса, крабеды и морские леопарды, произошли в незапамятные времена от куниц, а вторые (морские котики и львы) — от медведей. Так что не в ушах дело и дивиться надо не различию, а конвергентному сходству, поняли, двоечники?..

Всерьез редактировать текст было некогда — пошел в эфир с чисто косметической правкой. Китаю, птицам, рыбам и морским беспозвоночным было уделено меньше места, зато о своих любимых диатомеях Нематодо разливался соловьем, пока выведенный из себя Непрухин не потребовал заткнуть фонтан. Какие такие диатомеи? Ах, микроскопические водоросли во внутриконтинентальных водоемах? С кремнеземовым скелетом? Знать их не знаю. Какому нормальному радиослушателю есть до них дело? Ты мне о китах, о китах давай бухти!..

Нематодо ругался и в сопровождении биолога Харина убежал наблюдать пингвинов. По его уверениям, в ближайшем к Новорусской стаде пингвинов Адели давно улеглась паника первых дней. Как всегда, пингвины оралы, дрались, воровали камни из чужих гнезд, отгоняли наглых поморников, ныряли за рыбой и кормили птенцов, по-видимому, нисколько не беспокоясь о свершившемся переезде континента. Некоторых Харин ловил и кольцевал, жалея о том, что не может организо-

вать спутниковое слежение за миграцией. Пойдут ли на юг? Пока по приблизительным оценкам численности стада выходило, что пингвины намерены остаться и приспособиться.

Ну ладно. А как у них изменится цикл размножения, если полярной ночи нет и не будет? Будут откладывать яйца кто во что горазд и снимать по три урожая... то есть высиживать по три кладки в год?

Вообще получалась странная картина: от переезда Антарктиды менее всех пострадала она сама. Первые же тайфуны достались Австралии и Китаю; в Аргентине наступила небывалая засуха; по центральной Индии яростной метлой прошли чудовищной силы смерчи — обалдевшие очевидцы, пойманные в объективы телекамер, призывали Шиву в свидетели, будто в самую крупную воронку засосало слона. Восток США и Западную Сибирь, районы искони тектонически пассивные, в один день потрянуло землетрясениями по пяти баллов каждое.

Научники дивились. Непрухин стервенел и обзывал их дармоедами и нематодами. Новый аэродромный радар еще не был развернут, когда с Амундсен-Скотта на Ан-3 вернулся Ломаев.

В былые времена полет одиночного одномоторного самолета над Центральной Антарктидой во второй половине марта вошел бы в анналы и как подвиг, и как злостное нарушение всех писанных инструкций. Никакое начальство не вправе отдать такой приказ. Да и какой сумасшедший летчик полетит без крайней нужды, если в стартовой точке маршрута температура за бортом в приземном слое зашкаливает за минус шестьдесят, а в точке финиша запросто может завуть пурга со скоростью ветра под пятьдесят метров в секунду?

Психов нет. А крайняя нужда... ну что ж, бывает.

Не минус шестьдесят, а всего минус десять отмечали термометры Амундсен-Скотта, когда востроносый биплан потянул на восток. И со скоростью не в пятьдесят, а всего лишь в тридцать метров в секунду завьюжило в Новорусской за час до приема самолета. Антарктида — по-своему деликатно — напоминала о том, что она пока еще не тропический курорт.

Стонали ветрозащитные стенки, ходуном ходили палатки, визжала твердая, как абразив, снежная крупа. Видимость — десять метров. К счастью, работал радиомаяк, еще старый, и по пеленгу самолет с шестой попытки сел, едва не разбившись о тягач в конце полосы. За тягач его и закрепили, чтобы не сдуло в море, и двадцатипятитонный гусеничный якорь исправно держал самолет сутки, пока пурга не сошла на нет. С полчаса, не больше, сияло солнце, а потом опять напозл туман. Что поделать — побережье...

Ломаев не стал ждать погоды. Видели, как он, цепляясь за леера, пробирался через всю Новорусскую в сторону палаточного городка. Видели, как он скрылся в палатке Шимашевича. На много раз задаваемый вопрос, о чем они беседовали три часа кряду, Ломаев небрежно махал громадной лапой: «Так, увязывали кое-что, не бери в голову...» А Шимашевичу подобных вопросов никто никогда не задавал.

Глава 5 ПО ДРОВА

По компасу пришлось идти трое суток. Все эти дни слились в череду неотличимых друг от дружки вахт, отдыха и подвахт. За бортом простирался кисельный туман, плескались океанские волны. Льдин почти не было: то ли течениями растащило, то ли успели растаять. Не видно было и айсбергов, но по едва заметному рысканью катера на курсе было понятно, что плавающие ледяные горы издали засекаются радаром и обходятся.

Изредка туман редел, а еще реже очень далеко по левому борту обозначался берег — то белой полосой сползающих в океан ледников, то темными пятнами голых скал. В море Дейвиса на траверзе Мирного дали символический гудок. От нечего делать яхтсмены изучали карту побережья и гадали, что это там показалось и растаяло вдаль. Отыскивали близ Новорусской некий глетчер Робинсона, тут же переименовали его в Робинзо-

на и посочувствовали теплолюбивому Пятнице. По аналогии с островами Зеленого Мыса обозвали цепочку прибрежных скал островами Сопливого Носа. Поговорили о снежных людях, о черном альпинисте и нашли, что среди антарктов ходит очень уж мало завиральных легенд о собственной стране, непорядок...

Один раз катер здорово качнуло на одиночной пологой волне, пришедшей почему-то со стороны материка. Наверное, от ледяного панциря отломился и пошел гулять по морям очередной столовый айсберг-бродяга.

Взяли мористее.

Свободные от непосредственных обязанностей «башибузуки» охотно помогали матросам на камбузе. Видать, от скуки, потому как на борту катера делать им было решительно нечего. Телевизор отсутствовал, с книгами тоже было туго. Да и неизвестно еще, заинтересовали бы ребят из охраны книги. Подшивка какого-нибудь «Плейбоя» — еще туда-сюда. Впрочем, «Плейбой» заинтересовал бы и экипаж «Анубиса», чего уж там. Николай Семенович, человек, безусловно, проницательный, как-то обронил со вздохом: «Потерпите, коллеги-антаркты. На Новой Каледонии отвяжетесь, девчонки там сговорчивые и ласковые. Обещаю сутки берега. Больше — никак, но сутки ваши».

Терпели.

А потом туман вдруг закончился, словно невидимый исполин-фокусник сдернул с мира до поры наброшенный кисейный платок, и мир возник, огромный и красочный, необъятный и пронзительный, так что заломило виски и захватило дух.

Океан был синий до умопомрачения, как на старте гонки самоубийц. И небо было синее и бездонное в отличие от океана, который дно все-таки имел. После контрастного бело-серого побережья Антарктиды краски тропического дня резали глаза и принуждали улыбаться до ушей, просто так, от хорошего настроения. Только позади маячила белесая завеса — то ли над течением туман держался, то ли ветер его припрессовывал ближе к матерiku. Забавное было зрелище.

Но вскоре туман пропал из виду и из памяти, словно горячий сон. Даже не верилось, что где-то там, позади, остался закованный во льды берег, новое отечество, Свободная Антарктида.

Впрочем, Антарктида пару раз напомнила о себе: далеко у горизонта дважды ослепительно блеснули на солнце здоровенные столовые айсберги.

А потом напомнила о себе стремительная жизнь начала двадцать первого века. Помимо непоседливого материка жизнь продолжалась и в других районах земного шара...

Баландин с Нафаней с утра торчали на палубе, судача о том о сем. Разговоры так или иначе вращались вокруг Антарктиды и ее места на взбудораженной Земле.

— Вот скажи, Олежка, — спрашивал Нафаня. — Ну обоимся мы в Антарктиде. Домов понастроим, народ семьи перетащит. А она возьмет и обратно прыгнет. Или вообще потонет к едреной маме. Я уже, блин, бояться начинаю.

— Ты еще скажи, в космос выйдет, — фыркнул умный Баландин. — Хотя, с другой стороны: если однажды прыгнула, что помешает ей сигануть еще разок?

— Во-во! — поддакнул Нафаня.

Баландин принялся развивать мысль:

— Или другой вариант. Что, если на этот раз прыгнет не Антарктида? Если Австралия прыгнет или, того хуже, Евразия? Если континенты наложатся друг на друга? Это же миллионы жертв!

— Ага, бардак! — вставил словечко охранник по имени Ваня, тоже частенько вступающий в споры моряков.

— Ну спасибо, успокоил... — пробормотал Нафаня безрадостно.

Говоря начистоту, об этом было говорено-переговорено не один десяток раз. Но все беседы неприкаянных после нежданного окончания гонки яхтсменов упорно и неизбежно возвращались к одной-единственной теме: что произошло? Единичное и неповторимое чудо или лишь первое событие в цепочке катаклизмов, результатом которых будет гибель человечества,

а возможно, и жизни вообще? Если бы Нафаня с Баландиным знали, что разговоры и мысли лучших умов планеты, самых выдающихся ученых мужей сводятся в общем-то к тому же, это добавило бы им самоуважения, но вряд ли успокоило бы.

Николай Семенович тоже прислушивался к матросской трепотне, но сам в ней никогда не участвовал. Его больше волновали дела куда более прозаические. Например, он как-то поинтересовался у яхтсменов, умеют ли те стрелять. «Неужели шеф ждет неприятностей?» — подумал тогда Баландин.

Николай Семенович спрашивал не зря, в чем пришлось убедиться очень скоро.

Корабль прямо по курсу первым заметил Палыч, как раз руливший.

Модерновое судно из тех, что последнее время стало модно называть моторными яхтами. Довольно широкое, стремительных очертаний, так и наталкивающее на мысли о «воплощенной мощи движков» и «повелителе скорости». Такой катерок в режиме глиссера легко делал узлы до полуста по гладкой воде. Правда, и топлива при этом жрал...

Сначала он казался темной рисксой на горизонте. Потом — продолговатым пятнышком. Покачивался на волнах, не проявляя признаков обитаемости. И никаких флагов на топе — только застывшая перекладинка локатора. И на палубе никого, как стало ясно по мере приближения.

— Шеф! Взгляни-ка, — обратил внимание Палыч.

— Ваня, оптику, — скомандовал Николай Семенович охраннику, а когда тот подал — негромко приказал: — И подними остальных...

Охранник послушно канул вниз.

Николай Семенович пристально изучал суденышко в бинокль. Даже при том, что большая часть его лица была скрыта, начальственные неудовольствие и напряжение легко угадывались. Второй вахтенный охранник застыл рядом с шефом, причем руку все время держал на поясе, где наготове примостился небольшой скорострельный автоматик наподобие «Узи». Нафаня и Баландин тоже поглядывали на безжизненный катер —

умному Баландину, конечно же, сразу вспомнилась «Мария Селеста» и прочие морские загадки. Нафаня просто глядел и дивился: ну ладно, хозяева, могут сутки напролет трахаться в каюте. Но команда? Команда-то должна чего-то делать в это время — рыбу, там, ловить или водку местную кокосовую жрать. Весь опыт яхтсмена, пускай и не океанского, восставал против пустой палубы и пустой рубки. Наверху обязан кто-нибудь находиться! Это закон! Не стоят же они на якоре посреди океана? Да и дрейф простым глазом заметен.

— Что делаем? — напряженным голосом справился из рубки Палыч.

— Забираем влево. Попробуем обойти. Хотя... сомневаюсь.

— А кто это, Николай Семеныч? — осмелился спросить Баландин, который понял, что у шефа на предмет неожиданной встречи имеются какие-то внутренние соображения.

— Я хотел бы ошибиться. Но, по-моему, это пираты.

«Башибузуки» тем временем выбрались на палубу полным составом, однако показываться не спешили, прятались за рубкой и бортом. Подняли и Юру с Женькой Большим, и старпома.

— Так, ребятки, — невыразимо жестким голосом сказал Николай Семенович. — Боюсь, нам придется проявить характер. Всем. Ваня, вооружи-ка матросов.

Короткие автоматы были под рукой, даже ходить никуда не пришлось.

У Баландина нехорошо екнуло в груди.

— Значит, так! — командовал Николай Семенович еще более жестко. — Ничего не предпринимать без команды! Не дай бог кому-нибудь пальнуть раньше времени — все тогда поляжем. Если начнется свалка — падайте, дальше мы уж сами: нам просто нужно побольше людей со стволами на палубе, для внушительности. Встанете позади всех и по сторонам, строго по команде! Уяснили? И чтоб своим же в спины не шарахнули! Ну?

Оробевшие яхтсмены и судьи сподобились только на неуверенные кивки. Палыч, не выпуская штурвала из левой руки,

недоверчиво косился на автомат в правой, словно сомневаясь в реальности происходящего.

— Тогда ховайсь! — скомандовал Николай Семенович. — И без команды — ни-ни!

Палуба мигом опустела; «семерка» плавно переложилась влево, пытаясь обойти встреченный катер стороной. Это почти уже удалось, но когда безжизненное суденышко оказалось на правом траверзе, его двигатели ожили. Не взревели, нет, — во-первых, до него было достаточно далеко, метров двести с гаком, а во-вторых, машины работали на удивление тихо и в диапазоне самых низких звуков, которые скорее не слышишь, а чувствуешь кожей и всем телом.

Охранники грамотно рассредоточились по катеру, продолжая старательно прятаться за бортами и надстройками; моряки сгрудились позади рубки, за исключением Палыча, по-прежнему стоящего у штурвала. Высовываться не решался никто, украдкой наблюдали сквозь стекла.

Худшие опасения Николая Семеновича оправдались: это были тихоокеанские пираты. Джентльмены удачи двадцать первого века. И тактика их была хорошо известна ставленнику Шимашевича: изобразить покинутое судно, не отвечать на радиозпросы, не подавать признаков жизни, пока кто-нибудь не подойдет вплотную и не решится исследовать якобы покинутый катер. Тут-то бедолаг и берут в оборот.

Николай Семенович на это не клюнул и попытался обойти пиратскую посудину стороной. Естественно, пиратов это не устраивало, и они пустились в погоню, нарушив начальную маскировку. Теперь прятаться им не имело смысла.

Они настигли антарктов довольно быстро. Пристроились справа по борту, угрожающе нацелив на «семерку» полтора десятка стволов.

— Сбросить ход! Лечь в дрейф! Иначе — открываем огонь! — пролаял кто-то в мегафон. У говорившего проступал сильный восточный акцент.

Говорили по-английски.

Длинная очередь, вздымая фонтанчики на воде, перечеркнула курс «семерки».

— Ваня! — скомандовал Николай Семенович сквозь зубы.

Ближний к нему охранник, в руках которого красовался теперь не пукалка а-ля «Узи», а барабанный монстр «Армскор MGL», привстал и саданул поверху борта. Перед носом пиратского катера встал впечатляющий столб воды; катер судорожно вильнул на курсе.

— Палыч, громкую! — Николай Семенович протянул руку, и старпом послушно вложил в нее шишкообразный микрофон с тангентой. Черный витой шнур тянулся к приборной доске.

— Вы напали на катер пограничной охраны Антарктической республики! В случае дальнейших враждебных действий мы будем вынуждены открыть огонь на поражение! Повторяю...

Английский Николая Семеновича был безукоризненным и даже в чем-то изысканным, особенно на фоне едва разборчивых приказов пиратского капитана.

— Все встали! — добавил шеф негромко.

Не чуя под собой ног, поднялись. И Нафаня, и Женька Большой, и Баландин. Все. Чуть впереди шеренгой расположились охранники; вид они имели действительно твердый и решительный. Баландин до боли в ладонях сжал оружие и старался не шататься. Уже встав на ноги, он вспомнил, что не потрудился снять автоматик с предохранителя; более того, даже не потрудился предохранитель отыскать. А сейчас было уже поздно.

— А пушки-то у нас не заряжены, — еле-еле слышно, чуть шевельнув губами, шепнул стоящий рядом Женька.

Переваривать сказанное было некогда. По щеке сползла капля пота, кажущаяся холодной, как льды Антарктиды. Реальность словно бы развалилась на куски, а время замедлило бег в десятки раз.

Пираты вряд ли ожидали, что на палубе мирного катерка в мгновение ока возникнет более десятка вооруженных людей, причем двое из них нацелят на пиратскую яхту жерла не то гранатометов, не то ручных ракетниц.

— Antarctic? What the hell? — переспросили с катера.

Из-за акцента эмоциональная окраска вопроса осталась неясной; по крайней мере Баландин ее не распознал. Да и английским он владел не очень.

Тем временем суда сблизились настолько, что стало возможно рассмотреть лица пиратов без всякой оптики. Лиц те не прятали — никаких масок или повязанных платков. Азиаты, пара темнокожих, несколько человек вполне европейского вида. Оружие у пиратов тоже было самое разное: и нечто похожее на знакомые каждому нормальному русскому мужчине «Калашниковы», и нечто вроде «М-16», и скорострелки наподобие тех, что прихватили в плавание «башибузуки» Шимашевича.

Баландин с ужасом представлял, что произойдет, если у кого-нибудь случайно сдадут нервы и начнется пальба.

Но события приняли оборот совершенно неожиданный.

— Ванька! Жерех! — крикнул вдруг один из пиратов. — Ты, что ли?

Подручный Николая Семеновича нахмурил брови и всмотрелся.

— Марик? — неуверенно отозвался он. — Ты что, жив?

С пиратского катера донесся смешок:

— Мертв! И документы есть нужные где полагается!

Среди стоящих на палубе пиратов возникла заминка. Из кубрика снизу или из рубки к говорившему кто-то приблизился.

Прояснить обстановку решил и Николай Семенович:

— Это кто? — тихо справился он у Вани.

— Марик Пехлеваниди. Служили вместе. Я думал, он под Грозным остался...

Тем временем на пиратском судне что-то происходило. Кто-то выкрикнул неразборчивую восточную тарабарщину. Боевики на палубе неуверенно завертели головами, словно прислушиваясь к чьим-то приказам, а потом дружно опустили оружие и куда-то быстро-быстро рассосались, словно тараканы со внезапно освещенного обеденного стола.

— Long live Free Antarctic! — послышалось напоследок, и пиратское судно круто отвернуло на северо-запад.

Некоторое время Николай Семенович недоверчиво провожал его взглядом. Потом жестом позволил охранникам, по-прежнему собранным и решительным, опустить оружие.

— Поверить не могу, разрази меня гром! — выдохнул он. — Чтобы тихоокеанские пираты вот так просто развернулись и свалили?

Простецкие эти слова в устах Николая Семеновича прозвучали не очень естественно, но тем не менее отражали сущую правду: головорезы южных морей славились жестокостью и свидетелей своего промысла оставляли в живых очень неохотно. Не приходилось сомневаться, что капитан пиратской яхты связался со своими боссами и запросил инструкции: чего, мол, делать с корытом, которое назвалось судном военно-морского флота Антарктиды и целит в нападающих из полутора десятков стволов? Причем некоторые стволы весьма толстые калибром.

Угадать, что именно ответили боссы капитану, было, конечно же, невозможно. Но с антарктами тихоокеанские головорезы почему-то решили не связываться. В самом деле, не из-за того же, что один пират знал Ваньку Жереха, «семерку» отпустили?

Палыч, которого после противостояния бил вполне понятный и простительный мандраж, осторожно выглянул из рубки, словно моллюск из раковины.

— Шеф! Дрейфуем! — доложил он.

Николай Семенович встрепенулся, еще раз взглянул на стремительно убегающую к горизонту яхту и уже спокойнее отдал приказ:

— Отбой тревоги! Свободные — свободны. Вахтенные — продолжаем нести вахту.

— Ф-фух, — выдохнул Женька и взглянул на взмокшего Нафаню. Потом на Юру. Потом на Баландина.

А тот негнушмиися пальцами с третьей попытки отстегнул магазин от своего автомата.

Магазин был пуст.

Конечно, у TraShW00RMa имелось мирское имя. Стас Букреев. И, конечно, мирским именем он пользовался в эпоху дикой интернетной юности крайне редко.

Однако к моменту, когда тридцатник замаячил перед Трэшвормом вполне зримо, а двадцатый век реально стал восприниматься как прошлый век, неожиданно обнаружилось, что старый ник живет больше по привычным конфигам и если попадается на глаза — начинает раздражать.

День, когда была проведена глобальная замена по маске Трэшворма на Стаса, сетевой «неофит» счел датой окончательного взросления. А потом с некоторой оторопью осознал, что в сети провел больше четырнадцати лет. Половину жизни.

Поначалу было, конечно, трудно. И родители проедали будущую плешь — учись, бестолочь!

Он и учился. Только не постылым истинам школьных учебников, а премудростям разнообразных мануалов и хитрым приемчикам укрощения непокорных операционных систем.

А сколько было трагедий, когда родители узнали, что в институт он поступать не собирается, да никогда и не собирался!

Стас, тогда еще сопливый шестнадцатилетний Трэшворм, рассчитал все верно. Дождался отцовского: «На шее сидеть не позволим! Работать иди!», — пожал в ответ плечами и спросил в ответ: «А когда я в последний раз просил у вас деньги?»

Родители притихли, вспоминая.

«Давайте, давайте, — думал он, бестолковый юнец с их точки зрения. — Хрен вспомните. Года четыре назад, наверное».

Не вспомнили.

«А когда вы в последний раз покупали мне одежду?» — принялось довершать начатое дело нерадивое (по родительскому мнению) чадо.

И этого не припомнили.

«Кстати, — чадо небрежно внесло последний штрих. — Вы там кухню новую купить вроде собирались? Могу подкинуть денег, у вас вроде не хватает».

«Не хватает» — было мягко сказано. Кухня тянула на полновесные два зеленых штукаря, а у родителей, по непроверенным сведениям, имелось баксов шестьсот, не больше.

«Ну и подкинь! — зло рявкнул Букреев-отец. — Ты здесь тоже живешь!»

«Нет проблем», — пожало плечами нерадивое чадо и протянуло недостающие полторы тысячи.

Разумеется, последовали долгие выяснения, откуда взялись деньги. Трэшворм, веселясь, заявил, что день-деньской подстерегает в подъезде соседей и грабит, а пистолет прячет в системном блоке.

«Да кого он может грабить, он же из дому не выходит, живет в кресле у своей окаянной железки!» — раздраженно, но вполне здраво ввернула Букреева-мать.

«Вообще-то я уже три года как работаю, — объяснил Трэшворм. — Сайты делаю, админю помалу, рисую... Если вы не в курсе — это стоит денег. Причем нормальных, не чета вашим зряплатам».

За «зряплаты» он, конечно, свое огреб — но только словесно. (Кто б сомневался после такого солидного взноса на вожденную кухню!) Обрадованная мать волевым решением установила ему налог в семейный бюджет в размере трех сотен долларов каждый месяц, и Трэшворм, не раздумывая, согласился — он за неделю обыкновенно зарабатывал больше.

И все, об институте родители только иногда негромко ворчали издалека. А потом и ворчать перестали.

Трэшворм постепенно переродился в Стаса, о «кулхацкерской» юности вспоминал теперь с иронией, а зарабатывать стал еще больше, потому что специалистом стал серьезным, да и репутацию заслужил в сети нешуточную — причем уже как Стас Букреев, а не кто иной.

Однако такого жирного куска, какой свалился на него в начале марта, даже благополучный Букреев не ожидал. Сначала он и вовсе решил, что это натуральная липа — за простенький сайт для новоявленных антарктово сулили в шесть раз больше обычного. Однако как только Стас сайт все-таки сделал — ему сполна заплатили. Когда же он посоветовал перекупить до сих пор никем не востребованный www.antarctida.com (там уже несколько лет висела заставка с ледовой надписью *Antarctida* поперек экрана, трогательными анимированными снежинками и e-мейлом дальновидного владельца), а также

зарегистрировал на имя заказчика www.antarctidaonline.com и www.an-ol.com, упомянутый заказчик аж взвыл от счастья и предложил ему вести сайт вместе с зеркалами. Стас цинично запросил полную поставку контента, то бишь наполнения. Хотя при нужде мог бы выцеживать информацию из сети и сам, особенно за такие-то бабки!

Оказалось, что антаркты именно этого и хотят — они предоставляют полную информацию для всех разделов и постоянно присылают обновления, а Стас это только размещает. И все.

Халява, сущая халява!

Обновлений, правда, было много, и были они частыми — до трех в сутки порою. Стас честно и своевременно выкладывал их на сайт, по мере сил подчищал и совершенствовал все, что мог, — от навигации до дизайна, а по зеркалам обновления распахивал простенький трудолюбивый скрипт. И каждый понедельник на опустошенной за неделю кредитке вновь появлялись средства.

В целом антаркты представлялись ему чудачками — новые обитатели прыгучего континента, похоже, и впрямь верили, что смогут обрести реальную независимость. Стас в это не верил и хотел только одного: чтобы сотрудничество продлилось как можно дольше.

Ближе к середине весны миру стало окончательно понятно, что американцы ничуть не постесняются вторгнуться в Антарктиду, как вломились несколько лет назад в Ирак, бесцеремонно поплеывая на весь остальной мир. Именно поэтому Стас не слишком удивился очередному присланному для сайта материалу, просто сам материал показался ему слишком уж наивным и более уместным на www.lapsha.ru.

Сообщает независимое информационное агентство
«Антарктида online»

Белый континент всегда был средоточием загадок и таинственных историй. Вспомнить хотя бы сообщения сразу нескольких антарктических экспедиций о замеченных во внутренних районах материка крупных животных, напоминающих белых кроликов, но

размером с носорога. Или об обнаруженной сейсмоакустикой в толще льда вблизи полюса Недоступности гигантской пирамиде, весьма напоминающей пирамиды Центральной Америки. Или...

Да мало ли возникало в последние сто лет подобных сенсаций? Антарктида ввиду удаленности от густонаселенных мест и весьма ограниченной доступности делилась своими тайнами весьма неохотно, однако теперь-то времена изменились!

Разумеется, если что-либо экстраординарное в тающих льдах Антарктиды действительно будет найдено, первыми узнают об этом именно антаркты.

Но, опять же разумеется, далеко не все.

Тем интереснее следить за муссирующимися среди обитателей станция Новорусская (или как теперь чаще говорят — поселка Новорусский) слухами, что где-то во льдах, совсем недалеко от побережья (по одной версии) или от одной из бывших континентальных станций (по другой), найден вмерзший в незапамятные времена инопланетный космический корабль.

Кое-кто осмеливается даже утверждать, будто бы загадочный прыжок целого материка из южной полярной области в центр Тихого океана — это результат неосторожных экспериментов ученых-зимовщиков с инопланетной техникой.

Распространился также слух, будто бы руководитель одной из ведущих европейских держав в полушутливой форме спросил у эмиссаров так называемого Конгресса Свободной Антарктиды, использовала бы Антарктида секретное оружие, если бы таковое имелось в ее распоряжении, в случае внешней агрессии, на что представители Антарктиды дружно заявили, что они искренне не завидуют агрессору в любом случае. Легко заметить, что от читающегося между строк вопроса, действительно ли Антарктида располагает каким-нибудь секретным оружием, ее представители изящно уклонились, хотя одновременно дали понять, что ничего не боятся.

Смешно, разумеется, в большой политике козырять оружием инопланетян, однако если и будет когда-либо установлено присутствие на нашей планете инопланетных существ или их изделий, можно смело предполагать, что следы отыщутся именно

в Антарктиде. И найди в действительности антаркты чужой космический корабль, кричать о находке на каждом углу и сетевом форуме они точно не станут. Более того, даже от соотечественников факт находки скроют — секретное оружие тем и ценно, что его наличие держится в секрете. Однако если зайти достаточно далеко и предположить, что антаркты действительно полагают внеземными технологиями, вторжение на ледовый материк и впрямь кому угодно покажется весьма и весьма небезопасным.

Осталось только дожидаться демонстрации антарктами упомянутого оружия. Например, заброски любого из барражирующих у антарктических берегов американских авианосцев, скажем, во льды того же полюса Недоступности — то-то перепугаются американские вояки вкупе со сговорчивым американским народом!

Стас прочел сообщение дважды.

«Бред какой-то», — думал он, привычно подверстывая его в новости и закачивая обновление на сайт.

Однако если за выкладывание бреда платят — отчего же не выложить?

Помозговав, он решил, что антаркты не так просты, как можно вообразить, бегло ознакомившись с поступившим от них материалом. Инопланетный корабль и внеземные технологии, ясен пень, шелуха и камуфляж, а главное тут, наверное, провокация насчет факта встречи руководителя европейской державы (какой, кстати?) с антарктами... Ну-ну. Чего они хотят достичь своей дезой — им виднее. Их дело правое, а наше дело — сторона...

Жаль было только, что данный источник дохода скоро иссякнет. В то, что Антарктида способна отстоять свою независимость, трезвомыслящий Стас, само собой, ни на грош не верил. Ну абсолютно.

Пройдя между атоллom Стюарт и островами Нупани, затем между увенчанным горой Киракира Сан-Кристовалем и

островами Санта-Крус, оставив по левому борту Новые Гебриды, а по правому Ион и рифы Д'Антракосто, экспедиция антарктов отвернула к западу. Но ненадолго: обогнув острова Белеп, катер снова устремился на юг, даже на юго-восток. Берег Новой Каледонии расстилался невдалеке — неправдоподобно зеленый, будто из рекламного ролика туристической фирмы. Шли в столицу, Нумеа.

В сущности, все порты мира одинаковы, будь то Роттердам, яхт-клуб НКИ или песчаный пляж с пирóгами где-нибудь в Микронезии — той ее части, что не откочевала к Южному полюсу взамен прыгнувшей на экватор Антарктиды. Порт — это всего лишь место соприкосновения моря с сушей, люди, которым что-либо нужно от моря, и корабли, с помощью которых люди отвоевывают у моря свое.

Не важно, что в Нью-Йорке длина причальной линии превышает тысячу километров, а к пирсу какой-нибудь Малой Коренихи больше одного речного трамвайчика за раз не подойдет. Отношения между морьяками и морем остаются прежними — как во времена Магеллана. Да и между собой моряки самых разных национальностей, вероисповеданий и цветов кожи почему-то ладят куда охотнее, нежели изнеженный береговой люд. Возможно, потому и ладят, что не понаслышке знают, как порой бывают хрупки сработанные человеком скорлупки в ладонях разгневанного океана. И что противостоять гневу стихий способна только команда, в которой каждый за каждого.

И если по океанским хлябям скорлупка судейского катера дошла от самого ледового континента, благополучно дошла, значит, на борту именно команда.

Поэтому посланцев Шимашевича столица Новой Каледонии встречала улыбками на устах портового люда. Да и флаг Свободной Антарктиды, треплющийся на ветру, сыграл свою роль: и лоцман добровольный моментально отыскался, и место у битого штормами пирса «семерке» мигом освободили, потеснив какую-то полуфантастического вида джонку с вымпелами-драконами на вантах.

По общему мнению, джонке повезло. Ее заведомо не могло быть здесь, когда над Новой Каледонией ревелся тайфун Роберт. Иначе рассыпаться бы ей мелким мусором в полосе прибоя или быть выброшенной далеко на берег. Как был выброшен плавучий кран, несуразно и дико задравший свою стрелу над остатками пальмовой рощи среди расщепленных и измоченных стволов.

И все же ликующая тропическая зелень резала глаз, успевший привыкнуть к суровой графике скал и льдов. И никто из островитян, по-видимому, не винил Свободную Антарктиду в обрушившемся на них катаклизме. Э, что там говорить! Бывает! Жить в Океании и не страдать от тайфунов? Ну, ты, приятель, сказанул! Да разве так бывает?

Среди встречающих был и поделщик Шимашевича, хозяин щитовых домиков, будущей недвижимости антарктов. Не потребовалось никого искать, все произошло само собой. И даже судно для перевозки груза подвернулось: неделю назад в Нумеа прибыл черный как смоль пароходик из Нью-Плимута, разгрузился и тут же был счастливо отловлен и зафрахтован Шимашевичем посредством нескольких телефонных звонков и короткого обмена факсами. Более того, домики в разобранном состоянии — «дрова» по терминологии Женьки — уже пребывали в трюмах пароходика. Николаю Семеновичу осталось только принять груз, дать добро Шимашевичу на транзакцию, хлопнуть с продавцом по рукам, хлопнуть по рюмке русской водки и назначить дату отхода.

На все про все суток хватило с головой. Можно было отойти и раньше, но шеф обещал команде сутки берега. И слово сдержал. «Башибузуки» тоже успели оттянуться, в три смены по восемь часов. Что поделать — они подчиненные Шимашевича, а украинцы-яхтсмены и бывшие судьи — всего лишь подданные...

Короткий визит на берег, в цивилизацию, после недель гонки и недолгого сюрреалистического пребывания среди тающих льдов Антарктиды, произвел на яхтсменов неизгладимое впечатление. Сутки промелькнули как единый миг, оставив на гу-

бах терпкий привкус местного спиртного, а в памяти — смуглокожих красоток и пестрый, говорящий на непонятном языке городок.

Понять этот мир и этих людей за сутки было невозможно. Да никто и не пытался его понять. Просто радовались жизни и пытались оторваться на полную катушку, втайне веря, что и на антарктических берегах скоро будет так же весело и беззаботно, хотя и не так зелено на первых порах.

Впервые каждый из яхтсменов не только головой, а и всем нутром осознал, что получил уникальную возможность реально строить свою будущую страну и свою будущую жизнь. И что быть первопроходцем — это ведь здорово. И в учебниках потом напишут, что Антарктиду открывали два раза...

Назад шли караваном. Чернявый новозеландец взял «семерку» на буксир — Николай Семенович решил не жечь напрасну топливо, запасы которого в Нумеа, разумеется, пополнили. Вахта теперь раздробилась на две: Палыч или старпом большей частью пребывали в рубке новозеландца; там же обретались двое «башибузуков». Два матроса скучали в рубке «семерки» — приходилось только подруливать в кильватере новозеландца, а это было делом не слишком обременительным. Штормов метеорологи не обещали, но все равно вахтенным полагалось в любой момент быть готовыми соскочить с буксировочного конца.

Только и дел. Ленились, зевали, глазели на летучих рыб и альбатросов, обменивались впечатлениями о желтокожих береговых красотках. Начитанный Баландин портил настроение, живописуя ужасы элфантиаза, лихорадки Денге, «жемчужной болезни» и прочих тропических хвороб.

— Вы хоть резинками-то пользовались?

— А то! — ответил за всех Крамаренко.

— Уже лучше. Но от проказы не поможет.

— Да какая проказа! Что я, без глаз? У меня была такая... такая... — И Юра сладко улыбался, описывая ладонями плавные линии и закатывая глаза от приятных воспоминаний.

— Проказница? — подкалывал Баландин.

— Да... Что?! Тьфу на тебя!

— Не дрейфь, у этой болезни инкубационный период большой. Глядишь, еще и помереть успеешь здоровеньким.

— Скажи лучше, что никого на берегу не снял! Признайся. Завидуешь, да?..

Направлялись, кстати, не туда, откуда стартовали, не к ныне западному побережью Антарктиды, а к ныне южному, на станцию Новолазаревская. Понятно, что такая прорва жилья на Новорусской была попросту не нужна. Шимашевич планировал сгрузить часть домиков в Новолазаревской — и для местных нужд, и для внутренних станций. Те же станции, что располагались на побережье, должен был обойти и осчастливить караван во главе с Николаем Семеновичем.

Новозеландец шел довольно резво; во всяком случае, яхтсмены ожидали более спокойного хода. Однако пароходик шуруровал раза в полтора быстрее, чем «семерка» по пути на Новую Каледонию. Несколько суток нечувствительно утекло в кильватерную струю — под негромкое дыхание океана и еле еле доносящийся гул машин новозеландца. Из возможных развлечений случилось только стадо китов, шумно пускавшее фонтаны в отдалении чуть левее курса. Юра с Женькой поглазели на это все еще не приевшееся зрелище и обменялись многозначительными взглядами.

— А ведь мы уже в антарктических водах, — заметил Юра.

— И чего? — не понял Женька.

Юра ухмыльнулся:

— Как чего? Это ж наши, выходит, киты! Родимые! Антарктические! Земляки, можно сказать!

Женька обернулся и еще поглазел на фонтаны.

— Интересно, — вздохнул он. — А киты об этом знают?

— Вряд ли... А вот еще интересно — они вместе с Антарктидой перелетели или уже потом, своим ходом приплыли?

— Что значит — перелетели? — переспросил Женька ворчливо. — Думаешь, Антарктида как тот воздушный шар, взмыла и — курсом на север?

Юра неопределенно пошевелил пальцами руки, небрежно покоящейся на штурвале:

— Я образно... Кстати, прикинь, каково этим антарктам-полярникам на Южном полюсе было, а? Ни запада, ни востока, ни тем более юга. Кругом один сплошной север! Рехнуться можно.

Женька не замедлил весело оскалиться:

— Ты еще скажи, что именно поэтому Антарктида и прыгнула! Замаялась, мол, иметь один сплошной север по любому направлению...

— Скажешь тоже! — Юра хохотнул. — Но полярникам свою гипотезу как-нибудь изложи — посмеются вволю!

— Ты подруливай, подруливай, — напомнил капитану «Анубиса» Женька. — Ща вправо оттащит.

Юра крутнул штурвал и скосил глаза на компас.

— Курс меняем, что ли? — пробормотал он.

— «Семерка»! — неожиданно рывкнула висящая на крюке перед выходом рация голосом Палыча.

Женька проворно переместился к ней.

— На связи.

— Сбрасываем ход, конец подберите там, если что, чтоб на винты не намотало.

— Понял, подберем. А что стряслось-то?

— Да нарушители... Гонять будем, я думаю.

— Какие еще нарушители? — недоуменно протянул Юра и непонимающе уставился на напарника. Женька только плечами в ответ пожал — он и сам ничего не понял.

Новозеландец тем временем сбросил ход до малого и плавно уходил левее прежнего курса. К китам.

— Пойду на рубку влезу. — Женька решительно шагнул наружу и вскарабкался на кровлю рубочной надстройки.

— Что там? — нетерпеливо поинтересовался Юра.

Женька всматривался.

— Пароход какой-то... Недалеко от китов. Рыбак, что ли? Не вижу.

— Бинокль на.

Приняв бинокль, Женька всматривался еще с полминуты.

— Точно рыбак, — сообщил он уже более уверенно. — Трал волочится по корме, и чаек над ним до хренища. Флаг красно-белый. Это чей — не помнишь? Верх белый, низ красный.

— Поляки, кажется, — сообщил капитан. — Ха! Я понял, друже! Левый рыбак решил потралить в антарктических водах рыбки! Нашей, законной! А Семеныч его к ногтю нацелился! Правильно, не фиг нашу рыбу тырить.

— А Семеныча не пошлют? — с сомнением спросил с крыши Женька.

— А Семеныч Ваню со стволом на переговоры прихватит, — предположил Юра. — Если бы ко мне на борт такие монстры заявились, я не то что рыбу — я бы пароход отдал и не пикнул.

— Пароход — это уже пиратство! — назидательно проинформировал Женька. — Статью, правда, не помню, но пиратство — стопудово.

— Не-а! Поскольку мы — судно пограничной охраны Антарктиды, это не пиратство, а конфискация незаконного улова и арест судна, вторгшегося в территориальные воды суверенного государства и нарушившего тем самым морские границы!

— Загнул, — отметил Женька с уважением, даже бинокль от глаз отнял и свесился с надстройки головой вниз, чтоб поглядеть на Юру.

— Внимание! — раздался тем временем усиленный громкоговорителями голос Николая Семеновича. — Говорит патрульное судно пограничной охраны Антарктической республики! Вы вторглись в территориальные воды суверенного государства! Вы осуществляете несанкционированный лов рыбы в прибрежных водах! Ваше судно арестовано; приказываю лечь в дрейф и обеспечить доступ на борт пограничникам! В случае неповиновения мы будем вынуждены применить оружие!

«Семерка» медленно догоняла новозеландца; Женька быстренько смотался на нос, выбрал буксировочный трос и трусой вернулся на свой импровизированный наблюдательный пункт. Захватив рацию, к нему почти сразу присоединился и Юра.

Рыбак был по океанским меркам небольшой, эдакий кургузый сейнерочек привычно неряшливого вида, присущего судам экс-социалистического лагеря, но и не такой убитый, ка-

кие по сей день встречаются в какой-нибудь африканской тьмутаракани. Было видно, что по палубе у траловых лебедек суетливо мечутся несколько человек. Что делается на новозеландце, видно не было, но оттуда звонко и отчетливо гавкнул одиночный выстрел.

Юра с Женькой непроизвольно вздрогнули. Недавнее противостояние с пиратами до сих пор заставляло кровь в жилах то застывать коллоидом, то течь быстрыми горячими толчками.

— Твою мать, — выругался Женька шепотом. — Опять война?

Стрельба, впрочем, не возобновлялась. Новозеландец осторожно подрулил к борту рыбака, обогнув пузатый мешок трабла, и Юре пришлось тоже бежать в рубку подруливать, чтобы не въехать в новозеландца или в тот же трал. Женька продолжил наблюдать.

Он успел заметить, как через борта перекинули трапик, а потом черный корпус новозеландца скрыл от него все, что происходило на палубе рыбака.

— Что там? — жадно поинтересовался снизу Юра.

— Да не видно ни хрена, — пожаловался Женька с досадой.

Слабо доносились голоса, но понять было невозможно ни слова. Потом, минуты через три-четыре, истошно взвыли лебедки, а минутой позже стало вообще ничего не слышать из-за гнусавых воплей чаек, что реяли над рыбаком, как бомбардировщики над целями.

— Слушай, — неожиданно спросил Юра, — а откуда тут чайки? Открытый же океан!

— Да мало ли, вдруг тут до берега доплюнуть можно?

— А ты в бинокль погляди.

С полминуты Женька молчал — вглядывался.

— Берега не видно вроде, хотя что-то такое вдали белеет. Айсберги, наверное.

— Во! — облегченно выдохнул Юра. — Понял! На айсбергах они и гнездятся! А то я уж засомневался — не могут же эти сволочи сутками парить над океаном?

— Альбатросы могут, — сообщил Женька. — Мне Баландин рассказывал. И потом, что мешает чайкам отдыхать на воде? Спать даже.

— Акулы, — проворчал Юра. — Ладно, фиг с ними, с чайками, что еще видишь?

— Да ничего, — виновато признался Женька.

В ту же секунду застучали двигатели рыбака; минутой позже дал ход и новозеландец. И по рации пришло:

— «Семерка»!

— На связи!

— Идем прежним курсом!

Несколькими минутами спустя стало понятно: рыбаки возглавили караван, новозеландец с «семеркой» на буксире следовал за ним в некотором отдалении.

— Видать, и впрямь арестовали, — сказал Женька задумчиво.

— Надо будет сказать, чтоб рыбы конфискованной набрали, — протянул Юра мечтательно. — Ухи наварим... А то задрали уже эти консервы!

Глава 6 «СДЕЛАЙ САМ»

ИЗ ЗАПИСОК ЛОМАЕВА

«Вы пробовали когда-нибудь сколотить дощатый сарай? Если нет, то обязательно попробуйте. Если да, тогда вы можете построить дом, посадить дерево, воспитать сына и сделать еще множество важных и полезных дел. Но вот вам мой совет: ни за что не беритесь строить дееспособное государство. А если вы из тех, кому не удается строить, займитесь лучше строительством сараев.

Нет-нет, вы меня не так поняли. Я вовсе не хочу вас унижить, даже не разобравшись, на что вы способны. Я просто от души рекомендую: не ввязывайтесь вы в это дело. Особенно

если не хотите заработать букет болезней, свойственных трюбухе, начиная с язвы желудка на нервной почве, и в конце концов загнуться от сердечного приступа гораздо раньше, чем выйдет проектный срок эксплуатации вашего брэнного тела.

Это еще в самом лучшем случае, при удачном строительстве. В худшем вас ожидает лет сто тюрьмы, а то и одно из многих средств, придуманных людьми для прекращения жизнедеятельности себе подобных. Пуля или петля — еще не самые худшие варианты.

Не убедил? Тогда пеняйте на себя...

Я бы и сам пенял на себя, только мне было некогда. В сутках мне не хватало часов двадцати, если не больше. Сплошная бестолковая канитель, и никакого опыта, чтобы с нею справиться.

Шимашевич, как я и предполагал, взялся оказать содействие, и даже слишком рьяно. Предварительных условий — никаких.

Этого я никак не ожидал. И очень мне это не понравилось. Вообще во время разговора с антарктическим набобом у меня сложилось впечатление, что ему известны не только постановления Конгресса (у нас в Новорусской они были известны всякому, кто не ленился вникнуть в их суть и проголосовать «за» или «против»), но и кулуарные разговоры и шепотки. По-видимому, они волновали его весьма слабо.

Я тогда ушел «проконсультироваться», не сказав ни «да», ни «нет». Послал запрос Тейлору. А на следующий день ко мне в домик ворвался взмыленный Игорь Непрухин и вызвал меня на тет-а-тет в тумане:

— Только что... Радиограмма...

— Ну?

— С Беллинсгаузена... Морзянкой...

В первую секунду я не поверил ушам. Потом сообразил. В наше время радисты успели забыть о точках и тире — связь голосом через спутник вполне надежна. Если кто и в состоянии работать ключом или на датчике и разбирать радиокод тренированным ухом, так это единицы. Игорь из них. И радист Беллинсгаузена, как видно, тоже.

Уже неплохо. А радист «Кассандры» Шимашевича?

Черт его знает. Но все же есть надежда на приватность.

— Так что там?..

— Коган советует таки не дурить и принимать от Шимашевича все, что ни даст.

— Ну? А он-то откуда знает? — В запросе Тейлору я не называл никаких имен, а о переговорах с Шимашевичем вообще никого не оповещал.

— Догадался, значит. Жутко ушлый семит.

Кто бы сомневался. Я-то с Моисеем Соломоновичем знаком не был, но слышан, слышан...

— А он разве еще не смылся? — спрашиваю.

— С Беллинсгаузена? — У Игоря рот до ушей. — Это не так быстро делается. Пристав сидит, ждет судна, чилийцы обещали ему эвакуацию морем. Говорят, озверел совсем, от злости каждый день на пляж ходит, в морских слонов галькой швыряет.

— Вот дурак-то, прости господи...

— Точно. Нет того чтобы радоваться удаче: когда еще удастся пожить в Антарктиде за чужой счет! А Коган эвакуироваться морем в Чили наотрез отказался. Сказал: морская болезнь. Еще сказал, что ААНИИ не настолько богат, чтобы за здорово живешь оплачивать начальнику АХЧ кругосветные путешествия. Сказал еще, что намерен еще раз попытаться отбить имущество, для чего вылетает в Амундсен-Скотт с первой же оказией. Но это, сам понимаешь, камуфляж, дымовая завеса...

— Смысл?

— Элементарно, Ватсон. Он тоже антаркт. Сам он так решил или за него решили — то темный лес. Наверное, сам. Знаешь, выкрутить ему руки не так-то просто... И как антаркт он дает нам советы. Имеет право.

Я только и ответил, что «ага», и принял к сведению. Не могу сказать, что у меня отлегло от сердца, но все-таки стало немного легче дышать.

Непрухин уже собрался рвануть куда-то на третьей скорости, когда я вспомнил еще об одном деле:

— Слышь, Игорек, а кто сейчас начальник Новорусской?

— Хм... Ты, наверное.

К такому ответу я был готов, а потому отверг наотрез:

— Не пойдет. У меня теперь другие обязанности. У «Е в кубе» тоже: Ты мне лучше признайся: кто тут без нас распоряжался? Ты?

Вижу: теперь и он понял, куда ветер дует.

— Кто? Да никто. — И разводит руками, и бегаёт взглядом по сторонам, а мы в тумане одни, и нет вокруг никого, даже Тохтамыша. — Как-то пока обходились...

— Не дело, — говорю. — Вот что: ты и будешь начальником вместо Типунова. Принимай дела, входи в курс.

Он отступил на шаг.

— Сдурел, да?

— А что, не хочешь? Мала должность? Вот уж не думал, что ты карьерист...

— Тьфу! Сам ты... Да на кой это мне? Я радист! Вон Коля Пятко — чем не начальник? Он привык...

— Зато ты в авторитете. Вот объявим сегодня свободные выборы, и ты на них победишь без всякой предвыборной кампании. Спорим?

— Да что я, одичал, что ли? Не надо мне такого счастья! Да и какой из меня начальник, ты на меня посмотри получше...

— Верно, — соглашаюсь, — начальником ты не будешь. Ты станешь мэром — у нас ведь уже не станция, а поселок, будущий город, быть может. Ему мэру нужен, а не стационарный смотритель. Соглашайся добром, а то ведь заставят...

В тот же день состоялись и выборы. Голосовали все, кто решил связать свое будущее с Антарктидой, включая Шимаевича, яхтсменов; судей прерванной регаты и — частично — моряков с судов обеспечения.

Непрухин безуспешно пытался взять самоотвод, а в результате победил уже в первом туре. Кисло поблагодарил электорат за доверие, а меня с глазу на глаз обругал по-всякому. Взамен того, чтобы сказать: «Досточтимый сэр, я разочарован», взял да и вывалил на меня весь свой запас матюков, которые

не будут вписаны в антарктическую историю. Культуры у словесного дристуна — ну никакой.

А еще мэр называется. Народный избранник.

Но это ладно. Подумаешь, выбрали мэра! Дело ерундовое. Остальное напоминало мне задачку типа «сделай сам» при почти полном отсутствии материала и серьезном некомплекте инструментов.

С «Кассандры» и «Фестиваля» мы получили по одному радисту, и радиостанция Новорусской заработала круглосуточно. Радиogramмы с Конгресса шли потоком. На время выхода в эфир очередной порции научно-популярной мешанины «Антарктиды online» прием деловой информации осуществляла радиостанция «Фестиваля».

Поначалу нам то и дело приходилось созывать общий сход для одобрения или неодобрения тех или иных обсуждаемых Конгрессом законопроектов. Очень скоро это всем осточертело, и собрать кворум стало так же трудно, как переловить всех до единой блох на бродячем коте, и каждая настигнутая «блоха» кричала, что у нее-де как раз сейчас есть неотложное дело сугубой важности!

Кончилось тем, что мы стали проводить голосования дважды в день — за обедом и ужином — и, помимо дежурного по камбузу, назначали в порядке алфавита дежурного секретаря, чтобы считал голоса и относил радистам бумажку с подсчетами. Народ роптал, но пока терпел.

— Все-таки нужна представительская демократия, — сказал мне однажды Непрухин.

— Это когда дураки доверяют негодяям управлять собой? — поинтересовался я с фальшивой наивностью.

— Это когда каждый занят своим делом! Когда кухарка кухарит, а не управляет государством!

— А если она желает управлять?

— Тогда она живо перестанет быть кухаркой! Не вешай мне лапшу на уши! Нормальный парламент нам нужен. И нормальное правительство, как у всех...

— У всех есть, и у нас будет, — соглашаюсь я. — Свалимся в ту же канаву, что и все. К сожалению.

— К счастью! А когда будет-то?

— Раньше, чем хотелось бы. Ты, Игорь, глаза-то разуй... Как ты думаешь, почему Шимашевич дает нам все, что ни попросим? А ведь мы поначалу думали, что ему наша непосредственная демократия — нож острый. Не напрягайся, я тебе сам отвечу: он знает, что это ненадолго.

— Открыл Америку! И я знаю, что он знает...

— Знаешь, так молчи.

Дальнейшая плодотворная беседа депутата Конгресса с мэром прояснила, что Игорю, как и мне, было ясно, для чего Шимашевич погнал катер в Новую Каледонию. Полторы тысячи щитовых домиков — это для нас, несомненно, большое благо и даже богатство. И это несколько тысяч переселенцев в недалекой перспективе. Вы слышали когда-нибудь о дееспособном парламенте численностью в дивизию? Я не слыхал, «потому что этого не может быть никогда». Было яснее ясно: либо нашу непосредственную демократию придется вскоре деформировать в «посредственную», либо необходимо ввести ценз оседлости — продолжительностью хотя бы в год. Но тогда придется исключить из числа полноправных антарктов не только Шимашевича с его яхтсменами, но и всех без исключения полярников-первогодков, а то и формировать какой-нибудь «совет старейшин», как в дикарском племени или Франции времен Директории...

Как бы то ни было, на данном фронте я надеялся тянуть время столько, сколько возможно. Авось каждый успеет почувствовать тяжесть совершенных при его участии ошибок, а заодно понять, что антаркт — это звучит гордо, что никакой он не подданный, а если все-таки гражданин, то только сорта «экстра». Авось наша непосредственная демократия позволит со временем выявить настоящих лидеров, а не назначенных начальников. Авось до той поры Шимашевич не приберет нас к рукам со всеми нашими потрохами...

На первых порах население Свободной Антарктиды отнюдь не увеличивалось. Более того: оно таяло. Уезжали те, кто не

желал примкнуть к отцам-основателям новой нации и вообще не видел в нашей затее никакой перспективы. Убыл из Мак-Мёрдо на военном эсминце начальник антарктической экспедиции США адмирал Пайк с целой группой подчиненных и беспрепятственно — с эсминцем не очень-то поспоришь — вывез часть техники и аппаратуры. Само собой, мы заявили США решительный протест — не по поводу грабежа, нет, а по поводу вторжения военного корабля в наши воды.

Ответа на наш протест, естественно, не последовало, да мы и не очень надеялись. Если бы эсминец произвел хоть один выстрел, мы могли бы кричать на весь мир о вопиющем нарушении Вашингтонского договора. А так — ну зашел военный корабль, ну постоял на рейде, но ведь не навек же остался, ушел. В конце концов, наши антарктические станции тоже отчасти строились служивыми из строительных войск, и ни одна сволочь во всем мире не назвала это оккупацией и нарушением международного права.

Ясно было, что наши американские соотечественники сплывали — надо было им спровоцировать хоть один выстрел, пусть даже холостой.

В таком духе Конгресс и разослал ц.у. по всем станциям.

Всего мы потеряли процентов пятнадцать населения и процентов пятьдесят бывшего антарктического начальства. Наш Троеглазов, нисколько не веря в светлое будущее Свободной Антарктиды, высказал несколько мрачных прогнозов и остался — из чувства ответственности перед идиотами-подчиненными, как он выразился. Честное слово, я его зауважал. Правда, руководил он теперь только станцией Новолазаревская в выборной должности мэра.

Черта с два он руководил. Едва раскланявшись с избирателями, он скинул дела на зама и на следующий день отбыл на борту старичка Ил-14 в Амундсен-Скотт в качестве главы делегации от Новолазаревской — чтобы, как он выразился, на Конгрессе «русским духом пахло». Насчет удара по обонянию не знаю, но Ерепеев вздохнул свободнее.

Чилийцы все же вывезли с острова Ватерлоо Типунова, пристава и тех наших «отказников», что решили добираться

домой через эту страну, похожую очертаниями не на страну вовсе, а на дождевого червя, вытянувшегося в предсмертной судороге. Вывезли они бывших «наших», между прочим, не на чем-нибудь, а на военном корвете, который пришел в Антарктиду не пингинов считать, а привез крохотный гарнизон на станцию Родольфо Марш, автоматически превратившуюся в военный форпост. В тот же день примчался аргентинский транспортный самолет, чудом сел на раскисшую полосу близ станции Жубани и высадил — догадайтесь с трех раз — военный гарнизон в составе примерно взвода. Вскоре стало известно, что и чилийский корвет, и аргентинский транспортник, покинув Ватерлоо, нанесли визит на материк, высадив гарнизоны соответственно на станциях Бернардо О'Хиггинс и Эсперанса, прилепившихся к хвосту Антарктического полуострова.

Тут уже наше возмущение было услышано — не чилийцами и аргентинцами, а так называемым мировым сообществом. Ноты протеста посыпались как из рога изобилия. Представители России и Китая предложили ООН принять резолюцию, осуждающую агрессию, и применить к агрессорам международные санкции. Аргентина и Чили заявили о своем праве занимать ничейные территории. Мы зловеще предостерегали: будем защищаться.

Как? Чем? Об этом мы предполагали подумать когда-нибудь потом. В общем и целом инцидент играл нам на руку. О Вашингтонском договоре теперь вспомнили многие. Вспоминали и о британо-аргентинских антарктических драчках полувекковой давности с обстрелами и захватами баз. Кое-кто из американских сенаторов заявлял, что Соединенные Штаты должны выступить гарантом соблюдения договора, но на уровне официальной политики эти пугающие слова пока не звучали. Лишь две авианосные группы ВМФ продолжали настойчиво кружить возле наших берегов...

А мы выматывались, как каторжные, атакуя непроторенную громаду дел. Иногда казалось — все без толку. Но проходила неделя, другая, а там оглянешься — у-у, куда мы отшага-

ли с тех пор! Честное слово, были моменты, когда я уважал себя. Раза два.

Едва оправившись после грабежа, американцы с Мак-Мёрдо первым делом выставили из Антарктиды группу, финансируемую НАСА и занятую поисками метеоритов, некогда упавших на купол.

Тут нужно сделать маленькое пояснение. Метеориты находят повсюду, и вообще в мире сейчас царит настоящий «метеоритный бум» — счет одним коллекционерам, не говоря уже о серьезных дядях, идет на тысячи. Устраивают ежегодные ярмарки — продают, покупают, меняются. Так вот на антарктическом побережье есть три-четыре места, где ползущий к океану ледник натывается на скалы, ну и вздымается кверху, ломаясь. Под солнечными лучами выпертые наверх обломки понемногу испаряются, так что содержащиеся в них камни (а какие камни, кроме метеоритов, могут оказаться в толще льда?) выступают на поверхность и накапливаются в узкой полосе возле скал. Там самые настоящие метеоритные ловушки, и одна из них недалеко от Мак-Мёрдо.

Ну вот НАСА и организует ежегодные антарктические экспедиции по сбору небесных каменюк. Рыночная цена углистого хондрита доходит до нескольких тысяч «зелененьких» за грамм, но еще больше ценятся камни, выбитые некогда с поверхности Марса, а паче того — Луны. Почему Луны, когда она ближе к нам, а Марс дальше? Вот именно поэтому. Ближайшая цель! Если кто-то, несмотря на заявления президента США, до сих пор думает, что американцы после «Аполло» решили навсегда оставить наш естественный спутник в покое, потешив гордыню и удовлетворившись чисто земным господством, то умом он сродни сосновому полену — нет, не тому, из коего вытесали мелкого хулигана Буратино, а соседнему, из которого никого не вытесали.

Я уже не говорю о том, сколько стоит песчинка с Луны у коллекционеров! Зря, что ли, два негра из НАСА, пылесосившие скафандры вернувшихся с Луны астронавтов, стали миллионерами!

Короче говоря, ребята с Мак-Мёрдо спровадили восвояси охотников за небесными каменюками, отобрав у них все, что те успели найти. Метеоритчики протестовали, ну а мы-то тут при чем? Знать надо, куда летели. Разве мы, антаркты, не собственники своей земли и всех камней, что на ней валяются? Метеориты ничьи лишь до тех пор, пока летают в космических далах.

Говоря короче, мы специальным декретом приравняли метеориты к полезным ископаемым, а полезные ископаемые объявили общенациональной собственностью. Пока это была не бог весть какая статья дохода, но, как известно, с миру по нитке — голому рубашка. Я вспомнил, что в оазисе Ширмахе-ра на берегах озера Унтерзее имеются немалые запасы мумий, и сейчас же в Новолазаревскую пошла радиограмма: отрядить всех свободных людей на сбор этой гадости: валюта! Китайские коллеги немедленно нашли в Шанхае оптового покупателя, и Тейлор был уже склонен согласиться продать ему всю добычу на пять лет вперед. Моисей Соломонович, перебравшийся в Амундсен-Скотт, брызгал слюной, обзывал нас «умственно недоразвитыми идиотами» и махал на Тейлора руками, как ветряная мельница. В тот же день он добился более выгодных условий от фармацевтических компаний Индии и Турции. В итоге мы подписали контракт на оптовые поставки все-таки с Шанхаем, но уже на наших условиях.

Удовлетворенный Коган прочел нам длинную лекцию и всем смертельно надоел. То же самое можно было сказать одной фразой: «Мы не банановая республика!»

Кто бы сомневался. Покажите мне в Антарктиде хоть одно банановое дерево, и я сейчас же признаю ваше право нести в моем присутствии любую лабуду.

Кстати о деревьях. Одной испанской мебельной фирме мы продали хвойную рощицу, что росла в кратере Эребуса, согреваемая подземным теплом. Деньги на бочку — и самовывоз. Я только присвистнул, прикинув, в какую сумму обойдется испанцам заброска на Эребус лесорубов и транспортировка древесины. И какую такую мебель (без сомнения, элитную и

баснословно дорогую) можно сработать из елки — загадка. Смола же потечет! То ли эти мебельщики владели хитроумной технологией обработки смолистых пород; то ли вообще собирались фабриковать не мебель, а что-то другое, — не знаю, не знаю... Наше дело — сторона.

Вообще по вопросу о той уникальной рощице было много шума. Деньги — деньгами, а уникальность — уникальностью. Да и ославить себя на весь свет варварами, пекущимися только о наживе, нам не очень-то хотелось. Мы уже почти решили отказать испанцам, как поступило сообщение с Мак-Мёрдо: геофизические приборы зафиксировали подземные толчки и вспучивание конуса вулкана, а что до необычайно высокой активности фумарол и гейзеров, то американский вулканолог, рискнувший подойти поближе, бежал оттуда как ошпаренный. (Интересно, почему «как»? Он и был ошпарен кипятком!) Эребус готовился к нешуточному извержению, и мы с легкой душой продали обреченные елки.

Авось после извержения начнут расти новые. Особенно если мы их сами посадим. Хотя, быть может, теперь лучше сажать не елки, а пальмы?..

Но я отвлекся.

Чем еще мы могли торговать? Пингвинами? Товар не дефицитный. Рыбой? У нас пока не было рыболовного флота, а наши — очень льготные — предложения насчет продажи квот вылова в экономической зоне Свободной Антарктиды никто всерьез не рассматривал. Во-первых, близ наших берегов слонялся и всех пугал американский флот. Во-вторых, если допустить, что авианосные соединения когда-нибудь покинут наши воды, рыболовному пиратству будет дан зеленый свет. Зачем платить каким-то самозванцам, если можно не платить? Дурaków нет. Разве мы обладаем налаженной системой охраны территориальных вод и экономической зоны — с быстроходными катерами, вертолетами и спутниками слежения? Попытка взглянуть правде в глаза приводила к неутешительному выводу: при самом благоприятном для нас стечении обстоятельств наши богатейшие морепромыслы будут разграблены раньше, чем нам перепадет с них хотя бы анталер.

Лед и нефть — вот что у нас еще оставалось. Буксировкой айсбергов, прежде экономически невыгодной, а теперь вполне возможной, удалось заинтересовать удрученных безводными пустынями австралийцев и мексиканцев. В глубокой тайне велись переговоры с губернатором Калифорнии. (Тот еще жук; по-моему, договориться с Терминатором было бы проще.) Дело пока ограничивалось предварительной проработкой проектов.

О добыче нефти на шельфе Шимашевич вел диалог с представителями «Шелл» и «Бритиш петролеум», но воз пока был и ныне там. С одной стороны, вопрос о концессии представлялся им интересным и заслуживающим серьезного изучения, но с другой стороны...

Что «с другой стороны», было ясно без слов. В точности то же, что и с рыбой. Конечно, мы демпинговали, манили инвесторов сверхприбылями и просили сушие копейки, но зачем, спрашивается, платить сегодня каким-то придуркам, которых завтра все равно сковырнут с их мокрой льдины? Дело не двигалось. Шимашевич требовал у нас секретных сумм на взятки директорам, хмуро поясняя, что даже с его возможностями голым шантажом тут не обойдешься — не на всех имеется компромат. От называемых им цифр глаза лезли на лоб. Впрочем, он соглашался удовлетвориться долговой распиской.

Это нас тоже пугало. А выхода не было.

С первых же шагов нам пришлось прибегнуть к госзайму. Майкл Уоррен и с ним еще несколько состоятельных антарктов приобрели облигаций на двадцать с лишним миллионов долларов — столько удалось им перевести в банки Китая, Филиппин и Малайзии, прежде чем их банковские счета в США были заморожены.

Капля в море. Эти деньги были истрачены до цента в течение нескольких дней. Читая отчеты бюджетно-финансового комитета (а иногда и присутствуя на его заседаниях во время кратких визитов в Амундсен-Скотт), я впадал в протрацию. Кого бы обокрасть? Что там подпольный миллионер Корейко — тьфу! Босяк. Просто удивительно, насколько лег-

ко человек способен переключить масштаб и воспринимать миллион долларов как мелочь, завалившуюся на дне кармана!

Торговля нашими природными ресурсами только начиналась и приносила такие гроши, что хоть плачь. Богатеть за счет туризма? Мы отнюдь не сбрасывали со счетов этот бизнес и намеревались активно его развивать. Правда, для этого помимо капиталовложений требовалась сущая безделица: внутриполитическая стабильность и международное признание Свободной Антарктиды. Первое у нас налаживалось, а до второго было как до обратной стороны Луны. Пока что мы втиснули этот вопрос в компетенцию комитета по торговле, и он вел сугубо предварительные переговоры с крупными турфирмами.

Уже не помню, кто первый предложил выпускать коллекционные почтовые марки и гасить их на антарктических станциях, но за эту идею пришлось ухватиться, как хватается за соломинку утопающий. Моисей Соломонович с дивной быстротой разместил заказы, а Эндрю Макинтош, окончивший в юности художественный колледж, утверждал или браковал пересылаемые по сети эскизы.

К сожалению, гасить марки нам пришлось не через интернет, а непосредственно... Очень скоро штемпелевание — вручную! — стало рассматриваться как каторга, и назначенные на нее страдальцы-очередники с радостью меняли день штемпелевания на два дня дежурства по камбузу.

Конечно, втянувшись в марочный бизнес, мы уподоблялись Лихтенштейну или какому-нибудь Бурунди — а что нам оставалось делать? Деньги не пахнут, только если не принюхиваться к ним. И в этом смысле исходящий от свежотпечатанных марок запах бумаги, клея и краски далеко не из самых худших.

Не очень большой, далеко не покрывающий наших потребностей, но все же стабильный доход. Даже после того как ООН с подачи США послушно наложила на нас торговое эмбарго, нам удавалось изворачиваться и иметь с марок прибыль — правда, уже меньшую. Вообще у меня укрепилось убеждение: сделать можно все, если правильно выбрать того, с кем делиться.

Россия при голосовании об эмбарго воздержалась, на что Шимашевич лишь пожал плечами, а я почувствовал себя уязвленным. Глупо, конечно. Чего ждал от России я, антаркт? Что она наложит вето? Ей это надо?

Притом резолюция, закрепившая за флотом США право досматривать суда, оказавшиеся поблизости от антарктических берегов, это одно, а реальная коммерция — совсем другое. Мы наладили каналы поставок через Соломоновы острова, Индонезию и Филиппины — страны, никогда не имевшие в Антарктиде так называемых исторически сложившихся национальных интересов.

Стоило это дороже, но канал существовал. Близ Мирного и Новорусской то и дело швартовались катера самого подозрительного вида.

Кроме того, мы отваживались принимать самолеты — американцы пока не пытались их сбивать. Между прочим, далеко не все летательные аппараты, садящиеся на наши ледовые аэродромы, выполняли рейсы для нас и таили в себе «контрабанду»...

Были и гости. Даже больше, чем нам хотелось бы.

Как оказалось, мы не зря решили брать деньги со всякого рода научных групп, то и дело прибывающих к нам на Белый (пока еще Белый) континент. Исключение сделали только для группы из Кембриджа да еще Географического факультета МГУ. Остальные платили. Крику насчет нашего «стремления нажиться на чистой науке» хватало. Мы молчали, пожимали плечами и ждали, когда нам отстегнут. И нам, пошумев, отстегивали.

Шимашевич первым выступил против поблажек и скидок, пожелав иметь такую лупу, в которую можно рассмотреть «чистую науку», никак не связанную с коммерцией или политикой. «Брать и брать! — бушевал он, впервые на моей памяти выйдя из себя. — Пусть грантодатели раскошеляются!..»

Мы и брали.

Лично мне большим утешением служило то, что немало «научных экспедиций» создавалось просто-напросто в качестве прикрытия для шпионской деятельности на нашей тер-

ритории. Они явно сколачивались наспех и не очень-то умело маскировались. С таких мы драли деньги с особенным удовольствием — у них спонсоры богатые.

Нам кричали в лицо, что мы нарушаем Вашингтонский договор, — мы улыбались и заявляли, что никакого нарушения нет. Разве мы запрещаем исследовать континент? Нет,нисколько. Разве мы хоть кого-нибудь выставили вон, кроме метеоритчиков, нарушивших наши законы? Нет. Ни одного человека. Мы не ограничиваем свободу перемещения по Антарктиде — платите деньги и перемещайтесь себе на здоровье!

Однажды в Мак-Мёрдо приземлился транспортный «Геркулес» с хорошо экипированной научной группой на трех вездеходах. В оплате было высокомерно отказано. Пришельцы внаглую принялись разезжать по территории станции, вмешиваться в работу наших американских соотечественников и, судя по всему, планировали поход куда-то в сторону Эребуса.

Справились с ними просто: блокировали их вездеходы нашими, так что они не могли двинуться ни вперед, ни назад, и все планы научной экспедиции полетели к черту. Пришельцы продемонстрировали оружие — американские антаркты тоже, причем последние имели численный, моральный и технический перевес.

Конечно, нас тут же обвинили на весь мир во всех смертных грехах. В ответ мы заявили, что регулировка дорожного движения не является обязанностью правительства страны, что каждому водителю доводилось стоять в «пробках» и что лучшее лекарство от раздражения — терпение. Наглецы на вездеходах терпели двое суток, после чего погрузились в самолет и отбыли восвояси.

Не исключено, что они сели неподалеку на куполе и все-таки добились своего. К сожалению, у нас не было технических возможностей отслеживать полеты над нашей территорией. Радары для полевых аэродромов, привезенные Моисеем Соломоновичем, работали надежно, но имели смешную «дальнобойность». О радарной службе, перекрывающей хотя бы побережье, оставалось только мечтать.

Непрухин божился, что это лишь вопрос времени. Я отвечал этому оптимисту, что достройка Великой китайской стены тоже была когда-то вопросом времени — нескольких столетий, если я не ошибаюсь. Шимашевич погнал два катера на Филиппины за комплектующими от списанного радара международного аэропорта; впоследствии обещал закупить новые и нанять толковых инженеров. Тем временем Непрухин собирал «на коленке» самопальный локатор, надеясь с его помощью обнаруживать самолеты хотя бы за сто—двести километров от Новорусской.

А кроме того, мы установили пошлину на вывоз изделий высоких технологий. Хотите ввезти к нам аппаратуру любого назначения — пожалуйста! Она нам нужна. Особенно приветствуются излучатели большой мощности. Желаете вывезти ее обратно — извольте платить. Одному умнику из Гринписа, который назло нам разбил кувалдой несколько научных приборов и разбросал их исковерканные детали по леднику, мы выставили такой счет за загрязнение уникальной антарктической природы, что больше такие случаи не повторялись. Умнику пришлось задержаться у нас до тех пор, пока за него не поручилось его руководство. И действительно, со временем рассчиталось с нами до копейки.

Нас обзывали крохоборами, махровыми эгоистами и узурпаторами. Что ж, это было правдой. Хуже того: через нашу таможню нельзя было прорваться, не дав клерку на лапу. То же самое с въездными визами: желающих въехать к нам мурыжили до тех пор, пока они не соображали, что надо отстегнуть энную сумму поверх легальных сборов. И только после этого они получали визы — распечатанные на обыкновенном принтере разрешения на въезд, украшенные фирменной печатью той или иной антарктической станции.

Поначалу дело со взятками шло туго — мало кто из полярников мечтал о карьере нечистого на руку клерка. Пришлось выбирать взяточников жребием и заставлять их непрерывно повышать квалификацию.

А взятки шли в общий котел. В доходной части нашего бюджета фигурировала статья «добровольные пожертвования» —

необходимый эвфемизм, сами понимаете. Доход стабильный, хотя и небольшой, но ведь курочка по зернышку клюет.

Впрочем, время от времени приходили действительно добровольные пожертвования.

Радар-то мы поставили и привели в действие, однако нам надо было иметь сотню таких! Плюс дизельные электростанции, чтобы кормить технику электричеством не за счет вымерзания жилых помещений. Плюс топливо для электростанций. Плюс листовое железо и сварочное оборудование для постройки новых топливохранилищ. Плюс запчасти к самолетам и вертолетам. Плюс еще много чего. Нам требовалось столько разнообразной техники и всевозможных материалов, что самые невозмутимые из нас приходили в ужас, а список необходимого не уменьшался, а непрерывно рос!

С закупками же дело обстояло неважно. Кое-что до зарезу необходимое удавалось купить только через посредников, действующих с нас втридорога. В их число входили как фирмы, самораспадающиеся немедленно по заключении сделки, так и «физические лица» — чаще всего коричневые и обмотанные бурнусами, ибо то были лица арабских шейхов. Даже не знаю, сколько беговых верблюдов и жокеев-китайчат сумели приобрести эти вожди бедуинов на свои грабительские проценты! Но много.

Стадо верблюдов. И роту китайчат, не считая всяких прочих кхмеров.

Случались и осечки. Некий жучок по имени Джулио Коззи надул нас, взявшись поставить пятьсот катушек оптоволоконного кабеля, насущно необходимого нам для связи, если эфир забьют помехами. Нет, этот самый Коззи не смылся с деньгами — он, прикарманив стопроцентную предоплату, нагло заявил, что его фирма (он сам, стол, две табуретки и престарелая секретарша) строго придерживается резолюции ООН о торговом эмбарго, и предложил нам решить спорные вопросы в суде. Так сказать, цивилизованно. Как будто хоть один «цивилизованный» суд на Земле, кроме нашего, антарктического, принял бы нашу сторону!

Ловкач плохо знал Шимашевича. «Коззи! — вне себя кричал Непрухин. — Коровви! Свинни!» — и ругался черными словами по адресу как итальянского прохвоста, так и самого Шимашевича. Непрухин тоже плохо знал последнего.

Зато Шимашевич не ругался и не отругивался. Неделю спустя Коззи выпрыгнул из окна своего офиса на сорок седьмом этаже — о, разумеется, совершенно добровольно! — и вошел в соприкосновение с дорожным асфальтом со скоростью, исключая дальнейшую жизнедеятельность. Оставленная им записка гласила по-итальянски: «Дяденька, я больше не буду!» — и отражала сущую правду.

Следы борьбы отсутствовали, никаких посетителей в офисе не было, никаких угроз в свой адрес несчастный не получал. Следствие, не в силах доказать причастность наймитов Шимашевича, пришло к выводу о самоубийстве на почве длительной депрессии и нервного истощения.

Охотников нажать на нас — фирм-однодневок с адресом типа «поворотя на двор, свернуть от мусорного бака налево к двери сарая, стучать три раза» — было предостаточно, но после случая с Коззи и еще двух-трех подобных происшествий охота обманывать нас пропала у большинства напрочь.

Мы получали — и тратили, порой неправдоподобно много. Любой гад-перекупщик мог содрать с нас три шкуры — и драл. Швейцарско-антарктическая фирма, возглавляемая папой Шимашевичем, открыла нам кредит из пятнадцати процентов годовых. Мы и тому радовались, деваться нам было некуда. С доброй улыбкой на лице Шимашевич загонял нас в беспросветную кабалу. Вряд ли он мечтал о номинальной власти над Антарктидой и антарктами — да и зачем? Его вполне устроила бы власть реальная, без громких титулов, дипломатических протоколов и прочей мишуры.

Никаких денег мы и не видели, а долг рос и рос. Закупки большей частью шли через Шимашевича и его подручных, деньги переводились из банка в банк и заносились в графу «внешний долг» нашего бюджета. До поры до времени никто из нас не желал думать о том, что будет, если завтра нам закроют кредит и потребуют возврата ссуженных сумм.

Слишком неприятная мысль, чтобы вот так сразу повернуться к ней лицом.

Корреспондентов мы с самого начала решили принимать без ограничений и каждому чин чином выдавали аккредитацию. Съёмочные группы Си-эн-эн и Эн-би-си примчались первыми. Би-би-си — через сутки. Потом тележурналисты пошли потоком. Аль-Джазира и та не осталась в стороне — в ответ на наше удивление нам было объяснено, что руководство компании отнюдь не собирается замыкаться на проблемах гонимых мусульман.

«Из всего этого вышла одна гадость», — писал Помяловский по другому поводу, но как будто специально о нас. Мало того что невозможно было просто прогуляться без того, чтобы тебя не отловили с треноги в видеоискатель и не сунули в нос микрофон, озадачив глупым вопросом, нельзя было и заняться работой — обязательно помешают. Туман эти стервятники кляли только в первые дни. Потом обнаружили, что в тумане очень удобно незаметно подкрасться к очередной жертве, прежде чем та смоеся подальше от микрофонов и объективов.

Иным станциям можно было лишь завидовать — к ним в захолустье никто не летел. Самую горькую чашу пришлось испить Амундсен-Скотту, Мак-Мёрдо и нашей Новолазаревской.

Вы видели остолопа, прилетевшего на станцию Амундсен-Скотт одетым в шорты и майку на том основании, что экватор — везде экватор? Я видел. И не одного. Другой умник на том же основании захватил с собой в Новорусскую крем для загара и уйму флаконов репеллента от москитов, оводов, клещей и чуть ли не мухи цеце. Куда больше ему пригодился бы непромокаемый плащ с меховой подкладкой.

Зато почти никто из телевизионщиков не привез с собой палаток, печек и провианта — все почему-то были убеждены, что мы непременно обеспечим их жильем со всеми удобствами и разнообразным калорийным питанием. Негодованию и обидам визитеров не было конца: они ведь готовы платить! Как будто мы были рады скормливать свои ограниченные запасы этой прожорливой саранче! Банковским билетом в Антаркти-

де сыт не будешь, он несъедобная целлюлоза. Ящик консервов куда нагляднее, весомее и полезнее.

Тейлор убеждал стиснуть зубы и терпеть. Визитеров кое-как размещали и кормили, даже не требуя с них запредельных сумм за полный пансион. Вы думаете, кто-нибудь из них оценил это? Если вам так кажется, значит, вы либо никогда не общались с тележурналистами, либо сами из их числа.

Но если бы они хотя бы не мололи на весь мир всякую чушь!..

Мне даже пересказывать не хочется, что они выдумывали, каждый раз облакая свои фантазии в такую форму, что телезритель с умеренным интеллектом не мог и заподозрить, что дело нечисто. Главными объектами атак стали наша идеологическая база (которая у нас практически отсутствовала) и быт (который был как на ладони). Как хочешь, так и интерпретируй увиденное, и снимай только то, что подтверждает концепцию, все равно никто не проверит.

На то и свобода, верно?

Особой популярностью у телеоператоров пользовался диджей Самоклюев, добрейшей души человек и беззаветный трудяга, имевший на свою и нашу беду дегенеративно-уголовную внешность. За ним охотились особенно истоиво. Стоило недосмотреть, как он, конфузясь и теряя дар речи, оказывался в кадре — делай выводы, зритель! Рейтинг популярности Самоклюева был на порядок выше, чем у большинства аборигенов Новорусской, и на два порядка выше, чем у благообразного Коли Пятко, ни капельки не похожего на садюгу-расчленителя. В конце концов я сослал «урку» на седьмой километр, подальше от телекамер, — он и не возражал.

Не распускать ни языков, ни кулаков — это тяжелое правило антаркты усвоили довольно скоро. Тонко чужавший общее настроение Тохтамыш так и не понял, почему нельзя кусать пришельцев за ноги, и, получив раза два по хребту, обиделся. Зато некоторые из моих двуногих сограждан научились так давать интервью, чтобы из него никоим образом нельзя было выдрать одиозное высказывание, и можно было ставить пять

к одному, что в эфир такое интервью не пойдет. Я же любой свой ответ тележурналистам заканчивал лозунгом: «Выбирайте свободу — переезжайте в Антарктиду!» — и лучезарно улыбался.

Они-то тоже лыбились в ответ, но, думаете, мои слова хоть раз прозвучали с телеэкрана?

Черкните мне адресок для переписки, а лучше приезжайте в гости, если вы правда так думаете. Я выкрою для вас время: меня всегда приводили в умиление дети и наивные взрослые.

Так и шло — неделя за неделей.

Наконец наша пропаганда начала давать плоды: появились реальные переселенцы. К счастью, мы уже могли их принять — заботами Шимашевича у нас появились разборные домики.

Полторы тысячи. Мы собрали один на пробу: ничего, поставить печку — и можно жить. Две комнатенки. Для четверых очень даже комфортно, и при новом жилищном кризисе есть резерв для подселения.

Новолазаревская — по-моему, лучшая из бывших российских станций — приняла всего лишь сотню домиков: перетаскивать их тракторами восемьдесят километров от побережья до станции по рассеченному трещинами, а теперь еще и тающему леднику — упражнение для «Русского экстрима». Станция Беллинсгаузен, как известно, находится по ту сторону Антарктиды, и мы разорились бы на дополнительном фрахте. Оставались Мирный и наша Новорусская. По семьсот домиков на станцию.

Каждому было ясно, что это чересчур много — задохнемся. Никто не планировал, что на наших станциях когда-нибудь будет жить несколько тысяч человек. Они для этого просто не предназначены — рельеф местности мешает расти вширь. Две сотни дополнительных домиков — предел. Для постройки нового поселка взамен планировавшейся станции в оазисе Гирсона у нас просто-напросто не хватало транспортных мощностей.

Ау, никому не нужен щитовой домик? Для садового участка? Уступим недорого, можно в рассрочку.

Мы скинули по сотне домиков индусам, бельгийцам, японцам, австралийцам и полякам — и все равно их у нас оставалось больше, чем надо. На экстренном совете решили спешно расконсервировать Молодежную. Авральная бригада добровольцев погрузилась на «Фестиваль» и отбыла приводить занесенную снегом станцию в божеский вид. Эх, как я им завидовал!.. Что нужно, чтобы дать отдых закипающим мозгам? Правильно: поработать руками, ногами и горбом. Хоть немного. Хоть сутки. Но даже в этом мне было отказано.

Скоро выяснилось, что я оказался оптимистом еще почище Непрухина: рассчитывал почему-то, что переселенцы будут прибывать к нам семьями, а мы каждой семье — сразу домик!.. Ага! Семей было до смешного мало; все больше прибывали какие-то несерьезные типчики-одиночки, движимые стремлением не столько укорениться у нас, сколько поглазеть на нашу экзотику.

Редкий день мы не принимали самолеты — как правило, из-за погоды. Но стоило чуть поутихнуть стоковому ветру и немного рассеяться туману, как в небе принимались кружить, запрашивая разрешение на посадку, иногда до трех самолетов одновременно.

По морю к нам тоже прибывали. Плавсредства были самые разнообразные. Хорошо помню набитую битком морскую баржу, громящую ржавыми листами обшивки, болтающейся на шпангоутах, как лохмотья на нищем. Не могу объяснить, почему она держалась на плаву. Жаль, что мне было недосуг поинтересоваться биографией данного судна. Сильно подозреваю, что в дни своей юности этот водоплавающий Мафусаил развозил по тихоокеанским островам самурайские десанты.

Витька Жбаночкин пострадал из-за знания трех языков. Оставив на время метеорологию, он занимался вновь прибывшими.

— Кто вы по профессии?

— Композитор.

— Прекрасно. Вот губная гармошка, сыграйте на ней что-нибудь вашего сочинения.

— На этом?!!

— Можно попросить принести гитару. Она не очень расстроенная.

— Вообще-то я сочиняю только электронную музыку...

— До свидания.

— В смысле?

— В смысле: до свидания. Приезжайте, когда приобретете полезную специальность. Или вы готовы пойти в чернорабочие? Нет? Я почему-то так и думал.

— Э-э... Разве вашему балагану не нужен государственный гимн?

— Нужен. Только не балагану, а Свободной Антарктиде. Кроме того, государственные гимны исполняются не на синтезаторах. Как только напишете партитуру для оркестра — загляните к нам на огонек. Следующий!

Очередь, начинающаяся у двери Витькиного домика, извивалась питоном, хвост ее терялся в тумане. В очереди переругивались на нескольких языках, простуженно чихали и кляли неповоротливость службы иммиграции Свободной Антарктиды. Кляли зря — Жбаночкин работал быстро.

— Профессия?

— Инженер, специалист по строительству буровых платформ на шельфе.

Редкая добыча! Жбаночкин напрягся:

— Последнее место работы? Причины ухода? Семья есть? Чем вас привлекает Антарктида? Сколько надеетесь у нас зарабатывать? Ах, дело не в этом? А в чем? Желаете стоять у истоков?

Уловив главное, Витька записывал для памяти в блокнот: «Честолюбец. Мечтает о месте в истории. Если вдобавок еще и терпелив — может принести пользу», после чего дружелюбно обращался к иммигранту:

— Вещи можете оставить здесь. Ступайте на склад, возьмете там разборный домик, один комплект. Вам его отбуксируют трактором куда надо. Гвозди и молоток — у Недобитько, с возвратом. Я кого-нибудь пришлю вам в помощь. Управитесь до темноты — вы наш, а не управитесь... — И Витька разводил руками. — Следующий!

Почти каждый из отвергнутых скандалил, крича, что мы де гарантировали, что примем всех, всех без исключения! В ответ на эти наглые инсинуации Витька, по-змеиному улыбаясь, указывал пальцем на туман за окном:

— Да вот она, Антарктида-то! Целый континент! Мы ж не собаки на сене... Живите, ежели хотите, только не с нами, а подальше, за горизонтом. Что? Разве мы обещали, что обеспечим всех прибывших комфортными условиями проживания? Да что вы говорите! Прочтите внимательно наше обращение, только не здесь, а за дверью... Следующий!

Витька жаловался, что сам себе напоминает того петуха, что разгребает навозную кучу в поисках жемчужных зерен. С той разницей, что настоящему петуху неведома брезгливость.

Впрочем, не менее половины отвергнутых, облегчив душу руганью и помыкавшись, соглашались временно заняться неквалифицированными работами. Многие из них, не выдержав, сбежали следующим самолетом, смачно плюнув напоследок на шестой континент, но многие оставались, увеличивая население Новорусской. Сами того не замечая, недели через три-четыре они становились антарктами.

— Следующий! Вы что умеете? Понял. «Могу копать, могу не копать», да? Возьмите у Недобитько лом, нам нужны новые выгребные ямы. Да, во льду. Вам покажут, где долбить. Битый лед надо собрать и отнести на укрепление ветрозащитной стены — сообразите сами, где лучше его пристроить. Следующий!..

Исключения делались только для полинезийцев, чьи острова занесло за Южный полярный круг. Еще на Конгрессе мы сочли себя обязанными принять их (полинезийцев, а не острова) безоговорочно и по мере возможностей обеспечить жильем. За наш счет.

Хороша задача! Не раз я просыпался ночью, узрев во сне кошмар: тысячные толпы канаков, штурмующие наши берега. Где бы мы раздобыли им жилье?

К великому счастью, островитяне за редкими исключениями не настолько хворали головой, чтобы гореть желанием жить среди айсбергов, которые растают лишь при их отдален-

ных потомках. Тех немногих, что все-таки прибывали к нам, мы худо-бедно обеспечивали — теснились сами, сколачивали из чего попало фантастические хибары, скрипели зубами, но держались. Теплолюбивые полинезийцы держались гораздо хуже — самые упорные из них, не впавшие в беспросветный ужас при виде вечных льдов и не отказавшиеся сойти на берег, как правило, оставались у нас до первой возможности смыться — куда угодно, лишь бы подальше. Были и исключения, но в количестве столь мизерном, что о нем не стоит и упоминать.

Было и еще одно пугало, пострашнее: предсказанное Тейлором нашествие китайцев. Но в первый месяц нашей независимости в Антарктиду переселилось всего лишь полтора десятка китайских семей, да и те разместились не у нас в Новорусской, а среди соплеменников. На всякий случай Жбаночкину было спущено указание: проявлять к китайцам (буде появятся) особую разборчивость.

Пусть остаются, если что-то умеют и хотят делать. И пусть катятся ко всем чертям, если заведут у нас обычную для хуачя круговую поруку — мы не подряжались содержать убогих и ленивых! Чайнаантаркт — антаркт, а не китаец, запомнили?

Те же предосторожности в несколько меньшей степени относились к индусам и малайцам.

К жилищной проблеме добавилась продовольственная. Наши запасы, которых, как мы наивно предполагали, должно было хватить минимум на год, грозили иссякнуть к середине лета. Хорошо еще, что команда, посланная Шимашевичем за домиками, привела арестованный траулер, полный рыбы. Минтай и нототения пошли на холодный склад, а траулер под нашим контролем еще дважды ходил на промысел и возвращался с уловом, после чего был отпущен восвояси. (Не сомневаюсь, что браконьеры сейчас же вновь набили трюмы в наших водах, ну да черт с ними. Не с водами, а с браконьерами — за всеми не угонишься!)

А печи для обогрева, а самодельные плиты для кухонь, а посуда, а инструмент, а еще сотни и сотни разных мелочей?

Кто мог, работал в мастерских, кто не мог — на строительстве и благоустройстве, но хватало и бездельников. Непрухин

орал и карал, да и я чувствовал, что моего самообладания надолго не хватит...

Я знаю, вы скажете, что все это скучные подробности. Однако попробуйте-ка представить себя на моем месте! «Сделай сам!»

Шимашевич в ответ на мои намеки и прямые вопросы — когда, мол, состоится обещанная конференция? — не мычал и не телился, а его телохранители буравили меня уголовными взглядами. «Антарктида online» то и дело передавала в эфир наши призывы к взаимовыгодному сотрудничеству на основе признания нашей суверенности. Старались и посвященные Свободной Антарктиде интернет-сайты — их количество перевалило за два десятка. Самое удивительное, что далеко не во все из них мы вложили свои денежки. В ООН никак не могли договориться о новом статусе Антарктиды, а статус, сложившийся де-факто, не желал признавать никто. Серьезные бизнес-круги выжидали, когда можно будет безболезненно урвать свой кусок пирога.

Уходило драгоценное время. Чем попало, но больше спиртом, был отмечен месячный юбилей со дня провозглашения независимости. Ни одно государство, за исключением республики Кирибати, переехавшей к Южному полюсу и вымерзающей, не выразило готовности признать нас, да и Кирибати, единожды издав писк, больше не высывалось. А Шимашевич все не телился. Миновал март, начался апрель...»

Глава 7 МАЧО

— Международная конференция по Антарктиде начнет работу в Женеве ровно через две недели. Приглашение представителям Свободной Антарктиды принять в ней участие будет послано завтра.

— Сегодня второе апреля, — не очень любезно напомнил Ломаев.

Он был зол. Когда ему сказали, что с ним хочет говорить Шимашевич, он крикнул с большим неудовольствием и направился было к легкомысленно-разноцветной, как цирк шапито, палатке. Оказалось — Шимашевич звал на «Кассандру». Поднимаясь по трапу на палубу из резиновой лодки, Ломаев уже кипел. Конечно, набоб не снизошел сам сойти на берег для разговора. Геннадий Ломаев ему мальчик на побегушках!..

Даже ослепительная чистота на палубе красавца-теплохода и вызывающая роскошь внутренних помещений не произвели на него должного впечатления. К тому же ему не было предложено ни напитков, ни даже пепельницы. Было предложено только кресло — хорошее, впрочем, кресло. Мягкое, обволакивающее. Коварно приглашающее расслабиться и уснуть.

Шимашевич прищурил один глаз, а вторым внимательно осмотрел конгрессмена.

— Совершенно верно. Конференция откроется шестнадцатого.

— Я это к тому, что первое апреля было вчера, — недовольно пробасил Ломаев и принялся разминать заскорузлыми пальцами огромные фиолетовые мешки под глазами. Через несколько секунд он встрепенулся и выразил в воспаленных щелках над фиолетовыми мешками надежду пополам с недоверием. — Правда, что ли??!

Он знал, знал, конечно, что в кругах, где привык вращаться Шимашевич, отпускать подобные шуточки в деловом разговоре, хотя бы и первого апреля, — сильнейший моветон. Он знал, что в ответ на высказанное вслух подозрение в розыгрыше партнер вправе облить его ледяным презрением. Он просто ничего не успел с собой поделать — восклицание вырвалось рефлексивно.

Но антарктический набоб лишь улыбнулся уголком рта — ничего, мол, все понимаю, готов сделать скидку и войти в положение.

— Плохо выглядите, — почти участливо констатировал он. — Не высыпаетесь?

— Есть такое дело...

— Сколько ночей не спали? Две? Три?

— Не помню, — честно сознался Ломаев. — А какое это имеет значение?

— Лично для меня — никакого. Зато это имеет некоторое значение для Антарктиды. Если не ошибаюсь, кандидатуры наших представителей утверждены Конгрессом в таком составе: Шеклтон, Ломаев, Чаттопадхьяя, Кацуки. Верно?

Ломаев кивнул, отметив про себя, что набоб не только правильно выговорил индусскую фамилию, но и впервые употребил в разговоре притяжательное местоимение «наших» применительно к Антарктиде. Уже прогресс.

— Хорошо, что нет ни американцев, ни китайцев, — прокомментировал набоб.

Ломаев отмолчался. Наверняка Шимашевич был прекрасно осведомлен о том, какие баталии разворачивались в комитетах и подкомитетах Конгресса по поводу кандидатур. Сначала хотели было включить в состав делегации по представителю от каждого комитета, коих насчитывалось уже одиннадцать. Были и предложения составить делегацию из представителей каждой антарктической народности, то есть увеличить ее состав еще вдвое. Почему тогда не взять по человеку от каждой станции? Ау, кто больше?

Здравый смысл победил в тяжких усобицах. Делегация — три, максимум четыре человека. Состав — интернациональный. Китайцев не допустили, чтобы не возбуждать подозрений насчет великодержавности. Китайская диаспора натужно согласилась, но взамен потребовала, чтобы не было также и американцев, и на этой позиции стояла несокрушимо, как Великая стена. Тейлор демонстративно подал в отставку. Кончилось тем, что отставку едва не приняли, а Троеглазов употребил все свои способности дипломата, чтобы убедить «униженных и оскорбленных» в том, что таковыми они не являются.

— Вы намерены лететь в Женеву? — спросил Шимашевич.

— Да, — сказал Ломаев. — Еще не знаю как, но да.

Он и Шеклтон попали в состав делегации и как авторы исторического манифеста, и как члены комитета по внешней по-

литике. Любитель всевозможного саке Такахаши Кацуки — как представитель науки. Скромный индус Четан Чаттопадхьяйя со станции Маитри оказался компромиссом, устроившим всех обделенных. Кроме того, он в молодости окончил юридический факультет Оксфорда и мог оказаться полезен в дебатах.

— Как — моя забота, — отрезал Шимашевич. — Вопрос в другом. Вы намерены лететь в Женеву В ТАКОМ ВИДЕ?

Ломаев вздохнул. Ломаев провел ладонью по лицу, нащупывая новые морщины. Ломаев помассировал страшные подглазные мешки. Ломаев погрузил кисть руки в дебри дикой бородищи и энергично почесал там.

— Зеркало у вас за спиной, — подсказал Шимашевич.

— И без зеркала вижу, что на босяка похож, — неохотно проворчал антарктический конгрессмен. — Ладно, займусь собой, как только найдется свободное время. Бороду надо совсем сбрить, наверное...

— А в баню?

— Обязательно.

— Может, прямо сейчас? — почти равнодушно предложил Шимашевич. — Вы какую предпочитаете: русскую, финскую, турецкую, тайскую?

— У вас тут всякие, что ли, есть? — поразился Ломаев и сейчас же подобрал язык. Чему, собственно, удивляться?

— Так какую же?

— Спасибо, никакую. Дела, знаете ли. Разве что вечером на станции... решено! Натопим и помоемся. Банный день.

Шимашевич фыркнул и развеселился:

— Так ее, блин, еще и топить надо?

— Ясно, надо. Углем топим.

— А у меня всегда натоплено. И банщик есть, и парикмахер свой, и массаж можно сделать, и маникюр... Решайтесь. Я с вами попарюсь за компанию. Для справки: ориентация у меня нормальная. И запомните, в бане не моются, а парятся. Ну?..

Покачав головой и неискренне вздохнув, Ломаев указал кивком на часы:

— Время...

— Время — деньги, — отрезал Шимашевич. — Если хочешь делать деньги, не жалей времени хотя бы на имидж... Послушай, ты, неряха! Я вложил в наше совместное предприятие чертову уйму денег! Я не желаю, чтобы они пропали из-за того, что ты привык выглядеть как лесосплавщик! На твою рожу полмира смотреть будет. Я из тебя джентльмена сделаю... или нет, антаркта! Настоящего мачо. Мужественного обветренного красавца. А время на этом ты только сэкономишь. Да или нет? — Набоб выглядел не на шутку рассерженным. — Если нет, то я сегодня же собираю манатки, все равно здесь ни хрена не выйдет... Да или нет?!

— Да, — сказал Ломаев и впервые за много дней засмеялся столь раскатисто, что в палисандровую дверь сунул бдительный нос кто-то из охраны — и тотчас сгинул, убедившись, что все в норме.

— Чего ржешь? — сердито спросил Шимашевич и неожиданно тоже прыснул.

— Я думал... думал, ты...

— Не мужик, что ли? Ошибаешься. Айда сперва в русскую, а там посмотрим...

Набоб плескал на каменку квасом, и та жутко шипела, как клубок потревоженных гадюк. Первый заход выдавил из тела Ломаева устрашающее количество грязного пота. Когда не стало мочи терпеть, конгрессмен выскочил из парной под душ, смыл грязь и с воплем ухнул в бассейн. Через минуту вода в бассейне колыхнулась вновь, принимая тело Шимашевича.

— Ну как?

— Хорошо-о, — промычал, блаженствуя, Ломаев. — Только вода теплая.

— Пятнадцать градусов.

— Я и говорю — теплая... У нас на Востоке при минус шестидесяти выбегали и в снегу катались — это был экстрим! Даже при минус двадцати сугроб ядренее проруби... Не все решались.

— А ты?

— Я — да. Потом в парилке минут пять стучишь зубами и пятки кверху — отогреваешь...

— А после бани?

— Разводили спирт в строгой пропорции: сколько на дворе градусов ниже нуля, такова и крепость. Не знаю, что бы мы делали, если бы столбик упал ниже девяноста шести...

— Но ведь не падал?

— На Востоке — нет, хотя он и полюс холода. А вообще по Антарктиде — бес знает. Может, где-нибудь и за сотню переваливало, только некому было мерить. Близ полюса Недоступности или на плато Аргус вполне могло быть, там высоты под четыре тысячи. Ну, теперь-то такого нигде не будет...

— Жалеешь? — спросил Шимашевич.

— О холоде? Я что, похож на ненормального?

Второй заход — уже с веником. Хлестали себя пока щадяще — готовили кожу к основной процедуре. Шимашевич хотел было заменить квас водой с добавкой масла эвкалипта, но Ломаев не одобрил. До боли родной аромат березы и дуба кружил голову конгрессмена.

— Придет время — и у нас будут леса, — сказал он. — Какую-нибудь тундровую березу и сейчас можно в оазисах высаживать — не вымерзнет, зуб даю...

— И на Марсе будут яблони цвести, — ехидно поддакнул Шимашевич.

— Наплевать на Марс. А яблони у нас еще лет сто цвести не будут. Зато вот березы...

— И дубы. — Набоб не желал расставаться с иронией. Было заметно, что он отводит душу, и одно мгновение Ломаев даже сочувствовал ему: наверное, нечасто набобу удастся побыть просто человеком.

— Дубов у нас и сейчас сколько угодно, только они двуногие...

На третьем заходе позвали банщика. «Сначала его», — указал Шимашевич на Ломаева. Банщик, мужчина средних лет с брюшком, под которым примостился набедренник, похожий на древнеегипетский, и столь выпуклыми глазами, что Лома-

ев заподозрил, что они сидят на стебельках и при случае могут обеспечить круговой обзор, понимая кивнул и одним ловким движением заставил жертву расстелиться на полке, одновременно кантанув ее на живот. Взмахнул над потной спиной двумя вениками, разгоняя жар.

— Хорошенько его, Туркин! — приказал набоб, и банщик кивнул: не извольте, мол, сумлеваться.

— О-о-о-о-о!.. — сладко мучаясь, простонал Ломаев.

Это было только начало. Следующие десять минут показались ему тремя часами сладкой пытки. Веники порхали легкими мотыльками, вгоняя в ватное тело нестерпимое блаженство. Наконец банщик решил, что клиент подготовлен к основной процедуре, переменял веники с березовых на дубовые и принялся с оттяжкой лупить его по спине и ниже.

— У-у-у-у-у!.. — завыл Ломаев, поняв, что до сих пор испытал лишь цветочки, а ягодки — вот они.

Затем он был перекантован на спину, и все повторилось сызнова. А когда — миллион лет спустя и не на этом свете — ему было позволено встать, он вылетел из парной со скоростью извергнутой вулканическим кратером раскаленной бомбы. Дробно протоптав мимо пятнадцатиградусного бассейна, он хотел было плюнуть в него в знак презрения, но не успел — чересчур торопился. Голый, как Адам, весь в дубовых листьях, как штурмбанфюрер, и целеустремленный, как боевая торпеда, он вихрем взлетел по трапу, по пути едва не сбив с ног шкафообразного мальчика из охраны набоба, выскочил на верхнюю палубу, перемахнул через фальшборт и без крика полетел «солдатиком» в свинцовую воду, лениво колыхавшуюся пятью с гаком метрами ниже.

Ударило по пяткам. Ожгло холодом. Сковало суставы. Вот это была вода, а не тепловатая озонированная субстанция в бассейне у Шимашевича! Это была настоящая антарктическая морская ванна!

Не десять намеренных когда-то градусов — гораздо ниже. Уже потом Ломаев сообразил, что стекающие с ледника ручьи успели вновь охладить прибрежные воды почти до нуля, от-

теснив от берегов теплые течения. И все же плавать в ледяной воде было куда приятнее, чем кататься в кусачем снегу при минус шестидесяти...

Дергаясь по-лягушачьи, он выскочил на поверхность и удовлетворенно ослабился: оказывается, он сиганул с того борта «Кассандры», где был спущен трап. А ведь ничуть не подумал о нем, ломанулся наугад... Вот нырнул бы с другого борта — и либо плыви вокруг, либо подныривай, либо мерзни, жди, пока втащат...

Над фальшбортом уже торчали квадратные торсы охранников. Кто-то менее квадратный и в фуражке — наверное, капитан или старпом, — неразборчиво орал, указывая перстом куда-то в открытый океан. Полсекунды спустя в указанное место нацелились стволы полудюжины автоматов. Мощными саженками Ломаев достиг трапа и живо вознесся на палубу — голый и жаркий. Вгляделся в жидкий свинец за бортом.

— Эй, не вздумайте! Это никакой не леопард, это крабод...

Небольшой и совсем не страшный тюлень-крабод в последний раз высунул усатую башку и, как видно, не найдя в «Кассандре» ничего интересного, унырнул в глубину.

Охранники опустили оружие с явным облегчением. Крабод не крабод, леопард не леопард, акула не акула, а застрелишь животину — будешь объясняться с помешанным на экологии боссом. Кому охота? Черт знает, кто для него ценнее — тюлень или гость. Инструкций не поступало...

— Зря, — только и рискнул высказать старший в охране голой вип-персоне. — Последнее время тут и косатки ходят, и акул много появилось. Большую белую позавчера видели... на самой поверхности. Метров на пять рыбка...

— И никто не соблазнился выстрелить?

— Нам-то зачем? Ее и так косатка рвала на куски. Природный процесс.

Ломаев молча покивал в ответ. Он слышал от Нематодо, что-де ни одного достоверного случая нападения косатки на человека еще не зарегистрировано, однако кто может знать, как там оно было на самом деле... Может, некому было регистриро-

вать. А насчет грядущего немереного богатства антарктической ихтиофауны Ломаев знал и без Нематодо. Где под тропическим солнцем плещутся холодные, богатые кислородом воды, там и планктон. Где планктон, там и рыба. Где рыба, там пингвины и тюлени. Где рыба, пингвины и тюлени, там и акулы. А где рыба, пингвины, тюлени и акулы, там и косатки. Пожалуй, развивать в здешних водах дайвинг-туризм пока еще рановато. Разве что рассадить дайверов по прочным клеткам...

Когда наплававшийся в бассейне Шимашевич вернулся в роскошно обставленный предбанник, голый Ломаев сидел на диване и, держа в руке пивную бутылку, разглядывал ее с великим подозрением.

— Что не так?

— Да вот поймал тут одного, послал за пивом, — сознался Ломаев. — Ну, гляжу, несет... Я и глотнул. Что, блин, за жидкость?

— Пиво. — Шимашевич засмеялся. — Еловое пиво.

— То-то и чувствую, — недовольно прогудел Ломаев, — то ли пива отхлебнул, то ли шишку съел. Вот ведь пакость... В какой дыре такое варят?

— Кое-где варят. Это сингапурское.

— Ну да, они умные, сами не пьют, для дураков производят...

— Туркин, пива!

Не прошло и минуты, как банщик внес чеканный серебряный поднос с двумя запотевшими кружками.

— «Миллер» подойдет?

— Спрашиваешь! — Истосковавшийся по пиву Ломаев испытал сильнейшее слюноотделение. — Не «Сибирская корона», но все же...

— «Корону» любишь? Туркин, перемени!

И кружка исчезла из-под носа вождедеющего Ломаева, а взамен с дивной быстротой появилась другая. Сделав глоток, Ломаев почувствовал себя наверху блаженства.

— Туркин, анекдот!

Рассказанный банщиком анекдот оказался настолько похабным, что на первой же фразе Ломаев сконфуженно хрюк-

нул, и настолько смешным, что по его изложению конгрессмен и набоб загрохотали в два горла.

— У-у-уйди-и!.. — выдавил Шимашевич. — Нет, я не могу...

И снова заржал.

Банщик ушел — наверное, пить отвергнутый «Миллер», чтобы добро не пропадало. Нахохотавшись до колик, Ломаев погрузил нос в пену и единым глотком всосал полкружки.

— Не спеши, — посоветовал Шимашевич. — Это последняя.

— Не понял. Что, вообще последняя??!

— Для тебя — да.

— Так она же первая! — возразил Ломаев.

— И достаточно. Будешь пить минералку. Не мне в Женеву ехать, а тебе, и ты о спиртном забудь.

— А еще что на мою голову? — Ломаев ухмыльнулся. — Тренажерный зал? Массаж тайский?

— Не держу, — отрезал набоб. — Лечебный массаж тайцы слямзили у японцев, а массаж эротический придуман ими в качестве экзотики специально для американских моряков. Пользы — ноль. Удовольствие, между прочим, тоже сомнительное. И о бабах тоже забудь: мачо не должен выглядеть потасканным...

Будущий мачо с сожалением допил пиво.

— Теперь куда? Ты что-то говорил о разных банях...

— Выбирай, — щедро предложил Шимашевич.

— М-м... сауна, может быть?

— Ты в ней был.

— Гм... Что-то не припоминаю. Когда?

— Только что. Настоящая финская сауна ничем не отличается от русской парной. Жариться в сухом воздухе выдумали немцы, а не финны. Дрянная выдумка, между прочим, только уши горят почему зря. Еще и название присвоили.

— Вот ведь... — покачал головой Ломаев. — Век живи, век учись.

Он легко согласился вкусить прелестей турецкой бани. Как ни удивительно, натоплено было не очень жарко, зато посреди

помещения на локоть над полом возвышалась восьмиугольная беломраморная платформа метров четырех в поперечнике.

— Ложись с краю и медленно ползи в центр. — Шимашевич показал пример.

Периферия платформы оказалась просто теплой. Немедленно захотелось разнежиться и вздремнуть, как на прогретой солнцем скале у ласкового моря. Зато в центре — Ломаев, дотянувшись, пощупал — можно было печь оладьи, чуреки и людей. Э нет, так мы не договаривались... Ломаев твердо решил не выползать из границ комфорта.

Слегка передвинулся — нормально... Передвинулся еще и стал понимать, что такое восточная нега. Переполз еще чуть-чуть и снова не умер, даже не зашкворчал, а оказался в раю, и — прав Шимашевич! — сейчас ему не требовалось никаких райских гурий.

— Туркин, готовься! — крикнул набоб.

— Всегда готов! — донеслось в ответ из предбанника.

— Он у тебя на все руки мастер, что ли? — спросил Ломаев.

— Именно на руки. Сейчас почувствуешь. Но турецкую баню он особенно тонко понимает. У Туркина, между прочим, бабка турчанка, так что это у него фамильное...

— А разве бывают турчанки-банщицы? — удивился Ломаев. Шимашевич задумался.

— Не знаю, — признался он, и тут явился банщик.

Он уже не спрашивал, кого тут первого, и, взгромоздившись на мраморный помост, по-совиному ухнул и сразу насел на Ломаева. Тому лишь вспомнилось: «Мужик и ахнуть не успел...», — а дальше мысли сосредоточились на одном, но главном: выжить бы. Пугающе громко хрустели суставы, выворачиваемые, казалось, с корнем. Вспоминались костоломные орудия инквизиции и русский «Обряд, како обвиняемый пытается», читанный некогда из любопытства: «Естли же и потому истины показывать не будет, снимая питанного с дыбы, правят руки, а потом опять на дыбу таким же образом поднимают для того, что и через то боли бывает больше...»

От средневекового истязания процедуру отличала некоторая художественность движений банщика, а главное — то, что Ломаев не ощущал совершенно никакой боли. Ему это начинало даже нравиться. За плечевыми суставами последовали локтевые, затем пришел черед ног, таза и позвоночника. Ломаев нисколько не удивился, узрев перед носом собственную пятку, свисавшую откуда-то сверху, как фонарик рыбы-удильщика. Он подумал, что сейчас его можно без труда завязать в заковыристый морской узел — все равно в нем больше не было костей, один податливый каучук. И тут же сладкая пытка окончилась.

В руках банщика откуда-то появилась горячая простыня, свирепо исходящая паром, и эту простыню он быстро, но тщательно намылил, свернул в кокон, ловко закрутив углы, после чего начал возить коконом по спине Ломаева, отчего мыльная пена полезла сквозь мокрую ткань, как из раструба пеногасителя, в количестве совершенно невероятном. И сейчас же настал черед жесткой рукавицы, коей банщик выдраил клиента лучше, чем матрос медяшку. Окатиł водой — свободен! Шимашевич возлежал уже в центре восьмиугольника, плавился и как радушный хозяин ждал своей очереди.

Пошатываясь, но и ощущая себя заново рождающимся специально для великих дел, Ломаев упал в бассейн и там родился окончательно. Плавая, дожидался набоба, а набоб, чуть только пришел в себя, велел вылезать:

— Разнежился, барин! Сам же говорил: время дорого.

— Куда теперь? — покорился Ломаев.

— Стричься, бриться, кровь отворять... Шучу: маникюр делать.

Облаченный в канареечный банный халат Ломаев был провожден в незнакомое помещение и усажен во что-то, напоминавшее ему одновременно зубоврачебное кресло и ложемент космонавта. Сейчас же над его криво обрезанными, а местами попросту обкусанными ногтями запорхали женские пальчики, вооруженные щипчиками и пилочками. Две другие руки, тоже явно женские, взялись сзади за голову Ломаева и начали вертеть ее так и эдак, оценивая фронт работ. Еще пара нежных

рук, вооруженных ножничками и теркой, принялась обрабатывать застарелые мозоли на ступнях, как будто Ломаев намеревался сверкать в Женеве голыми пятками и демонстрировать их перед телеобъективами.

— Эй, эй! — возопил конгрессмен, вращая глазами в поисках Шимашевича. — Мы так не договаривались! Я думал — чуть позже... Перекур же нужен! Спасите табачного наркомана!

— Здесь не курят, — холодно ответил набоб.

— А где курят? У борта?

— Еще чего! Засорять океан бычками?! Это же рефлекс — запулить в волны окурочок. «И окурки я за борт бросал в океан» — помнишь? Ножкин спел, а я четверых остолопов из-за этого выгнал. Есть специальная курительная каюта.

— Где?!! Мне туда!

— Сиди уж. Сделаю для вип-персоны исключение... Туркин, кальян!

Сказать по правде, Ломаев предпочел бы вульгарную «Приму». Можно даже не «золотую». И лучше без фильтра.

Он только вздохнул. Что-что, а «Примы» тут, видно, не допросишься...

Ничего не оставалось делать, как снова терпеть восточную негу. Разглядев, какой субстанцией внук турчанки набивает деталь кальяна, для того предназначенную, Ломаев забрюзжал было, что никогда-де не курил подмоченные сухофрукты с истекшим сроком хранения, но покорился и цапнул зубами услужливо поднесенный мундштук на гибкой кишке. К его немому удивлению, липкие «сухофрукты», разоженные Туркиным посредством специального уголька, затлели не на шутку. При первой же затяжке в прихотливо узорчатом хрустальном кувшине заклокотало так, будто там тонул Хоттабыч, и в истосковавшиеся легкие Ломаева хлынула душистая струя непознанной азиатской ерунды с легчайшей примесью табачного дыма. Жить было трудно, но можно. Ломаев решил не спрашивать о составе тлеющего снадобья. Ясно, что не дурь. Какая-то более редкая, нежели конопля или мак, тропическая флора, а может, и фауна... Лучше не знать.

- Туркин! — окликнул набоб. — Ты турецким владеешь?
- Якында бир бирахане вар мы?
- Переведи.
- Я спросил, как пройти в пивную.
- Возьми в холодильнике. Но не больше одной.
- Чок тешеккюрлэр. Чок ийисиниз.
- Что ты сказал?
- Большое спасибо, вы очень любезны.
- Иди и не сквернословь. Иди, иди.

Вскоре Шимашевич тоже испарился, а женщина-парикмахер, оказавшаяся, кстати, и визажистом, приступила к работе. Когда дело дошло до бороды, пришлось выплюнуть мунштук. В качестве предпоследнего аккорда на лицо легла обжигающе горячая маска, отчего Ломаев взвыл и наговорил мысленно немало разных слов. Последний аккорд состоял из массажа лица с втиранием в оное кремов и гелей. А когда попытка кончилась, Ломаев не узнал себя. Из зеркала на него ошарашенно смотрел слащаво-мускулистый красавчик с ровненьким пробором и по-газонному коротко подстриженной бородкой. Исчезли шелушащиеся обмороженные пятна. Две трети морщин, честно заработанных на куполе, разгладились напроць, а оставшаяся треть смотрелась нарочито рельефно. Так мог выглядеть Грегори Пек в роли антаркта, но отнюдь не антаркт. С таким хлыщом Ломаев не только не пошел бы ни в разведку, ни в санно-гусеничный поход — он не оставил бы его на зимовку даже на самой благоустроенной из антарктических станций.

— Так надо, — хладнокровно заявил Шимашевич взбешенному конгрессмену, ворвавшемуся к набобу аки вихрь. — Носи имидж на здоровье. А что, по-моему, соответствует... Теперь одежда. Примерь пока вот этот костюм, он мне все равно велик, а в Женеве тебя обслужат по высшему разряду, я уже договорился. Теперь запоминай: с тобой свяжется человек по имени Иост ван Трек...

Вновь ступив на родной материк с перегруженной сведениемми головой и свертком под мышкой, Ломаев первым делом

задымил «Примой». Помахав рукой удаляющейся резиновой лодке, торчал на галечном пляже, пока не скурил сигарету до пальцев, — и мстительно выщелкнул бычок в серые волны.

То, что ему с новоприобретенным имиджем предстояло стать мишенью для острот со стороны коллег-соотечественников, — это было понятно. Чепуха, перетерпеть и наплевать... Не очень понятно было, чего в действительности хотел антарктический набоб. Только лишь проинструктировать да помыть-постричь? Наверное, самый правильный ответ: и это тоже. Черт его разберет, Шимашевича, у него на поверхности всегда меньшая доля, как у айсберга. Но условий не ставил, руки не выкручивал, вот что странно... Уверен, что возьмет свое и так? Похоже на то. А может, попросту приручал нужного человечка по классической русской методе — в баньке да запанибрата?

Он так и не понял, приятны ему были заботы Шимашевича или противны.

По счастью, на берег опять лег туман, и к своему домику Ломаев прокрался почти никем не замеченным. Исключение составили Тохтамыш, немедленно выразивший свое отношение к новой внешности старого знакомого озадаченным лаем, и долговязый Эндрю Макинтош, пробиравшийся вдоль натянутого леера в сторону радиодомика. Наткнувшись на Ломаева, австралиец в первый момент механически пробормотал «сорри», во второй — отступил на шаг, пристально вглядываясь, а в третий — опознал приятеля. Киноидное междометие «Вау!» выскочило из удивленно разинутого австралийского рта и завязло в тумане.

— Спаниель, — раздраженно прокомментировал Ломаев. — Доберман. Тохтамыш-второй.

Макинтош не обиделся.

— Вери найс! — объявил он, завершив наружный осмотр и заинтересовавшись свертком. — А это есть какая такая? Уот из?

По-русски он говорил еще хуже Шеклтона, но прогресс чувствовался. Полтора месяца назад, едва прибыв в Новорусскую, Макинтош знал от силы полсотни русских слов и ком-

бинировал их в самых диковинных сочетаниях. Теперь его словарь значительно пополнился. Правда, далеко не все из усвоенных им слов и выражений можно было занести в словари нормативной русской лексики.

— Обмундирование для Швейцарии. Пиджак, брюки, жилетка, галстук...

— Оу, я есть понимать, — расцвел Макинтош. — Мой большой поздравлений. Антарктик дъепломат! Биг босс Геннадий! Вери гуд кариа... как сказать... карьер, да?

— Карриер, — злобно отозвался Ломаев. — Бациллоноситель.

— Ноу! Ноу! Карриер — авианосец. Носить, держать. Подпорка, да? Богатый инглиш слов, много смыслов. У вас есть карош пословиц: «Чем дальше влез, тем больший дроф». Дроф — это русски дикий птиц, да?

— Дрофа, — поправил свежеиспеченный мачо, блеснув эрудицией. — Литтл рашен казуар.

Трое суток спустя Ломаев вылетел в Амундсен-Скотт.

На сей раз его сопровождал Игорь Непрухин, в последние недели совершенно затурканный, а ныне ошалевший от счастливой перспективы несколько часов ничего не делать. Наряду с начальниками других станций он был вызван ради обсуждения и принятия плана обороны Свободной Антарктиды на случай агрессии и обоснованно подозревал, что от перемены мест его каторжный рабочий режим не претерпит изменений к лучшему. Тем больше было оснований ценить каждую минуту перелета.

Ура, братцы, живем, выспаться можно!..

Часов для сна оказалось меньше, чем хотелось бы: летели не на привычном тихоходе АН-3, а на Ил-14, специально по такому случаю пригнанном из Новолазаревской приказом Трөглазова. Не для почета — для надежности. Пусть самолет старенький, зато двухмоторный, в случае чего дотянет и на одном, а не дотянет, так авось хоть сядет безаварийно. Даже с максимальной нагрузкой на крыло.

А груз был. Помимо Ломаева и Непрухина, самолет вез на бывший географический полюс пять сборно-щитовых домиков и три бочки солярки. Презент. Троеглазов, правда, категорически запретил пилоту брать на борт что-либо еще, кроме двух вип-персон, и вип-персонам пришлось осуществить нажим. После того как пилоту поднесли в дружеском кругу и поднесли еще и еще раз, он согласился с общим мнением, что приказ Троеглазова есть старые, неприемлемые замашки начальника экспедиции и вообще атавизм. Наутро он, правда, раскаялся, но самолет уже был загружен и решительно никто не горел желанием его разгрузить. Авиатор ограничился тем, что высказал пару мрачных пророчеств относительно предстоящего полета и махнул рукой: от винтов!

Быть может, он и нервничал в первый час полета в сплошном тумане, под которым простирались зона трещин и зона застрогов. Вип-персоны не нервничали — им было не до того. Оба вдруг с удивлением обнаружили, что совершенно не хотят спать.

Быть может, это случилось оттого, что провожали их всем поселком, сильно разросшимся за последнее время вокруг Новорусской, как растет большой кристалл вокруг кристаллизатора, и всему поселку пилот орал: «От винтов!» Как-то само собой получилось, что люди не сговариваясь потянулись на ВПП — и кучками, и по одному-двое. Никто их не звал — а пришли. Пришли все до единого старожилы-зимовщики. Пришли почти поголовно яхтсмены. Пришли новоселы, еще не получившие антарктического гражданства, большей частью не русские, а с миру по нитке: малайцы, японцы, индусы, один почему-то грек, две немецкие семьи... Шутили, смеялись, подначивали отбывающих и друг друга, и никто не сказал ненужных напутственных слов, а только у Ломаева вдруг запершило в горле. Дор-рогие мои! Хорошие мои! Как сказать-то такое, чтобы прозвучало не смешно, не выпренно и не глупо?.. А никак. И Ломаев, стыдясь и отворачиваясь, лишь помахал им рукой, прежде чем захлопнуть овальную дверцу... Антаркты!

Давно ли Женька Большой полаялся, а затем и подрался с Уховым? Едва не дошло до «стенка на стенку» — яхтсмены про-

тив зимовщиков. Чуть ли не вчера это было. Растаскивали психов — плюнуть хотелось и уехать без возврата. А ныне вон — стоят в обнимку, как лучшие друзья, хохочут над «дипломатом с имиджем». Да я клоуном выржусь, колесом пройдуся, только пусть эта сказка не кончается...

Какой уж тут сон.

— Это у нас второе дыхание открылось, — проворчал расчувствовавшийся и потому недовольный собой Ломаев. — Втягиваемся помалу. Вот ведь подлость: можно отдохнуть, а работать хочется...

— Кофе будешь? — осведомился Непрухин, извлекая из рюкзака термос.

— С коньяком?

— Нет коньяка. Вообще нет, разве что у Шимашевича, но он твой кореш, не мой... Просто хороший кофе, пей.

— Не хочу, — отверг Ломаев. — Осоловею, в сон потянет.

— Это с черного-то кофе?

— С него. Я свою кандидатскую два года писал ночами, ну и заработал парадоксальную реакцию... Спасибо, что не язвю.

Сиденье на секунду провалилось вниз и сейчас же вернулось, наподдав по копчику, — самолет трянуло в воздушной яме. Пролит горячий кофе на колени, Непрухин только ругнулся, не зашипев от боли, — Антарктида пока не давала повода сменить на шорты толстые штаны на верблюжьем меху.

— Не переживай, язвю ты еще заработаешь...

— С тобой — безусловно.

— Добрый ты, однако... Не со мной — в Женеве. Не боишься туда лететь?

Ломаев скорчил кислую мину:

— Лететь — нет, привык, а вот там... Я же не дипломат и не оратор. Ну что я там такого скажу, чтобы все нас поняли, а? Иногда — да, знаю точно, как себя вести и что говорить, а иногда как накатит... Сижу и мандражирую, дурак дураком и голова гулкая...

— Только иногда голова гулкая?

— Да ну тебя...

— Неужели еще не научился говорить на публике?

Ломаев тяжело вздохнул, став на миг еще объемнее, чем обычно.

— Орать я научился на публике и материться... Да и ты тоже.

— Значит, полдела сделано, а остальное наверстаешь. Ты порепетируй, а цивилирную публику мы тебе обеспечим. Я, Уоррен, попугай Кешью...

— Это ты-то цивилирный?

— Разве нет?

— В сравнении с попугаем — может быть. Тот просто бандит.

— Гадит? Сквернословит? Кусается?

— Он по праву рождения бандит. Мне новозеландцы об этих попугаях кеа такого нарассказывали — волосы дыбом...

Самолет вновь ухнул в воздушную яму, на сей раз прямо бездонную — пошел вниз с нарастающим ускорением, как лифт в телебашне. Длилось это целую вечность, а когда внезапно кончилось, из пилотской кабины в салон, сияя шалой улыбкой, выбрел штурман:

— В порядке?

Кивнув, Ломаев сглотнул застрявший в горле кислый ком.

— Потерпите. Когда будем падать, я вам скажу. А это — атмосферный фронт всего-навсего. Хар-р-роший попался нисходящий поток! Метров пятьсот высоты потеряли. Ничё, скоро из циклона выйдем — красота будет...

— Стюардесса, пакет! — комично-страдальчески воззвал Непрухин.

— Поищи в хвосте, там мешок из-под угля должен валяться...

— Видал? — спросил Непрухин, тараща глаза и мучительно глотая, меж тем как штурман скрылся в кабине. — Никакого тебе чинопочитания. На его глазах человек погибает, а он: мешок из-под угля... Свободные, блин, антаркты!

— А ты чего хотел? — осведомился Ломаев. — За то и боролись.

— За то, чтобы никто не рвался в начальство, что ли? Никто почти и не рвется: одна нервотрепка, а привилегий — ау!.. Хотя нет, тебя вон по блату в турецкой бане попарили, оболванили под мачо, бесплатно холю ногтей навели...

- А в глаз?
- Молчу, молчу...
- Вот и молчи.

Но молчать более пяти минут кряду Игорь Непрухин не умел и не желал учиться. Если не было насущной темы, в ход шли утконосы, а равно и все прочие объекты, пригодные для того, чтобы чесать о них язык.

Сейчас, правда, тема была.

- Ребята от твоей поездки многого ждут...
- И зря, — буркнул Ломаев. — Спасибо, если нас сразу не посадят. Вдвойне спасибо, если в самом деле выслушают, как обещали...

— Ха! Полмира за нас!

— А полмира против. Как раз те полмира, которые все и решают. Я вот что думаю: зря мы так осторожничаем с китайцами. Работать они умеют, а поддержка Китая нам сейчас во как нужна! Ей-богу, уломаю Тейлора, чтобы не кобенился, — пусть едут к нам, даром что желтые...

— Ты что, расист?

— А ты негр, чтобы задавать такие вопросы? — Ломаев критически прищурился на приятеля. — Хоть гуталином вымажись — не поможет. Больно худой и рэп не любишь. А главное, социальными льготами не пользуешься...

— Вот-вот! Антарктический начальник среднего звена, сирый и неприкаянный...

— Терпи, казак. О, гляди, солнце показалось!..

Глава 8

ХИНДИ-АНТИ — БХАИ-БХАИ!

ИЗ ЗАПИСОК ЛОМАЕВА

«...У меня было одно дело, у Игоря — другое. Само собой разумеется, нас, делегатов, знакомили с планами самообороны Антарктиды на самый худший случай.

А что может быть хуже вооруженного конфликта для тех, кто беззащитен?

Мы и были практически беззащитны — приходи, постреляй немного для остротки и бери нас голыми руками.

К тому и шло. Госдеп США был готов объявить о морской и воздушной блокаде Антарктиды — разумеется, во исполнение резолюции ООН, а как же! После чего «полицейская операция» очевидным образом не заставила бы себя долго ждать.

Вашингтонский договор — единственное, хотя и шаткое основание нашей легитимности — трещал по всем швам, но формально еще существовал. Если бы проблема ограничивалась лишь формированием соответствующего общественного мнения, США могли бы официально выйти из договора хоть завтра. Уж что-что, а рулить мозгами человеческой массы (в предположении, что у массы имеются хоть какие-нибудь мозги) там умеют. Российские СМИ по сравнению с заокеанскими просто подмастерья, пусть и талантливые. Да и нет, по правде говоря, у американского налогоплательщика привычки держать в кармане фигу, с ним проще.

Где-то в высоких эшелонах шли дипломатические баталии. Пока еще никто не мог прихлопнуть нас в одностороннем порядке, не вызвав мирового конфликта, и в этом заключалась наша надежда. По сути, нас устраивало даже торговое эмбарго — лишь бы не вторжение. Попытка удушить нас экономически могла растянуться на годы, против чего мы нисколько не возражали, хотя, разумеется, бурно протестовали против санкций как таковых. Главное — выдержать. Пере терпеть. Несколько месяцев или лет — как получится. В меру наших слабых сил мешать державам прийти к общему знаменателю в отношении нас. И в конце концов быть признанными де-факто.

Великобритания, как обычно, тащилась в кильватере США без всяких оговорок. То же, но уже с оговорками, делали Австралия, Бельгия, Норвегия, Польша и Новая Зеландия. Чили и Аргентина еще раз подтвердили свои притязания на шестой континент. Франция, Германия, ЮАР, Бразилия, Южная Ко-

рея, Япония, Украина и Уругвай выступали в целом против силового вмешательства в наши дела, хотя, очевидно, были готовы к уступкам в обмен на то-то и сё-то. Попискивали, иногда весьма назойливо, страны, вообще не имеющие отношения к «антарктическому клубу». Разразился скандал: корабли флота США перехватили в наших территориальных водах судно, идущее под флагом Папуа — Новой Гвинеи с целью высадки на материк национальной антарктической экспедиции. Еще немного, и среди нас появились бы папуасоантаркты, а у Папуа — исконные национальные интересы в Антарктиде.

Создавалось впечатление, что в Папуа просто успели подшустриться раньше других. США усилили спутниковое слежение за регионом. В самом деле, чем хуже Филиппины, Индонезия, Тайвань, обе Кореи, Малайзия, Таиланд, Вьетнам и так далее? Почему бы им не застолбить себе явочным порядком собственные «национальные интересы»? Долго ли пришвартоваться к барьеру и, вывалив на лед пару разборных домишек, дизель, радиостанцию и запас пищи для полудесятка человек, основать подобие станции? Пара пустяков.

В дипломатическом море штормило с нарастающей силой. О предстоящей конференции в Женеве говорили много, но как-то без особого энтузиазма. Сколько в этом городе было всяких конференций — а толку? Будь у меня выбор, я предпочел бы любой другой город, хоть гондурасскую Тегусигальпу, хоть индийский Тируванантапурам. Думаю, коллеги со мной согласились бы.

Любопытно, а был ли выбор у Шимашевича?

Российский орел превзошел африканского страуса, спрятав в песок сразу обе головы. Кто говорит об «осторожном и взвешенном подходе», тот не говорит ничего — отмахнуться и забыть, пусть себе талдычит. Россия отмежевывалась от конфликта. У нее была удобная позиция, а нам-то каково?

Даже перелет нашей делегации в Женеву через российскую территорию оказался невозможен. Дословно — «нежелателен», хотя что в лоб, что по лбу. Официальное нежелание видеть нас удивительным образом сочеталось с официально

же декларируемым намерением привлечь (хотя бы одного меня как россиянина) к суду по статье об измене Родине. Если кто-нибудь после этого скажет мне, что политика зиждится на логике, пусть не обижается — плюну в глаза, а потом уже начну разбираться, кто передо мной, дурак или хитрая сволочь.

Самыми непримиримыми противниками агрессии оказались Индия и КНР. Это вам не Чили и не Уругвай — это серьезно. Ударами возмездия никто пока не грозил, но это было лишь вопросом времени. А ну как часть ударов придется по нашей территории?.. Ядерные же державы!

Впрочем, мы редко заглядывали так далеко. Наша задача была проще и насущнее: не пытаться выжить в Армагеддоне, а всего-навсего выстоять на первых порах. Какое ядерное оружие? Зачем оно? На уничтожение любой нашей береговой станции с лихвой хватило бы одного залпа «Миссури» или «Висконсина». Что у нас останется после этого — Восток, Амундсен-Скотт да Купол-Фудзи? Что ж, противнику придется истратить парочку тактических ракет или применить палубную авиацию, только и всего.

Можно и не палубную. Радиус действия Б-52 достаточно велик.

Я думаю, у Шимашевича хватило бы средств и влияния, чтобы купить через какого-нибудь посредника на Соломоновых островах пусть старенькую, зато боеспособную подводную лодку. Но разве корабли охранения позволили бы ей проникнуть в боевой ордер авианосной группы да еще подойти к главной цели на дистанцию торпедного выстрела? Вот уж фантастика! А вы знаете, сколько нужно торпед, чтобы потопить современный ударный авианосец? Гораздо больше, чем число торпедных аппаратов в носу подлодки. Субмарине пришлось бы выпустить **ВСЬ** свой запас торпед, то и дело перезаряжая аппараты, и ни одна торпеда не должна была пройти мимо цели. Я не убежден, что столь блестящих результатов можно достичь даже на учебном флотском тренажере в условиях полного отсутствия противодействия со стороны «противника».

Так что же — сидеть и ждать, пока самозванные миротворцы не вывалят на наши головы гуманитарный груз осколочно-фугасного действия?

Разведанными мы не располагали. Впрочем, общую обстановку вокруг континента и приблизительную дислокацию всевозможных ВМФ мы легко отцеживали из сообщений СМИ.

Две американские авианосные группы продолжали кружить возле наших берегов и постоянно усиливались. Южная группа приняла в свой состав два фрегата австралийских ВМС и новозеландский эсминец. В трехстах милях к северо-западу проводила учения китайская эскадра. Корабли японских сил самообороны слонялись по океану приблизительно в том же районе, следя за китайцами, американцами, нами и вообще всеми. Чилийские и аргентинские корабли то и дело появлялись близ острова Ватерлоо и, ничего не предпринимая, одним своим видом подкрепляли претензии своих правительств. Наконец, в Тихий океан полным ходом шла еще одна авианосная группа — британского Grand Fleet'a. Подсчитывая боевые единицы, мы то проникались уважением к себе, то покрывались холодным потом.

— Стоп, стоп! Если считать каждый корвет, мы точно запутаемся. Прежде всего — авиаматки. Ударные авианосцы, авианесущие крейсера, вертолетоносцы... что там еще бывает?

— Тяжелые авианесущие эсминцы.

— Чего-о?

— Того. У японцев есть такие.

— А авианесущих шлюпок у них нет? Притом Япония на нас вряд ли полезет... А вот вертолетоносец — это серьезно. Чей?.. Откуда идет?.. Из Йокосуки? Ясно. Послезавтра этот йокосучий гад будет у наших берегов. Теперь сосчитаем десантные суда...

Считать-то мы могли сколько угодно, а толку? Ни F/A-18, ни «Чинук» из винтовки не собьешь, а «Стингерами» мы не располагали. В числе научного оборудования на Мак-Мёрдо, Неймайере и Дюмон-Дюрвиле имелись ракеты разных систем. Геофизические. Чье-то наивное предложение немедля пере-

оборудовать их в управляемые зенитные встретило лишь общие вздохи да печальные смешки тех, кто хоть немного в этом разбирался. Сказать-то можно. А ты попробуй сделать.

Полуофициальная-полуподпольная дипломатия, «Антарктида online», получившая статус информационного агентства, да наброски планов гражданской обороны — очень скоро мы поняли, что располагаем только этими средствами против сил вторжения.

Больше я на заседания комитета по самообороне не ходил — не хотел портить себе настроение. Зато Непрухин как начальник станции, мэр и, соответственно, комендант гарнизона Ново-русской оттуда не вылезал.

Лететь нам предстояло через Токио, Шанхай, Бхопал и Каир. Строго говоря, один из первых двух промежуточных пунктов был лишним: самолет вполне мог покрыть без дозаправки расстояние Мак-Мёрдо — Шанхай или Токио — Бхопал. Дело в том, что мы — я имею в виду Конгресс — все-таки пересмотрели свое отношение к Китаю, и посадка на его территории стала делом символическим. Как и посадка в Японии.

Шимашевич с самого начала предлагал иной маршрут: Ванкувер — Квебек — Лиссабон — Женева. В ответ на мой вопрос, не арестуют ли антарктическую делегацию прямо на борту самолета в порту промежуточной посадки, набоб лишь иронически усмехнулся уголком рта. Все у него было схвачено.

Не исключено, что его маршрут был безопаснее, зато наш вариант сулил кое-какие дивиденды в политическую копилку антарктов. Пусть небольшие. Мы не могли себе позволить разбрасываться медяками.

Шеклтон и Кацуки уже были тут (они вообще редко покидали Амундсен-Скотт), а бенгальский индус Четан Чаттопадхьяйя прилетел на следующий день после меня. Прежде я видел его мельком, но знаком не был. Смуглый, гибкий, с римским профилем, блестящими глазами, такими же зубами и, разумеется, с бзиком насчет говядины — словом, типичный индоариец, только без чалмы. В Антарктиде ему понадобилась бы чалма на меху. Он даже мог довольно сносно объясняться по-

русски — оказывается, учился не только в Оксфорде, но и у нас в известном вертепе бывшей дружбы народов имени Лумумбы, что рядом с психбольницей и крематорием. Я тоже мог похвастать успехами в языках: уже на второй день произносил «Чаттопадхъяйя» без малейшей запинки. Он-то легко позволил называть себя просто Четаном, но вызубрить вместе с именем и фамилию было для меня делом принципа.

Вдвоем с Четаном мы ликвидировали пробелы в нашем понимании текущего момента: читали через интернет прессу, просматривали записанные на пленку репортажи Си-би-эс, Эн-би-си, Си-эн-эн и прочих трехбуквенных телеканалов, вникали в ноты и меморандумы. Тейлор выделил для нашей делегации двух секретарей, быстренько приведших Эверест информации к экстрактной форме — иначе мы не управились бы с ней и за месяц. Ничего не могу сказать, ребята оказались толковыми. Отсекать лишнее американцы умеют. Умение сфокусироваться на проблеме — так это у них называется. Плохо только, что они сами решали, что для нас лишнее, а что нет, а мы не имели времени проконтролировать их работу. Оставалось слепо довериться.

И еще оставался Моисей Соломонович...

И была команда ученых Майкла Уоррена, по сей день не занимающаяся ничем, кроме собственно науки. Завидуя им в душе, я наскაკивал на Майкла, требуя участия «этих дармоедов» в более насущных, с моей точки зрения, делах. Уоррен стоял скалой, не сдаваясь и не идя на компромиссы, а Тейлор колебался, поддерживая то меня, то Майкла. Теперь в одночасье выяснилось, что я был не прав абсолютно, Тейлор не прав наполовину, а Уоррен прав на все сто. Его ребята не были дармоедами. Собранный ими материал и результаты детальных расчетов, едва уместившиеся в толстенной папке, заставили меня просидеть над ними ночь. Крепчайший кофе обеспечил Майкл, междометия были мои, а на рекомендации Шимашевича соблюдать полезный для имиджа мачо режим дня я плюнул. Какой может быть режим, когда тут такие результаты!..

Уоррен выделил нашей делегации отдельную кубатуру — один из привезенных с Новорусской домиков. Его сборкой, вставкой стекол, проводкой электричества и так далее занимались отнюдь не мы — нам было неловко, мы пытались помочь, но нас гнали заниматься более важными делами. К тому же дом был нужен нам всего лишь на несколько дней, а потом в него предполагалось поселить многодетную семью из Тайваня. Вообще поселок Амундсен-Скотт в глубине континента испытывал те же демографические трудности, что и мы на побережье. Тут жили, ютятся и теснясь, уже человек пятьсот. Сюда было много труднее добраться — зато здесь был горный курорт, хотя и без гор. Рай для сердечников, астматиков и всех, кто не жалуется насморк. (А покажите мне того, кто его жалуется!)

Жаль, что в Антарктиду пока не прибыло ни одного эскимоса, умеющего строить иглу и с комфортом жить в ледяных стенах — никаких тебе привозных стройматериалов, а из инструментов только ножовка. У нас в Новорусской ледяные дома сразу начали бы таять, а здесь стояли бы лет по десять как минимум.

Понятно, что наш презент — пять домиков — был встречен на «ура». Уоррен как раз пытался протащить через Конгресс законопроект об обложении прибрежных станций строительного топливным налогом в пользу станций глубинных, в первую очередь столицы. Нашел время!

Хотя, конечно, у кого что болит...

Состав пришельцев здесь был еще более пестрым, чем в Новорусской. В регулярных и уже успевших поднадоесть всеантарктических голосованиях иммигранты не участвовали (мы все-таки ввели годичный ценз оседлости для получения гражданства, сделав исключение для Шимашевича с его яхтсменами), часто путались без дела, внося гам и суету, занимались благоустройством станции, как они его понимали, и кормились по долговым распискам. Продовольственные и топливные запасы столицы таяли гораздо быстрее, чем мы еще недавно надеялись. Как и в Новорусской. Как и везде.

На вбитой в лед ноге-рейке торчал выверенный по компасу до градуса указатель направления на Мекку, о чем извещали пояснительные надписи, выполненные латинскими литерами и арабскими червяками. Мусульманам, во избежание азиатальной ошибки творящим намаз на льду близ указателя, выдавались молитвенные коврики из пенополиэтилена. Увидев это, Непрухин сейчас же предложил Уоррену воздвигнуть из пустых бочек минарет, но добился лишь упрека в отсутствии политкорректности. А мне стало завидно: умеют же штатники обращать внимание на мелочи! Указатель, коврики... Вроде чепуха, а комфорт. Если бы я выдумал себе религию, велящую жить стоя на голове, они сконструировали бы специальный станок, дабы я не свернул ненароком шею.

В нашем домике поставили четыре койки, четыре компьютера и одну спутниковую тарелку. Мне хотелось поставить еще тазик — уж очень часто поглощаемая нами информация вызвала рвотные позывы. За минувшие со дня «прыжка» полтора месяца антарктическая тема отнюдь не вышла из моды, мусолясь в бесчисленных «аналитических программах» и ток-шоу всех уровней глупости. Нет, впрямую ввали редко, но ведь рядовой зритель делает выводы не из собственно информации, а из ее окраски. Не то беда, что нас называли захватчиками и узурпаторами — мало ли их было в новейшей истории! Теперь даже дебилам известно, как быстро узурпатор может превратиться в национального героя, спасителя отечества и вообще симпатягу. Беда была в том, что над нами потешались. На экране то и дело мелькали наши кривобокие постройки, сколоченная из драной фанеры общественная уборная, примостившаяся в виде скворечника над трещиной в леднике, и прочие новоделы, а дегенеративная рожа дизелиста Самоклюева неизменно повторялась в кадре как рефрен.

Самое страшное, что мы вызывали не просто смех — мы вызывали брезгливый смех. Делай, зритель, вывод. Сделал? К ногтю таких уродцев? И поскорее? Умничка, сам допер. Посмотри рекламный блок и оставайся на нашем канале.

Конечно, мы тоже не сидели сложа руки. Контрпропагандой занималась не одна «Антарктида online». И не один Шимашевич. На нее тратились кое-какие бюджетные деньги, и нельзя сказать, чтобы тратились зря. Правда, впечатляющих побед в информационной войне не наблюдалось — скорее уж мы держали фронт там, где могли его удержать, и действовали партизанскими вылазками там, где чужая сила ломала нашу солому.

Проще всего оказалось договориться с российскими журналистами — они скупались на корню, оптом и в розницу, причем недорого. На странах Азии и большей части Латинской Америки мы сэкономили — они сами лили воду на нашу мельницу. Мнение Африки, как всегда, нигде не цитировалось и никого не интересовало, даже нас. Зато позарез необходимые нам публикации в СМИ стран Запада стоили дорого — у тамошних журналистов и их хозяев, видите ли, водились принципы, что означало только одно: им платят больше, чем можем заплатить мы.

Находились, однако, и те, кто был готов «расслабиться и получить удовольствие» даже за предлагаемую нами умеренную мзду. И как же они «расслаблялись»! Ей-ей, их статьи в бульварных газетенках были куда острее, чем у наших искренних сторонников!

Гневными словами о двойном стандарте никого нынче не застыдишь и не напугаешь — мы и не пытались. Гораздо надежнее поучиться у противника и избрать своим союзником смех. Кроме того, люди вообще охотнее читают фельетоны, чем передовицы. И даже серьезную аналитическую статью можно превратить в фельетон для интеллектуалов, ничуть не пожертвовав ни шириной охвата проблемы, ни глубиной ее анализа. Дело техники для хорошего профи.

И все же в евроатлантическом мире мы проигрывали информационную войну с разгромным счетом. Быть может, Шимашевич был не прав и конференцию следовало устроить не в Женеве, а в Сингапуре, невзирая на еловое пиво?

Не знаю, не знаю. Для болтовни лучше Женевы ничего еще не придумано. Для первого «выезда в свет», пожалуй, тоже. Бу-

дет ведь и второй выезд, и третий... если только нас не передуют раньше. Не исключено, что у такого колорадского жука, как Шимашевич, все-таки имелся выбор, но у нас-то его не было. Женева так Женева.

Вместо формальных верительных грамот для каждого из нас просто-напросто распечатали на принтере справки о том, что имярек наделен полномочиями представлять нашу страну на конференции. Брюс расписался, Майкл шлепнул печать, попугай Кешью каркнул с его плеча что-то презрительное, попытавшись цапнуть бумагу клювом, — и готово. Набор ксив дополняли наши антарктические паспорта. Поскольку фамилии нашей четверки каждый день передавались в эфир «Антарктидой online» и красовались на всех наших сайтах, нас было трудно обвинить в самозванстве. Что до дипломатического иммунитета, то какой же может быть иммунитет у посланцев никем не признанной страны? К тому же наша миссия официально не считалась дипломатической — нас соглашались выслушать, только и всего. Помнится, Яна Гуса тоже соглашались выслушать и даже выслушали...

Тут поневоле задумаешься о последствиях поездки лично для себя, любимого. Временами я чувствовал себя так, будто какая-то сволочь приложила к моему животу кусок льда. Да и остальные, я думаю, тоже испытывали некую вибрацию души. Однако тот факт, что никто из нашей четверки не отказался от выполнения миссии, почему-то совершенно меня не удивил. Вот ведь...»

Самолет был маленький, по-акульки острорылая реактивная птичка всего на двенадцать посадочных мест. Породы его Ломаев не узнал, да особенно и не интересовался, отметив только очень низкое шасси — характерный стиль британского авиастроения. Самолет принадлежал частной японской фирме, о чем свидетельствовали намалеванные на фюзеляже логотип компании и алый кружок восходящего солнца в прямоугольной рамочке — ни дать ни взять шаровая молния, влетевшая в окно к какому-то счастливцу.

Летели через Мак-Мёрдо — там предстояло дозаправиться. Видели снежные вершины Трансантарктических гор и лишенные снега скалы. Мечтали вслух о горнолыжных курортах, что когда-нибудь вырастут здесь как грибы после дождя, — куда там той Швейцарии! Ближе к побережью в разрывах тумана разглядели Эребус с облаками грязного пара над кратером. Вулкан просыпался нехотя, ему некуда было спешить. Суетиться, мельтешить — удел людей.

А с точки зрения медленно ползущих к океану ледников суетливой поспешностью и неврастением был вулканизм. Бах-бабах — одно мгновение, наносекунда геологической истории. И выдохся до следующей наносекундной вспышки гнева, и тишина...

Станция Мак-Мёрдо всегда поражала Ломаева размерами, многолюдностью и размахом. Если быстро растущая, но все же заштатная Новорусская смахивала на плохо спланированный поселок сельского типа, а купола Амундсен-Скотта до сих пор не позволяли величать столицу иначе, как научной станцией, то бывшая основная американская база на Белом континенте тянула если и не на город, то уж наверняка на поселок городского типа. Конечно, и здесь вокруг капитальных свайных построек прежних лет в одночасье выросли целые кварталы временных хибар, но многие ли города могут похвастать отсутствием трущоб на окраинах? Трущобы — явление нормальное при условии, что люди не задерживаются в них долго. Трущобы могут даже расти — сами по себе они не слишком высокая плата за урбанизацию.

А хуторов в Антарктиде еще очень долго не будет.

Поразило и количество семейных пар среди старых антарктов. Кое-кто с самого начала собирался зимовать не бобылем, а ко многим жены приехали уже после самопровозглашения. Функционировала школа для детей.

Было завидно. Насколько Ломаеву было известно, из числа российских жен пока перебралась в Антарктиду только одна, да и то в Новолазаревскую, где трудился механиком ее супруг. Остальные, и Ломаев тоже, довольствовались эпизодически-

ми телефонными разговорами с семьями. Оттуда, с противоположной стороны планеты, то ободряли, то принимались жалеть несчастных идиотов, то грозились вскоре приехать. Но воз был и ныне там. Американки оказались куда легче на подъем.

Или же в Штатах не существовало ничего похожего на российский ОВИР.

Остановились всего на час. Вместо обеда Ломаев сходил поклониться реликвии — домику Роберта Скотта. Постоял молча, дивясь безумной идее достичь полюса на конной тяге, везти с собой овес и сено, не понять сразу, что лошади в Антарктиде околеют — что с сеном, что без сена... Близ домика Скотта почему-то вызывал меньше уважения подвиг Амундсена, кормившего одних ездовых собак другими. Бегущий по застругам в лютый холод, честно тянущий нарты корм — было в этом что-то глубоко непозволительное для Ломаева. Больше сорока застреленных или зарубленных топором собак в обмен на право ступить на Южный полюс на месяц раньше Скотта! Беременных самок — первыми! Да, конечно, Амундсен сохранил людей, а вот Скотт этого сделать не смог. Но люди-то знали, на что идут, никто их не принуждал и не уговаривал, шли добровольцы, а собаки, которых никто не спрашивал, лягать хотели этот полюс левой задней лапой...

Идеалист паршивый, сказал он себе, закусив губу. В каком мире живешь — забыл? Успех нужен, успех! Тогда — Амундсену в Антарктиде, теперь — Антарктиде во всем мире. Любой ценой. За чей угодно счет. Слишком крупная игра. Можно восхищаться Скоттом — нельзя действовать, как он. И славою, и позором сочтемся позже. Если будем живы.

Спешили уйти от циклона, грозящего перерождением в тайфун, — поступило штормовое предупреждение. Перелет до Токио Ломаев проспал, несмотря на болтанку, и проснулся уже при заходе на посадку. Чуть только самолет зарулил на стоянку, к нему устремились два полицейских автомобиля.

— О! Никак брать нас намылились, сейчас браслеты наденут...

Такахаша Кацуки обнажил в улыбке крупные резцы и не согласился с гипотезой Геннадия-сан. По его мнению, поли-

ция была нужна лишь для эскорта гостей в специальное помещение аэропорта, отведенное под пресс-конференцию. В полном соответствии с достигнутой договоренностью.

Не правы оказались оба: полиция явилась, чтобы воспрепятствовать высадке антарктических эмиссаров на землю Ама-терасу. О пресс-конференции не могло быть и речи. Дозаправка — и немедленный вылет!

Полицейский офицер сдержанно улыбался и был непреклонен. Кацуки ругался на чем свет стоит и махал руками. Высу-нувшийся из-за его плеча Шеклтон сострил, что полицейский наряд, выстроившийся у самолета, сойдет, пожалуй, за почет-ный караул, и попросил Кацуки перевести эти слова на японс-кий, но офицер понял без перевода и только шире заулыбался, явно наслаждаясь юмором ситуации. В конце концов Кацуки демонстративно плюнул на аэродромный бетон, обвинил пра-вительство своей бывшей родины в бесхребетности и лизоблюд-стве и, заняв свое кресло, молча кипел вплоть до отлета.

Впрочем, недолго. Дозаправка прошла быстро. От резкого набора высоты заломило в висках, заложило уши. Кацуки до-стал из багажа квадратный пакет с sake и принялся приводить нервы в порядок.

— Не удалось дотронуться до родной земли? — бессердеч-но посочувствовал Ломаев, катая во рту карамельку. — Еще не все потеряно: нас еще могут «случайно» сбить зенитной раке-той — авось упадем не в море...

— Мы неприкосновенны!

— Да ну? А по-моему, никакая ксива не научит нас леви-тировать. Вот как жახнет сейчас, как отвалятся плоскости...

— Если собьют, то не над сушей, а над морем, — рассу-дительно заметил Шеклтон. — Меньше улик.

— А ты зачем встречаешь? Я, может, утешить хочу. Видишь, человек расстраивается.

— Утешить? Русский черный юмор?

— Да уж не американский фекально-генитальный.

— Йес. А почему у вас говорят: «Как собак нерезаных»? У вас их режут?

— А у вас почему говорят: «Нищ, как церковная крыса»? У вас по храмам крысы бегают?

— А у вас такой голод, что всех их уже съели?

— Э! Назад! Что значит «у вас»? У нас в Антарктиде голода пока нет...

Перепалки хватило на час, а еще через два часа приземлились в Шанхае, и здесь было все, чего душа могла пожелать: гостиница с номерами «люкс», обильный ужин и пресс-конференция, затянувшаяся за полночь. Ломаев обнаружил, что уже не краснеет от неловкости, произнося выпренные слова о «священных правах», «антарктическом единстве» и «нерушимом суверенитете». Хотелось в духе национального колорита подпустить в слова несколько тигров и драконов, но Ломаев не знал, как это сделать. К тому же добрая половина корреспондентов имела вполне европеоидный облик.

Кацуки больше отмалчивался, натужно улыбаясь. Индус Чаттопадхьяйя совсем ушел в тень. Отдуваться пришлось Ломаеву и Шеклону.

— Нам хорошо известно, насколько тонкой порой бывает юридическая и моральная грань между национально-освободительной борьбой и мятежом. Однако для постройки своего дома мы не претендуем ни на чью территорию. Поэтому никакое государство не может обвинить нас в мятеже. Это может сделать только ООН... кстати, представитель КНР в этой организации, кажется, уже предупредил о том, что от имени своей страны наложит вето на любой план, связанный с применением против нас военной силы? Пользуюсь случаем выразить руководству этой замечательно гостеприимной страны искреннюю признательность. Оно смотрит в будущее...

Если бы месяца полтора назад кто-нибудь сказал Ломаеву, что в присутствии телекамер речь из него будет литься так гладко и убедительно, он, пожалуй, послал бы пророка подальше. Теперь он в который раз пришел к выводу, что «во всем нужна сноровка, закалка, тренировка». Что ж, этого добра было кушано предостаточно как в Новорусской, так и в Амундсен-Скотте.

Их показывали и в прямом эфире, и в записи, в выпусках новостей. Наутро принесли свежие газеты, где Ломаев на фото витийствовал, тараща глаза на микрофон, Шеклтон готовился принять пас, Кацуки стекленел в улыбке, а индус старался не высовываться, хотя и переоделся демонстративно в национальную курту-паджаму. Пиар раскручивался нормально. До самого отлета оставалась надежда встретиться с кем-нибудь из официальных лиц китайской политики, но чуда не произошло. Четан Чаттопадхьяйя самокритично заявил, что это все из-за него, индуса, и в Китае не могло быть иначе.

Его попытались убедить в обратном:

— Какой вы индус? Вы антаркт.

— Я уже не индеец, но я всегда индус, — с достоинством выправил он путаницу в терминах. — Религия — не национальность. Индусом нельзя стать, но можно родиться, если позволяет карма, и даже родиться в одной из высших каст.

— А вы в какой касте родились, Четан?

— Я брахман.

— Поздравляю с такой кармой. Выше ничего нет, не так ли?

— Боги — выше, — ответил индус и, как показалось Ломаеву, вздохнул с сожалением.

Несколько часов полета в той же «птичке» — и под крылом пошли горы, да такие, что дух захватывало. Куда там Трансантарктические четырехтысячники! Потом долго тянулась какая-то река — Ломаев подумал, что это, вероятно, Брахмапутра, но уточнять не решился. С индусом, да еще брахманом, приходилось держать ухо востро. Не друг-приятель Ерема Шеклтон. Тут ляпнешь что-нибудь кощунственное — вовек не отмоешься, а то еще и переродишься свиным цепнем...

— Ганготри, — указал куда-то вправо Чаттопадхьяйя, лущезарно улыбаясь. И сейчас же снисходительно пояснил для безграмотных олухов: — Священная гора Индии.

— Которая? — уставился в иллюминатор Ломаев. — Вон та, что ли?

— Нет, ее отсюда не видно. Но она там.

— Понятно... Да, ведь ваша старая станция называлась Дакшин Ганготри!

— Верно. Южная Ганготри.

Ломаев смолчал. Насколько он знал, Индия построила свою первую антарктическую станцию на шельфовом леднике Лазарева километрах в сорока от останков одноименной с ледником станции. Какие там горы? Откуда? Там и застрогов-то нет. Чудеса с этими названиями... То ли традиция велит, то ли воображение шалит. Вон и китайцы назвали свою станцию фортификационно-тушеночно: Великая Стена. Их право, конечно. Зато никто не скажет, что соригинальничали, выпендрились...

Впрочем, Ломаев должен был признать: идеологически выдержанные названия отечественных станций немногим лучше — Комсомольская, Молодежная, Дружная, Советская... Остальные, выходит, были пенсионные, склочные и диссидентские?

Беллинсгаузен и Лазарев — это да, это ближе к теме. Хотя Лазарева скоро закрыли, признав место опасным — мол, того и гляди опрокинется в море вместе с отломившимся краем ледяного барьера. Прошло почти полвека — и до сих пор «того и гляди». Антарктида скакнула на экватор, а занесенные снегом руины станции как стояли, так и стоят, в море не сыплются...

Тарашиться в иллюминатор надоело — чересчур рябило в глазах. После гравюрных антарктических ландшафтов и белоснежных гималайских пиков кричащая зелень полей и джунглей назойливо давила на мозг. Все равно что слушать Оффенбаха после Баха — тошнотно, хоть фамилии у них и рифмуются.

Выручил Такахаша-сан — предложил sake. До свойского парня японцу было еще далеко, но наблюдался определенный прогресс. Конечно, sake оказалось той еще гадостью, но минус на минус дает плюс: после двухсот принятых вовнутрь граммов цветовая гамма под крылом показалась уже приемлемой.

Бхопал оглушил. Взмокший от пота индус на контроле проштемпелевал антарктические паспорта гостей с такой сноровкой, будто антаркты валили в Индию толпами, мгновенно оформил путешественникам трехдневные визы и вовсе не паялился, «как в афишу коза». А за воротами аэропорта шумела многотысячная толпа, запрудившая площадь и прилегающие ули-

цы. У трех четвертей антарктической делегации отпали челюсти. Лишь Чаттопадхьяйя улыбался с полным достоинством, но как-то хитренько.

— Вот гад, — шепотом вынес Ломаев неискренний вердикт. — Предупреждать же надо! Ох, помнут нас...

Какие-то люди, одетые очень одинаково, врезались в толпу тевтонской «свиньей», освобождая гостям проход к богато убранной цветами трибуне. О том, что предстоит митинг (возможно, с песнями и танцами — Индия же!), теперь не догадался бы только слабоумный.

Сказать по правде, гости предпочли бы обед. Но чего не вытерпишь ради Свободной Антарктиды!

Позднее пришлось вытерпеть и обед, составленный из национальных блюд. Вкусив некий блинчик по имени масаладоса, начиненный перцем, как бомба напалмом, Ломаев пролил обильную слезу и не скоро вновь обрел способность разговаривать — к счастью, потому что иначе попросил бы себя пристрелить. Пока же пришлось терпеть совершенно другое: немилосердную жару, от которой на трибуне было негде укрыться, растянувшуюся на час речь индоантаркта Чаттопадхьяйи и рев толпы в ударных местах:

— Хинди-анти — бхай-бхай!..

То есть братья. Переводчик кое-как поспеивал переводить на инглиш. Сказавши положенные слова о мире, добрососедстве и готовности принимать обездоленных со всего света, Чаттопадхьяйя особо рьяно налег на экологию. В качестве промежуточной точки посадки Бхопал был выбран не зря: тема техногенных катастроф заводила местную толпу с пол-оборота. Не так-то просто забыть тысячи отравленных. У Ломаева сложилось впечатление, что самое грязное ругательство на хинди звучит как Юнион Карбайд.

Антарктида маячила где-то вдали. Антарктида ничем не угрожала Индии и уж меньше всего техногенными катастрофами. Антарктида ставила под сомнение концепцию неоглобализма, очень несимпатичную для развивающихся стран. Антарктида звала к себе переселенцев и открывала перспективы

одну заманчивее другой. Наконец, Индия уже зацепилась за Антарктиду одной научной станцией, а кому теперь станция принадлежит, в сущности, не так уж важно. Похоже, эти антаркты знают, что делают, и не собираются ущемлять ничьих прав — совсем наоборот! Вы только посмотрите, кто стоит на трибуне — свой, хоть и назвался антарктом. Все равно свой!

— Хинди-анти — бхай-бхай!..

Завести толпу — дело нехитрое. Куда труднее оказалось не попасть впросак на пресс-конференции, состоявшейся вечером в гостинице. И опять-таки с делегацией не встретился никто из официальных лиц.

На ужин трое из четверки дружно заказали блюда европейской кухни — любые, какие есть! — и удовлетворились спагетти под чесночным соусом с толикой виски. Один Чаттопадхьяйя, категорически не употреблявший ни спиртного, ни лука с чесноком, с изяществом истинного джентльмена потягивал из бокала бхану — отвар конопли, заедая темно-зеленую жидкость пирожком с коноплей же. По-видимому, его организм не страдал от такой диеты.

Наутро предстоял самый долгий перелет — в Каир с возможными незапланированными посадками в Маскате, Абу-Даби и Эр-Рияде. Никто не мог дать гарантию, что антарктическая делегация не будет там сразу же арестована. Но в самолете все почувствовали себя бодрее — негромко шумящий кондиционер изничтожил жару, как ее и не было.

— Уф-ф! — сказал Ломаев. — Этакое пекло и у нас так когда-нибудь будет, да?

— Еще не скоро, — утешил Кацуки.

— Вот-вот. Одна радость, что люди по тысяче лет не живут, так что помер в прохладе...

— В Мадрасе затеяли снимать фильм «Пламень страсти среди льдов», — подал голос Шеклтон. — С участием пингвинов и плясками вокруг ледниковой трещины. Не знают только, где им проводить натурные съемки, у нас или в Гималаях. Вчера один тип у меня консультировался.

Посмеялись.

— Как же в Гималаях-то? А вершины?

— Вырежут или найдут плато, откуда высоких пиков не видно.

— А пингвины?

— Возьмут напрокат. Зоопарков у них нет, что ли? Еще и плясать научат.

— Все равно это вода на нашу мельницу. Интересно, этот самый «Пламень» пошел с нашей подачи?

— По-моему, сами догадались. Почему нет? Полмира за нас.

— К сожалению, не те полмира, какие надо, — проворчал Ломаев, внезапно бросив смеяться. — Четан, вы не обижайтесь, пожалуйста, лично я против Индии ничего не имею, но она не евроатлантическая страна... Коллеги, вы не заметили одно интересное явление? Признаюсь, я только что сообразил. Последние дни все западные журналюги молчат о том, что Вашингтонский договор устарел и должен быть отброшен. Раньше кричали вовсю, а теперь рот на замке. Заметили?

— Я заметил, — отозвался Шеклтон.

— И я также, — кивнул Чаттопадхьяйя. — Но это только усиливает наши позиции, не так ли?

— Четан, — проникновенно сказал Ломаев, — с какой стати нашим противникам усиливать наши позиции? Поверьте, хиханьки скоро кончатся. Все будет так серьезно, что сказать противно. Вы понимаете, что вам скорее всего придется драться и убивать?

— И вам, и мне. Ну так что же, я к этому готов. — Улыбка индуса произвела несколько жутковатое впечатление. — Я ведь не буддист.

— Но вы брахман.

— А вы, простите, бестактны. Оставьте в покое мою касту и мою карму. Она только моя, понимаете? Кроме того, в Матри есть и кшатрии, их карму война не портит... Но почему вы думаете, что нам так скоро придется сражаться?

Набывчившийся Ломаев не стал ничего объяснять — небось не дураки, сами догадаются. Он лишь бросил, мрачно глядя в иллюминатор на сверкающий ультрамарин Аравийского моря:

— Быть может, даже скорее, чем мне сейчас кажется...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1 «ВЫСЛУШАЙТЕ НАС!»

ИЗ ЗАПИСОК ЛОМАЕВА

«То немногое, что я читал прежде о дипломатах, оказалось вздором, хотя и не совсем враньем — просто информация в нашем меняющемся мире быстро устаревает. Манеры подавляющего большинства этих деятелей только что не позволяли им ковырять в носу перед телекамерами. Что до кулуарной лексики, то такие сокровища изящной словесности, как *shit* или *fuck you*, были у них, не исключая и дам, настолько в порядке вещей, что даже я поначалу был шокирован. Потом успокоился и приободрился. Шеклтон сделал это даже раньше меня. Кацуки был улыбчив, как восточный божок, и холоден, как лезвие катаны. Смуглый Чаттопадхьяйя в этом зоопарке являл собою образец викторианского джентльмена, случайно попавшего в сомнительную дыру и по-джентльменски снисходительного к ее обитателям.

Как в старом анекдоте: «Вас не шокируют мои ноги на столе?» — «Отчего же, можете положить на стол все четыре ноги...»

Но к делу. В Каире мы проторчали семь часов в ожидании разрешения на взлет. Очень уж загруженный аэропорт. Чартерные рейсы вроде нашего — естественно, по остаточному принципу. Пропасть туристов стремится поглазеть на пирамиды и храмы до наступления летнего пекла и облегчить свои бумажники в пользу крикливых арабов, неизвестно на каком ос-

новании притворяющихся потомками древних египтян. Небось среди египетских строителей так орали одни прорабы, иначе черта лысого пирамиды были бы возведены. Либо галдеть, либо строить.

Шеклтон тоже рвался в Гизу и в пять минут договорился с покладистым местным пограничником о выпуске нас из аэропорта за небольшую мзду, только я его не пустил. Мне-то не меньше его хотелось потрогать пирамиды, но я опасался и провокаций, и глупой случайности. Если бы не наша миссия — тогда да, рискнул бы, пожалуй. А так — увольте. Этих австралоантарктов еще учить и учить бдительности, она у них не в крови.

Зато Такахаши и Четан вели себя образцово и внешне ничем не выказали своего разочарования. Мол, видали мы ваши пирамиды! А вы наши айсберги видали?

Последний перелет прошел гладко и даже скучновато. Я все гадал, встретит ли нас кто-нибудь в аэропорту, а если да, то кто: распорядитель из оргкомитета конференции или один из людей Шимашевича? Оказалось — никто. Правда, на нас обращали внимание как на диковину, но с того было не легче. Краснозадый мандрил в клетке привлек бы еще больше любопытных, а ему это надо?

Наши антарктические паспорта не произвели на контроле ни малейшего впечатления: нет-де такой страны. Географический нонсенс. Конечно, у каждого из нас имелись при себе и паспорта национальные, но мы решили принципиально не пускать их в ход. Позвольте, чьи же проблемы будут обсуждаться у вас в Пале-де-Насьон? Не наши ли антарктические? Вон и плакат с приветствием висит, а кому приветствие? Делегатам. Вот мы делегаты и есть! Что? Нет, мы не лидеры антиглобалистов. Нет, мы не террористы — мы как раз наоборот. Нет, мы не везем никаких наркотиков. Нет, мы не собираемся ни искать работу, ни бродяжничать, ни свергать ваше правительство насильственными методами. И мирными, кстати, тоже, на что оно нам сдалось, ваше правительство?..

После продолжительных споров и нескольких телефонных звонков в оргкомитет нам все же были выданы визы на один

месяц с вероятностью продления и предупреждением о возможном выдворении из страны без объяснений. Мы ответили, что примем это к сведению и не скроем от прессы — тем дело и кончилось.

Женева мне понравилась. Красивый городишко. Плохо только, что в нем постоянно происходят какие-то конгрессы, съезды и конференции. Это болезнь, и когда она принимает острую форму, то жить в городе негде. Всюду битком. Так вышло и на этот раз. В конце концов мы приткнулись за сотню ежесуточных евро с носа в обшарпанном трехзвездочном «Аскоте» на Рю-де-Лозанн в близком соседстве с кварталом Красных фонарей. Без кондиционера. С видом из окна отнюдь не на Женевское озеро и не на Ботанический сад, а на заурядный жилой дом, где за лишенными штор окнами женевицы и женевики осуществляли свою личную женевию жизнь.

Питались мы тоже в «Аскоте», только другом, не столь облезлом и на этом основании присвоившем себе титул «королевского». Наш хозяин-араб, совладелец сети отелей, выдал нам льготные талоны на обеды и ужины. Наверное, он полагал, что завтракать вредно. Судя по сомнительной снеди, подававшейся на завтрак в нашей гостинице, он был недалек от истины.

Тем больше мы сэкономили «представительских». После спартанских прелестей Антарктиды мне, вероятно, было бы комфортно и в швейцарской тюрьме, не то что в двухместном номере пополам с Шеклтоном.

До начала конференции оставалось еще три дня. Двое из нас на всякий случай торчали в гостинице, а двое слонялись по городу, где куда ни плюнь — попадешь в достопримечательность, если только плюешь не в городском центре — тут попадешь в магазинчик, лавчонку или харчевню, коих тьма. И сейчас же тебе предложат швейцарские часы, швейцарские ножи, тайваньские сувениры или бифштекс из конины. Ничего, вкусно — я имею в виду бифштекс, а не часы.

В одной лавчонке нам предложили купить антарктические талеры! За тройной номинал, между прочим. Я и раньше знал,

что наша валюта котируется за рубежом — правда, исключительно среди нумизматов и бонистов. Наш маленький гешефт, как говаривал Моисей Соломонович. Его уроки не пропали даром: я тут же выгреб из бумажника все свои анталеры и предложил владельцу лавчонки купить их по двойному номиналу. Сошлись на полуторном и расстались довольные удачной сделкой.

Само собой, я приоделся, воспользовавшись данной Шимашевичем наводкой, и теперь, пожалуй, выглядел бы как заправский дипломат, если бы только умел это носить. Тренировался перед зеркалом и все равно оставался антарктом, только что содравшим с себя каэшку. Да и ногам в унтах и унтытах не в пример удобнее, нежели в носках и ботинках.

Я натер себе кровавые пузыри на пятках, из-за чего, входя в очередную лавчонку, первым делом интересовался пластырем. Большинство лавочек были о двух комнатах — попав однажды во вторую, отделенную от первой занавеской, я обнаружил в ней то, на что антаркту, измученному длительным воздержанием, лучше не смотреть, и предупредил Шеклтона. Он пошел! Потом, надолго обеспеченный порнографическими снами, ругал меня на чем свет стоит.

О моих собственных впечатлениях я умолчу исключительно из нежелания привлекать внимание к моей скромной персоне. Упомяну только о своем предложении вешать на занавесочках объявление: «Детям и антарктам вход запрещен». На всех языках, начиная с господствующего в Женеве французского.

Антаркт? Иди гуляй. Любуйся озером и бьющим из него высоченным фонтаном, орошающим в ветреную погоду берега, видом на Монблан, английскими садами, цветочными часами и всевозможными монументами, катайся на старых парходиках, желтых водяных такси, летай над озером на прогулочном дирижабле — словом, делай все, что полагается делать туристу, только за занавесочку не заглядывай... Что, не понял? Сгинь, маньяк!

Все бы хорошо, но уже на второй день туристская экзотика начала нас размагничивать. Посоветовавшись, мы сократили вылазки в город.

Я позвонил в Тверь. Валя по обыкновению всплакнула в трубку и назвала меня милым и любимым, а заодно глупеньким дурачком. (Вот уж не знал, что встречаются умные дураки!) С нею и детьми было все в порядке. Похоже, семьи всех антарктов, оставшиеся пока в России и на Украине, не испытывали каких-либо дополнительных неудобств. Спасибо властям и на том.

Ни таинственный Иост ван Трек, ни подельщики Шимаевича по швейцарско-антарктической фирме в поле моего зрения не появлялись. Может, потому, что офис фирмы находился в Цюрихе? Или дело было в том, что постороннего вмешательства в события пока не требовалось за отсутствием самих событий?

Я не специалист по выявлению наружной слежки, но, кажется, за нами не следили. Кстати, журналистская братия обнаружила антарктическую делегацию лишь накануне конференции, через два дня после нашего прибытия. Проскользнуть мимо микрофонов у входа в гостиницу стало проблемой. Мы отвечали односложно, ссылались на занятость и просили дождаться пресс-конференции. Когда она состоится? Разумеется, не ранее начала международной конференции по Антарктиде и, так сказать, в ее рамках. Узнайте завтра в оргкомитете у пресс-атташе...

И вот наступило завтра.

Поздним утром мы пешком отправились в Пале-де-Насьон, где после регистрации заняли отведенные нам места в конференц-зале за десять минут до начала. На нас пялились без всякого стеснения. Поскольку конференция задумывалась как научно-политическая, в зале нашлось место тем и другим — людям и человекообразным. Жрецы науки выглядели менее лошеными, а о политиках я уже говорил.

Были и российские. Господин Камышов — почти такой же, как на телеэкране — послал мне многозначительный взгляд, явно не предназначенный изменнику Родины. (Кто бы сомневался!) Прежде чем председатель позвонил в колокольчик, представители Индии и Японии демонстративно подошли по-

здороваться с новоявленными антарктами. Кажется, Шеклтон ждал того же от своих австралийцев, но куда там! Не будь столь наивным, Ерема! А потом все началось, и я сунул в ухо синхронно-русскую горошину на проволоке.

Опущу вступительную речь председателя — в ней не было ничего, кроме призывов к конструктивному и взвешенному подходу, непредвзятому отношению к новым геополитическим реалиям, веры в прогресс цивилизации, демократию и гуманитарные ценности и прочего словесного попкорна. После чего было зачитано обращение ученых, сделанное по результатам недавно состоявшегося геофизического симпозиума в Лозанне. Кажется, многие ученые мужи прибыли прямо оттуда.

Тот же попкорн. Да и кто из политиков когда-либо прислушивался к увещаниям ученых? В лучшем случае на основании их прогнозов принимают решения, и то перед этим долго чешут затылки.

Прогнозы же были неутешительными. Во-первых, подъем уровня воды в Мировом океане обещал составить от трех до пяти метров за первые сто лет и далее идти в нарастающем темпе. Уже в первые десятилетия человечеству пришлось бы смириться с потерей миллионов гектаров сельскохозяйственных угодий, включая плодороднейшие земли в дельтах крупных рек. Во-вторых, в течение того же срока сотням миллионов человек предстояло лишиться жилья, а в отдаленной перспективе — более чем миллиарду. Голландии, Бангладеш и ряду островных государств угрожало полное затопление задолго до полного таяния антарктического купола. Собственно, пострадать должны были почти все страны, за исключением горных вроде Непала или Лесото и внутриконтинентальных. Балтика собиралась увеличиться вдвое. Лишь узкая полоска суши препятствовала бы ее соединению с Белым морем и превращению Скандинавии в остров. Затопленные низменности грозили обернуться мелководными, неудобными для судоходства заливами, полными шхер.

В-третьих, фатальная неизбежность гуманитарной катастрофы в беднейших приморских странах, поскольку разви-

тые страны, столкнувшись с теми же проблемами, вряд ли смогут выделить значительные средства на помощь чужим утопающим...

В-четвертых, неизбежность эвакуации крупнейших городов, начиная с Амстердама, Санкт-Петербурга, Каира, Токио, Шанхая, Гонконга и всего Восточного побережья США...

В-пятых, эвакуация культурных ценностей...

В-шестых...

В-седьмых...

В-семнадцатых...

В-двадцатых и последних, «прыжок» континента уже привел к стихийным бедствиям, а впереди планету ожидало кое-что похуже: глобальное изменение климата с непредсказуемыми последствиями. Как будто все, что невозможно предсказать, обязательно мрачнее ночи!

Делегаты и гости продолжали тарашиться на нас, но теперь тарашились так, словно мы сидели на скамье подсудимых и нам зачитывалось обвинительное заключение. Причем общий настрой был таков, что, к чему бы нас ни приговорили в итоге, все равно будет мало. Я начал злиться.

Затем пошли одно за другим выступления национальных представителей. Начал министр иностранных дел Нидерландов и описал грядущую катастрофу в столь безысходных тонах, что у меня чуть было мурашки не пошли по коже. Его стране предстояло исчезнуть. Где будут жить пятнадцать миллионов голландцев? Кто возместит им потерянное имущество? Кто оплатит строительство семисот двадцати километров дамб, оказавшееся напрасным? И так далее, и тому подобное.

Мы сунулись было с просьбой дать нам слово, но не тут-то было — нам напомнили о регламенте. Вслед за голландцем на трибуну влез норвежец и изложил грядущие проблемы своей страны, за ним бельгиец, француз, перуанец...

К концу первого дня с трудом добрались до суринамцев, а в целом не выслушали еще и пятой части делегатов, жаждущих пожаловаться от имени своих народов и правительств на антарктическое безобразие. Даже относительно благополучные

в смысле подтопления страны выражали свои будущие убытки в астрономических суммах. Рвались выступать делегаты от Парагвая и Монголии, хотя их-то страны поднявшийся океан не подмочил бы ни с какого боку. Наверное, они желали поспорить с учебником физической географии.

Каким образом — понятия не имею. В конце дня председатель, посовещавшись, объявил о создании специального комитета по материальному ущербу, куда все пострадавшие (или полагающие себя таковыми) должны были направлять свои претензии. Проголосовали за состав комитета, тем день и закончился.

В голове у меня шумело, перед глазами резво скакали числа, не снящиеся и астрономам с их мегапарсеками, а предстояла еще встреча с прессой. Однако, когда мы с трудом отловили пресс-атташе — ну и скользкий же тип! — он со сладенькой улыбочкой заявил, что наша пресс-конференция на сегодняшний день не запланирована. И на завтрашний тоже. Когда? Вопрос изучается, мы сообщим вам позже. Нет-нет, это вопрос не политический, даже намек на это оскорбителен. Чисто технический вопрос, уверяю вас...

Он даже не пытался состроить для нас честную мину при наглom вранье. А я подумал, что каждая тварь ищет свою биологическую нишу. Этот — нашел. И сидит себе довольный, как лягуха на болоте, журуя за счет таких насекомых, как мы.

Попытался мысленно представить его у нас на Востоке плящим снег для камбуза — и не смог. Не напилит. Либо найдет вместо себя другого пильщика, либо сдохнет. Окочурится даже не от гипоксии — от обиды на подлый удар судьбы: ведь он-то считал работой совсем другое!

Европейцы, одно слово. Благополучная гниль. И этот народец дал миру Ливингстона и Стэнли, Нансена и Скотта, Дюмон-Дюрвиля и Шарко! Не верится. Хотя, наверное, гниль преобладала и в те времена, как преобладает всегда...

Мы ответили, что в таком случае устроим пресс-конференцию самостоятельно и прямо сейчас, — атташе задергался и

пообещал «всемерно ускорить решение вопроса». Мы не стали его слушать.

А у входа нас ждала толпа с нацеленными в упор микрофонами, и телеобъективы торчали из нее, как пушечные жерла. Пришлось продираться и ловить такси, на ходу расточая улыбки, отвечая на пустяковые вопросы и объясняя, что пресс-конференция будет дана в самое ближайшее время. Как только, так сразу. Не сегодня, конечно. Одно дело — Шанхай и Бхопал, а в Женеве мы твердо решили не общаться с прессой до нашего выступления на конференции.

В тот вечер я в первый раз увидел полицейских на улицах Женевы.

По Рю-де-Лозанн, занимая все пространство улицы плюс тротуары, двигалась толпа. Правда, если отбросить политкорректность и заменить «толпу» на «орду», а «двигалась» на «перла», получится много точнее. Вряд ли толпа насчитывала более трехсот человек, но шумела она так, будто их триста тысяч. Лохмотья, пиво, вопли, скандирование каких-то лозунгов, подколки по адресу полицейских, майки и плакаты с портретами Маркса, Бакунина, Мао Цзе-дуна и Че Гевары. С приездом!

— Антиглобалисты, — определил Шеклтон, ослабившись. — Только что прибыли. Вокзал рядом.

— Они могут нам помешать? — озаботился Чаттопадхьяйя.

— Не думаю. Теоретически они наши союзники, но...

— Такие союзники, от которых лучше держаться подальше? — сообразил догадливый индус.

— Вот именно. Пока прибыл авангард, а то ли еще будет... Интересно, кто им платит?

— Только не антаркты, — отозвался Кацуки.

Я мельком подумал об антарктическом набобе, но удержал свои мысли при себе. Недоказуемо. Я не его доверенное лицо, хоть и парился с ним в бане. И вообще не завидую тому, кто знает о Шимашевиче больше, чем следует знать.

Мы сели на телефон и наняли на завтрашний вечер один из конференц-залов, коих в Женеве миллион. С нас запросили плату вперед. Чаттопадхьяйя сейчас же поймал в коридо-

рах «Аскота» своего соотечественника, исполняющего роль уборщика, и тот мгновенно унесся с деньгами, неся на смуглом лице выражение не только ответственности, но и благоговения. Наверное, имел проблемы с кармой и состоял в неприкасаемых. А уж когда до разговора с неприкасаемым снисходит брахман, то...

Карма бедолаги улучшается, это точно. Если не перечить брахману.

Остаток вечера ушел на звонки в телестудии и редакции. Наверняка мы многих забыли, но что за беда? Мы знали, что взаимный шпионаж СМИ сделает свое дело, и беспокоились только о размерах конференц-зала — вместит ли всех? Могли бы позвонить в две-три редакции, и этого хватило бы.

На следующий день нам должны были дать слово.

Но не дали. Председатель заявил, что «в регламент внесены некоторые изменения». Мы протестовали. Наш протест оставили без внимания. Тогда мы встали и вышли из зала.

Кто как, а я направился в ближайший буфет. Нервотрепка всегда будит во мне зверский аппетит, прямо слона бы съел. Подать мне слона жареного! Тут вместо слона на меня набежал газетный репортер с диктофоном наперевес — прыщавый юнец, до сих пор, как видно, перебивавшийся пресс-релизами и слухами, а теперь одуревший от удачи: поймать антарктов в пустом холле и первым взять интервью. Я стрельнул глазами по сторонам, засек приближающегося с деланным равнодушием пресс-атташе и выдал так, чтобы и этому поганцу было слышно:

— Пишите! Дарю заголовок: «Свободной Антарктиде затыкают рот». По мнению нашей делегации, только что имело место оскорбление, нанесенное в нашем лице маленькому, но гордому народу Свободной Антарктиды. Нам высокомерно дали понять, что справятся с ситуацией и без нас. Прекрасно! Мы умываем руки...

— Э-э... Простите, мсье, вы не будете возражать, если я изменю заголовок на «Выслушайте нас!»? А ваш вариант дам подзаголовком. Так будет лучше. Притом у нас респектабельная газета...

Я не стал возражать и наболтал ему в диктофон целую статью. После чего счастливый репортер умчался, а взволнованный пресс-атташе попросил нас подождать, пока он уладит кое-какие недоразумения. Я барским голосом заявил, что в ближайшие полчаса нас можно будет найти в буфете. В каком? А какой нам понравится. Сказано: «Ищите и обрящете».

И действительно, не успел я доесть третий бутерброд, как он появился, весь потный, и пригласил нас вернуться в зал.

— Когда нам будет дано слово?

— Очень скоро. Как только закончится выступление делегата от Чили.

— А конкретнее?

— М-м... Думаю, примерно через полчаса.

— Вот через полчаса и вернемся.

Вернулись мы, правда, минут через пятнадцать и имели удовольствие послушать, как чилиец предъявляет права на нашу Антарктиду, якобы исторически принадлежащую Чили. Мы иронически поулыбались и вскоре получили приглашение выйти на трибуну.

Вышел Кацуки — так было условлено с самого начала. Во-первых, среди нас четверых он имел наибольший вес в научных кругах, а во-вторых, никто, кроме японцев, не умеет так обаятельно улыбаться и ни у кого, кроме японцев, улыбка не значит так мало. Мне с моим происхождением стоило лезть на трибуну лишь в самом крайнем случае: Россия никогда не перестанет раздражать мир самим фактом своего существования на этой планете.

Говорил он по-японски. Я почти не прислушивался к синхронному переводу, зная его речь почти наизусть. К тому же перевод шел с ужасным акцентом, эканьями и меканьями, как будто в микрофон бляла овечка, которую стригаль обрабатывает под полубокс. Швейцария, что вы хотите! Русских эмигрантов в ней осело немного, а знающих в совершенстве японский — возможно, и ни одного. На ретороманский они перевели бы куда лучше, пусть на нем и говорят человека полтора.

Без всяких вступительных фраз Кацуки взял быка за рога. Он выразил недоумение относительно поспешных выводов, сделанных на сипозиуме в Лозанне, куда, к сожалению, не были приглашены представители передовой научной школы Свободной Антарктиды. Что ж, дело еще не поздно исправить и сейчас...

И он принялся исправлять. В зале притемнили свет, сбоку от кафедры опустили экран, а Шеклтон принялся совать в проектор пластиковые листы с картами, схемами и графиками.

— Взглянем сначала на соотношение воды и суши после полного таяния антарктического купола, каковое, согласно нашим детальным расчетам, произойдет через две тысячи триста плюс-минус сто лет...

Взглянуть было на что, а взглянув — ужаснуться. Антарктиды не было. Ее разорвало пополам. На месте Восточной Антарктиды красовался небольшой, примерно с Австралию, материк; на месте Западной — россыпь островов.

— Как видите, таяние купола ударит и по нам. Безусловно, со временем материковая кора выправит прогиб, вызванный давлением массы льда, но это даст нам весьма небольшой прирост территории. Кроме того, процесс этот крайне медлителен, что хорошо видно на примере освободившейся от четвертичного оледенения Скандинавии. Рассмотрим теперь ситуацию на других материках...

И он безжалостно рассмотрел, в то время как Шеклтон демонстрировал на экране изуродованные потопом очертания континентов. Казалось, демонстрация всех этих ужасов только подчеркивала аргументацию наших противников, но...

Но!

— Так ли все плохо на самом деле? Боюсь, что мои уважаемые коллеги не приняли во внимание целый ряд факторов, каковые могут существенно изменить общую картину. Детальные расчеты, проведенные учеными Свободной Антарктиды (а надо сказать, что наше государство располагает выдающимися научными кадрами), показали, что далеко не все так печально... Третью диаграмму, пожалуйста...

Минут через десять я буквально кожей стал ощущать перемену атмосферы в зале. Любитель саке был вежлив, корректен, чуть ироничен и не оставил от тезисов оппонентов камня на камне.

Он упирал на климат. Он показывал: смотрите, вот первая среднемировая температурная кривая, учитывающая отсутствие циркумантарктического холодного течения. Она идет вверх, не так ли? На Южном полюсе больше нет гигантского холодильника. А вот вторая кривая — результат появления на экваторе нового материка и, как следствие, разрушения экваториальной циркуляции вод в Тихом океане. Она загибается вниз, причем более круто. Вот схема новых морских течений. Вот эта кривая — поправка на охлаждение мирового океана за счет таяния льда. Вот поправка на испарение воды с большей, чем ныне, акватории океанов. Вот поправка на конденсацию воды в атмосфере и увеличение горных и арктических ледников. (Между прочим, горнолыжные курорты Альп вновь станут высокорентабельными.) Вот поправка на уменьшение парникового эффекта за счет поглощения углекислоты охладившимся океаном. Вот поправка на...

— А вот итоговая температурная кривая, построенная с учетом всех известных нам факторов. Наложим ее на экстраполированную кривую среднемировой температуры, до недавнего времени, как известно, угрожающе растущей, и получим... Всем хорошо видно? Получим вот эту кривую — окончательный итог. Как видим, кривая волнообразно-непериодически колеблется, но в целом идет вниз. Через сто лет средняя температура Земли не вырастет на один-полтора градуса, а напротив, уменьшится на один градус. Мы учитывали климатический фактор при расчете срока полного таяния купола — расчете, который дал иной результат, чем оглашенный вчера. Детальные выкладки по различным регионам мы с удовольствием передадим всем желающим. Проверьте наши вычисления. Вы получите все исходные данные.

Итак, что мы имеем в сухом остатке? Да, с таянием антарктического купола площадь материков заметно сократит-

ся, и это огромный минус для всей нашей цивилизации. Похолодание на один градус сделает земледелие в ряде традиционных сельскохозяйственных районов рискованным, и это тоже минус. Однако вот несомненные плюсы: понижение температуры и увеличение количества осадков приведет к обводнению сухих степей, полупустынь и даже пустынь типа Сахары. Новые морские течения ликвидируют отвратительную пустыню Намиб. Зазеленеет Атакама. Хочу напомнить, что пустыни и сухие степи составляют ныне половину всей суши. При разумном их использовании мы не потеряем ни клочка пахотной земли. «Мы» — я имею в виду человечество, ибо антаркты отнюдь не стремятся противопоставить себя другим народам... Резко разросшаяся площадь континентальных шельфов значительно увеличит продуктивность мирового океана. Думаю, не ошибусь, если скажу, что мы сможем вылавливать вдвое больше рыбы, чем теперь, без всякого вреда для численности популяций объектов рыболовства. Голод отступит...

Кое-где в зале саркастически хмыкали, но в целом мы сравняли счет. Я мысленно пообещал поставить Кацуки столько лучшего «русского sake», сколько его душа примет. А он промокнул платочком лоб и продолжал:

— Да, будут потеряны многие прибрежные земли. Да, придется переносить целые города. Но разве история человечества не знала массовых переселений? Разве люди разучились строить, в том числе и на шельфе? В Японии строят острова из отходов. Наконец, территориальный ущерб не так велик, поскольку взамен затопленных земель человечество приобретает АНТАРКТИДУ — слабозаселенный материк, где уже существует демократичнейшее в мире государство...

Тут председатель, позвонив в колокольчик, заявил, что сегодняшней день конференции посвящен исключительно научным аспектам антарктической проблемы, и попросил воздержаться от политической агитации. Кацуки внял и распинаясь о чистой науке еще часа два. Шеклтон как заведенный менял графики и диаграммы.

То, что мы вбивали в головы делегатов, было правдой, но не всей правдой. И все же выступление Кацуки сбило их с толку. Безусловно, они вспомнят о спровоцированных Антарктидой небывало разрушительных тайфунах (тут наши вычисления не давали повода для оптимизма) и завтра зададут нам жару. Но сегодня — наш день.

Почти триумфаторами мы покинули Пале-де-Насьон. Кацуки был выжат, как подсолнечный жмых, и мы решили на пресс-конференции принять огонь на себя. Больше всего пришлось отдуваться мне — то ли из-за того, что русский, то ли потому, что мачо.

Первым же вопросом меня ушибли, как пыльным мешком:

— Господин Ломаев, как вы прокомментируете тот факт, что лишь немногие жители Полинезии и Микронезии, чьи острова перенесли в крайние южные широты, обрели избавление от холодной смерти в так называемой Свободной Антарктиде?

Репетиции не прошли даром. Мысленно сосчитав до пяти, я выразил удивление слабой информированностью корреспондента:

— Быть может, вы плохо осведомлены? Свободная Антарктида готова принять всех пострадавших от природного катаклизма. Исключительно во имя человеколюбия мы сделали жест доброй воли и закрепили его соответствующим декретом. Кто мог бы сделать больше?

— Например, тот, кто возместил бы пострадавшим убытки, предоставил территорию для проживания, соответствующую исторически сложившемуся укладу жизни островитян, обеспечил транспортом для эвакуации...

Опять эти убытки! Я соорудил ироническую физиономию:

— А заодно завалил бы их манной небесной, не так ли? Мы не столь богаты, хотя и держим курс на процветание. Кроме того, согласие Свободной Антарктиды принять пострадавших от катаклизма отнюдь не означает, что она принимает на себя ответственность за сам катаклизм. Ничего подобного! Давай-

те вместе думать, как решить проблему, а мы свой вклад уже внесли. Что до транспорта, то у нас нет ни флота достаточного тоннажа, ни средств для его фрахта. Равным образом мы не можем обеспечить островитянам привычные для них условия жизни — ни пальмы, ни хлебные деревья в Антарктиде пока еще не растут. Мы готовы поделиться с иммигрантами только той территорией, что у нас есть, — пока еще холодной и не очень гостеприимной. Назовите мне страну, которая открыла двери столь же широко, как мы!

Он, конечно, не назвал. Развел руками, сел и выглядел довольным. Тут до меня дошло, что первый вопрос, вероятно, был задан «своим среди чужих» как раз для того, чтобы с самого начала переломить настроение присутствующих в нашу пользу. Преуспеть в этом на все сто он, понятно, не мог, но ведь вода камень точит.

— Герр Ломаефф, прошу вас ответить на вопрос: имеются ли у вашего правительства какие-нибудь военные планы?

Не знаю, был ли этот вопрос инспирирован кем-нибудь из наших сторонников, но прозвучал он как нельзя кстати.

— У нас есть планы гражданской обороны, — отвечал я, внутренне подбираясь. — Мы — мирная нация, вообще не имеющая вооруженных сил. Все наши планы рассчитаны на спасение людей, всех без исключения, но в первую очередь, естественно, наших сограждан. А если ради достижения этой цели, которую мы считаем важнейшей, нам придется нанести урон агрессору... что ж, мы нанесем его без колебаний. — Улыбка. — Хотя и с сожалением... Прошу следующий вопрос.

— Подождите! Нанесение урона агрессору вы называете гражданской обороной?!!

— Мы называем это обороной наших граждан от агрессии извне, осуществляемой теми средствами, которые находятся в нашем распоряжении, и только на нашей территории. Наша военная доктрина исключает агрессию как таковую. Кроме того, мы придерживаемся всех положений Вашингтонского договора, включая те из них, которые гласят о недопустимости использования Антарктиды в военных целях. Если этот пункт

будет нарушен, то, смею вас уверить, первыми нарушим его не мы. Все остальное — гражданская оборона. Или, по-вашему, она должна ограничиваться советом лечь ногами к взрыву?

— Нет, но...

— Кто следующий?.. Прошу вас.

— Мистер Ломаев, каково отношение вашего правительства к проблеме абортот? Мы, к сожалению, не могли следить за всеми вашими законодательными актами...

Час от часу не легче.

— Отношение отсутствует за отсутствием у нас этой проблемы, без сомнения, крайне важной, — политкорректно раскланивался я с американкой более чем средних лет, иссохшей от страсти переделывать мир по-своему. Дама смахивала на Нефертити, в смысле, на ее мумию, если таковая сохранилась. — До сих пор у нас не зафиксировано ни одного аборта, мы для этого еще слишком молоды. Безусловно, со временем нам придется как-то регламентировать данную область... — Лучезарная улыбка. — И я приглашаю вас принять в этом участие. Переезжайте к нам на жительство!

«Ну да, так тебя Витька Жбаночкин и пропустит через въездной контроль, сумасшедшая стерва!..»

Смешки, жидкие аплодисменты.

— Но вы — именно вы, — не унималась мумия, — согласны с тем, что жизнь священна?

— Простите, чья именно жизнь? Человека? Пингвина? Энцефалитного клеща? Быть может, микроба, которого мы казним антибиотиком внутри себя?

— Человеческая жизнь, разумеется!

— Безусловно. — Улыбка. — Поэтому мы с самого начала решили не рассматривать предложения провести конференцию на территории США и других стран, где еще не отменена смертная казнь. — И ложь, и не ложь. Какие еще предложения? Чего не было, то и не рассматривалось. Но американку я уел. — Своя жизнь, знаете ли, тоже в некотором роде ценность, исключать ее из священного списка как-то обидно...

На Нефертити уже шикали, но она не сдавалась:

— Вы понимаете, что первый же случай аборта в Антарктиде превратит вас в убийц?! Вы понимаете, что остаетесь потенциальными убийцами до тех пор, пока не закрепите законодательно...

И так далее, и тому подобное, список нуждающегося в закреплении прилагается. Я не запомнил всю ту ахинею, которую она несла, поучая нас быть примерными мальчиками и ни в коем случае не делать бяку и каку. По-моему, мумия спутала пресс-конференцию с митингом.

Я ответил ей цитатой:

— «Должно быть, в человеческом сердце глубоко сидит страстное желание не дать другим жить так, как им хочется. Правила, законы — но всегда для ДРУГИХ людей. Какую-то дремучую часть нашей души, существовавшую в нас до того, как мы слезли с дерева, нам так и не удалось сбросить с себя, когда мы распрямились».

По залу пронеслось несколько неуверенных смешков. Цитату, конечно, никто не опознал, как никто не собирался в этом признаваться. Сильнее других, думаю, подозревались Толстой и Достоевский. О них присутствующие хотя бы что-то слышали.

— Немного выпренно, но по делу. Это сказал ваш классик, леди. Пожалуйста, поспорьте сначала с ним, и если он не убедит вас, боюсь, медицина тут бессильна. Прошу следующего...

Я начал заводиться. Это сборище здорово действовало мне на нервы. Взъерошенный Кацуки без всяких японских церемоний пнул меня под столом ботинком в лодыжку — остынь, мол. Я мысленно произнес формулу самовнушения. Помогло.

— Следующий вопрос, пожалуйста.

— Уважаемый мсье Льомаев, будьте любезны пояснить, как в Свободной Антарктиде обстоят дела с демократическими институтами?

Замечательно. С этого бы им и начать!

— Простите, мсье, что конкретно вы имеете в виду?

— Ну... хотя бы конституционный суд.

— Еще раз простите, а зачем он нам? Или лучше спрошу иначе: для чего подпирать бревнами стены здания, которое не

грозит развалиться? Насколько мне известно, конституционный суд обязан пресекать нарушения властью конституционных прав граждан и их коллективов, не так ли? В настоящий момент у нас нет конституции как таковой — пока действует лишь принятая нами декларация прав. Статьи ее должны быть вам известны. Надеюсь, они вполне демократические... Не торопитесь, дайте мне закончить... Так вот конституционным судом при непосредственной демократии является все население нашей страны. Никто не в силах отменить референдум по данному вопросу, если вопрос назрел. Подчеркиваю: не «не в праве», а «не в силах». Из такой гипотетической попытки просто ничего не выйдет, ротация сделает свое дело...

— Но у вас ведь существует какой-то Конгресс!

— Верно, только не «какой-то», а Антарктический. По сути, это рабочая группа. Должен же кто-нибудь готовить вопросы для референдумов, не так ли? А референдумы у нас проходят почти каждый день.

— Воображаю себе, каково приходится рядовым антарктам!

— Нелегко, смею уверить. Зато мы сэкономили на содержании госаппарата. А главное, решайте сами, что для вас важнее: потратить полчаса в день на голосование или потерять свободу? Мы свой выбор сделали, а вам, кстати, его никто и не предложит. Раб тоже может вообразить себя свободным, это его право. Не вижу смысла далее обсуждать эту тему. Прошу следующий вопрос...

— Пан Ломаев! Вы против смертной казни, отлично! Какое же наказание выдумано антарктами за наиболее тяжкие преступления? И позвольте узнать: какие преступления вы относите к наиболее тяжким?

Пренебрежительное «выдумано антарктами» я пропустил мимо ушей. Цепляться к каждой мелочи — не выиграть в главном.

— Те же, что и вы. А высшая мера наказания у нас одна: изгнание за пределы территории Свободной Антарктиды. Асоциальный тип может построить себе избушку на леднике подальше от людей и жить там в свое удовольствие, никто ему

слова не скажет. Поселился в социуме — изволь соответствовать правилам, принятым в цивилизованном обществе. По правде говоря, мы не изобрели ничего нового. Вот только людей мы не убиваем.

Еще добрый час нас мучили демократическими ценностями, придираясь к каждому нюансу. Пришлось ответить на вопросы и о сексуальных меньшинствах, и о правах животных, и о свободе антарктической прессы, и еще о многом, о чем мы прежде не задумывались, а теперь ориентировались на ходу. Потом вылез один итальянец:

— Синьор Ломаев, как же все-таки быть с компенсациями потерпевшим?

Чувствуя, что вот-вот меня схватят за шиворот, как мелкого жулика, я ответил:

— Всех пострадавших мы приглашаем к себе, разве я об этом не говорил? Откуда вы родом?

— Из Венеции.

— Тогда поспешите: ваш город уже в опасности. Вас мы примем без малейших проволочек. О какой еще компенсации можно говорить?

— О материальной, разумеется!

— Простите, а с какой стати? Мы такие же жертвы природного катаклизма, как и все человечество. После таяния льдов Антарктида потеряет немалую часть территории. Мы сами могли бы предъявить претензии Австралии, которая, участвуя в общем дрейфе материков, ползет на северо-северо-запад и непременно наедет на нашу материковую плиту. Последствия будут вполне катастрофичны: горообразование, сильные землетрясения, активный вулканизм...

Итальянец заткнулся. Шеклтон делал над собой усилия, чтобы не заржать. Никто не схватил меня за шиворот. Журналисты в основной массе народ темный, научными данными владеют лишь настолько, чтобы нещадно их перевирать. О дрейфе материков слышали все. И тем не менее в зале не нашлось никого, кто сообразил бы, что столкновение Австралии с Антарктидой произойдет миллионов через сто лет, если произойдет вообще — Антарктида ведь тоже куда-то движется...

Временами мне давали отдых, и молоть языками принимались Шеклтон с Чаттопадхъяей. Я тайком поглядывал на часы. Мы устали. Пресс-конференция длилась уже третий час, и было вовсе не заметно, что она вот-вот подойдет к естественному концу, а прерывать ее по своей инициативе нам не хотелось.

И все же мы сделали это через пять минут после того, как прозвучал вопрос:

— Уважаемые господа! Как вы прокомментируете полную блокаду Свободной Антарктиды, объявленную президентом Соединенных Штатов?

Мы переглянулись.

— Изложите яснее, пожалуйста. Какая блокада?

Мужик был вроде самый обыкновенный, человек толпы, но мне он показался редкостным поганцем, когда, ухмыльнувшись, просветил нас:

— Как какая? Сообщение о блокаде было передано всеми информационными агентствами несколько минут назад. Разве вам об этом ничего не известно?

Пыльный мешок вновь обрушился на мою голову. Какое-то время я ничего не соображал. Помню только, как Ерема Шеклтон воздвигнулся над ними всеми, как грубо высеченный из скалы монумент, и проревел на весь зал:

— What?!!

Глава 2

ЧИНГАЧГУК ДИ ГРОССЕ ШЛАНГЕ

«Ишимбаевский» вездеход — внебрачный потомок знаменитой «Харьковчанки» — жарко вздохнул, выплюнул в низкое небо гейзер копоты, взревел разъяренным динозавром и медленно тронулся, сокрушая траками скользкий наст. Натянувшись, застонал трос, всхлипнули полозья, дернулись и поволоклись сани. Натянулся второй трос... С стремя санями на прицепе железный динозавр достиг скорости быстро идущего человека, тем и ограничился.

За рычагами сидел «Е в кубе». Руководитель комитета по транспорту Свободной Антарктиды Ефим Евграфович Ерепеев лично прилетел в Новорусскую, чтобы провести первый поезд.

Ни Ломаев, ни другие участники антарктической делегации на конференции в Женеве не ведали о решении Конгресса рассредоточить население Антарктиды по возможно большому количеству поселков, пусть даже временных. Могли догадываться, но где искать новые поселения — не знали. Знал Шимашевич, и знали все оставшиеся в Антарктиде, не подозревая, что им скормили вульгарную «дезу». Вот и этот санно-гусеничный поезд официально шел к оазису Грирсона.

Куда же еще? Сомнениям не оставалось места. Пусть мало вездеходов, тягачей и тракторов, но чему быть, того не миновать: антарктическим поселкам давно пора начать размножаться почкованием. Куда же и выводить излишек населения задыхающейся Новорусской, как не в оазис Грирсона? Хорошее и не очень удаленное место. Даром, что ли, его уже давно приглядели для новой станции? А теперь будет новый поселок.

Железная логика. Оазис Грирсона — очевидное место. Лишь Ерепеев и механики-водители знали: не будет нового поселка в оазисе. Пока не будет. А знать и делиться знанием — вещи очень разные.

На самом деле санно-гусеничному поезду предстояло подняться на купол, двигаясь в восточном направлении, повернуть на юг, пройти около двухсот километров и вновь выйти к океану близ края гигантского шельфового ледника. Присмотренное для нового поселения местечко напрашивалось на определение «бывают и получше». Та же Новорусская — наверняка получше. Не говоря уже об оазисе Грирсона, где под ногами земля и камни, а не надоевший мокрый лед с надоевшей снежной кашей. Как радуется антаркт, ощутив под ногами почву, — о том особая песня.

Координат нового места не знали в Конгрессе, не знал их и сам председатель Тейлор, согласившись с тем, что знать лишнее — вредно. И уж подавно не были ознакомлены с ними переселенцы — шестеро зимовщиков во главе с Николаем Пят-

ко, будущим мэром нового поселка, и двадцать два антаркта новой волны, насчет которых старожилы еще не выяснили, как их политкорректнее называть — новоантаркты или младоантаркты? (За «недоантаркта» можно было запросто схлопотать по уху.)

Люди тяжелы на подъем. Даже те, кто легче пушинки сорвался с насиженного места на теплом материке и ринулся искать счастья на новой обледенелой родине, даже люди авантюрного склада, не обремененные семьями, все-таки не блохи и не воробьи, чтобы вечно скакать с места на место. Кое-как осели на краю ледяного материка, сколотили избушку-сарайку, согрелись у печки — и пока ладно. Жажда перемен должна созреть. Она не голод и не чирей, чтобы измучить человека в считанные дни.

План переселения был широко разрекламирован, а сыскать добровольцев для первой волны оказалось непросто. Придут интервенты, начнут стрелять? Может, еще не придут. Может, Россия заступится за свою бывшую станцию. Может, тем четверым в Женеве удастся договориться с мировыми акулами добром...

Конечно, оазис Грирсона хорошее место, но... ведь там же придется все начинать с нуля! И здесь-то хватает работы, а там ее будет вдвое!

Да, это так, все верно, но зато оазис!..

Кое-как удалось уговорить двадцать восемь человек. Ерепеев чувствовал себя последним подонком. Два трактора с легкими санями, четыре тягача с парой тяжелых саней за каждым, «ишимбаевский» вездеход с тремя санными прицепами выступили в поход под овацию всей Новорусской. Накануне авиаторы дважды слетали на купол, оставив там аварийный запас горючки, наиболее ходовых запчастей, продовольствия и радиомаячок. Естественно, на предполагаемом пути к оазису. Летчикам тоже не полагалось знать, куда в действительности пойдет поезд.

Туман, едва заметный вчера, сегодня ограничивал видимость сотней шагов. Выше, на подъеме, он должен был начать

таять, чтобы на куполе исчезнуть совсем. Пока что туман не пугал: первые тридцать пять километров были заново разведаны уже после «прыжка» Антарктиды. Новых трещин выявилось мало, а там, где они все-таки выявились, были вбиты далеко заметные вешки — знай бери азимут на очередные «ворота» и ползи до прямой видимости. Наука нехитрая. Настоящая работа была еще впереди.

Ползли.

Отстал Тохтамыш, увязавшийся было за поездом. Облял глупую человеческую выходку и понуро потрусил назад, в поселок. Пес был умен. Чего ради порядочной собаке тащиться куда-то во льды, если в Новорусской гораздо веселее: можно в свое удовольствие порычать на новичков, чтобы знали свое место, и слетать на берег погонять пингвинов, пока люди не видят, и кто-нибудь пустит погреться в домик, и повар Сусеков обязательно угостит косточкой или какой-нибудь требухой... Чего еще желать от жизни?

Через час стал заметен подъем, а туман, кажется, еще сгустился. Потеряв очередную вешку, ходили искать, обвязавшись страховочным репшнуром. Нашли. Поползли. Встали. Вновь поползли...

Унылая, монотонная, изматывающая работа. Кажется, что она кого угодно сделает угрюмым флегматиком. Удивительно, что в обычной жизни механики — люди как люди. В большинстве свойские. Чаще матерятся разве что. Богатая практика. И лишь чистолюлой какой из новоантарктово осудит их за это.

До заката еще оставалось добрых три часа, когда прошли последнюю вешку. Туман заметно поредел. Дальше двинулись так: впереди поезда пустили трактор на вожжах — с пешим водителем, — за ним второй трактор, два тягача, «ишимбаевский» и еще два тягача. «Е в кубе» занял место в кабине вездехода — самого тяжелого механизма поезда. Что толку от его широких гусениц! Они хороши на толстом сыпучем снегу — тогда вездеход идет впереди и прокладывает колею. От них мало толку на снежной перемычке над ледниковой трещиной — ведь перемычке обычно нет дела до удельного давления, она куда

охотнее реагирует на общий вес. И это обстоятельство определяет место начальника поезда — начальника, не желающего ни подпольных шепотков среди подчиненных, ни иронических взглядов в спину.

Непрухин со товарищи, идя на одном вездеходе к первой стоянке яхтсменов Шимашевича, свернул влево где-то здесь. Ему сказали после всего: «Рисковый малый, везунчик». «Е в кубе» считал иначе: опасный болван! Морду бы набить. Уговорил опытных механиков ринуться наугад, наобум — и ведь выиграл. Везет дуракам. Уму непостижимо, как не провалились в трещину. Должны были. Непрухин, одно слово. И фамилия-то у него неправильная, не соответствует...

Собой — рискуй на здоровье, если у тебя нет мозгов, а есть шило в заднем месте. Рисковать из пустой лихости людьми и казенной техникой — этого «Е в кубе» не понимал. Когда узнал, хотел идти бить морду. На плечах висели, отговаривали: мол, он теперь мэр, да неудобно выйдет, да подрыв авторитета местных властей в глазах новоантарктово...

Вспомнив об авторитете, Ефим Евграфович выбросил дуrolома Непрухина из головы и заскрипел зубами. Что Непрухин! Ему самому предстояло крепко подорвать свой собственный авторитет — нерушимый, казалось бы, авторитет «Е в кубе»!

Горькая чаша. Не хотел пить. Искал иной выход. И сам же понял, что иначе нельзя.

До темноты ничего не случилось. Теперь ползли медленнее, держась старых вешек, установленных в прошлую геологическую эпоху — три года назад. Можно было надеяться, что в целом аккуратный «прыжок» Антарктиды наделал в леднике не слишком много свежих трещин.

Так, да не совсем — две трещины все же были обнаружены. Головной трактор вдруг клюнул носом и начал вставлять торчком, как тонущий «Титаник», только гораздо быстрее. Витя Бумазеев успел дернуть за веревочку, переключил коробку, дал газ, спас трактор. Талантливый парень, возможный премник... когда-нибудь потом. Мы на покой не спешим...

Вторую трещину обнаружили при свете фар — она не была замаскирована снегом. Просто прелесть, что за трещина — черный шрам метров пяти в ширину, а глубины такой, что, пока летишь, успеешь охрипнуть от крика. В таких случаях Ефиму Евграфовичу всегда вспоминался читанный когда-то рассказ об экспедиции Моусона и о долгом-долгом удаляющемся вое провалившейся в трещину собачьей упряжки. «Е в кубе» и сейчас помотал головой, отгоняя жуткое видение. Да черт с ней, с глубиной, самое главное — без предательского снежного моста, который при такой ширине трещины вряд ли был бы очень прочным. А обходной путь, конечно, найдется.

Он объявил привал и ночлег. Подъем с рассветом, повару — за час до рассвета, дежурному по камбузу — за полтора часа. Сыпучего снега не было совсем, один голый лед. Хорошо, что догадались взять с Новорусской запас ледяных блоков, не то намучились бы колоть-пилить. И дежурных пришлось бы назначать по двое, и вставали бы они на два часа раньше остальных...

С первыми лучами рассвета Бумазеев сгонял на тракторе в разведку. К северу трещина еще расширялась, зато километрах в полутора к югу начинала сходиться на нет и вскоре исчезала совсем. Позавтракав, проверили матчасть, особенно пальцы гусениц, отметили поворот вешкой и двинулись в объезд. Свежих трещин больше не встретилось вплоть до последней из старых вешек. Оставалось удивляться, как аккуратно «переехал» материк. Филигранное приземление. Мягкая посадка.

Подъем неуклонно становился круче. Туман исчез, зато с низкого неба сеялась ледяная морось, сейчас же примерзая к и без того подтаявшему насту. Скользили подошвы, скользили и гусеницы. Купол щедро отдавал выпавшей влаге накопленные за тысячелетия запасы холода — у него их оставалось навалом. И пусть какой-нибудь умник справедливо укажет, что физика позволяет телам иметь лишь запасы тепла, а никак не холода, — что слушать умников! Наглядный опыт говорит иное, а простой здравый смысл в походе ценнее всех наук, вместе взятых.

Самую круть подъема одолевали челночными рейсами, впрягаясь двумя вездеходами в одни сани, высадив людей. Люди взбирались наверх сами, вырубая грубые ступени, страхуя друг друга. Провозились до полудня, измучились, исчертались и сами не заметили, как кругизна подъема сошла почти на нет. По грубой оценке Ерепеева, купол достигал здесь километровой толщины. Уже неплохо, но чем дальше от побережья, тем безопаснее. И до самых сумерек «Е в кубе» держал курс на восток.

Ночью повернули к югу и до привала прошли километров пятнадцать. И весь следующий день шли на юг. Радиомаячок в аварийном складе под открытым небом исправно выдавал в эфир свое бестолковое «пип-пип», но пищал теперь не прямо по курсу, а слева. Чем дальше, тем сильнее отодвигался назад источник сигнала, пока не остался далеко за кормой. Наведываться на аварийный склад не было надобности, техника работала исправно.

Хотел бы «Е в кубе» сказать то же о людях, особенно когда они узнают...

Он бы гордился честью возить их по Антарктиде. Но человек — это ведь не более чем человек. Со всеми вытекающими. Со всем его невероятным самомнением, неистребимым эгоизмом, позывами к геройству и тягой к накоплению мелких обид. Обольщаться не стоило.

Монотонно ложилось под гусеницы целинное, никем никогда не еженное антарктическое поле — рыхлый снег на ледяном монолите. Сани, как бульдозеры, толкали перед собой снежные валы. Первая передача, черепаший темп. Час... Другой... Третий... Можно заснуть. «Е в кубе» посадил с собой в кабину супругов Вентцель — бездетную пару немецких медиков, эмигрировавшую почему-то из Таиланда. В новом поселке нужны врачи, хотя бы и педиатры, как Фриц. Кто поймет организм ребенка, тот и со взрослым разберется. И медсестра Ханна лишней не будет. Полезное приобретение для Антарктиды, и люди вроде хорошие, жаль их обманывать...

А еще было жаль, что они оказались неразговорчивыми. Что с того, что мешает языковой барьер? Мешает — так устраний его, а не клюй носом. Спать, что ли, сюда пришли? Не знаешь русского — ну ладно, мы не гордые, объяснимся как-нибудь на пиджин-инглиш...

— What is it? — с чудовищным произношением выговорил вдруг Фриц, тыча вперед пальцем.

«Е в кубе» увидел уже и сам. Вот оно как... Похоже, пора забирать к западу.

— Небольшой заструг, — объяснил он и сильно затруднился, пытаясь перевести слово «заструг» хотя бы на пиджин-инглиш. — «Драконий зуб», понял? Ветер вот так делает... — Бросив рычаги, он начал было показывать на пальцах, что стоковые ветра творят со снегом и куда его метут, но немцы уже поняли. Как видно, перед отъездом из Таиланда штудировали литературу.

— Почему мы движемся вдоль sastrug, а не поперек? — спросил Фриц на ужасном английском.

Сильно стукнуло сердце. Как можно небрежнее Ерепеев постучал костяшками пальцев по магнитному компасу.

— Видите? Мы свернули. Объезд. Впереди еще одна зона трещин, и мы ее объезжаем. Лучше ехать вбок, чем лететь вниз, ферштейн?

Фриц и Ханна согласно закивали: ферштейн, конечно, отчего же не ферштейн. Вполне солидное объяснение. Специалисту по sastrug можно верить. Ему виднее. У него прекрасная репутация. Он надежен. Во всяком случае, он надежно выглядит...

Хотелось бы Ефиму Евграфовичу в это верить!

Вольдемар Зазулька, матрос палубной команды авианосца «Эндрю Джексон», мучился то от жары, то от холода. Тропическое солнце, нацелившись из зенита прямо в маковку, жарило, уничтожив всякую тень, а по палубе, где легко разместились бы два футбольных поля, шквалами налетал промозглый ветер, прокатываясь от носа к корме. Авианосец шел трид-

цатиузловым ходом, а ветер крутил как хотел. Хлоп — клоком тумана в морду. Как мокрой тряпкой. И сразу зябко. Стихнет на минуту — и влажная жара давит из кожи пот, как в июле в Лос-Анджелесе. Хоть футболку надевай вместо матросской куртки — это запрещено, но помечтать-то не вредно...

А заодно о том, что до конца двенадцатичасовой вахты осталось всего-навсего три часа. И о том, что год службы остался позади, самый трудный год, а впереди их уже не пять, а только четыре. Потом, конечно, университет. Экономический или юридический факультет. Министерство обороны заплатит за учебу при условии беспорочной службы в течение всего срока контракта. Надо перетерпеть. Волком бы взвыл, а надо.

Два месяца в океане без захода на базу. Сволочная погода. Сволочная служба. Сволочная, пся крев, команда. Того и гляди украдут деньги или вещи. Запирать на замок личный железный ящичек — быстро приобретаемый рефлекс. Пять тысяч воров. Однажды и замок не помог — раскурочили, паскуды. Цветные, конечно, кто ж еще. Новые кроссовки, спертые в отместку у одного нига, оказались малы. И продать их некому — на корабле опасно, можно погореть по-пустому, а когда кончится этот поход, никому не известно.

Спальный кубрик на сотню рыл с койками в три этажа. Нескончаемо долгие вахты. Обильная, но какая-то ненастоящая пища. Женщины-офицеры, которым козыряй, и женщины-матросы, которых не тронь, не то засудят. Ни намека на спиртное. Развлечений — минимум, хотя работает специальная служба. Есть молельня, но какая в ней святость, если в нее допускаются протестанты и даже мусульмане? Размеренный ритм, как стук колес: работа — сон — работа — сон... Одна радость, что палубная работа. Здесь хотя бы не заперт внутри стальной коробки, как другие, которые солнечного света неделями не видят. Хотя иной раз им позавидуешь: внутри нет ни ключев тумана, ни мокрого ветра в морду...

Терпи. Все терпят. Кому неохота подняться выше мойщика автомашин, того не заманишь ни в армию, ни на флот. А он, Вольдемар Зазулька, еще себя покажет! Что с того, что по

месту рождения президентом ему не стать! Не больно-то хотелось. Не оказаться неудачником — вот необходимое условие и программа минимум. А там уже можно будет подумать об условии достаточном и более развернутой программе.

«И на пособие можно прожить жизнь, — внушал отец. — Но что это будет за жизнь?» А сам так и остался неудачником. В сорок лет было поздно начинать с нуля. Единственное, что сделал толкового в жизни, — все-таки уехал с семьей в Штаты, дал шанс не себе, так сыну...

Свистящий рев двигателей ударил в уши, палуба задрожала — катапульта выбросила в небо разведчика с грибом на спине. Короткий и толстобокий, он летел с грацией не то дирижабля, не то утюга. С кормы заходил на посадку F/A-18. Выписал красивую глиссаду, но промахнулся крюком мимо всех четырех тросов, оглушил форсажем и взмыл, уходя на повторный заход. Следующий сел нормально. Разведчик тем временем сделал круг и, набирая высоту, потянул к юго-востоку, где, скрытая вечным туманом, пряталась страна льдов, пингвинов и врагов цивилизации.

Вольдемар их ненавидел. Из-за них он два месяца не видел берега и предчувствовал, что не увидит его еще по меньшей мере столько же. В том числе и обледенелого антарктического берега. Не увидит даже издали, не говоря уже о том, чтобы высадиться на него — это привилегия десанта и морской пехоты.

«Эндрю Джексон» описывал уже не первую широчайшую дугу в трехстах милях от антарктического побережья, приблизительно повторяя контуры материка. При нем остались лишь корабли охранения, окружившие авианосец, как поросята свиноматку. Шустрые, зубастые поросята. Тщательно прозванивающие море и небо, готовые заблаговременно оповестить об опасности, принять на себя первый удар и ответить, а если надо, то и прикрыть собой «Джексона», сохранив ценой своей гибели основную ударную мощь эскадры. При необходимости их количество можно было удвоить менее чем за сутки. В данный момент половина всей северной группировки рассредоточилась в океане, окружив особым вниманием подходы к

густонаселенному по здешним меркам Антарктическому полуострову и станциям Мак-Мёрдо, Кейси, Дюмон-Дюрвиль, Новорусская, Добровольский, Мирный. На экваторе зона ответственности северной группировки кончалась.

Болтали, будто бы южную группировку здорово потрепал тайфун, но она уже оправилась и продолжает блокаду побережья. Тайфун взыграл и на севере — они опять шли парой, обигбая Антарктиду. Авианосная группа, рискуя, прижалась к берегу. Исполинская туша авианосца легко перенесла шторм, зато малые корабли зарывались в волны едва не по рубку. В штормовой мгле Вольдемар опять не увидел берега, зато разглядел издали гигантский столовый айсберг, отколовшийся от материка то ли из-за шторма, то ли по своей охоте.

Второе казалось вернее. Айсбергу было плевать на тайфун. Рядом с ним авианосец, часто сравниваемый с уроненным набок небоскребом, казался мелкой букашкой, сейчас же поспешившей убраться с дороги плавучего колосса.

Едва наладилась погода, как вновь началось нудное патрулирование. Полеты совершались над сушей и над морем. Разведывательные спутники наводили на нарушителей самолеты и корабли. Пока что вся добыча состояла из одного панамского сухогруза, одного китайского танкера небольшого тоннажа и двух рыболовных суденышек — польского и филиппинского.

Всякий раз о захвате очередной посуды корабельная трансляция оповещала экипаж в бравурных тонах. На несколько часов после этого становилось легче. Вольдемар не думал о том, что даже в случае конфискации судов и контрабандного груза их стоимость не потянет и пяти процентов от затрат на патрулирование. Если бы даже он пришел к этой мысли, то отбросил бы ее как ненужную. Не его ума это дело.

Катапульта выплюнула еще один самолет. Не успел стихнуть свистящий рев, как Вольдемар осознал: надывается сирена. Боевая тревога!

И сейчас же лифт вместо очередного F/A-18 вознес на палубу противолодочный вертолет. Секунда — и ротор машины начал раскручиваться. Не более чем через пять секунд верто-

лет уже был в воздухе, а лифт вновь провалился в чрево корабля. Взлетели и те машины, что уже находились на палубе. Поток воздуха от лопастей заставил пригнуться.

Весело выругавшись, в поле зрения возник Джастин — как всегда, словно бы ниоткуда и, как всегда, с ухмылкой во всю пасть. Вольдемар терпеть не мог негритоса. Он был убежден, что не кто иной, как Джастин, похозьяничал в его ящичке. Украиненные у Джастина кроссовки казались жалкой компенсацией.

— Туда гляди! — зашлепал толстыми губами Джастин, указав направление. — Гринпис пожаловал!

Он веселился. Его место по боевому расписанию было не здесь, но торопиться он явно не собирался, нарываясь на серьезные неприятности. Пес знает, зачем он служил и чего ждал от службы.

Заложить? Разумеется. Сразу после отбоя тревоги. Тезис о том, что доносить на товарищей нехорошо, Вольдемар оставил вместе с детством в далекой Познани. На новой родине стучали все, а на военной службе — в особенности. Да и кто ему здесь товарищ — Джастин, что ли?

А посмотреть было на что. По правому борту милях в двух от авианосца прыгала по волнам стайка надувных лодок. По сравнению с преследующим их эсминцем они казались маленькими и юркими, как черные травяные лягушата. Вольдемар знал, что на самом деле такая лодка легко может вместить человек пятнадцать, а мощности ее двигателя хватит на вполне пристойный катер. Уйти от эсминца они, конечно, не имели шансов, зато могли кружить вокруг него, пока не кончится топливо или пока морякам не будет дозволено применить более крутые меры, нежели простые попытки отогнать незваных визитеров. Без хорошего бинокля было невозможно разобрать, сколько людей сидит в лодках и чем они занимаются, крутясь возле кораблей боевого охранения, но Вольдемар знал и так: мегафоны, телекамеры, попытки намалевать на бортах кораблей какую-нибудь ерунду и все прочее, чтобы ославить на весь мир. Пустячок, а неприятно.

Непонятно только, как эти поганцы сумели подобраться к авианосцу столь близко. Кто-то прошляпил, кому-то вставят хорошего фитиля.

— Чего им надо?

— Они вопят, что наши новые сонары — настоящие глушилки для китов, — ослабился Джастин. — Кого что трахает...

— Но ведь правда? — спросил Вольдемар.

— А я спорю? Дохлого кита все вчера видели. Да и ты видел... Вау!

Форштевень эсминца подмял под себя одну из лодок. Несколько секунд надувное гринписовское суденышко оставалось прижатым к форштевню напором воды и пенило волны, как тупорылый речной буксир, затем выскользнуло, перевернувшись и быстро сдуваясь. Эсминец пронесся впритирку с ним. Повезло ли кому-нибудь из гринписовцев избежать затягивания под винты — этого Вольдемар не разглядел. Так или иначе — несчастный случай, никто не виноват.

— Вот идиоты! — бросил он Джастину, но того уже и след простыл. Зато над ухом сейчас же раздалось резкое «матрос!» лейтенанта Киркпатрика, справедливо гневающегося на ротозея. Вольдемар мысленно застонал, мгновенно забыв о разворачивающейся по правому борту драме. Его так примитивно подставили! Сучий потрох этот Джастин. Ладно, дерьмо ямайское, дай срок, должок с меня ты получишь с процентами, пропажа кроссовок медом покажется...

— Сэр? — Он уже стоял навытяжку, готовый как минимум получить замечание и надеясь, что одним только замечанием дело и ограничится.

Ведь кроме несчастных случаев, бывают и счастливые.

В день, когда поезд свернул к западу, удалось пройти только восемнадцать километров, и те до обеда.

Фриц Вентцель первым заметил перемену курса. Темнить и врать дальше не имело смысла. Ерепеев сумел лишь выгадать несколько часов отсрочки перед неизбежным объяснением.

Он остановил поезд, когда спуск с купола стал слишком явным. Одному Вентцелю еще можно было задурить голову, как всякому новичку, и еще многим можно было бы, едва ли не половине, но всем — нет. Догадаются — хуже будет. Скоро начнется зона трещин, и люди должны знать, куда идут и на что идут. Не прикажешь. Механизмы и те иной раз приходится уговаривать, а уж людей...

Экономя топливо, заглушили двигатели. Завести их на небольшом морозце не составляло проблемы — как-никак не минус шестьдесят. Само собой, теория — это одно, а на практике может случиться все что угодно, но Ерепеев распорядился глушить. Если бы не блокада, можно было бы сказать, что топлива в Новорусской более чем достаточно: цистерны полны и танкер Шимашевича еще далеко не пуст. Но запасы тратятся, танкер на приколе. Никакая посуда не подойдет теперь к берегам Антарктиды. Уже проверено.

Из двери кухонного балка, стоило ее чуть приоткрыть, валил пар, будто из бани. Сегодня, как и вчера, на обед варился рыбный супчик из конфискованного у браконьеров минтая. Мало кем любимое блюдо, но не пропадать же добру! На второе повар обещал котлеты, умудрившись во время движения поезда наvertеть фарша на всю ораву, а на третье — жиденький клюквенный морс. Консервированных ягод осталось мало.

Задабривая публику, труженик пищеблока клялся, что завтра сварит харчо не хуже, чем в «Арагви», выставляя в доказательство своих небывало добрых намерений мешочек грецких орехов, бутылку соуса ткемали и уйму пакетиков со специями.

— А мясо?

— Язык во рту. Обойдетесь тушенкой, тунеядцы. А ну, первое отделение — к приему пищи готовь!

В жарко натопленный кухонный балок с трудом влезало десять счастливиц, назначаемых в порядке очереди. Остальные вкушали походные кулинарные шедевры либо прямо на снегу, либо — в непогоду — тащили кастрюли в свои балки на санях. На почетную должность носителя кастрюли выбирался

наиболее коренастый и устойчивый на скользком льду индивид.

Как всегда, в кухонный балок звали Ханну Вентцель, единственную женщину в первой партии переселенцев. Как всегда, фрау отказывалась, предпочитая оставаться с мужем. Фрицу открыто завидовали.

Если механики слишком долго возились с техникой, что они делали при любой остановке, придирчиво проверяя ходовую часть, можно было пропустить через кухонный балок все три смены голодающих. Конечно, в том случае, если бы у второй и третьей смены хватило терпения ждать.

Никогда его не хватало. Легенды о гомерическом полярном аппетите не вместились бы в трехтомный сборник, и каждая легенда опиралась на реальный факт. Что с того, что полярное стало субэкваториальным? Ты нам зубы не заговаривай, формалист хренов! Подавай сюда свой рыбный супчик, а завтра не забудь наварить побольше харчо, слышь?..

Отсутствие жора из-за плохой акклиматизации во внутриконтинентальной Антарктиде никого не мучило. Какая акклиматизация?! Какая еще, блин-компот, внутриконтинентальность?! В высшей точке подъема поезд не взобрался и на полтора километра, а теперь неуклонно спускался с купола. Еще полдня пути к побережью — и начнется зона трещин, придется искать компромисс между скоростью движения и риском угробиться, размечать вешками безопасный путь...

Нельзя сказать, что на куполе нет трещин. Еще сколько! Но все-таки это благодать божья по сравнению с краем ледника, что ползет к океану куда быстрее, неизбежно ломаясь. И осадков внутри материка меньше, и ветры не такие, а значит, меньше снежных мостов. А где мосты все-таки есть, там можно положиться на наметанный взгляд опытного водителя. Нет нужды тратить время на непрерывное прощупывание пути шестом, не надо постоянно идти на вожжах — шпарь прямо, но не спи!

Обратно по разведанному пути, по накатанной колее идти гораздо легче. «Е в кубе» знал, что при сносной погоде и отсутствии поломок любой из его ребят вернулся бы отсюда в

Новорусскую за трое-четверо суток. Даже с грузом. А добежать без груза вообще не проблема.

Жуткий соблазн для всех, когда они узнают...

Погода была почти приятная: низкое хмурое небо, семь градусов ниже нуля, умеренный ветер. Ни тумана, ни пурги. Народ, не поместившийся в кухонный балок, принимал пищу рядом, кто сидя, кто стоя, а кто и лежа на брюхе перед миской. Обычные в таких случаях шутки сегодня казались натянутыми. Ерепеев молча хлебал супчик, хмуро выплевывал рыбьи косточки. Сейчас должно было начаться...

Упредить, начав самому? Пожалуй, так будет лучше всего. Хм... Лучше бы сделать это после котлет и морса, люди будут поблагодарнее, но, протянув, можно упустить инициативу... вон как смотрит Вентцель, того и гляди осмелится задать прямой вопрос. Да и не один он такой умный...

Нет, подождем. А Фрица надо успокоить кивком — мол, не забыл, объяснения будут даны. Исчерпывающие. Всем сразу. И тем, кто в балке, тоже. Никто не уйдет обиженным.

Вот так... Фриц понял — кивает в ответ. Ну же, кончайте скорее обед, вас ждет зрелище после хлеба! Правда, вам предстоит стать не столько его зрителями, сколько участниками...

— Внимание! — заговорил Ефим Евграфович мощным, почти как у Ломаева, басом, дождавшись своей минуты. — Всех прошу подойти сюда. Есть объявление.

— Что, харчо будет сегодня? — попробовал пошутить кто-то и сам же хихикнул. Шутника не поддержали.

Взглядом из-под насупленных бровей «Е в кубе» медленно обвел неровный полукруг людей, приготовившихся слушать. Людей, доверившихся ему. Он многое отдал бы за то, чтобы не чувствовать себя таким подлецом, как сейчас. И все-таки через это надо было пройти.

— Некоторые уже заметили, что мы повернули к западу, то есть к побережью, — сказал он. — Говоря откровенно, сейчас мы находимся дальше от оазиса Грирсона, чем были в Новорусской. Я уполномочен заявить: это не случайное отклонение.

Сделав крохотную паузу, Ерепеев успел заметить: кое-кто нахмурился. А вот откровенно злой взгляд. Многие еще морщат лбы, они пока что ничего не поняли и ждут разъяснений, доверчивые и преданные...

Преданные Свободной Антарктиде. И преданные ею.

Будут вам разъяснения. Все вам будет. Теперь уже все равно.

— Мы идем не в оазис Грирсона, — вбил он как гвоздь. — Мы идем к морю. Новый поселок будет там. Это решение было принято втайне почти от всех. Мы были вынуждены обмануть вас. Простите.

Кто-то шумно вздохнул. Кто-то зло засопел. Многие переминались с ноги на ногу, не зная, как реагировать. Волна гнева еще не поднялась, но уже клокотала в глубине, копя силы.

— Вы хотите знать, почему мы пошли на такой шаг? Отвечу. И скажу сразу: не только я, но и все ответственные за решение считаем этот шаг позорным. И скажу еще: позорным, но необходимым. В любое другое время мы с огромным удовольствием прокатились бы до оазиса — там давно пора ставить поселок! Но не теперь. Сейчас я поставил бы там декорацию на манер потемкинской деревни, жаль, нет у нас на это ни времени, ни средств...

Ерепеев перевел дух. Его пока слушали.

— А что есть? — спросил он. — Есть блокада Свободной Антарктиды, за которой, вполне возможно, последует вторжение, когда противник выяснит, что блокадой нельзя заставить нас просить пардону. Против интервенции мы беззащитны. Накрыть все наши станции разом — пара пустяков. Единственный выход — рассредоточение. Причем новые поселения должны возникнуть совсем не в тех местах, которые противник может легко засечь или вычислить. Уж всяко не в оазисах. Туманная прибрежная зона дает преимущество скрытности. Пусть это будут временные поселения — наплевать! Морская экспедиция была бы проще, зато выдала бы нас с головой. Мы построим поселок там, где нас не найдут, если мы не обнаружим себя сами. Радиостанции в нем не будет. Кроме присутствующих здесь, лишь один человек в Антарктиде может указать призывное место нового поселка...

Ему приходилось говорить все громче. Он уже почти кричал:

— Прибыв на место, мы сбросим балки. Ваша задача — не медля начать строить постоянные домики для себя и временные — для тех, кого мы привезем следующим рейсом...

— Обманом, как нас? — выкрикнул кто-то.

— Даю вам слово: как только ситуация изменится к лучшему, мы обязательно построим станцию в оазисе и переправим туда всех желающих. Но не теперь. Вы слышите: не теперь!

«Е в кубе» поднял руку, требуя еще нескольких секунд тишины.

— Я сказал почти все. Еще раз прошу прощения за обман. Мы — свободная страна, а вы — свободные люди, с которыми по необходимости поступили подло. Вам решать, как быть дальше. Если вы хотите идти в оазис или вернуться в Новорусскую, мы — я и механики — признаем за вами такое право, но станем противодействовать. Попытайтесь нас принудить, может, выйдет чего. Можете набить мне морду. Я и пальцем не шевельну, чтобы вам помешать. Разумеется, для всех будет лучше, если вы решите, что надо продолжить путь к побережью. Для Свободной Антарктиды так будет лучше. Но еще раз говорю: решать вам. Одна просьба: как бы вы ни поступили, действуйте всегда вместе, не ссорьтесь, не бейтесь на фракции, иначе погибнете. Почти все вы новички в Антарктиде. Индивидуалистов она не любит...

Несколько человек уже подступали к нему, выкрикивая ругательства на разных языках. Но и кто остался на месте, отнюдь не безмолвствовал. Многоголосый и многоязычный гвалт взвился над ледяным полем, сроду не слышавшим такого шума. За спиной под чьими-то подошвами предательски скрипнул снег — кто-то из механиков инстинктивно подался назад. Все было понятно Ефиму Евграфовичу, да и чего тут было не понять. Страшно, когда вчерашний друг становится не просто врагом, но зверем.

Ему самому мучительно хотелось шагнуть назад — раз, другой. Потом побежать, сбивая с ног тех, кто кинется наперерез. В кабине вездехода лежал карабин, маня, как бесценное со-

кровище. Успеть добраться до него, пальнуть для остротки поверх голов, может, образумятся?

Очень вероятно. Но это будет означать, что они не люди, а скот, который можно гнать куда угодно, не интересуясь его мнением. Их уже обманули. Они смирятся и с худшим... пусть лишь на время, но все-таки смирятся. И это гаже всего. Быть может, Антарктида останется независимой, но она уже никогда не станет Свободной...

Стиснув зубы, сокрушая в себе инстинкт самосохранения, Ефим Евграфович медленно опустился на колени. О тех, кто надвигался на него, он изо всех сил пытался продолжать думать как о людях. Получалось с трудом, но он старался. Главное — не смотреть на них. Нет, он не поднимет на них руку. Он прав, но правы и они. У каждого своя правда.

И самое время высказать ее в полный голос. Хотя бы для этого им пришлось затоптать насмерть «начальника транспортного цеха». Кто там сказал, будто повинную голову меч не сечет? Ой, вряд ли...

— Хальт! — звонко выкрикнули над ухом. От волнения Ханна Вентцель перешла на родной язык. — Алле хальт! Шиссен!

Сверкнув никелем, маленький дамский пистолет в ее руке бабахнул поверх голов куда менее хлестко, чем карабин, зато с оглушительным грохотом. Что Ерепеев считал для себя недозволенным, на то Ханна имела полное право.

— Драй шритте рюквартс! Шнеллер!

Впоследствии «Е в кубе» признавался, что только в тот момент признал несомненные достоинства немецкого языка, по крайней мере в части энергичных команд. Толпа мигом отпрянула не на три шага, как было велено, а на все пять. Один только Фриц исполнил команду в точности и украдкой подмигнул Ерепееву: мол, на нас можешь положиться, мы поняли обман раньше других и в принципе согласны с его необходимостью, хотя ты все-таки большая свинья...

— Следопут, — сказал он по-русски, не заметив, насколько удачно переврал слово. — Чингачгук ди гроссе шланге...

— Сусанин! — поддержал ухмыляющийся Пятко.

На этих можно было положиться. Настроение большинства, похоже, менялось в направлении «казнить нельзя, помиловать». Трое-четверо самых оголтелых отступали перед Ханной, как беспородные собаки перед не ведающей страха волчицей.

— Мне стыдно за вас! Дикари! Канныбалы! — кричала она на скверном английском, все еще продолжая угрожать пистолетом. — Мы можем и должны решить нашу проблему цивилизованно!..

Цивилизованное решение затянулось дотемна. В этот день поезд стоял, а воздух сотрясался от борьбы амбиций. Одному механику, чересчур рьяно выступившему в защиту начальства, расквасили нос. Фрица Вентцеля смазали по уху, и он сцепился с обидчиком, а Ханне пришлось произвести еще один выстрел в воздух. Основная дискуссия велась вокруг предложения высадить тех, кто упрямо хочет идти к гнусному туманному побережью, сбросив им, чтобы не подошли, пищу, топливо и сборные домики, и налегке вернуться в Новорусскую. Сперва на восток, потом на север... Путь простой, опасные зоны отмечены. Дойдем! Что, не справимся с управлением вездеходами? Научимся! Невелика премудрость! А ну, кто за это предложение — голосуем!..

Наутро поезд двинулся. Не на восток — на запад. К побережью.

Глава 3 ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКИЙ ЧЕЛОВЕК

К концу второй недели жизни в Женеве Ломаев возненавидел этот город.

Раздражала пестрота. Ломаев никогда не любил Москву с ее кичливой бестолковостью, но здесь было еще хуже. Быстро приелись городские достопримечательности. Псевдоготический монумент Брюнsvик с вознесенным черт-те куда гробом, заключающем в себе останки одноименного маршала, лишь в первый день заставил озадаченно почесать в затылке. Увидев

его вторично, Ломаев лишь саркастически ухмыльнулся; узрев в третий раз — возненавидел «весь этот кич». И если бы только монумент! Если бы только достопримечательности! Если бы только круглосуточные магазинчики о двух комнатах с занавесочкой!

Когда-то Ломаев считал себя человеком широких взглядов, отнюдь не пуристом. Теперь его раздражали ни черта не стесняющиеся трансвеститы, которых он относил к язвам капитализма и которых согласился бы собственноручно перепороть, если бы только сумел подавить в себе брезгливость. Бесили попадающиеся в изобилии геи, и этих хотелось уже не пороть, а топить. Выводила из себя веселая музыка, временами доносящаяся из квартала Красных фонарей. Одним словом — хотелось уехать, и подальше. Сперва хорошо бы порхнуть легкой пташкой в Тверь, забрать своих — и домой, в Антарктиду!

С брезгливой опаской он обходил стороной обдолбанных наркоманов. Трудно было понять, почему Женева считается одним из самых безопасных городов мира. Сингапур — вот безопасное место! За торговлю наркотиками — смертная казнь, за бизнес на порно — лет сорок тюрьмы. Бросил на асфальт окурок — пятьсот долларов штрафа. Индус-полисмен корректен, но непреклонен и взятку не берет. В Сингапуре русскому особенно трудно, но ведь ко всему привыкаешь. Жить можно везде, а вот детей растить — лучше места нет. Если бы еще не пятидесятиградусная влажная жара...

Не-е-ет, Антарктида лучше всего! Пока. Потом-то, конечно, она захворает всеми болезнями цивилизации, включая наркоманию и представительскую демократию. Зараза уже внутри, пошел инкубационный период, но можно надеяться, что он продлится еще несколько лет. При умной политике — несколько десятилетий.

И достаточно. Этого срока хватит, чтобы вырастить полноценную, здоровую духом нацию; нельзя же допустить, чтобы она начала гнить заживо, еще не выйдя из пеленок...

Хотя это вопрос второй. Добиться, чтобы ее не прихлопнули в пеленках, — вот задача.

Настроение Ломаева портилось с каждым днем. Перестали радовать ежедневные акции бомжеватых антиглобалистов перед Пале-де-Насьон, несмотря на то, что половина их лозунгов была посвящена Антарктиде. Тут было и «Да здравствует», и «Руки прочь», и непристойные карикатуры на мировых лидеров, и еще много чего. Оградив подходы стальными барьерами, спецотрядами и пожарными машинами, полиция не подпускала беснующихся к Дворцу наций, но те пока и не особенно рвались. По всему было видно — копили силы. Центр города медленно, но верно утопал в мусоре. И каждый день поезда вытряхивали на перрон новые таборы борцов с империализмом.

Теперь все четверо антарктов избегали без дела появляться на улице. Боялись провокаций. А-то и просто щелкнет тебя гаденыш-папарацци на фоне явных моральных уродов с крикливыми лозунгами — вовек потом не отмоешься. Сам-то ладно, перетерпишь, невелика птица, а дело не компрометируй!

И без того в прессе хватало вранья об Антарктиде и антарктах.

Особенно рьяно изощрялись в выдумках те, кто сроду не видел Антарктиду иначе, чем на телеэкране. Со всех сторон обсасывался вопрос дефицита женского пола на Белом континенте. Высказывались догадки (сплошь и рядом подтверждаемые «очевидцами») о нечистоплотных отправлениях антарктами половой потребности. Повальным гомосексуализмом ныне никого не удивишь, а вот сожительство с пингвинами — о, это ново! Шокирует. Будоражит.

Ломаев сжимал кулаки, молча играя желваками. Кулаки были большие и твердые, а толку с них — ноль. Шеклтон меланхолично посасывал виски и пристрастился курить трубку. Чаттопадхьяйя по часу в день занимался медитацией и дыхательной гимнастикой. С помощью чего держал себя в руках Кацуки, установить не удалось, но Шеклтон клялся, что не однажды слышал доносящиеся из его номера приглушенные удары, как будто кто-то усердно выколачивал ковер.

После первого успешного контрудара — выступления Кацуки — дела антарктов неуклонно катились под гору. Атака

шла со всех сторон. Выводы антарктической научной школы либо опровергались, либо игнорировались, и она школа обвинялась то в пристрастности, то просто в шарлатанстве. Из России и Канады раздавался был писк о том, что сделанный антарктиками прогноз проверен и в общих чертах соответствует истине, — но услышан не был. Свободная Антарктида теряла очко за очком.

Казалось бы, достаточно было выйти на трибуну, ткнуть в карту мира и сказать: вот данность. Всем видно? Поднатужьтесь и примите ее. Мы не виноваты, что она такова, какова она есть. Мы не можем вернуть материк на прежнее место. Мы лишь сделали политический шаг, способный при вашей поддержке не дать разгореться мировому конфликту. Так давайте гасить конфликт в зародыше, а не разжигать его! Поддержите нас ради самих себя — и ущерб будет не столь уж велик, как вы думаете, а главное, миру опять удастся пробалансировать на краю пропасти, не скатившись в безумие взаимного уничтожения!

Вначале мнилось: чего проще? Всякого разумного человека можно убедить разумными доводами. Делегация Антарктиды готовилась к тяжелым битвам, твердо зная: шанс на победу существует.

Оказалось — нет. День за днем Антарктиду гвоздили за все грехи, реальные и мнимые. Антаркты огрызались с ядовитой вежливостью, но, несмотря на все старания, их словесные контратаки день ото дня слабели. Ученый диспут был еще возможен — политического торга не получалось. Не оправдалась и слабая надежда на поддержку со стороны российской делегации. Трезвым умом Ломаев понимал: с какой стати? Неужели на том основании, что в придачу к путеводителю по Петербургу со временем станет предлагаться акваланг? Но на душе было тяжело.

По-прежнему ни одна страна мира не намеревалась признать новое государство. В кулуарах от антарктов шарахались, как от зачумленных. Впереди маячила перспектива глухой обороны и окончательного поражения.

— Блокада! — правильно называл Ломаев одну из причин и облегчал душу грязными ругательствами, втайне надеясь, что его с Шеклтоном номер кем-нибудь да прослушивается. — Шавки, лизоблюды! Шестерки мирового пахана!

— Зато Геннадий-сан оказался провидцем, — вымученно улыбаясь, напоминал Кацуки.

Слабое утешение. Причину внезапного молчания Госдепа и евроатлантической прессы об устарелости договора о статусе Антарктиды не расшифровал бы только ленивый умом. Мировой пахан свистнул шестеркам: ша! Вульгарный и бесхитростный захват Антарктиды, пожалуй, не пройдет — тут встанут на дыбы и Китай, и Индия, и даже Пакистан с Северной Кореей, а гладить ядерные державы против шерсти себе дороже. Совсем иное дело — опереться на старый договор и, обвинив антарктов в его нарушении, ввести в Антарктиду ограниченный военный контингент, формально международный. Можно даже попытаться получить на это мандат ООН, а нет — обойтись без мандата. В быту что лбом о кирпич, что кирпичом по лбу, все едино, а в политике от перемены мест слагаемых результат меняется радикально.

Первый шаг — торговая блокада Антарктиды — был осуществлен с чрезвычайной легкостью. Он был выполнен сразу по получении приказа, поскольку необходимые для этого военноморские силы уже находились в районе патрулирования. Немедленно последовал второй шаг: корреспонденты, съемочные группы и туристы получили настоятельные рекомендации как можно скорее покинуть Антарктиду. Что до формирования благоприятного для вторжения общественного мнения, то этот длинный-предлинный шаг всего лишь вступил в очередной этап.

В одну минуту Брюс Тейлор превратился из «отвратительного ренегата» и «национального преступника номер один» в несчастную жертву кучки авантюристов, узурпировавших право распоряжаться целым континентом. Само собой разумеется, жертва держалась с присущим истинному американцу достоинством, то есть шла на все ради сохранения своей жизни как высшей ценности.

В ту же минуту весь цивилизованный мир с содроганием узнал о варварском отношении антарктов к девственной природе континента-заповедника. Рокуэл-кентовские красоты Антарктиды демонстрировались теперь исключительно с текстом, поясняющим, что ничего этого скоро не будет. А что будет — смотрите! Мусорные кучи в перенаселенных поселках (увы, святая правда). Пятна нефти у побережья (полуправда: не нефть, а соляр, притом немного было того соляра — не больше, чем плавает по поверхности воды во всех портовых акваториях). Варварский отстрел несчастных пингвинов (чистейшее вранье и гнусная провокация). Наконец, бандитская рожа дизелиста Самоклюева — ну чем не выродок? Достаточно одного взгляда, чтобы понять: обладатель такой рожи вряд ли задумывается о высших ценностях цивилизации, а потому и сам к упомянутым ценностям не относится...

Что произойдет дальше, было ясно даже ежу, а уж Ломаеву и подавно. Оставалось неясным, сколько времени имеется в запасе. Что можно успеть за это время, было неясно вдвойне.

И можно ли вообще успеть, когда силы уже пришли в движение? Когда валун покатился с горы, пока что медленно и вальяжно? Когда слой снега уже заскользил, грозя обернуться ревушей лавиной?

Ломаеву и в голову не приходили столь образные сравнения. Он просто искал хоть какую-нибудь зацепку — и не находил ее. Контрпропагандистские ресурсы «Антарктиды online» были исчерпаны до конца. Конференция, от которой ждали многого, не обещала ничего, кроме резолюции с длинным перечнем претензий к свободной Антарктиде. Пухла голова. Впервые за долгое время хотелось купить литра два любой жидкости крепостью не ниже сорока и налакаться в зюзю.

На пару с Еремой Шеклтоном. А не захочет — так в одиночестве.

Нельзя... Надо стоять до конца — вдруг выпадет шанс? Ловить его лучше на трезвую голову. Это только независимость хорошо объявлять под градусом, когда любая проблема кажется чепухой и утконосы мерещатся...

Утром тридцатого апреля индус-коридорный вручил Ломаеву конверт, сложил смуглые ладони лодочкой в ожидании чаевых и, получив монету, исчез. Конверт был девственничист, зато внутри таилась записка на русском: «В полдень у фонтана. Ван Трек».

Ломаев покрутил записку так и этак. Ничего более не обнаружив, хмыкнул. Если бы не подпись, можно было бы подумать: приглашение на романтическое свидание. У фонтана. У какого фонтана-то? Их тут до черта. Надо думать, у того высокого, что бьет из озера...

— Сегодня хорошая погода, — на всякий случай напомнил Шеклтон, увидев, что Ломаев берет с собой зонт.

— Значит, фонтан работает. Ты вот что, Ерема... Ты иди, а я сегодняшнее заседание пропущу, ладно? Расскажешь мне потом, что и как...

— А ты? — спросил Шеклтон.

— Что я?

— А ты расскажешь?

— По возможности, — честно ответил Ломаев.

Австралоантаркт морщил лоб, думал.

— Так надо для Антарктиды? — осведомился он в сильном сомнении.

— Нет, блин, так надо для Каймановых островов! — вышел из себя Ломаев. — Для Тринидада с Тобагой! Проницательный ты, я гляжу, до ужаса...

— Не надо ссориться, — кротко сказал Шеклтон. — Я просто спросил.

— А я просто ответил. Извини, мне пора.

С торца пешеходной дорожки, проложенной над озерной гладью к самому высокому в мире фонтану, но не доходившей нескольких шагов до струи, чтобы какому-нибудь простаку не оторвало напором воды руку или какую иную телесную деталь, вид наверх открывался просто потрясающий. Нельзя было понять, где кончается мутно-белая от воздушных пузырьков водяная колонна. Где-то она, конечно, кончалась, рассыпаясь

дождем — моросью с наветренной стороны и тропическим ливнем с подветренной. Когда неустойчивый ветер, мотаясь, как собачий хвост, из стороны в сторону, поворачивал в сторону пешеходной дорожки, она вмиг пустела.

Сегодня на ней былолюдно и почти сухо — ветер дул как надо. Ломаев подумал, что зря взял зонтик. Часы показывали уже семь минут первого. Мимо то и дело проходили горластые, пестро одетые туристы, увешанные фото-видеокамерами. Слышалась разноязыкая речь, звучал беззаботный смех. С баночным пивом в руках прошла полутрезвая русская компания — Ломаев шевельнул ухом, ностальгически впитывая родную речь. По воде сновали муэты — желтые моторки, выполняющие здесь роль маршрутных такси.

Иост ван Трек не появлялся. Загадочный ван Трек, рекомендованный Шимашевичем как человек, на которого можно всецело положиться, был непунктуален. Стоило час петлять по городу, меняя такси! Если и удалось стряхнуть гипотетическую наружку, не факт, что «хвост» не прирос вновь. Времени на это ему было дано предостаточно.

«А если это ловушка? — уже не в первый раз пришла Ломаеву в голову малоприятная мысль. — Отсюда и убежать-то некуда, и полицию на помощь позвать не успеешь. Чем больше снует людей, тем легче изъять одного из них. Чего проще? Пшикнут в нос аэрозолем, с приблудками погрузят «пьяного» в муэт — и поминай как звали. Надо думать, сейчас многие не прочь побеседовать по душам с видным антарктом. Подтвердить разведданные в неформальной, так сказать, но отнюдь не дружеской обстановке...»

Один муэт заложил красивый вираж, явно нацеливаясь пройти тихим ходом впритирку к дорожке, и сейчас же возле уха прозвучало на ностальгическом русском:

— Это я послал вам записку. Не оглядывайтесь. Приготовьтесь прыгать.

Отбросив сомнения, Ломаев просто шагнул на борт суденышка. Прыгать? Много чести. Кто хоть раз разгружал судно, причалившее к припаю, тот знает, что такое прыгать. Это ког-

да не знаешь, будешь жив или нет. Зато максимальная скорость хода желтого муэта не шла ни в какое сравнение с медлительными судами антарктических экспедиций. Не успели два пассажира занять места, как муэт надал и помчался по мелкой волне, вмиг оставив позади и фонтан, и дорожку, и заинтригованных зевак.

— Вы Иост ван Трек? — спросил Ломаев, приглядываясь к незнакомцу. Мужик как мужик, ничем внешне не примечательный, таких много. Две руки, две ноги, одно туловище, набалдашник головы без особых примет...

Если что и было примечательного, так это прикид. Кургузый пиджачишко с кожанами локтями. Портки — брюками их назвать трудно — заправлены в гетры, а те в высокие ботинки. Лишенную особых примет голову субъекта венчала зеленая тирольская шляпа — предмет, остро презируемый Ломаевым наравне с альпийским горловым пением. Не то охотник, спустившийся с гор, не то болван-турист, поддавшийся экзотике, и скорее второе.

— Я ван Трек, — был ответ.

По-русски он говорил с легчайшим, едва заметным акцентом.

— Из Нидерландов? — внутренне подбираясь, осведомился Ломаев.

К этой стране он питал особенную нелюбовь. Голландская делегация ежедневно проедала антарктам плешь, требуя триллионных компенсаций за затопление своей ничтожной территории. То, что компенсации, по идее, должна платить виновная сторона, в данном случае отсутствующая, во внимание не принималось. Еще до начала конференции юристы двух голландских фирм под предлогом будущих убытков ухитрились трижды добиться ареста — законно, через суд! — уже оплаченных товаров, предназначенных для Свободной Антарктиды. Эти товары до сих пор не удалось выручить.

Только вчера Шеклтон в очередной раз заявил, что ни Голландия, ни любая другая страна не вправе рассчитывать на компенсации, Свободная Антарктида вообще не собирается рас-

смазывать подобные смехотворные требования. С какой стати? Свободная Антарктида готова предоставить новые места для проживания — и только. Свободная Антарктида в принципе согласна рассмотреть вопрос о национальных автономиях — но не более того. Вреда не будет. Антарктические поселки — бывшие научные станции — национальны и наднациональны одновременно. Бесполезно запрещать всякого рода землячества, бессмысленно и преступно ограничивать общение людей одной национальности. Со временем неизбежно произойдет перемешивание, оно уже происходит...

Ах, речь пока что идет о семистах километрах защитных дамб, на постройке которых Голландия рвала пуп и тратила миллиарды? Однако — поправьте меня, если я ошибаюсь! — система дамб, возведенных по проекту «Дельта», рассчитана всего-навсего на сто двадцать лет. За такой срок океан еще не перехлестнет через дамбы, вот расчеты...

Что? Вы в них не уверены? Платить? Дудки. Вот вам тающий ледник, с него и спрашивайте.

Разумеется, насобачившийся в риторике Шеклтон придал своей речи более обтекаемый вид — без потери смысла. Нельзя было, однако, сказать, что он кого-то успокоил ею. Особенно голландцев.

Если уж быть совсем честным, Ломаев не жаловал и иных европейцев. Итальянцев он не любил за сексуальную озабоченность, испанцев — за корриду, французов — за мелочное скупердяйство, англичан — за самомнение, немцев — за бундесрат, что бы это ни значило, поляков — за нелюбовь к русским, русских — за слабую поддержку Свободной Антарктиды, украинцев — за сукина сына Мазепу на денежных знаках, швейцарцев — за доброжелательное наплевательство на всех без исключения. Неясно было с греками и мальтийцами, хотя и им, пожалуй, симпатизировать не стоило. За теплотюбивость.

Но Голландия лидировала с большим отрывом.

— Нет, я живу в Гейдельберге, — ответил ван Трек.

— Ага... А почему у вас такая фамилия?

Ван Трек поднял одну бровь и чуть заметно улыбнулся, давая понять, что готов простить невольную бестактность собеседника.

— Мне кажется, всяк сам волен выбирать, где ему жить. Вы ведь выбрали?

Возразить было нечего.

— Гейдельберг, Гейдельберг... — пробормотал Ломаев. — Что-то знакомое. Вроде как чьи-то кости там нашли... Бавария, кажется?

— Пфальц.

— Вы голландец по рождению? — сумрачно рек Ломаев.

— Ну, допустим, нет. Это что-то меняет?

— Возможно, многое. Итак, кто же вы? Русский?

Ван Трек сдержанно засмеялся:

— Вам не кажется, что сейчас не время и не место задавать прокурорские вопросы?

— Русский, — утвердительно произнес Ломаев. — Имя голландское, живете в Гейдельберге, а гражданин, наверное, какого-нибудь Лесото, а заодно и Суринама. Давно в розыске?

Ван Трек каменел на глазах.

— Ну, знаете, это совершенно не ваше дело...

— Отчего же? Знание партнера есть основа доверия к нему. Это аксиома... Не надо нервничать: я антаркт, а у Свободной Антарктиды с Россией договора о выдаче нет. — Ломаев ухмыльнулся, приглашая собеседника оттаять. — Кстати, куда мы едем?

— В одно место в горах. Не беспокойтесь, к ночи доставим вас обратно. В крайнем случае завтра утром.

— Мои коллеги будут беспокоиться...

— Им придется это пережить, — отрезал ван Трек.

— Допустим... А без этих джеймсбондовских штук мы никак не могли уединиться?

— Зато гарантия. Не такая вы персона, чтобы за вами пускали сразу две группы наружки. От двух бы мы, пожалуй, не оторвались. А так легко уйдем. И разговор наш сейчас вряд ли прослушивают: быстро перемещаемся, да и движок ревет...

Обратите внимание, сейчас откроется классный вид на Монблан, куда лучше, чем с набережной...

Монблан оказался на месте, а движок и вправду надрылся так, будто был готов взорваться. Муэт держал хорошую скорость. Наверное, это был не совсем стандартный муэт...

Город убежал назад. Озеро приглашало полюбоваться видами один живописнее другого. Вертя головой, Ломаев обращал на них мало внимания — отслеживал, не гонится ли за муэтом какой-нибудь катер, не висит ли над озером вертолет... Но нет, катер не гнался, и ничегошеньки не болталось в небе, кроме пузатого дирижабля для любящих экзотику туристов, да и тот остался далеко позади.

Полчаса спустя муэт уткнулся в берег.

— За мной!

Крутой подъем пришлось одолевать на четвереньках, зато наверху ждала машина. Не дожидаясь, когда запыхавшиеся пассажиры захлопнут дверцы и устроятся на заднем сиденье поудобнее, водитель дал газ.

До чего приятно было выглянуть в окно — это ж надо быть антарктом, чтобы ощутить сполна! Прилепившийся к склону дом из потемневшего бруса обступили мохнатые ели. В сторону долины сбегал альпийский луг, и резкая зелень молодой травы пестрела цветами. Хотелось валяться на этом лугу, обоняя и осязая траву, слушая шебуршание птиц в ветвях, с умилением следя за перемещениями пасущейся вдалеке овечьей отары, послав подальше все дела и заботы.

Что за благодать! Заключенному в ледовых ландшафтах антаркту, вечно тоскующему по краскам и запахам, ничего не стоит вскружить голову пучком салата, не то что целым миром буколического спокойствия! Женева все-таки город и к отдыху не располагает...

Несколько спален, кухня, большая гостиная с камином, бильярдная на два стола. Все простенько, со вкусом. Чем был раньше этот дом, Ломаев не стал выяснять. Наверное, не шибко процветающей крошечной гостиницей для охотников и ту-

ристов. Надо думать, альпинисты и горнолыжники забирались выше в горы. Швейцарско-антарктическая фирма Шимашевича выкупила дом для себя. Водись у Ломаева шальные деньги, он сделал бы то же самое. Только обслугу не стал бы нанимать.

Да, мир был чудесен, однако Ломаеву приходилось смотреть отнюдь не на лучшую его часть, а именно на Иоста ван Трека. Как его зовут на самом деле, гейдельбергский человек не сообщил, и вряд ли это было существенно. Допустим, Иосиф Трекалов или Иона Троицкий. Да хоть Троицкий! Главное — человек Шимашевича. Насчет того, что антарктический набоб тяготеет к людям с российским менталитетом, Ломаев и сам давно смекнул, и от яхтсменов слышал.

И все же он опознал в ван Треке бывшего соотечественника не по сему сомнительному признаку. Логика и дедуктивный метод также были ни при чем. Интуиция? Да хоть бы и интуиция, все равно ведь как назвать мгновенное узнавание черт знает по каким ускользающим от понимания штришкам. Штришок там, штришок тут — вот и возникла картина. Интересно, акцент у тебя искусственно поставленный или благоприобретенный? Чем ты в юности занимался, доверенное лицо набоба? Фарцовкой у «Интуриста»? Наверное. Как многие. Но ты не дурак был, и золотых цепей впоследствии не носил, и изо всех сил лез на такие высоты, где никто не посмел бы назвать тебя братаном, лез на высоты недосыгаемые, абсолютные, дающие ощущение безопасности, и удача мимо тебя не шла... до времени. Пока мордой об забор. Где ты споткнулся? Что знает о тебе Шимашевич, раз на все сто уверен в твоей преданности?

«А что знаю о Шимашевиче я?»

Мысли проскакивали как-то импульсно, короткими вспышками, не оставляющими послесвечения. Ненужные, они и не мешали. Пришло время слушать, и Ломаев внимал.

— ...Осталось дней пять-шесть, не больше, — горячо втолковывал ван Трек. — Возможно, гораздо меньше. Точной даты и часа мы пока не знаем. Силы вторжения находятся в полной

готовности, ждут приказа. Знаете, как будет называться операция? «Неустрашимая забота», каково! — Он хихикнул. — Забота, само собой, о Белом континенте. В смысле очищения его от узурпаторов-антарктов ради торжества законности. Не мне вам говорить, что это означает на самом деле.

Ломаев важно кивнул. Да уж. Не тебе.

— Я надеюсь, у вас нет сомнений в том, что силы вторжения способны осуществить свою миссию без особых проблем? Нет? Вот и хорошо. Авось их там поморозит как следует, и то дело. Но в смысле силового противодействия, вы меня извините...

— Антаркты будут драться, — сказал Ломаев.

Ван Трек повел ухом: уж не ослышался ли?

— Вы серьезно?

— Абсолютно. Мы будем защищать нашу свободу с Шимашевичем или без, с мировой поддержкой или без нее. Я не шучу.

Ван Трек даже крикнул от огорчения:

— Вы можете не шутить, но они-то перестреляют вас шутя. Как куропаток. Стоит вам только дернуться... Все решено. В данный момент за вас не вступится ни одна держава...

— Значит, обойдемся без держав.

— Что ж... безумству храбрых, как говорится... — Ван Трек развел руками. — Простите мой праздный интерес: вам правда будет приятно, если ваши родные принесут вам цветы на могилу? При условии, конечно, что у вас будет могила...

— Кофе угостите? — игнорировал Ломаев вопрос, посчитав его риторическим.

— Ну конечно! — встрепенулся ван Трек. — Сейчас я распоряджусь. По-турецки? Или капучино?

— Сойдет и растворимый. Только без сахара и молока.

— С коньячком, быть может?

— С коньячком.

Не прошло и трех минут, как на столике появился серебряный поднос с двумя чашечками дымящегося кофе, бутерброды с икрой, нарезанный ломтиками лимон, янтарная жидкость, налитая почему-то в химическую колбу, и два пузатых коньячных бокала в полной боевой готовности.

— Моя прихоть, — улыбаясь, ван Трек указал на колбу. — Я ведь в Менделеевском учился. Эх, были времена... Чего мы только не творили... Как вспомнишь, так вздрогнешь.

Вздрагивать он, впрочем, не стал, а потянулся в кресле, заложил ладони за затылок и закатил глаза, с явным удовольствием предаваясь сладкой ностальгии.

Ломаев на него не смотрел. Он смотрел на особу, принесшую поднос. Когда она вышла, чуть покачивая бедрами, он вспомнил об отпавшей челюсти и поставил ее на место.

— Хороша цыпа? — подмигнул ван Трек, проследив за взглядом Ломаева. — Гелена из Братиславы. Прекрасная Елена, можно сказать. Гм... Вообще-то я зову ее Геллой, хоть она и не рыжая, и знаешь почему? Расторопна, понятлива, а главное, нет такой услуги, которую она не сумела бы оказать. — Хохотнув, он подмигнул снова. — Это намек. Обдумай. А пока давай наливай по потребности. Коньячишко что надо, сорокалетний...

— Я с вами, между прочим, — с ненавистью произнес Ломаев, налегая на «вами», — брудершафта пока не пил.

— Ну, это можно исправить. — Гейдельбергский человек ни в какую не желал замечать неприязни к нему собеседника. — Может, не коньяк? Текила, кальвадос? Абсент есть чешский. А то водочки, а? Водка «Антарктика» — доводилось пивать такую? На основе воды из антарктических ледников, между прочим. Без дураков. Наша фирма делает. Такая жидкость — м-м... Слеза!

— А спирт в ней на основе тюленьего помета? — нелюбезно поинтересовался Ломаев.

Секунду или две гейдельбергский человек соображал, принять это за шутку или нет. Решив принять, захохотал — чуть более старательно, чем надо.

— Ближе к делу, — отрубил Ломаев. — Я сюда не пить приехал и не девок трахать. Что нужно Шимашевичу? Только покороче.

Легкая тень набежала на чело ван Трека и сейчас же исчезла. Он поднял ладони — понимаю, мол, и уважаю. Прежде всего дело.

— У Свободной Антарктиды все-таки есть шанс... — начал он.

— Дураку понятно, — нетерпеливо перебил Ломаев. — Не было бы шанса, нужен был бы я Шимашевичу, как же!

Ван Трек укоризненно покачал головой.

— Вы неверно оцениваете побуждения Дениса Игнатьевича. Если бы вы знали его чуть получше, скажем, так, как знаю его я, то... Впрочем, не будем об этом. Надеюсь, вы еще сможете убедиться в своей ошибке...

— Короче, — подстегнул Ломаев.

— Если короче, то вам, разумеется, ясны истинные причины готовящейся агрессии. Причины эти геополитические, то есть по большому счету экономические. Дело не только в желании уже сейчас компенсировать будущие убытки от затопления. Дело в том, что разработка природных богатств Антарктиды внезапно стала потенциально рентабельной. Возможно, даже сверхрентабельной. Вы это понимаете?

— Это и ежик понимает, — буркнул Ломаев.

— Пока что ежик одного не может понять: что сила солому ломит, — уколол ван Трек. — Антарктида беззащитна. Информационная война проиграна. Ваши попытки отстоять свою позицию на конференции при всей их неумелости были восхитительно настойчивы — я просто любовался. Вы многих заставили сочувствовать своему делу. К сожалению, не тех, от кого что-то зависит. И вы ведь не достигли своей основной цели, не так ли? Кстати, и не могли достигнуть, потому что такие дела решаются не на конференциях...

— Быть может, вы подскажете мне, где они решаются? — огрызнулся Ломаев.

Слушать такое было просто обидно. Тем более от какого-то сукиного сына. Пришлось без промедления набурлить себе из колбы коньяку и хлопнуть залпом. Помогло.

— Там, где встречаются два умных человека, — польстил ван Трек. — Иногда их бывает больше, но всегда немного. Однако не будем отвлекаться... Итак, шанс избежать вторжения и сохранить государственность у Антарктиды есть. Шанс единственный и далеко не стопроцентный. Вцепиться в него, ей же ей, стоит.

— Короче...

— Заключение соглашения с консорциумом AnSO — «Антарктик шельф ойл».

— Впервые слышу о таком консорциуме, — сказал Ломаев.

— Не только впервые, но и одним из первых. В консорциум войдут крупнейшие сырьевые компании мира... в том числе и России, заметьте. Влияние Штатов в нем будет значительным, но не преобладающим. Поверьте, это было непросто... И тем не менее нам удалось прийти к соглашению.

— Нам? — вскинулся Ломаев. — Кому это «нам»?

— К чисто предварительному соглашению, смею вас уверить. Решающее слово остается за вами. То есть за вашей делегацией. Ведь ваша четверка имеет полномочия подписывать соглашения от имени Свободной Антарктиды?

— Ну, предположим, имеет... А ратификация? Сперва Конгрессом, потом всеантарктическим референдумом...

Ван Трек комично зама́хал на Ломаева лапкой:

— Не вопрос! Я вам удивляюсь, честное слово. Ну кому охота совать голову в петлю? Согласятся! А для гарантии можно сначала выставить на референдум вопрос о немедленном предоставлении гражданских прав всем иммигрантам. Под соусом демократизации и при поддержке мирового сообщества. Уж иммигранты согласятся наверняка — очень им надо было ехать на край света, чтобы влипнуть в войну!

— Именно поэтому мы никакого соглашения и не подпишем, — отрезал Ломаев.

Глава 4 АНТРЕСОЛИ РЕАЛЬНОСТИ

ИЗ ЗАПИСОК ЛОМАЕВА

«Он еще много чего наговорил, уламывая меня, и безумно мне надоел. Что особенно противно, логика была на его стороне. Это обстоятельство моего настроения никак не улучшало.

Я даже признал, что в его построениях присутствует здравый смысл. А он доказал мне как дважды два, что дело наше проигранное и что гораздо выгоднее проиграть по очкам, договорившись до боя с менеджерами противника, нежели получить нокаут на первой же минуте первого раунда.

Как будто я без него это не знал!

Так что же: расслабиться и получить удовольствие?

Он говорил, что ни одна страна мира не успокоится, пока не урвет свою долю компенсаций за уже причиненный, а главное, за будущий ущерб. Я отвечал, что Свободная Антарктида в принципе согласна обсудить лишь вопрос оплаты национализированного нами имущества бывших научных станций — само собой, по остаточной стоимости! Он твердил, что соглашение с AnSO очень скоро избавит нас от смехотворных претензий тех же Нидерландов, к примеру. А я понимал, что так оно и будет, но делал большие наивные глаза и спрашивал: неужели приятнее быть изнасилованными одним слоном, чем сворой шавок?

Тут он начинал сулить мне все блага земные (немедленная передача в руки нашей делегации двух процентов акций AnSO с такой дележкой, какая нам понравится, плюс еще полпроцента лично мне, за содействие). Он спрашивал, понимаю ли я, СКОЛЬКО это будет в денежном выражении? Он упражнялся в психоанализе, пытаясь понять, с какой такой блажи я отказываюсь войти в число богатейших и влиятельнейших людей планеты. Он убеждал меня подойти конструктивно, отринув предрассудки. «Тейлор? Нет, ему ничего не дадим. Он не нужен. Свободной Антарктиде — так и быть, накинем полтора процента. Пусть свободные антаркты стригут купоны. На жизнь хватит, и с долгами понемногу расплатитесь, а уступать вам контрольный пакет, согласитесь, с какой стати?»

Сколько на этой сделке заработает Шимашевич — о том гейдельбергский человек не распространялся. В ответ на мой прямой вопрос он лишь заметил, что я сравниваю несравнимое. Чем могу рискнуть я, Ломаев? Только своей шкурой. Не такая уж ценность, честно говоря. «А чем рискует Денис Иг-

натьевич, вы себе представляете? Он уже рискнул, и он выиграл. А заодно и Свободная Антарктида. Да поймите вы, миллиардер недоделанный: соглашение с AnSO — выигрыш для всех!..»

Потом ван Трек заподозрил во мне рудимент под названием «совесть» и принялся ублажать его с такой страстью, что меня едва не стошнило. А когда не преуспел в этом — пошел живописать ужасы вторжения по второму разу и не оставил от наших планов обороны камня на камне.

Итак, что мы могли? (Под «мы» я понимаю Свободную Антарктиду, и не важно, что на момент агрессии я находился вне ее пределов.)

Мы могли заблаговременно обратиться к ООН и прочим международным организациям, к организациям общественным, лично к видным политикам и ко всем людям доброй воли с просьбой остановить вторжение.

Мы проделали все это. Не сработало.

Мы могли — по крайней мере теоретически — собрать примитивный ядерный заряд и по частям доставить его на территорию Штатов. Задача сложная, особенно первая ее часть, но решаемая. Взрывать не обязательно — достаточно оповестить, что мы МОЖЕМ это сделать, если нас припрут к стенке.

Это означало близкие контакты с теми, кого обоснованно ненавидит весь цивилизованный мир. Через кого еще мы могли бы заполучить расщепляющиеся материалы? К тому же американцев не возьмешь голым шантажом. Их надо бить, но бить так, чтобы они могли объявить себя победителями.

Мы бы не были против — пусть себе тешатся. Но чем их бить?

Затяжной военный конфликт и сотен пять убитых в нем солдат — это, возможно, могло бы сделать позицию наших противников уязвимой до такой степени, что они предпочли бы вывести войска (разумеется, предварительно изобразив, будто те как следует намылили нам холку). Да, но как затянуть конфликт на многие месяцы после захвата наших станций-поселков? В антарктических льдах партизанам делать нечего — либо

помирай голодной и холодной смертью, либо иди сдавайся. Не нужны ни облавы, ни каратели. Удобно!

Наконец, мы могли сыграть на противоречиях между державами. Что ж, мы это и делали по мере сил и умения. К сожалению, не слишком успешно.

Мы даже не сумели создать безусловно положительного имиджа Свободной Антарктиды и антарктов во всем мире. Нам не хватало «самой малости»: победы или хотя бы заметных успехов в информационной войне.

«Антарктида online» с ее радиовещанием, интернет-сайтами, двумя-тремя перекупленными бульварными газетенками и прочей мелочевкой, разумеется, делала все, что было в ее силах, а иногда, кажется, и сверх того. Вряд ли стоило ожидать большего от информационного агентства, по сути, еще не вышедшего из пеленок. Успешно конкурировать с мировыми информационными колоссами? С Управлением стратегического влияния США? Лет через десять — может быть...

Да, на нашу мельницу здорово лили воду СМИ целого ряда стран — но, как я уже говорил, к сожалению, не тех, чьи правительства готовили агрессию. Ну какое, скажите мне, дело рядовому обывателю из Небраски до китайского или индийского телевидения? А до российского с сочувствующей нам передачей «Бремя новостей»? Он-то, таращась вечерами в свой ящик и видя в нем совсем иное, одного понять не может: почему этих негодяев-антарктов до сих пор не отловили поодиночке и не отдали под суд? Давно пора!

Все это гейдельбергский поганец изложил в популярной форме, иногда дословно повторяя мои мысли. Спасти нас мог только небезызвестный в Антарктиде торговец информацией — при условии, что он обладал скандальным компроматом на высшее руководство потенциального агрессора. Как раз перед нашим отлетом в Женеву Конгресс попытался осторожно прозондировать Шимашевича: нет ли чего? Ответ был отрицательный.

Никто набобу не поверил, и, по-моему, правильно. Что-то, конечно, было. Не настолько убойное, чтобы избавить Антарктиду от опасности, но достаточно весомое, чтобы потор-

говаться. Как иначе понять слова ван Трека: «Он рискнул, и он выиграл»?

Рискнул, верю. Шантаж — оружие рисковое. С таким противником, как наш, его нельзя применять в чистом виде — непременно в одной упаковке с «конструктивными предложениями» вроде острой приправы к пресному блюду...

Что ему еще оставалось делать? Крупно вложившийся в игру игрок понял, что шансов на выигрыш нет. Чтобы не потерять все, он создал условия для компромисса. Вынужденный шаг. С точки зрения Шимашевича — почему бы нет? Мне было только любопытно знать: когда он понял, что сорвать банк ему не позволят? Сразу, как только обнаружил Антарктиду на незаконном месте? Или он до того азартный игрок, что какое-то время питал иллюзии, будто в одиночку сможет контролировать целый материк?

Чего хотят все на свете шимашевичи? Денег ради власти и власти ради денег, круг замкнулся. Вот и вся химическая реакция с деловыми связями в качестве лабораторной посуды. Это тривиально, как единойжды один. Закон природы: всякая тварь лезет вверх, пытаясь стать вожаком стада. А мы — разве мы забыли об этом? Разве доверяли ему? Да никогда! Правда, надо признать, что набоб нам здорово помог... но ведь нельзя помочь настолько, чтобы сделать свои интересы нашими! Ни у кого это не получится.

Самое интересное: полагает ли он себя благодетелем Свободной Антарктиды? А ведь, наверное, полагает, причем искренне...

Довольно скоро я обнаружил, что сижу и делаю вид, будто внимательно слушаю, а на самом деле тупо соображаю, сколько же все-таки должен наварить Шимашевич на предлагаемой нам сделке. Пять процентов акций будущего консорциума? Может, все десять? Голову даю на ампутацию — не больше. Знамо дело, на контрольный пакет набобу рассчитывать не приходится, даже если он объединится с российскими олигархами, Свободной Антарктидой и новоиспеченными олигархами меньшего масштаба, то есть нашей делегацией. А вот у них

перекупить акции могут запросто. Что получаем в «сухом остатке»? Да то же самое, что и в варианте вооруженного захвата Антарктиды, только без крови.

Немаловажный нюанс, между прочим! Да только вот вопрос: стоило ли нам возделывать сад только для того, чтобы пустить в него резвиться свиньячье стадо? Полив Древа Свободы кровью патриотов, вероятно, необходим, и, уж конечно, в глазах потомков данная... хм... гематологическая ирригация будет выглядеть благородно и величественно — при том условии, что мы не позволим срубить Древо и нарожаем потомков.

Нарожать-то мы можем легко — если сами спилим Древо на дрова...

Так что же — лапки вверх?

А вот хрен!.. Я начал чувствовать, что здорово злюсь, и мысленно шикнул на себя: молчи и успокойся, сейчас не время шуметь. Для начала надо выбраться отсюда живым. Черт знает, что предусмотрено набобом на случай моего отказа. Ни одна зараза не знает, где я нахожусь. Удобно...

— Два процента акций для Антарктиды, — вконец выдохшись и стерев с лица всякое подобие улыбки, уступил ван Трек. — И три процента для вашей делегации, по ноль целых семьдесят пять сотых на брата. Это последнее предложение.

Я не спеша отпил еще коньячку. Поставил на столик бокал. Сглотнул бутерброд с икрой. Закурил. И все это с крайне озабоченным видом.

— Ну ладно... Я-то — ладно... Но ведь нас же четверо! Что я им скажу, я, признаться, плохо представляю...

— Это уже ваша забота. Срок — сутки. Справитесь, я надеюсь?

— Однако вы быстрый...

— Время поджимает. Так справитесь?

— Придется постараться.

Ей-ей, этот гейдельбергский сукин кот вновь заулыбался и даже осмелился подмигнуть мне! К счастью для него, он не рискнул перегнуться через столик и фамильярно хлопнуть меня по плечу. Только бокалы вновь наполнил: прозлит, мол.

Ну хрен с тобой, прозит...

— Я должен как можно скорее вернуться в Женеву, — привстал я, в темпе покончив с «обмыванием сделки». Банкета мне тут не хватало! — Подбросите?

— О чем разговор!...»

Красивую страну застолбили себе швейцарцы!

За каждым поворотом спускающегося к Женеве шоссе открывались такие виды, что Ломаев едва не начал примиряться с подлостью рода людского. Ну не заслужили двуногие этакой благодати! Местами было похоже на Кавказ, с той разницей, что по этим горам никогда не бегали отморозки с автоматами. Бегал Вильгельм Телль с арбалетом, но и его времена давно прошли.

А местами было и лучше Кавказа. Уютнее как-то. Даже Женева показалась в общем-то приемлемой и вписанной в природу как надо. По принципу наименьшего зла.

На этот раз обошлось без конспиративных игр — молчаливый водитель, заведомо выполняя инструкции ван Трека, довез Ломаева до самого «Аскота».

Вечерело. Очередной день работы конференции уже завершился, поэтому Ломаев нисколько не удивился тому, что Шеклтон, Кацуки и Чаттопадхьяя торчали в гостинице. Не поразило его и то, что все трое оказались в одном номере. Стало быть ждали, волновались... А как иначе?

Поразил его затесавшийся в компанию четвертый.

— Здравствуйте, Моисей Соломонович, — оправившись от первого обалдения, приветствовал Когана Ломаев. Нет, сегодня определенно был день сюрпризов!

— И вы таки здравствуйте, — был ответ.

Маленький, кругленький, излыса-седенький бывший начальник АХЧ ААНИИ, а ныне антаркт, акушер недоношенной антарктической экономики и великий змей сомнительных финансовых комбинаций, расположился в большом кресле так уютно, как будто давно привык в нем жить, и, жмурясь от удовольствия, попивал чаек из заветной, побывавшей не в

одной экспедиции эмалированной кружки Ломаева, держа ее, горячую, через ломаевское полотенце.

Чтобы вообразить себе, будто Коган решил прокатиться на другую сторону планеты из чистого удовольствия, требовалась недюжинная фантазия. Ломаев таковой не обладал.

— Что-то случилось? — встревоженно спросил он.

— Откуда вы взяли? — ворчливо осведомился Моисей Соломонович. — Зачем вы волнуетесь? Что у нас могло случиться? Таки рано еще чему-то случаться.

— А...

— Вот что случилось у вас, интересно? Выкладывайте.

Ломаев выложил все без утайки.

— И что вы себе на это думаете, молодой человек?

— Что Шимашевич — сука, — со злостью сказал Ломаев. —

Я давно понял: продаст!

— Ну-ну, так уж сразу и продаст... Слушайте, бросьте этих глупостей! Он деловой человек, вам понятно? Я себе представляю, во что ему обошлось выбить хотя бы такие условия! А вы что ответили?

— Сказал, что предложение интересное, но я должен уломать остальных.

— А у вас в голове таки кое-что есть, — похвалил Моисей Соломонович и шумно отхлебнул из эмалированной кружки.

— Не стану я никого уламывать! Я против! Вот им моя подпись! — Ломаев отбил на локте то, что полагалось «им» взамен подписи. — Вот! Пусть Шимашевич из-под полы подписывает что хочет — вольному воля! Кто он такой? Рядовой антарктик? Ась?.. Ау, не слышу! Наш кредитор? Сколько угодно! Мы с ним расплатимся, но только не так!..

— Точно, — одобрил Шеклтон.

— Геннадий-сан говорит, что осталось пять или шесть дней? — спросил Кацуки.

— Возможно, меньше. — Ломаев заходил по номеру, натываясь на мебель. Опрокинул стул. Дал пинка ни в чем не повинной двери санузла. — Я вот что думаю: хватит нам здесь торчать. Все равно толку нет. Завтра же объявим на конфе-

ренции, что отбываем защищать свою страну, — и в дорогу!
Кто за?

— Это произведет некоторое впечатление, — сдержанно согласился Чаттопадхьяйя.

— А дальше что? — поинтересовался Шеклтон.

— Рванем в Антарктиду, что же еще! — рывкнул Ломаев. — Драться! Мое место там! Твое нет?

— Мое тоже там. А блокада?

— Просочимся! Да, вот еще что: оружия надо купить сколько сможем. Побольше гранатометов и хорошо бы несколько «Стингеров». Моисей Соломонович, деньги нужны! Закупка, взятки погранцам, транспортные расходы... Блин, посредников еще искать! Ну почему мы раньше не додумались?..

— До чего? Чтобы грозить гранатометом авианосной группе? — полюбопытствовал Коган. — Тут думать не надо. Тут надо быть совсем уже тупоумным идиотом. Хороши шуточки!

— Лучше в кусты, да? — ощерился Ломаев.

— Я вам таки скажу, что лучше. Не лезть в драку, где вас побьют, вот что лучше. У вас что, нет идей, как это сделать?

Своих идей у Ломаева не было. Судя по молчанию других членов антарктической делегации, в их головах идеи тоже не кишмя кишели. А отдающую проституцией и предательством идею Шимашевича Ломаев не замедлил с яростным удовольствием обругать последними словами.

Моисей Соломонович с сожалением выцедил из кружки последние капли чая.

— Вы только не волнуйтесь, Гена... Коган не сказал, что надо продаваться. Подумайте. Таки пусть все немножко подумают. А вы сделайте мне одолжение: проводите старика до гостиницы, если не устали...

Устал? От загородной поездки? Шутить изволит экс-начальник АХЧ.

— А вы разве не здесь остановились? — удивился Ломаев.

— Нет, я поблизости...

Оказалось, что Моисей Соломонович избрал более дорогой «Аскот-ройял», расположенный ближе к вокзалу и извест-

ный антарктической делегации только по ресторану, где антаркты кормились по льготным талонам. От предложения взять такси Коган отказался. Пошли пешком — кругленький старичок с внешностью раввина, только без соответствующего прикида, и мрачный, опасный на вид громила, уже не очень отвечающий имиджу киношного мачо.

Пока шли, Ломаев проклял все на свете. Коган то и дело останавливался, цокая языком. Его интересовала каждая мелочь: и почему католический храм Святой Троицы называется круглой церковью, хотя здание вполне себе ортодоксальное, только сбоку к нему неизвестно зачем приторочена диковинная шарообразная пристройка, и какого стиля фасад вон того дома, и положено ли в Женеве давать чаевые таксистам, и случаются ли в Швейцарии землетрясения, а если случаются, то какой силы, и почему это на Рю-де-Лозанн так много полиции — всегда так или ожидается прибытие очередной орды антиглобалистов?

— Зачем вы сюда приехали? — рыкнул Ломаев, потеряв терпение. — Достопримечательности рассматривать? Стыдно!

Он понимал, что сгоряча сморозил чушь. Но и Коган хорош! Не видит, что ли, что человек на взводе? Достало уже все! На-до-е-ло! Осто...ло!

— Уй, не делайте мне смешно! — с живостью отозвался Моисей Соломонович. — Разве где-то запрещено совмещать приятное с полезным? Где? Покажите мне документ. Я таки стар, Гена, а еще столько всего не видел! Кому таки будет хуже, если я остановлюсь и слегка себе поглазею, а? Неужели Антарктиде?

— Мне, — буркнул Ломаев.

— Ну, вы уж потерпите... Один умный грек, Гена, советовал наблюдать конец жизни. Вот я и наблюдаю. Пока жив, изучаю жизнь во всех ее проявлениях, а буду помирать — не откажу себе в удовольствии понаблюдать за этим процессом... Да вот, кстати, мы и пришли. Не уходите, у меня к вам таки есть небольшой разговор...

Кто бы сомневался, что разговор таки есть... Пришлось подняться в номер. От вызывающей роскоши хорошего люкса

Ломаев свирепо засопел. Как видно, наблюдая жизнь во всех ее проявлениях, Моисей Соломонович предпочитал наблюдать (и осязать) проявления приятные.

За счет нищей Свободной Антарктиды, между прочим!

Если бы это хоть к чему-нибудь привело... Теоретически Ломаев был знаком с нехитрой истиной: хочешь внятных дивидендов — не мелочись, вкладывайся по-крупному. Но где они, дивиденды? На каком горизонте их высматривать? Нет такого горизонта...

— Ваш номер прослушивается, я так думаю, — сообщил Коган, доковыляв до кресла и с наслаждением в него опустившись.

— А этот — нет? — спросил Ломаев, присев на диван.

— Надеюсь, пока нет. А разговор у нас с вами, Гена, будет не для чужих ушей. Вы, наверное, думали, что Коган приехал уговаривать вас изменить линию поведения, а? Что он хочет уговорить вас обещать всему миру покрыть убытки за счет Антарктиды? Так вот ничего подобного Коган не собирался...

— Ничего себе — покрыть убытки! — не выдержал Ломаев. — Там триллионы! Что в лоб, что по лбу — один черт, кабала!

— Не совсем, Гена, не совсем... Уж вы мне поверьте, я в этих делах как-нибудь не мальчик. Долги бы нам реструктурировали, это я вам говорю, а мы бы растянули выплату лет примерно на тысячу. И это был бы самый приемлемый вариант, если бы не два обстоятельства... Может, сами назовете первое?

— Бесплезно. От агрессии это нас все равно не спасет.

Моисей Соломонович расплылся в улыбке:

— Приятно поговорить со здравомыслящим молодым человеком! Но готов спорить: второе обстоятельство вы ни за что не назовете. Нам таки не придется платить никому, потому что Свободная Антарктида в состоянии отразить любую агрессию! У нас, Гена, есть оружие. Можете себе представить, мы совсем недавно научились управлять им, пускай не очень уверенно...

— Какое еще оружие? — перебил Ломаев.

— Секретное. Таки даже сверхсекретное. Поэтому не спрашивайте у Когана подробностей. Коган их не знает и знать не

хочет. Мало кому из антарктов вообще известно, что оно у нас есть. О секретах такого уровня не кричат на весь Привоз. С этим оружием работает один человек. Кто — об этом знает Тейлор, да и тот не имеет понятия где...

— Какое оружие? — крикнул Ломаев.

— Уй, не надо так шуметь... То самое оружие, Гена, при помощи которого Антарктида поменялась местами с райскими островами в Тихом океане... Случайная находка вмерзшего в лед... м-м... устройства внеземного происхождения и случайное срабатывание от неумения им пользоваться. Собственно, это больше транспорт, чем оружие, но ведь и велосипедом можно таки основательно ударить по голове. Почему нет? Вам еще повезло, что Антарктиду не выбросило куда-нибудь на Марс...

В то время как Моисей Соломонович дребезжал противным старческим смешком, радуясь своему сомнительному остроумию, Ломаев испытал сильнейшее разочарование. Сначала из глубин памяти резвым поплавком выплыл слышанный еще в детстве стишок: «А у нас сосед соседа бил вчера велосипедом...» Затем воображение нарисовало картину побоев, осуществляемого почему-то в тесном коридоре коммуналки, где от каждого велоразмаха со стен с грохотом сыпались вешалки, лыжи, корыта и прочий инвентарь. И уже потом припомнились сенсационные статейки в дешевых газетенках, толкующие о геофизическом оружии антарктов, сетевая дребедень на ту же тему и прочая дурь полосатая. Вообще-то Ломаев не очень следил за прессой — бумажной и электронной. У него не было на это времени. Но не далее как вчера в фойе Пале-де-Насьон смазливая корреспондентка задала ему вопрос: располагает ли Антарктида неизвестным человечеству оружием? Ломаев отвечал отрицательно, не забыв, правда, упомянуть о том, что любой агрессор встретит со стороны Свободной Антарктиды достойный отпор и сильно пожалеет о своей опрометчивости. Обычная бравада, только и всего.

— Моисей Соломонович! — сказал Ломаев, морщась от неловкости. — Уж от кого-кого, а от вас я этого не ожидал... Ну

какое еще устройство для перемещения плит?.. Вы же не геофизик!

— Вот именно, молодой человек, — ничуть не смутился Коган. — Конечно, я не геофизик. Геофизик и не должен заниматься этой работой, он слишком много знает за геофизику...

— Что вы хотите сказать?

— А я еще не сказал? Уй, какой вы непонятливый! Когда я иду купаться в море, мне не нужен океанолог. Я просто купаюсь. Когда я накладываю, пардон, на чирей ихтиоловую мазь, мне не нужен ихтиолог. Вы понимаете?

— Не очень. По-вашему, любой геофизик — чересчур широкий специалист?

— Специалист широкий, зато взгляд узкий. Кто твердо знает, что можно и чего нельзя, тот таки обязательно пренебрежет тем, чего нельзя.

— Ага, — озадаченно сказал Ломаев. — Кажется, понял. Шоры доктрины. Французская академия и камень с неба. Лавуазье сел в лужу.

— Слушайте, что мне ваш Лавуазье! Вы мне таки еще не поверили?

В ответ Ломаев развел руками, загудев:

— Ну вы сами подумайте, Моисей Соломонович... Ну шиза ведь!.. Ну глупость же штампованная... Подать это как дезинформацию — это я еще понимаю... Хотя нет, тоже глупо. Ну кто этому поверит?! Кретин разве что, так ведь наши враги не кретины...

— Умный не поверит, — с удовольствием согласился Коган. — А вы как себе думаете, Гена: почему мы допустили утечку? Да очень просто: нам таки это безразлично! На нас в любом случае нападут, это так же верно, как то, что я родился на Госпитальной. А мы — хе-хе — преподадим им маленький урок. Отправим, например, Антарктиду назад — пусть силы вторжения как следует померзнут. Там сейчас полярная ночь. Сколько примерно градусов ниже нуля?

— Смотря где, — резонно заметил Ломаев. — На Востоке в мае за минус семьдесят — норма. На побережье, конечно, куда теплее... Зато стоковые ветра до пятидесяти метров в секунду.

— Прелестно! — Моисей Соломонович аж облизнулся в предвкушении грядущих проблем супостата. — Как вы себе думаете, долго продлится оккупация? Готов держать пари: меньше недели. А как только они уберутся восвосяси, мы вернем материк на место. Второй раз к нам не сунутся, это вам Коган сказал.

— Да ведь чепуха же! — страдальчески сморщившись, проstonал Ломаев.

— Очень хорошо. Пусть себе чепуха. Таки да. Тогда вы, молодой ученый, человек логики и факта, объясните мне, впадшему в детство глупому еврею, помешавшемуся на фантастике, одну незначительную подробность: по какой такой причине Антарктида оказалась на экваторе?

Ломаев угрюмо сопел.

— Сейчас сюда придет один человек, — покосился на дверь Коган, — и уж если он вас таки не убедит, тогда я уже не знаю...

Ломаев выскочил из отеля едва ли не вприпрыжку. Душа ликовала и пела канарейкой. Впервые за много дней рассеялись мрачные мысли, и думать не хотелось уже ни о чем. О чем думать счастливому человеку? Чего ради? Вот вам всем Антарктида! Утритесь. И как все просто!.. А он-то — он-то, дурак, поначалу не верил!..

Конференция — пустой треп. Она с самого начала была архитектурным излишеством. Безусловно, выход Свободной Антарктиды на орбиту мировой политики важен и значим, но главные дела будут вершиться не здесь... Обида все-таки кольнула Ломаева: его сделали пешкой! Впрочем, можно перетерпеть... Ради дела — можно. Сколько угодно! Сам ведь согласился. Мы люди скромные...

Хотя, конечно, не пешки. Фигуры. А фигура и так может пойти, и эдак. Может даже изобразить, будто никакой ценности в данной позиции не представляет. Тем хуже для противника.

Ломаев сдержанно засмеялся на ходу. Как умно действуют антарктические ферзи! Откопали бога из машины — и ведь не

засекретили сам факт его существования! Наоборот, организовали «утечку информации». Врет Коган, что утечка им, видите ли, безразлична. Следствием ее стали сообщения СМИ об имеющемся в распоряжении антарктов геофизическом оружии невероятной силы и потрясающей избирательности действия.

Геофизическое оружие — не новость. Рвани глубоко под землей ядерный заряд большой мощности, способный сбросить тектонические напряжения, — и получи, супостат, землетрясение. Беда в том, что пока невозможно безошибочно спрогнозировать его точное время, магнитуду и, главное, место. Вместо одного сейсмического катаклизма можно ненароком инициировать целую серию, и пес знает, где будет находиться гипоцентр сильнейшего из них. Не исключено, что под задницей своего же генштаба. Вот вам тектонический вариант геофизического оружия, который в обозримом будущем не будет применен из-за полного отсутствия избирательности.

Но если все же существует способ аккуратно поменять местами две тектонические плиты, то...

Страшно. Ужасно увлекательно, но и просто ужасно. Кошмарно.

А такой способ *de facto* существует. Все видели. И в большинстве уже почти привыкли. Не желаешь смириться — значит не можешь заставить себя жить в изменившемся мире. Прими стрихнина, помогает. Или, приставив к виску дуло, загони инородное тело в свой несогласный мозг. Есть и другие способы, выбирай.

Ах, не хочешь? Инстинкт самосохранения не велит? Тогда ищи пути примирения с действительностью. Можешь, конечно, уподобиться пресловутой ничьей бабушке, не верящей в электричество, никто тебе не помешает, но тогда и место твое — на антресолях реальности. Тебе решать.

Наука исходит из факта. Если из повторяющихся фактов можно вывести теорию, то из одного факта — как минимум гипотезу. Факт имел место. Факт твердо установлен. Значит, в принципе возможно повторение аналогичных фактов.

Когда, где, как — неизвестно. Куда легче ответить на вопрос, есть ли жизнь на Марсе. Однако стоит прислушаться к воплям безграмотных журналистов и поискать рациональное зерно в куче вранья. А вдруг?.. Либо Господня воля, либо инопланетный корабль, третьей причины на горизонте что-то не видно...

Даже самый религиозный ученый-физик, не нашедший иного объяснения безмерной сложности мира, твердо знает: Господь не вмешивается в науку. Оставляя ее неразумным детям в качестве игрушки, Он устанавливает гораздо более глобальные правила игры для всей Вселенной: законы макро- и микромира, величины и соотношения физических констант и т.д. Если уж Его воля воздействует на Вселенную непосредственно, то, уж конечно, на таком уровне, по сравнению с которым перемещение материков — столь ничтожная мелочь, что о ней смешно и говорить.

Священник может возмутиться подобным святотатством. Пастор и ксендз попытаются наставить заблудшего на путь истинный. Православный поп изгонит нечестивца из храма, дабы тот не осквернял благолепие. Мулла натравит на змееныша правоверных. Но физики лучше информированы.

Итак, наука, не умея объяснить, признала поэтому с большим неудовольствием: «Это возможно», — и, сделав над собой усилие, вскоре будет вынуждена принять инопланетный корабль в качестве рабочей гипотезы. К точно такому же выводу может самостоятельно прийти любой обыватель, кроме американского. Рядовой американец чрезвычайно чтит науку. У него нет своего мнения по научным проблемам до тех пор, пока люди со степенями не объяснят ему что к чему. Ему нет дела до битвы научных школ, до забвения истины и прямого жульничества в погоне за грантами, его интересуют только понятные ему выводы. Непонятного он не любит.

На этих его свойствах ведется игра, и большая игра, но не о ней сейчас речь. «Это возможно!» — удар по темени. Ого! По слухам, эти суки-антаркты нашли в толще льдов разбитый инопланетный корабль! Ах, на тот момент они еще не были

антарктами? Ну да, ну да... Тогда понятно, почему они наотрез отказываются возмещать убытки. Недурно устроились. Ну все равно, ведь двигатель корабля запустил кто-то из них?

Случайно? Допустим. Не двигатель? А что же еще? Может, кухонный комбайн? Не пори горячку, Джо, я сам слышал: это такой двигатель. Сам посуди, не ракетный же выхлоп использовать на межзвездных дистанциях. Р-раз — и две области пространства меняются местами, причем в одной из них находится корабль. Понял? Так они и перемещались, пока не угробились в Антарктиде. Палеоконтакт? Ну ты хватил, какой контакт, с первобытными макаками, что ли? Людей-то тогда на Земле еще и в помине не было... Ну вот, кто-то из них, из антарктов, забрался внутрь и включил движок, а он был настроен на малую дистанцию. Хлоп — и готово: Антарктида на экваторе, а острова с пальмами — на полюсе. Не-ет, нам еще здорово повезло, что на полюс прыгнули именно острова, а не Северная Америка...

Жаль, что агрессии все-таки не избежать... Ломаев даже крикнул с досады. Придется-таки Свободной Антарктиде преподать кое-кому наглядный урок. Только лучше бы после прыжка на полюс не прыгать обратно, а и впрямь поменяться местами с заносчивой Америкой. Оно нагляднее...

Развить эту мысль он не успел. Рядом с визгом затормозила машина. Кто-то из прохожих подскочил сбоку. Дурманящая струя с тихим шипением ударила в лицо. Тело сразу стало ватным. Ломаев занес кулак, одновременно пытаясь выдохнуть проникшую в легкие мерзость. Его обмякшее тело уже сноровисто вталкивали в машину, а ему еще долгую-долгую секунду казалось, что он наносит сокрушительные удары, расшвыривая противников направо и налево. Каждой твари — по харе! Пришел долгожданный час. Не беседовать же с двуногим гадом, возомнившим себя человеком! Хватит болтовни, и не обиженным уйдет только быстроногий...

Горькое ощущение украденной победы — вот что ощутил он, проваливаясь в черноту, в то время как автомобиль стремительно набирал скорость.

Десятью минутами спустя из номера Моисея Соломоновича вышел пожилой, степенный, очень хорошо одетый господин. У входа в отель он жестом подозвал такси и отбыл в неизвестном направлении.

Глава 5 КРАСНОЕ И БЕЛОЕ

Было еще темно, когда Баландин проснулся. Остальные обитатели четвертого некомплектного домика продолжали дрыхнуть, как и полагается честным антарктам в столь ранний час. Дрыхли трое: после разрешения жилищного кризиса в Новорусской калининградский экипаж получил свою кубатуру. Николаевцам осталась прежняя, с тремя штатными стенками и одной импровизированной. Не захотелось съезжать из домика-уродца — успели прижиться.

Дрыхли похрапывая. Еще бы не дрыхнуть — накануне все изрядно умаялись, поскольку весь день пришлось полноценно вкалывать на камбузе. Что такое наготовить пайку на тысячу человек с гаком, знает любой, отслуживший в армии. Хорошо еще, что посуду мыть дежурным по камбузу не приходилось — только котлы драили да поварские миски-ложки. Ну и пол, разумеется, куда ж без этого — во время раздачи так натопчут, абзац. И откуда только берется эта вездесущая грязь? Вроде льды кругом, чистые — растопи и пей, вода — слеза. Ан нет.

Впрочем, Баландин давно уяснил: везде, где появляется человек, становится грязнее, чем было до его появления. Человек и мусор неразлучны. Если, конечно, человек цивилизованный. Первобытные дикари еще умудрялись как-то жить-поживать в относительной гармонии с природой, засоряя только свои пещеры, а как только выдумали цивилизацию, пещерой для них стал весь мир. Не засорять его никак невозможно.

Нашарив сигареты, Баландин встал и влез в брюки и куртку. «Постирать бы надо шмотки, — озабоченно подумал он. — Занять, что ли, очередь с утра пораньше?»

Со стиркой была проблема. В пристройке, приспособленной сбоку к кают-компания зимовщиков, установили две новые автоматические стиралки — одну пожаловал папа Шимашевич, вторую привезла с собой эмигрировавшая из Таиланда чета немцев. Подключить машины тоже было делом нетривиальным. Во всяком случае, Квазимодо, как Баландин про себя величал дизелиста Самоклюева, ныне сосланного на седьмой километр за зверообразность, провозился с подключением двое суток и несколько раз растачивал в мастерской какие-то переходники. Однако подключил. С тех пор обе стиралки пахали на износ, а очередь на постирушку часто приходилось занимать на завтра, а то и послезавтра — ближе все было забито.

Выйдя из домика, Баландин зябко поежился. С купола стекал равномерный прохладный поток, перемешивая туман побережья.

«Экватор, елы-палы, — подумал Баландин с досадой и, оттопырив полу современной куртки, поглядел на термодатчик. — Плюс восемнадцать... Это в домике. А снаружи — градусов пять, вряд ли больше. Сколько ж миллионов лет тебя морозило, родина ты наша новая, Антарктида, лакомый кус для толстосумов и мироедов со всего земного шарика...»

Блокада сваялась на головы антарктов внезапно и без предупреждения. Хотя, если рассудить здраво, ее стоило ожидать с самого начала, с первого выхода в эфир «Антарктиды online». Чудо, что «цивилизованные» страны медлили два месяца. Однако опомнились.

Роль мирового жандарма, разумеется, взвалили на себя Соединенные Штаты. Кто же еще мог рассчитывать на безнаказанность? Не столь уж давнее вторжение в Ирак никого ничему не научило, однако сделало хозяйское отношение Америки к чьей угодно территории и государственности уже привычным и почти не вызвало удивления в мире.

Посасывая хабарик, Баландин размышлял — с утренней сонной ленцой. Вокруг серело — близился рассвет. День на экваторе рождался удивительно быстро. Вроде только что еще мир полнился предрассветными сумерками, и вдруг — бац! В

противоположной от океана стороне туман вдруг становится розовым, сивая мгла сверху стремительно светлеет, и в редкие разрывы над головой иногда проглядывает небо.

Докурив, Баландин щелчком отправил окурочек в лужу, где скопилось немало его раскисших собратьев. Уже протянув одну руку к утке из яхтенной запаски, заменяющей дверную ручку в некомплектном домике, Олег мизинцем второй машинально поковырял в ухе и только потом сообразил, что это не в ушах звенит — с запада накатывал пока еще тихий звук. Гул — не гул, рокот — не рокот. Словно гигантский осиный рой приближается. Или целое сонмище вертолетов.

Вертолетов...

Баландин оцепенел. Побережье заблокировано американским флотом. Если кто и может приближаться к Белому континенту — то только американцы.

А зачем?

Наивный вопрос.

Рванув на себя дверь, Баландин срывающимся голосом рявкнул:

— Полундра!

Яхтсменские навыки за время, проведенное на Белом материке, не успели выветриться — моментально вскинулся капитан, завозился Нафаня, сел на койке Женька Большой.

— Что там? — с неудовольствием справился Крамаренко, душераздирающе зевая.

— А ты послушай, — предложил Баландин, кивая на полуоткрытую дверь домика, откуда тянуло свежим сквознячком.

Гудение усиливалось.

— Чего тебе неймется? — с неудовольствием пробормотал Нафаня, вправляя вывернутые наизнанку рукава куртки.

— Ты что, не слышишь? — удивился Баландин. — Это в небе все!

— Ну, в небе, — продолжал ворчать Нафаня. — И хрен бы с ним. Мало ли кто там шурует...

Однако народился и окреп новый звук — и он уже мало походил на шелест вертолетных винтов. Через несколько ми-

нут, за которые экс-экипаж «Анубиса» успел кое-как облачиться, в небе над Новорусской пронеслось несколько самолетов. Баландин проворно выскочил наружу, но рассмотреть ничего не сумел — мешал проклятый и нескончаемый туман. Но любовью житель Николаева, хоть раз слышавший голоса Кульбакинского аэродрома, легко отличал на слух военные самолеты от гражданских.

Над Новорусской прошли военные. Тяжелые. Несколько.

Баландин нервно оглянулся — коллеги-яхтсмены, наспех одетые, стояли рядом и точно так же слепо тарасились в небо. Из соседних домиков тоже выглядывал народ — Новорусская была местом не то чтобы тихим, но уж звук авиационных турбин обычным тут никак не мог считаться.

Мало-помалу самолеты отделились — они уходили в глубь материка. Рев их затихал вдаль и вскоре стал не слышен за дребезжащим гулом вертолетов да свистом воздуха, рассекаемого огромными лопастями.

Вертолеты приближались.

— Да что творится-то, мать его! — выругался капитан. — Айда на берег!

Почти уже не оскальзываясь в лужах — сказывалась многодневная привычка, — яхтсмены потрусили к океану. Не они одни — самые шустрые жители Новорусской тоже. Поселок просыпался раньше обычного — с неохотой и недоумением. И еще — с тревогой.

Яхты давно уже покоились на срубленных кое-как и из чего попало козлах — новоявленные антаркты не могли спокойно глядеть, как равнодушный океан убивает их суденышки, поэтому, едва стало понятно, что гонке конец, все поспешили поднять яхты на берег и отбуксировать на сравнительно ровное место подальше от прибоя. На юго-западной окраине Новорусской вырос целый диковинный квартал, целящийся в хмурое антарктическое небо густым лесом мачт. Пока с Новой Каледонии не доставили вдоволь щитовых домиков, кое-кто успел и пожить на яхтах. Но это оказалось не слишком удобно — во всяком случае, топить печку внутри решались немногие. Да и тепло яхты практически не держали.

К прибою четверка с «Анубиса» выскочила практически одновременно. Несколько человек уже стояли у самой воды и пристально всматривались в даль, но из-за тумана разглядеть что-либо было решительно невозможно. Вроде бы что-то там чернело в отдалении... Но что? И звуки, звуки — приглушенные звуки. Не вверху, как вертолетные винты, ниже, прямо на воде.

— Во! — Женька Большой неожиданно ткнул пальцем в небо. — Смотрите!

Спустя несколько секунд из тумана вынырнул здоровенный, похожий на сапог вертолет с двух винтах — эдакий летающий железнодорожный вагон. Чуть дальше к северу смутно проступали в тумане очертания второго.

— Ё-моё! — вырвалось у Баландина. — Да это же «Чинукки»! ВВС США!

— Ёханный бабай! — У капитана нехорошо вытянулось лицо. «Чинуков» в небе виднелось уже четыре. Даже нет, больше — не то шесть, не то семь. Они тянули ровненькой шеренгой с океана и явно намеревались пройти над Новорусской.

А потом к берегу поперла пара десантных кораблей с открытыми палубами десантных шлюзов.

— Вот тебе и стали антарктами, — уныло пробормотал Нафаня.

— Это кто? Американцы? — спросил Женька, как будто и так было непонятно.

Строго говоря, атаковать Новорусскую могли англичане, австралийцы или новозеландцы. Простейшая логика сказала бы иное: их десантные части скорее всего предназначались для вторжения на английские, австралийские и новозеландские станции.

В данный момент антарктам было не до логики. Да и зачем она, если интуиция работает не хуже? Ясное дело, американцы!

— Опомнились, гады!

Вокруг уже окончательно рассвело. Туман на востоке розовел вовсю, и именно туда стремились вертолеты. Стало видно, что на берег нацеливается куда больше двух кораблей. Из

тумана над океаном один за другим выныривали катера на воздушной подушке, каждый размером поболее «семерки».

— И чего теперь? — хмуро процедил капитан. — Зимовщики так просто не сдадутся, точно отстреливаться будут.

— А толку? — угрюмо вздохнул Баландин. — Из винтовок по вертолетам? Не смейся.

— То есть, — заметил капитан зло, — ты предлагаешь сдаться?

— Неизвестно еще, станут ли они брать кого-нибудь в плен. — Женька нервно поежился. — Хотя, по идее, должны — двадцать первый век на дворе, а у нас и оружия-то нет. Стало быть, мы — гражданское население.

— У кого нет, — тихо вставил Баландин, — а у кого...

Он вынул из внутреннего кармана куртки нечто заботливо укутанное в грязную промасленную тряпицу. Подчеркнуто неторопливо содрал ее и бросил на лед — в руках Баландина остался такой же небольшой автоматик, какие им вручал Николай Семенович перед стычкой с пиратами. Только на этот раз автоматик был заряжен, а Баландин успел прекрасно изучить и расположение предохранителя, и все остальное.

— Ой! — впечатлился капитан. — Где взял?

— Долго рассказывать.

— погоди, — вмешался Нафаня. — Ты что, собрался реально воевать?

Ответить никто не успел. Вертолеты с ревом прошли над головами, обдав упругой воздушной волной. Они явно снижались, но если и собирались садиться, то за поселком.

Чтобы слышать друг друга, приходилось кричать.

— По-моему, пора валить. — Женька хлопнул капитана по плечу и нырнул в щель меж двух яхт.

Остальные поспешили за ним — десант с катеров вот-вот должен был ступить на сушу.

Ноги сами привели к кают-компаниям — там успела собраться немаленькая толпа. Игорь Непрухин что-то остервенело вещал с приступочка, а стоящие ближе всего антаркты из старичков дружно поддакивали. Четверка с «Анубиса» поспе-

ла как раз к окончанию речи, когда толпа загомонила: «Верно! Раздавай!»

Завхоз Недобитько тут же нырнул в дверь, за ним сунулся кто-то из механиков. Толпа зашевелилась. На неожиданно визгливой ноте возопил некто, видимо, несогласный с речью Непрухина, и его чуть было не наладились бить, однако опять же кто-то из старичков зычно проорал:

— Не троньте его! Пусть идет сдается, если хочет, гнида!

Толпа брезгливо отступила.

— Ну точно! — пробормотал Женька. — Народ собирается воевать. Я — не я, если не так!

У входа в корпус завхоз раздавал оружие. Вряд ли его было много, но десятка три стволов на Новорусской точно имелось, это знал каждый.

Баландин заозирался и почти сразу заметил двух волгоградцев — Власевича и Витьку Сивоконя; они, отчаянно жестикулируя, объясняли что-то пухлому иммигранту, бывшему композитору. От домиков бежал балтиец Дахно, полы его куртки развевались на манер коротких крылышек, и Дахно был очень похож на удирающего по льду пингвина.

Непрухин что-то скомандовал. В общем шуме его было не слышать, однако толпа стала быстро редеть — народ разбежался кто куда. Пронесся закутанный в черт-те сколько одежек курчавый полинезиец, видать, переселенец с рокирнувшихся островов. Лицо у него было серым, не то от непривычки к холодам, не то от свалившихся треволнений, а в руке абориген текущих широт сжимал старинный пистоль времен, наверное, еще капитана Кука.

— К укрытиям! — надрывался Непрухин. — Залегайте по желобам! Кто безоружен — тоже!

— Чего встали? — на бегу прокричал Дахно. — Пошли к водостоку! Там наши!

— Двинули! — гаркнул капитан. Похоже, в тревожный момент он автоматически принял командование на себя, и команда привычно подчинилась, хотя Нафаня кривил губы и вполголоса матерился. Женька Большой, пробегая мимо полуразоб-

ранного вездехода сбоку от домика механиков, наклонился и подобрал бесхозный молоток.

Около водостока, у ажурной метеовышки, имелся самый настоящий окоп, только ледяной — когда-то тут проходила тропинка зимовщиков. В окопе действительно обнаружили все остальные калининградцы — капитан «Балтики» Боря Баринов, Панченко с Радиевским и взъерошенный Дима Субица. Поспевший раньше николаевцев Дахно что-то хрипло втолковывал товарищам, держась одной рукой за саднящий от бега бок. Глядел Дахно в основном на капитана — видимо, у калининградцев тоже сработал давний рефлекс на старшего в команде.

— Давайте вниз! — махнул рукой Баринов, когда Дахно умолк и негромко заперхал, прижав кулак ко рту.

В руках Баринова, натурально, имелся автомат Калашникова. Жаль, 5.45, а не 7.62. Витька Радиевский был вооружен охотничьей двустволкой. У Дахно в руке чернел «ПМ». Остальные были безоружны.

Когда четверка с «Анубиса» присела рядом с коллегами в ледяном желобе, Баринов хмуро справился:

— Стволы есть?

Баландин молча продемонстрировал автоматик. Женька с каменным лицом вытянул руку с молотком. Баринов поглядел на него странно.

— У меня ракетница есть, — сообщил Нафаня угрюмо. — Правда, ракет всего три.

— Тоже пойдет, — вздохнул Панченко. И надоумил: — Только стрелять надо в упор. И лучше в рожу.

— Значит, воюем? — без особой радости спросил Юра Крамаренко у Баринова.

— А есть альтернатива? — пожал тот плечами. — Понятно, что нам не выстоять. Но оказать сопротивление мы обязаны, иначе... иначе какие мы, на хер, антаркты?

Баринов оглядел всех присутствующих; глаза у него были светлые-светлые, почти белые, как окружающий лед.

— Вот что, братцы... — сказал он несколькими мгновениями спустя. — Понятно, что все это авантюра чистой воды.

И что не выстоять нам против америкосов. Поэтому... Поэтому отстреливаемся, пока есть патроны, а потом... Потом как получится. Не думаю, что они станут стрелять в безоружных.

— Если мы кого-нибудь из америкосов завалим, — неожиданно спокойно возразил Баландин, — очень даже будет. Но я согласен. Отстреливаемся до последнего. Потом — пушки на лед и руки за голову. Я, конечно, антаркт... но дохнуть зазря раньше времени мне что-то неохота.

На южной окраине резко хлопнул одиночный выстрел, потом еще один. А потом заговорили автоматы — сразу четыре или пять.

— Начинается... — пробормотал Женька.

— Так! — скомандовал Баринов. — Кто безоружный — на дно! И не высовываться. Если... если кого-нибудь приложит, продолжите вы.

Радиевский, Баландин, Дахно и капитан «Балтики» вжались в лед на краю бруствера. Меж домиков было уже безлюдно, обитатели Новорусской либо прятались с оружием наготове, подобно яхтсменам, либо убрались в домики и прочие помещения, чтоб не маячить в качестве живых мишеней.

А спустя несколько минут американцы пошли на приступ.

Операция развивалась в полном соответствии с планом. Пролетевшие минут двадцать назад над Новорусской вертолеты высадили на лед десант, военные транспортники сбросили полтора десятка легких бронемашин, и машины эти сейчас строем двигались к станции, предупреждая повода стволами пулеметов. Навстречу им с моря перебежали высаженные с катеров морпехи. Разгорелась жидкая перестрелка — для густой у обороняющихся было слишком мало оружия.

— Вон! — громко прошептал Радиевский и припал к прицелу.

Баландин и сам увидел: из-за угла дизельной выглядывал морпех-американец в грязно-сером шлеме и таком же комбинезоне. По нему кто-то выстрелил откуда-то справа, из-за сортира, что ли. Морпех спрятался; секунду спустя по сортиру ста-

ли бить сразу из нескольких стволов — за углом американец был явно не один.

— Тихо! — напряженно сказал Баринов. — Не тратьте попусту патроны, пусть сначала покажутся.

Вскоре стрельба у сортира захлебнулась, но там никто не кричал — может, и не подстрелили бедолагу, может, просто боеприпасы у него иссякли. Тем более что стрелял неведомый оборонец сортира одиночными, видно, тоже из ружьишка.

Спустя полминуты из-за угла вновь выглянул морпех. Внимательно обзрел окрестности и махнул рукой кому-то невидимому. Сам он, присев на одно колено, хищно поводил стволом автомата, готовый в любой момент дать убийственную очередь.

Из-за угла тем временем выскользнули сразу трое и, пригибаясь, сунулись к дверям дизельной.

И тогда Баринов вполголоса скомандовал:

— Огонь!

Многоголосо шарахнуло. Звонко протрещала очередь баландинского скорострела. Солидно ухнула двустволка. Сдвоенно вякнул «калаш». Покнул одиночный из пэ-эма. Один из трех американцев неловко споткнулся и стал оседать. Остальные двое подхватили его под локти и мгновенно отступили назад за угол, а прикрывающий принялся поливать огнем укрытие яхтсменов, обильно вылушивая острую ледяную крошку. Все тотчас, не сговариваясь, сползли на дно окопа.

Через секунду, чуть не долетев до окопа, разорвалась граната, и почти все яхтсмены временно потеряли возможность слышать.

С этого момента воспоминания Баландина потеряли связность и стали обрывочными. Антаркты еще стреляли — и по углу дизельной, и в промежуток между будкой метеорологов и малым холодным складом. Отовсюду палили в ответ — густо и точно. Витька Радиевский в какой-то момент, вскрикнув, схватился за предплечье и выронил ружье, которое тут же подобрал Субица. Минутой спустя убили Диму Дахно — ему попали в голову. Пистолет его подбирать смысла не имело, потому что Дахно успел расстрелять всю обойму.

Потом их укрытие пытались обойти с двух сторон, но кто-то из соотечественников-антарктов поддержал огнем с левого фланга — и американцы вынуждены были снова забиться в щель между метеобудкой и складом, а откуда-то сзади приполз белый от ярости механик Илья Зубко, бывалый зимовщик.

Отряд под предводительством Непрухина тем временем сильно отжали с первоначальных позиций бронемашинами; юг и юго-восток Новорусской американцы отвоевали почти сразу. Бой шел спереди; бой приближался и сзади. Тиски сжимались не быстро, но до жути неуклонно.

Самоотверженность — это слишком мало против силы и выучки.

Некоторое время яхтсмены отстреливались вместе с Зубко, потом у Баринаова опустел единственный магазин, а у Субицы осталось лишь по патрону в каждом стволе плюс один резервный в кармане. Сам Баландин расстрелял полтора магазина из трех имевшихся.

— Отходить надо! — угрюмо процедил Баринов.

Баландин был согласен — сидеть в окопе становилось опасно: они приковали слишком много вражеского внимания, а бронемашины уже утюжили главную площадь Новорусской и давно хозяйничали на взлетно-посадочной полосе. Было видно, как в южной части поселка из домиков выводят не решившихся сопротивляться антарктов — руки за голову.

Но куда отходить? Со стороны материка поселок блокировали бронемашины, а со стороны океана — морпехи.

— Я знаю куда, — сказал вдруг Зубко. — Сначала к северному водостоку, к Пингвиньей балке, а потом...

Договорить он не успел — американцы снова пошли на приступ, причем гранат на этот раз не пожалели. Чудом никого не зацепило, только посекло лед в нежданно исполнившем роль окопа желобе. Оглушенные, и по большому счету, деморализованные яхтсмены и единственный абориген-механик покинули спасительный окоп и отступили за ангар, окруженный высоким валиком обледеневшего снега. Баландин опустошил второй магазин — это на несколько секунд заставило

американцев залечь, а товарищам дало возможность улизнуть из окопа.

Мертвого Дахно пришлось бросить — настало время думать о живых. Запомнилось только красное на белом. Радиевскому помогали все еще безоружный Панченко и капитан «Анубиса» Юра Крамаренко.

За выступом какого-то строения — сами не поняли какого, до черта их тут! — нос к носу столкнулись с американцами, конвоировавшими кого-то из переселенцев. Баландину казалось, что случилось это сразу же после того, как был покинут окоп, но по зрелом размышлении становилось понятно — такое могло произойти только спустя какое-то время, минут, наверное, через десять. Эта стычка окончательно смешала все в голове — разум предпочел спрятаться за рефлексами.

Была короткая сумбурная перестрелка, почти в упор. Одного американца, кажется, убили и убили кого-то из калининградцев. Баландин отчетливо запомнил Женьку Большого, швыряющего молоток в лицо врагу, и Нафаню, стреляющего из ракетницы в лицо другому. Потом Баландин следом за Зубко упал в ручей, весело текущий по водостоку, и заскользил с этой импровизированной горки прочь от поселка все быстрее и быстрее. Ледяная вода обожгла лицо и руки. Больших трудов стоило удерживать на весу автомат — инстинкты не позволяли его намочить.

К финишу короткого скоростного спуска примчались только пятеро — Зубко, Баландин, Нафаня, Юра Крамаренко и Баринов. Женька Большой откололся на старте — его отсекли от водостока, но, кажется, ему удалось улизнуть в ангар, хотя это представлялось слабым утешением и скорее отсрочкой плена, чем избавлением от него. Но в момент бегства из поселка таким экстравагантным и весьма мокрым способом размышлять о судьбах товарищей Баландин был абсолютно не способен.

Модерновые костюмы-непромоканцы спасли яхтсменов от ледяной купели — нельзя сказать, что они остались полностью сухими под одеждой, но жить было пока можно. А вот кашка Зубко промокла насквозь, и уже спустя пару минут пос-

ле финиша у того зуб на зуб не попадал. Но механик крепился. Именно он подсказал, что делать и куда бежать дальше — двести пятьдесят метров от поселка, даже с учетом густого тумана, это слишком мало, чтобы считать себя в безопасности от пули.

И слишком много, чтобы считать себя в безопасности от Антарктиды.

А вот в моральной столице антарктов, на станции Амундсен-Скотт, главным героем обороны выпало стать — смешно произнести! — свирепому попугаю Кешью. Впрочем, началось все, как и в Новорусской, со звука приближающихся транспортных самолетов, а затем и «Чинуков», на которые Кешью-Кеша поначалу не обратил никакого внимания, если вообще их заметил.

Зато на звуки обратили внимание люди. Строго говоря, первыми приближение самолетов засекли дежурный на аэродромном радаре и забредший к нему погреться гляциолог из соседней научной будочки — пока у гляциолога чего-то там оттаивало или, наоборот, замерзало в очередном опыте, он решил заглянуть на кофе к соседу.

— Гляди, Джимми. — Дежурный пощелкал ногтем по стеклышку радара, на котором бегал по кругу белесый шлейфик, выявляя несколько точек — потенциальных гостей. — Кто-то к нам наострился. Не знаешь кто?

Гляциолог Джимми Сандерс несколько минут назад переключился мыслями со своего низкотемпературного опыта на мечты о горячем кофе, поэтому ему было решительно наплевать, кто там куда наострился — мало ли какие делегаты от каких станций решили поучаствовать в Конгрессе?

Джимми Сандерс вообще считал Конгресс пустой трескотней и бесполезной говорильней, за которую никто не заплатит ни цента. Иное дело — научная работа!

Технику Аарону Макбрайду до выявленных радаром гостей дела было немного больше, но ничего худого он тоже не заподозрил — на Амундсен-Скотт в последние недели самолеты с других станций летали действительно часто. Другое дело,

что не так кучно. Тем не менее Макбрайд особо не встревожился, решил спокойно попить кофе с Сандерсом, а потом уж доложить руководству и рывкнуть на рабочих посадочной полосы.

Вода в кофейнике еще только закипала, а звук приближающихся самолетов стал слышен уже и под куполом. Только теперь Макбрайд нахмурился и потянулся к рации. Но предупредить руководство он уже не успел.

Тем временем антаркты, удивленные столь мощным звуком из поднебесья, прервали едва начавшееся утреннее заседание и высыпали из надувного купола наружу. Тут-то и стало понятно, кто пожаловал.

Самолеты, как и у Новорусской, сбросили на лед бронемашины и тут же убрались, уступив небо сапогастым «Чинукам».

Взгляд, которым обменялись Тейлор и Уоррен, был долгим и в вербальной смысловой расшифровке, вероятно, мог бы занять средней величины том. Американские военные атакуют американскую научную станцию, которая посмела объявить себя столицей свободной территории. Не позавидуешь ее начальникам...

Однако взгляды делегатов иных национальностей (особенно китайцев, японцев и индусов) тоже весили немало и кое-что значили. Да и русские знакомо набычились — эти ребята просто так не сдадутся, Тейлор не сомневался. И если их подвести... прощай, антарктическое президентство.

Какие мотивы боролись в душе Брюса Тейлора, достоверно неизвестно — известно лишь, какие, к его чести, взяли верх. На долгие речи времени не оставалось, поэтому он громко хлопнул в ладоши и сказал очень коротко, хотя и достаточно пафосно:

— Свободная Антарктида обязана себя защитить!

А Уоррен поддержал в лучшем голливудском стиле:

— Парни, у нас проблема: эпоха гуманизма еще не наступила. В ружье!

Весь арсенал Амундсен-Скотта состоял из дай бог полудюжины автоматов различных систем, нескольких винтовок и

пистолетов. Ни одного гранатомета, даже подствольного. Никаких зенитных систем. И тем не менее игра сразу пошла всерьез: антаркты встретили десантные «Чинуки» огнем из всего, что могло стрелять. Встретили еще до того, как первые солдаты успели высадиться на лед.

Однако когда на ничем не защищенных стрелков-антарктов поперли бронемшины, отступление обороняющихся под купол произошло более чем поспешно.

В сущности, на станции негде было держать оборону: два купола, несколько научных павильончиков, дизельная да сплошные льды кругом. Поэтому американские десантники, невзирая на дружный залп антарктов (к слову сказать, ничуть не повредивший ни единый «Чинук»), могли считать себя хозяевами на базе уже спустя пятнадцать минут, когда в купол к испуганно притихшим конгрессменам пожаловал бригадный генерал Ричард Хески.

Всякий скажет, что не дело генерала лично участвовать в штурме. Однако кто же откажется украсить свой послужной список участием в славном и, главное, практически безопасном деле? Нет дураков.

Вот тут-то и вмешался попугай Кеша.

Ошибается тот, кто полагает всех без исключения попугаев безобидными, бестолковыми и потешными созданиями. Новозеландские попугаи кеа в отличие от своих ближайших родственников кака и какапо бестолковы, потешны, но отнюдь не безобидны. И вранье, будто любимейшим лакомством Кеши были орехи кешью. Не было для него, как и для всех кеа, большего гастрономического изыска, чем мясо нежного барашка с ароматным жирком. Эти твари, некогда привыкнув кормиться отходами скотобоен, отринули вегетарианство как недостойное приличной птицы занятие. Стаи кеа терроризируют овечьи отары по всей Новой Зеландии. И овец они рвут так, что (мама дорогая!) куда там койотам или динго!

Неизвестно, что так разозлило Кешу — генерал Хески на овцу был нисколько не похож. И обидеть хозяина попугая еще ничем толком не успел, если не принимать во внимание сам факт появления военных.

Кеша спикировал на Хески, вцепился мощными когтями в генеральский погон и в долю секунды отстриг генералу ухо. А затем принялся рвать клювом щеку.

Генерал не сразу понял, в чем дело, и не сразу почувствовал боль. Онемев, он уставился на залитый кровью рукав камуфляжа. А секундой позже заорал на весь купол. Царившая в зале Конгресса за мгновение до того тишина сразу раскололась на части. Хески попытался отодрать от себя хищного попугая, но тот оставил в покое щеку и принялся за генеральскую руку.

На Хески страшно было смотреть — вся правая часть его лица являла сплошную кровавую рану. Сопровождающие солдаты и офицеры остолбенели всего на пару секунд, но этого оказалось достаточно. Наконец кто-то из солдат вскинул автомат и саданул стволом по Кеше, а генерал окровавленной рукой выдрал из кобуры пистолет.

Вероятно, Кешу убили бы. Не проблема пристрелить ворону в упор, а ведь кеа крупнее вороны. Но Хески волею случая поскользнулся на собственном ухе и в попугая не попал, а тот, не будь дурак, замолотил по воздуху крыльями и был таков. По нему выстрелили еще несколько раз, но единственное, чего добились десантники, — это прострелили купол, который стал стремительно сдуваться и оседать. И когда заметно осел, начался форменный дурдом. Люди — и солдаты, и антаркты — бились под накрывшей их материей, пытаясь отыскать путь наружу. Страшно орал и последними словами ругался пострадавший генерал Хески. Стреляли растерянные солдаты — такого идиотского штурма не ожидал никто из них.

А вот кое-кто из антарктов сумел воспользоваться поднявшейся суматохой. Дело в том, что купола базы Амундсен-Скотт, строго говоря, стоят не на льду. А стоят они над старыми постройками, занесенными снегом выше крыш и медленно тонущими в антарктических льдах. Когда-то между наполовину занесенными домиками проложили целую систему траншей, накрыв их сначала металлической сеткой, а поверх — брезентом. Комфорт и удобство!

Много ли осадков выпадает в Центральной Антарктиде? Несколько сантиметров в год. Однако и этого количества хватило, чтобы за многие десятилетия занести старые постройки выше крыш.

Новых жилых домиков американцы строить не стали, а просто-напросто возвели поверх похороненных построек стационарный купол. Позже, когда стало понятно, что всех делегатов-антарктов станция не вместит, к нему добавился еще один купол — надувной.

Естественно, солдаты ничего этого не знали. Зато знали старые зимовщики с Амундсен-Скотта, например, единственный на базе негр Эрнан Фишер, по профессии врач. Ему довольно часто приходилось наведываться в «андерайс сторез», если вдруг возникала нужда в каком-нибудь медикаменте, а его не оказывалось наверху. По правде говоря, чаще всего сим медикаментом являлось красное вино, запасы которого в погребенных под снегами складах старой базы до сих пор могли впечатлить даже русских, известных во всей Антарктиде выпивох. Но так или иначе, доктор Фишер прекрасно знал, где располагается нора-вход в «подснежье». И здраво рассудил, что выкурить оттуда спрятавшихся аборигенов солдатам будет не так-то просто, особенно если не афишировать свое присутствие. Помимо вина внизу имелись и запасы пищи, и всякое полезное барахло вроде фонариков или веревок, и даже кое-какое оружие.

Когда продырявленный купол медленно и величаво опустился на барахтающихся людей, Фишер сначала поддался панике вместе со всеми. Потом сориентировался. Мысль была четкая и — он сам удивился — пронзительно светлая. Возблагодарив всевышнего за то, что солдаты не успели обыскать пленников, Фишер потихоньку отполз в нужную сторону, разрезал ножом прорезиненную ткань, расковырял наст, отодвинул заслонку, проник в нору и вернул заслонку на место, оставив, впрочем, щелочку для наблюдения. За четверть часа суматохи он успел незаметно заманить в нору добрый десяток проползавших мимо антарктов и даже одного незадачливого

американского солдата, которого моментально оглушил и связал собственным ремнем, ибо за веревками было бежать далеко и некогда. А когда все более-менее успокоилось, новоявленные партизаны-катакомбщики, сработав дружно и бесшумно, задраили вход в нору, утащили пленного подальше вглубь и принялись размышлять — что же дальше?

Толик Коханский и Тарас Онищенко, украинцы с единственной соплеменной станции Академик Вернадский, были одними из первых, кого доктор Фишер затащил в «подснежье». К счастью, оба были парнями смышленными и без лишних разговоров убралась под лед. Спустя малое время к ним добавился бывший начальник российской антарктической экспедиции Троеглазов и, не поняв текущего момента, успел в тесноте норы засветить кому-то по уху, прежде чем был вразумлен украинцами.

Наверху все еще ругались и постреливали, когда спустившиеся под лед антаркты добрались по узкому ходу до ближайшего похороненного жилища с провисшей крышей и стали держать военный совет. Удивительный, но бесспорный факт: при полном отсутствии планов партизанской борьбы активное подполье в столице Свободной Антарктиды начало действовать едва ли не раньше, чем пострадавший Хески доложил об успешном завершении операции по ее захвату.

Сами яхтсмены вряд ли бы вспомнили о сосланном на седьмой километр Квазимодо-Самоклюеве. И вряд ли нашли бы в тумане его заимку с одиноким домиком и холодным складом.

Правда, туман как-то вдруг очень быстро потек в сторону океана, однако коченеющего Зубко это не обрадовало.

— Пурга идет, — сказал он, стуча зубами.

— Обходим поселок по дуге — и марш-бросок до седьмого километра? — предложил Баринов.

— Спятил? Я же говорю — пурга идет.

— Сильная?

— Обыкновенная. Пурги не видал? Заблудимся и померзнем.

— Ложись! — не своим голосом крикнул Нафаня, падая брюхом на лед.

Попадали и остальные. Очень своевременно: ветер остервенело рвал туман в клочья. Сразу сильно похолодало. Стало хорошо видно, что делается в поселке. И слышно. Автоматная пальба почти везде прекратилась, зато на юго-западной окраине то и дело бухали взрывы, и ветер подхватывал какие-то кружащиеся в воздухе обломки.

— Блин, да они по нашим яхтам лупят! — вне себя заорал Крамаренко. — Из подствольников — по яхтам! Суки!..

Он вскочил и, кажется, был готов бежать спасать «Анубис». Баландин поймал его за ногу и уложил рядом с собой. Юра рыдал и грозился.

— Тихо, тихо... — втолковывал рассудительный Баландин. — Не шуми и, главное, не шевелись. Живее будешь, капитан.

— Капитан чего?! Хана «Анубису»...

— Хорошая яхта была, не спорю. Будет новая. Ты только глупостей не делай — мертвым яхты не нужны.

Какое-то время все пятеро лежали без движения, надеясь, что издали их примут за нечто неодушевленное. Промокший Зубко стучал зубами все сильнее.

— Гляньте, «Кассандру» видно! — подал голос Нафаня.

Повернули головы. За естественным молом все явственнее проступал корпус плавучей резиденции Шимашевича. Возле борта теплохода близ опущенного трапа прыгал на мелкой волне катер морпехов. Никаких звуков с «Кассандры» не доносилось.

— Сдались! — зло сплюнул Баринов. — Без выстрела сдались. Вот вам и «папа Шимашевич»...

— У него свои методы войны, — возразил не склонный к поверхностным суждениям Баландин.

— А мне плевать, какие у него методы. Оружием он поделиться мог, нет?

— А это что? — указал Баландин на свой автомат.

— Одна штука? И последний магазин, я не ошибаюсь? Одеди голого в резинку от трупов...

— Ладно — в резинку... Что делать-то будем?

— Ж-ж-ждать, — вымучил Зубко.

— Пурги ждать, да? А потом?

— К к-куполу а-аэрологов. Т-там рядом два с-снег-гохода и т-т-трактор. Д-должны б-быть...

— Сам видел? Сегодня? Не вчера?

Зубко усиленно закивал.

— Тогда ждем.

Ждать пришлось недолго. Первый заряд снежной крупы прошелся наждаком по лицам, и спустя три минуты исчезла в белой пелене «Кассандра»; исчез и поселок.

— Бегом!

Дизелиста пришлось едва ли не силой отдирать от наста и безжалостно подгонять. «Только бы не нарваться на морпехов», — думал Баландин, бодая метель. Случись встреча нос к носу — и у антарктов практически не было бы шансов.

Повезло: до аэрологического купола никого не встретили и вышли точно. Снегоходы нашлись сразу же, но радости с того было немного. Один из них лежал на боку с оторванной лыжей; другой, расстрелянный, как видно, из крупнокалиберного пулемета, превратился в заурядный металлолом.

Трактора на месте не оказалось. Кто-то отогнал его. Быть может — оккупанты. А может быть, кто-то из антарктов все-таки вырвался, скрывшись в метели.

Хотелось так думать.

— Ну что, — спросил, задыхаясь, Баринов, — кажется, финал? Прячем оружие, идем сдаваться?

Ему долго не отвечали. Свистел ветер, секла снежная крупа. Потом кто-то — кажется, Крамаренко, — через силу ответил:

— А что нам еще остается?

Глава 6 ОСИНЫЙ РОЙ

Ефим Евграфович Ерепеев сказал чистую правду: кроме переселяемых «в оазис Грирсона» пассажиров санно-гусеничных поездов, только один человек во всей Антарктиде знал истинное местоположение нового поселка. Этим человеком был

Игорь Непрухин. Собственно говоря, место для будущего поселка было предложено Ерепеевым и одобрено мэром Новорусской. «Ты все-таки Вобан, а не Рымникский», — съязвил при этом мэр и был облаян по матери. «Е в кубе» вообще не верил в молодецкий натиск и никогда не скрывал, что считает Непрухина разгильдяем, трепачом и шапкозакидателем. «Чем больше сделаем сейчас, тем будет легче потом, — увещевал он, стараясь удержать лексику в рамках. — Твое дело — не мешать. Работать буду я, а ты — рот зашей».

Механики-водители знали только то, что поезда ходят не в оазис Грирсона, но вряд ли могли, даже если бы очень захотели, ткнуть в правильное место на карте. Они и без того знали слишком много, и «Е в кубе» не жалел времени, внушая: молчать! молчать! молчать! Что, противно людям в глаза смотреть? А ты отвернись и молчи!

Новое поселение громко называли городом Солнца, а по-русски Солнцеградом или просто Солнечным — отчасти для сохранения тайны, отчасти для привлечения добровольных переселенцев, совсем уж отчасти в память Томмазо Кампанеллы, а больше всего из невеселой иронии. Солнца над ним не было и в помине, даже когда ветер уносил туман. Чаще всего в таких случаях начинал сеяться мелкий дождь и был способен своим упорством довести человека до иступления. Промозглая сырость не украшала быт. Фриц Вентцель, уныло сморкаясь, шутил, что это гниющее под дождем становище следовало бы назвать не Зонненбургом, а Шнупфендорфом — Насморочной деревней.

«Е в кубе» — честь и хвала! — успел провести в Зонненбург-Шнупфендорф три санно-гусеничных поезда. Вывез почти восемьдесят человек, всякий раз выдерживая тяжелое объяснение с переселенцами, взбешенными обманом и перспективной жить в волглой сырости. Звал Непрухина, настаивал, справедливо указывал на то, что риск вторжения с каждым днем возрастает, — и добился-таки твердого обещания выехать четвертым рейсом...

Какой такой четвертый? Не будет его. А будет долгий, выматывающий допрос всех подряд — куда девалась часть людей и

почти вся техника? В оазис Грирсона? Подумайте получше. И, ясен пень, первым, за кого возьмутся как следует, так возьмутся, что все расскажешь, будет мэр Новорусской Игорь Непрухин.

За поезд Ерепеева он не волновался. В «ишимбаевском» вездеходе отличная рация. Ерепеев соблюдал радиомолчание, но никто не мешал ему слушать вещательные станции. Спустя час-другой после начала вторжения, а то и раньше, сенсационными новостями будет забит весь эфир. Если «Е в кубе» уже успел выйти из Солнечного, то он туда и вернется.

Поэтому в первые минуты после нападения Непрухин все внимание сосредоточил на обороне Новорусской.

Он знал, что будут жертвы. Знал, что впоследствии найдется немало желающих обвинить в напрасно пролитой крови лично его, мэра. Знал и то, что, отдав приказ об обороне, он тем самым мгновенно превращается в глазах американцев в военного преступника. Знал, что отбросить или хотя бы сдержать агрессора антаркты не в силах.

Что ж, люди часто грешат против элементарной логики. Правда, бывают случаи, когда не погрешить против нее нельзя. Даже если это логика выживания.

А потом начался бой и длился гораздо меньше времени, чем хотелось Непрухину. Бронемашинам нечего было противопоставить. От огня их крупнокалиберных пулеметов не защищали стены домиков. Через несколько минут после начала атаки единое поле боя распалось на отдельные очаги, подавляемые планомерно и без спешки. И тогда мэр вспомнил о Солнечном.

Смерть в бою входила в планы Непрухина не больше, чем в планы любого другого антаркта. Но единственный человек, знающий местоположение нового поселка, должен был исчезнуть.

Выскользнуть. А если не удастся... ну что ж, в пистолете еще оставалось пол-обоймы.

Пробиться к аэрологическому куполу оказалось гораздо труднее, чем он думал. Пришлось расстрелять три патрона из четырех. Не начнись пурга — вовек бы не пробиться. Но когда завыло как следует, Непрухин понял, что удача на его стороне.

Он рванул кратчайшим путем, не обращая внимание на бестолковую пальбу в метели. Попасть в него могли только случайно.

Один раз пришлось круто свернуть — путь впереди пересекла бронемашина. Задев за угол домика, она развалила его и поперла дальше.

Непрухин не опасался заблудиться. «Зацепившись» за любой знакомый ориентир, он, как и все старожилы, мог свободно достичь любой точки поселка с завязанными глазами.

Судя по состоянию снегоходов, близ аэрологического купола тоже порезвилась бронетехника, но сам купол не тронула. Трактор тоже был с виду цел — полыхнул сквозь пургу оранжевым пятном. И снова удача: пускач сработал с первой попытки, и дизель завелся. Наверное, стоило бы его прогреть...

Да. Если бы было время. Тогда, уж кстати, можно было бы забежать в купол и на скорую руку приготовить оккупантам хар-р-роший сюрприз из водородного генератора, ракетницы и веревочки. Взрыв гремучего газа стал бы замечательным салютом в честь погибающей Новорусской, а заодно заставил бы кое-кого полетать по небу. В виде фрагментов.

Некогда! Непрухин утешил себя соображением: задеть растяжку запросто мог бы кто-нибудь из антарктов. Кто знает, куда занесет последнюю кучку обороняющихся?

Со стороны поселка еще доносились выстрелы.

Ах как трудно было Непрухину трогаться на первой скорости! Шебутной темперамент требовал: гони! гони! Рывком с места! Не думай ни о движке, ни о коробке — выдержат! Обязаны выдержать, потому что от них сейчас зависит очень-очень многое!..

«Ни черта они не обязаны сверх того, что вложено в них инженерами и рабочими, понял?»

«Вполне».

«Тогда не дури. Вот сейчас можешь плавно перейти на вторую...»

«Йес, сэр. Яволь. Будет исполнено».

На этом мысленный диалог прежнего Непрухина с нынешним пришлось прервать — справа в метели обозначилось дви-

жение. Кто-то бежал наперерез. Забыв о том, для чего берег последнюю пулю, Непрухин бросил рычаги, вырвал из кармана пэ-эм.

Бабахнуло. Блин, мимо!..

Непрухин швырнул в метель пустой пистолет. Выла пурга, и бывшему — теперь уже бывшему — мэру тоже хотелось завывать. Прошло несколько убийственно долгих мгновений, прежде чем он осознал: бегущий был безоружен и облачен не в полярный камуфляж.

Свой!

Бегущий человек поровнялся с трактором, вспрыгнул на ходу. Отдуваясь, свалился рядом на сиденье.

— Хорошо, что я в тебя не попал, — буркнул Непрухин.

— Я тоже так думаю, — осклабился Женька Большой. Глаза у него были шалые. Он сейчас же зажмурил их, спасая от секущей лицо снежной крупы.

— А не комфорт тут без кабины, однако...

— Это специальный трактор, — прокричал Непрухин. — Трещиноискатель. А где твоя команда? Живы?

— Когда я их потерял, были живы.

— Ну и иди к ним!

— Что?

— А то! Выжди время, чтобы морпехи успокоились, и топай сдаваться. Вот тебе мой совет.

— А ты?

— А я сматываюсь. Как можно дальше.

— Ну так и я с тобой!

— Хорошо подумал?

Женька не ответил. Может быть, не услышал.

Ах как прекрасна Женева ранним майским утром!

Рассвет уже отполоскал свое, вынырнув из-за воды Женевского озера, разбудил птиц и вызолотил крыши. Еще минут пять — и заиграла бликами мелкая зыбь на воде, а большой фонтан украсился радугой. Свежо, чисто. Приятной прохладой веет с гор. На французской стороне сверкает Монблан.

Поскольку на улицах в такую рань почти никого, в голову забредают странные мысли: о том, например, что надо любить ближнего. А то и дальнего. Люди, будьте людьми! Братайтесь! Вы только посмотрите на этот прекрасный мир — ну разве можно, живя в нем, испытывать к кому-то ненависть?

Но люди спят. Лишь громоздкие мусоросборные машины пыхтят на улицах да изредка пройдет прохожий. Совсем редко прокатит, шурша толстыми шинами, полицейский автомобиль с выключенной мигалкой. Женева не исключение — во всех городах в этот час перед пробуждением люди видят самые сладкие сны. Эй, вставайте, граф! Вас ждут великие дела. Взгляните в окно — ведь мир лучше, чем ваши сны. Успейте удивиться его совершенству, прежде чем вас оглушат шумом, забьют ноздри бензиновой вонью и отдавят мозоли в муниципальном транспорте. Торопитесь!

Где там. Волшебный рассвет старается зря. Вот очередной мусорный бронтозавр притормозил у места каждодневной своей кормежки. Вот два обслуживающих его лица африканской национальности лениво закинули в железное чрево пяток больших черных мешков. Через сто метров — новая остановка, новые мешки. Рутинка. А вот без сирены и мигалки промчался микроавтобус «скорой помощи». То ли на вызов, то ли в госпиталь. Улицы пустынные, сигналить незачем. У медиков тоже вечная рутинка: мало того что люди смертны, так они еще все время норовят чем-нибудь заболеть! И как раз в такое утро, когда ни о мусоре, ни о болезнях думать совершенно не хочется...

Лишь узкие улицы центральных кварталов тормозили движение микроавтобуса. Короткая прямая, разгон, торможение, поворот... Еще прямая, еще поворот. И еще. Ни пробок, ни ожидания у светофоров. Все-таки удобно. Еще немного, и пойдут пригороды. На многорядном шоссе, ведущем к аэропорту Куэнтрен, можно ненадолго разогнаться. Аэропорт рядом. Богатый, но невезучий турист, сваленный тяжелейшим инсультом, имеет все шансы вернуться в свой родной Палермо без малейшей задержки. Нанятый родственниками самолет ждет. Документы в полном порядке. Они не хуже и не лучше насто-

ящих — они просто настоящие. Пограничные формальности в основном улажены. В пути коматозника будут сопровождать адвокат и медицинская бригада.

Еще один поворот... Нет, сюда нельзя. Здесь стоят барьеры, обозначающие место проведения дорожных работ, и на шестиосном прицепе громоздится самодовольно-тупорылый асфальтовой каток. Прямо? Да, можно свернуть и там.

Проехать почти до следующего перекрестка. И уткнуться прямехонько в группу людей, занятых невероятно полезным делом...

Минут за пятнадцать до появления микроавтобуса по тротуару прошел молодой человек, имея в руках телескопическое удилище с большой катушкой, подсачек, садок и складной стул. Сонно оглядев пустынную улицу, он вышел на середину проезжей части, где не спеша проделал следующие действия: разложил на асфальте рыбацкие причиндалы, выдвинул удилище на всю его восьмиметровую длину, вскрыл консервную банку с наживкой, деловито насадил червячка, сделал заброс вдоль разметочной линии и опустил на стул. Сидел, ждал поклевки. Лицо асфальтового рыбака оставалось бесстрастным, взгляд — внимательным.

— Простите, вы без прикормки ловите?

Второй рыбак подошел совершенно неожиданно. Этот был средних лет и лучше экипирован. Помимо снастей и стула он имел в руках пластиковое ведро с круто замешенной субстанцией странного вида. Развернув в свою очередь снасти, второй сумасшедший живо слепил из месива колобок.

— Не возражаете?

— Нет, что вы. Буду рад. Признаюсь, я здесь новичок...

— Оно, простите, и видно. Кто ж без прикормки ловит? Рыба здесь балованная, зажавшаяся... Вот увидите, одной порции ей не хватит... Вот так надо, учиться. Моя собственная эксклюзивная смесь, семнадцать ингредиентов...

Размахом снизу он забросил прикормку. От удара об асфальт колобок «эксклюзивной смеси» рассыпался, напомнив издали конский помет.

— Вот черт, не очень аккуратно... Ничего, подождем. Сейчас рыба успокоится после всплеска, и тогда...

Третьей подошла девушка с длинным конопатым носом, рыжим крашеным хвостом на затылке и, разумеется, рыболовными принадлежностями. Она демонстративно устроилась близ тротуара, всем своим независимым видом показывая, что пришла именно рыбачить, а не что-нибудь. Следом явились два тинейджера с одним спиннингом на двоих и немедленно затеяли спор, кому первому забрасывать.

— Эй, молодежь, нельзя ли потише?!

За юнцами рыболовы пошли потоком. К тому времени, когда на забаву обратил внимание полицейский патруль, от двадцати пяти до тридцати человек сидели тесно в ряд, напрочь перегородив улицу и тротуары, и с дивной серьезностью пялились на разбросанные по асфальту поплавки, а за их спинами собралось примерно столько же болельщиков. Кто-то притащил раскладной столик, на него были водружены весы. Несколько человек устанавливали палатку с надписью «Судейская». Слышались реплики:

— Разве здесь соревнования?

— А вы что думали! Если желаете участвовать — заполняйте заявку и сматывайте вторую удочку. Правилами разрешена только одна.

— Подсекай! Ну подсекай же! Вываживай!..

— Слабину выбери! Гаси рывки удилищем!.. Эх, сошла...

Двое полицейских, подрулившие к шеренге рыболовов с тыла, добродушно усмехаясь, вышли из машины. Все было понятно: опять этот флэш-моб. Модное развлечение для отвязных придурков, но вроде безопасное...

Особенно поутру. Хотя странно, что эти крейзанутые выбрали время, когда их никто не видит. Они ведь на публику работают. Чем больше прохожих покрутит пальцем у виска, тем им веселее.

Может, учи, что в ранние часы клев лучше? Мол, если уж играть, то по всем правилам?

Наверное.

— Клюет? — с кривой ухмылкой спросил один полицейский.

— Наживку тербит, но не очень-то ловится, — озабоченно отозвался крайний в шеренге рыболов, с трудом втиснувшийся между стеной дома и соседом. — Хитрая!

— Ага, — заинтригованно молвил полицейский. — А что здесь клюет?

— Озерная форель. Во-от такая! «Свечки» делает — загляденье!

— Ну? А где же улов?

— Где положено. — Рыболов, казалось, даже обиделся. — У нас принцип «поймал — отпусти». Мы не браконьеры.

Полицейский осклабился и кивнул в ответ. Дело было ясное. Жалоб от окрестных жителей пока не поступало. Значит, сделать недоумкам внушение насчет сохранения тишины и оставаться на месте вплоть до конца шизоидного представления. Вряд ли оно затянется. Поваляют дурака и разойдутся довольные.

В этот момент на улице появился микроавтобус «скорой помощи». Увидев перед собой сидячую фалангу, ошетиленную длинными, как македонские сариссы, удилищами, водитель сбавил скорость, одновременно включив сирену и мигалку. Как видно, в данную минуту он не был расположен наслаждаться юмором ситуации. Расступитесь! Освободите проезд! Речь идет о спасении человека!..

Примерно о том же немедленно начал кричать и полицейский, хотя, казалось бы, необходимость прервать игру должна была без всяких слов стать очевидной самому отмороженному придурку.

Увы. Предельная глубина дури еще никем не изведена. Рыболовы продолжали сидеть тесно, плечом к плечу, время от времени подергивая перепутанные снасти, не слушая команд полицейского и не обращая на «скорую помощь» ни малейшего внимания.

И то сказать: какой еще экипаж на четырех колесах может двигаться по водной глади? Чего не может быть, того и не бывает. Галлюцинация. Мираж. Такое чудо-юдо не способно даже

распугать рыбу, а значит, не стоит того, чтобы оторвать взгляд от поплавок. Спокойно, ребята, продолжаем удить.

— Вау, мадемуазель, у вас клюет!..

Возможно, без этого безответственного «вау» события начали бы разворачиваться менее стремительно. Чуть-чуть. Самую малость. А итог все равно оказался тем же, и не важно, секундой раньше или позже полицейский вышел из себя и от вербального воздействия перешел к физическому.

Что, впрочем, не возымело никакого толку. И не надо винить честного служаку. Привычка иметь дело с законопослушными гражданами тихой страны до добра не доводит. Вот до бешенства при неожиданном зломном неподчинении — может довести вполне. А потом и до растерянности...

Расшвырять заигравшихся балбесов полицейскому оказалось под силу даже без помощи напарника. Освободить проезд для «скорой» — нет. Даже с напарником. «Рыболовы» и «болельщики» тотчас смыкали строй. Самые настырные лезли чуть ли не под колеса микроавтобуса. Самые флегматичные как ни в чем не бывало продолжали лов. Грубо слепленный шар прикормки разбился о ветровое стекло, заляпав его всеми семнадцатью ингредиентами...

Сирена выла тягуче-тревожно. В ближайших домах к стеклам прилипли разбуженные горожане. Микроавтобус сунулся вбок, тщетно пытаясь объехать препятствие по тротуару, не преуспел и дал задний ход.

Поздно! С той стороны улицы, перекрыв ее на манер поршня, вопя лозунги, размахивая картонками с изображениями Мао и Че Гевары, валила толпа разношерстно и неряшливо одетых людей, преимущественно молодых. И очень хорошо знакомых как полиции Женевы, так и ее обывателям.

Впоследствии было установлено, что очередное шествие немытого воинства антиглобалистов по улицам Женевы имело конечной целью всего-навсего митинг протеста перед Палесте-Насьон. Никто, однако, не сумел точно выяснить, по какой причине манифестация была назначена на столь ранний час.

И почему силы правопорядка оказались не на высоте, позорно прошляпав ее начало.

Сориентировавшийся полицейский завопил на напарника, требуя немедленно вызвать по радиации подкрепление...

Надо думать, перевозимому в микроавтобусе коматознику крайне важно было попасть в аэропорт. Иначе трудно объяснить, почему «скорая» недвусмысленно направила бампер на заигравшихся «рыболовов» с их удочками, намереваясь продавить препятствие...

Оглушительно лопнула правая передняя шина, по всей видимости, напоровшаяся на особо крючковатую рыболовную снасть...

Лопнули оба задних ската. Откуда на мостовой взялась утыканная гвоздями доска, впоследствии так и осталось невыясненным.

Микроавтобус поерзал, жуя резину. Встал. Беснующаяся человеческая река обтекла его, закрутив и погнав перед собой адептов флэш-моба, как гонит щепки весенний поток.

Казалось, она может с легкостью увлечь и микроавтобус.

Не увлекла. Зато среди тысячеголосого гвалта и улюлюканья отчетливо прозвучали удары твердым о твердое, шуршащий звон триплексных стекол, скрежет металла...

Завопил полицейский, пятась к патрульной машине и лапая кобуру...

Спецподразделению полиции по борьбе с демонстрантами удалось перенять шествие шалой орды уже в непосредственной близости от Пале-де-Насьон. Здесь был простор для давно отработанных полицией маневров, и антиглобалистам пришлось возобновить тесные отношения с резиновыми палками, слезогонкой, водометами и полицейскими фургонами с окнами в клеточку. На улице, где были отмечены первые беспорядки, остались лишь двое ошеломленных полицейских, незначительно пострадавший патрульный автомобиль, совершенно пустой микроавтобус «скорой помощи» со спущенными шинами и выбитыми стеклами да изрядное количество мусора на асфальте.

И более никого.

— Фу-уф! — сказал первый полицейский и, сняв фуражку, промокнул платком потный лоб.

— Ну и ну, — выразил свое отношение к событию второй полицейский, недоверчиво ощупывая себя. — Еще чуть, и смяли бы нас. Думал — все...

— Куда делся медперсонал, хотел бы я знать, — раздумчиво проговорил первый, заглянув в фургон через выдавленное окно. — Больной — ладно... Больного там могло и не быть. «Скорая» могла ехать на вызов. Ты ничего не заметил?

— Нет.

— Я тоже. Дай-ка запрос на номер этой колымаги. Поживее. Спустя пять секунд монитор в машине высветил ответ.

— Я так и думал, — бросил первый. — Сообщи. И запишись на прием к проктологу. Очень скоро нас будут иметь все, кому не лень.

— Думаешь, мы проморгали заранее спланированное похищение человека? — растерянно спросил второй.

— Думаю, нас здорово надули, — отрезал первый. — А еще думаю, что не нашего ума это дело. Наше дело — доложить и готовить задницы. Нюхом чую, тут игры не на уровне полиции...

— Серьезно? — изумился второй.

— Более чем.

— Тогда почему задницы должны готовить мы?

— Потому что мы крайние. Ты еще молодой, учись. Должно же начальство кого-то трахать, нет?

— Ну...

— Без «ну». Считай, что пришла наша очередь, вот и все.

...Малый фургончик из тех, что ежеутренне развозят товар по крохотным магазинчикам, пробирался меж тем по улочкам в сторону, противоположную аэропорту. Выбравшись в пригород, фургончик увеличил скорость.

В тесном жестяном параллелепипеде кузова находились восемь человек. Трое из них, по-видимому, совсем не страдали ни от тесноты, ни от тряски. Им не мешала неудобная поза — носом в пол, руки в наручниках за спиной. Их ничуть не заботило

то, что их бесцеремонно используют как сиденья. Трудно пожаловаться на некомфортные условия тому, кто лишен восприятия действительности.

Четвертый человек также лежал без движения — с той разницей, что на нем не сидели, и лежал он на складной больничной каталке.

Еще четверо склонились над ним. Трогали больному пульс, дули в лицо, поднимали веки. Больной никак не реагировал на эти манипуляции.

— Жив, но без сознания, — констатировал на правильном оксфордском английском смуглокожий человек с блестящими глазами-маслинами и резким римским профилем.

— Обкололи, — сказал рослый светлоглазый шатен с обветренным лицом и добавил по-русски: — Сволотшш!

— Таки не могло быть иначе, — тоже по-русски отозвался третий — маленький, пожилой, излыса-седенький.

Четвертый, с внешностью японца, не проронил ни слова и лишь кивнул, соглашаясь.

— Снимем капельницу? — спросил Шеклтон.

— Я вас умоляю, зачем? Вы доктор? Вы можете сказать, липовая она или нужна? Он себе умрет, а с меня голову снимут? Мне это надо?

— Экскьюз ми... Уот из липовая?

— Фальшивая.

— Коган-сан прав, — заявил Кацуки. — Сначала надо приехать. Медик потом.

— Его в хорошую клинику везти надо, — высказался Шеклтон. — Напрасно мы не подняли шум. Нашу акцию надо было снимать на хорошую камеру и показывать по всем каналам новостей. Скандал на весь свет!

— Вы забыли, что мы теперь нелегалы, — проговорил Чаттопадхьяйя.

— Тем более нужен скандал и общественное мнение. Делегат Свободной Антарктиды был захвачен спецслужбами США, нелегально действующими на территории Швейцарии! У нас и так были хорошие шансы. А после скандала никакой суд не вынес бы решение о нашей экстрадиции...

— Вот еще шуточки! — завопил Моисей Соломонович. — Может, нам была выгода сообщить в полицию о пропаже коллеги и дожидаться себе, пока его найдут? Уй, от вас у меня мигрень делается!

— Нет, не дожидаться, но...

— Нет, это вы меня послушайте! Никогда бы они его не нашли — это раз. И что, вы таки пригласили бы съемочную группу с телеканала снимать, как мы освобождаем пленника? Я себе представляю!..

— Потихе, — предостерег индус.

— А кто кричит? — Коган все же сбавил тон. — Вы хотите засветить боевиков Шимашевича, чтобы их искала полиция? Это вам два. Те, на ком мы сидим, я думаю, тоже не совсем себе идиоты. Таки просто удача, что никто из них не успел выстрелить в пациента. Это три. И нам совершенно не на пользу, чтобы весь мир знал, что Свободная Антарктида платит деньги немытым антиглобалистам! Вот вам четыре, и вообще прекратите мне все переигрывать! Игра сделана.

Если какая-то часть произнесенных по-русски аргументов Моисея Соломоновича и не была понята Шеклтоном, то суть он все же уловил. Поэтому решил сменить тему:

— А с этими мы что будем делать? Отпустим?

— Простите? — не понял Кацуки.

— Не топить же их в озере. Сдадим полиции?

Лишившийся дара речи Коган зашипел на вдохе и замахал на Шеклтону короткими лапками. Японец сдержанно улыбнулся: законопослушание этих западных варваров поистине анекдотично. Индус также покривил губы в улыбке, от которой у кого угодно мороз побежал бы по коже:

— Осквернять воды озера мы не будем. А этих — этих сначала надо допросить. Да так, чтобы они позавидовали... э... нашему коллеге. Если люди Шимашевича не справятся, я им помогу.

— Шо, лично? — испугался Коган.

— Разумеется, нет! В этой стране живет немало моих соотечественников. Есть среди них и те, кто поклоняется Кали. А среди них найдутся знатоки старинных обрядов...

— Это душители шелковым платком? — недоверчиво pokrивился Шеклтон. — Как их звали: туги, таги?..

— Правильно — тхаги.

— Ну пусть тхаги. А разве англичане не перевешали их всех еще сто лет назад? Я читал, что...

— У англичан не хватило бы веревок, чтобы повесить всех, — надменно произнес Чаттопадхьяйя. — Можно казнить людей, но не веру. Ни одна нация еще не научилась это делать.

— Шелковый платок — это, извините, слишком просто, — поделился своим мнением Кацуки.

Индус ответил еще одной многозначительной улыбкой. При виде ее Кацуки согласно кивнул, Коган отвернулся, а Шеклтон замер с разинутым ртом.

Наверное, это не было так просто. А еще ошеломленному австралоантаркту пришло в голову, что в подготовку перевозивших Ломаева агентов, вполне вероятно, входила наука подавлять в себе страх перед пытками. Но пытки — это одно, а специфическая религиозная церемония — совершенно другое.

Лучше всего в ней не участвовать. Даже в качестве свидетеля. А еще лучше было бы вообще не знать, что такое возможно в двадцать первом столетии...

Жаль, поздно.

Страх боли. Страх высоты. Животный страх угодить в глотку хищника. Человеческий страх исчезнуть без следа. Толькото? Нет, друзья мои и соотечественники, вы вышли из примитивных культур, и страхи у вас примитивные...

Шеклтон содрогнулся и отвел глаза. Еще несколько минут ему хотелось пристрелить пленных агентов, милосердно избавив их от запредельной предсмертной жути. Мешали два обстоятельства, и среди них нежелание оказаться убийцей в глазах закона отнюдь не было главным. Главным было бледновосковое лицо не приходящего в сознание Ломаева.

До седьмого километра добежали быстро.

Трактор рычал зверем. Завывала пурга. Снежная крупа шлифовала лица.

Зато не было погони. Дергая рычаги, Непрухин злобно радовался. Ни вертолет, ни самолет не могли бы сейчас подняться в воздух. Что такое ползущий оранжевый трактор, вид сверху? Легкая мишень. Не накрыть ее с первого захода — позорище даже для не очень опытного летчика.

В погоню по леднику Непрухин не очень-то верил. Какая погоня при видимости в тридцать метров? Смех один. Сомнений нет: все как один бывалые полярники поклянутся, что пускаться в путь в такую погоду равносильно самоубийству. Новички не знают дороги. Нет, проводников оккупанты не найдут... А сунутся сами, не зная ориентиров, лишь по карте, компасу да спутниковой навигации, — ну и исполать. В два счета собьются с дороги, а кто сбился, тому недолго искать трещину. Иную из них и на воздушной подушке не перемахнешь...

И все же он гнал трактор на предельной скорости. На бога надейся, в удачу верь, логику цени, а ослом не будь, вредно это.

В белой штриховке пурги едва разглядели холодный склад — полузанесенное снегом длинное низкое здание, крытое профилированной жестью. В его ветровой тени расположился корявый домик, поставленный давным-давно именно на случай, если кто-нибудь будет отрезан здесь пургой. С некоторых пор в нем обитал дизелист Самоклеюев, сосланный сюда Ломаевым за уголовную внешность, не способствующую положительному имиджу Антарктиды и антарктов.

Сквозь крохотное оконце пробивался слабый свет. Дизель-генератора на седьмом километре отродясь не водилось, и свет обеспечивался реликтовой керосиновой лампой, а тепло — печкой-капельницей. Воняло керосином и соляром.

Вдыхая привычные запахи, дизелист Самоклеюев отчаянно скучал. Из достижений культуры в его распоряжении находились лишь магнитола на батарейках, несколько компакт-касет с попсой да около десятка книг Дюма, Дрюона и Фенимора Купера, изъятых приказом Ломаева из библиотеки Новорусской. Ни работы, ни отдыха по душе. Одно слово — ссылка.

Правда, редкий день его не навещал кто-нибудь. Растущему поселку требовались горы провианта. Быстро таяли запасы

тушенки, муки и мороженой птицы. В резерве пока оставалось тонн двадцать рыбы с польского траулера. Завхоз Недобитыко поначалу сопровождал едва ли не каждую волокушу, затем сделал из Самоклеюва своего заместителя по холодному складу. Тот не возражал. Вести отчетность и собачиться с «гонцами» из-за вненормативного ящика консервов оказалось противно и муторно, но лучше уж такое занятие, чем никакого.

Сегодня Самоклеюв никого не ждал. Пурга! Слушать музыку надоело. Иностранными языками дизелист не владел, а поиск в эфире выпусков новостей на русском языке оказался делом трудным, и все равно слышимость была никакая. О том, что творится в мире, Самоклеюв узнавал от визитеров.

Приходилось читать книги, чего он не любил с малолетства. Приключения Натти Бампо, снайпера и болтуна, парадоксальным образом вгоняли дизелиста в злость и зевоту одновременно. От самодовольных монологов главного героя делалось тошно. За время любого из них ирокезы трижды успели бы превратить оратора в дуршлаг.

Визжала пурга за окном. Самоклеюв рычал.

Потом явились гости, и Натти Бампо полетел в угол. Выслушав рассказ Непрухина и Женьки о захвате Новорусской, дизелист-завхоз огорченно крякнул, поскрипел зубами, сказал несколько ненормативных слов, а потом повел себя в высшей степени целесообразно.

— Что вам выдать?

Много ли погрузишь в трактор без кабины, лишенный даже волочащихся следом саней? Навалившись втроем, орудуя ломиками, неслышно матерясь в вое пурги, безжалостно отодрали кровельный лист от крыши склада. Кое-как загнули кромку, пробили отверстия для крепления троса — вот и сани.

Самоклеюв был готов отдать все. Тушенка? Бери ящик. И ящик сгущенки. И чай. И кастрюлю. И примус. Эх, жаль, нет палатки! Бери тогда вот этот брезент. И вон те доски. Соорудите из них что-нибудь этакое вроде яранги... Трос бери. Веревки бери — все, какие есть. Бочку соляра бери. С теплой одеждой, извините, проблема, но подшлемник и шерстяную

маску на морду — бери. Рукавицы — бери. Каэшку мою бери подержанную. Свитер бери в запас, хороший свитер, теплый, жена на спицах вязала...

— Ты разве не с нами? — спросил Непрухин для порядка. Он не хотел, чтобы Самоклеюев, простая душа и хороший человек, выказал желание идти в пургу. Пришлось бы отказать, наверно. Зачем троим рисковать там, где и двух много?

— Я того... — Дизелист отчего-то смутился и забежал глазами. — Я это... останусь.

— Уверен? — просветлел лицом Непрухин.

— Ну сказал же...

— Значит, так тому и быть. Мы не в претензии.

Самоклеюев косолапо переминался с ноги на ногу, не зная, куда девать глаза.

— Ты того... этого... не гони очень-то. За вешками следи в оба. А то знаешь ведь: шибче едешь — глубже будешь.

— Учи ученого... — Непрухин отчего-то насторожился. — Ты мне только это хотел сказать?

— Ну да. А что еще?

— Так, знаешь ли. Показалось.

— Креститься надо, когда кажется, — проворчал дизелист, упрямо глядя в сторону.

— Тогда бывай здоров. Увидимся.

— Погодь, барахло увязать помогу...

Пришлось повозиться втроем, закрепляя как следует груз на импровизированных санях. Спешили. Материли метель, рычали, кровавили пальцы о трос. Кто захочет проверять, выслана ли погоня, методом встречи с нею! Нет таких недоумков. Затянули последний узел — и в путь! Трактор дернулся, натянул трос, поволок сани, быстро набирая скорость. Непрухин помахал рукой на прощание.

Оставшись один, Самоклеюев лишь слегка покосился на разоренный склад, где гулял ветер, засыпая провизию тоннами снежной крупы, и жалко трепыхалась недоломанная кровля. Наплевать. Склад больше не интересовал Самоклеюева. Укрывшись от прямых ударов стихии за стеной своего домика,

дизелист еще долго вслушивался и всматривался в снежную круговерть. Потом он закоченел, а заодно уверился, что погоны за беглецами не будет. Во всяком случае, до тех пор, пока не успокоится расшалившаяся стихия. Без сомнения, супостаты пришли к выводу, что двое сумасшедших и так никуда не денутся...

Значит, время опрометчивых действий еще не наступило. Самоклеюев вернулся в домик, подобрал заброшенного в угол «Следопыта» и попытался погрузиться в чтение. Спустя пять минут он чертыхнулся, отложил книгу и без малейшего успеха искал в эфире родной «Маяк». Тяжело вздохнув, обрушился на койку. Мыслей и сомнений у дизелиста было хоть отбавляй. А вот делать до окончания пурги было решительно нечего.

Спустя неполных два часа после начала операции силы вторжения захватили практически все антарктические поселения, имеющие хоть какое-нибудь значение. Кое-где — с применением оружия и потерями, как в Новорусской. Кое-где — практически без сопротивления, как в Мак-Мёрдо. (Единственным инцидентом там стало исчезновение двух недавно иммигрировавших антарктов, известных своими антиамериканскими взглядами, по всей вероятности, прихвативших с собой нескольких охотничьих ружей с большим количеством боеприпасов. Морпехи прочесали окрестности, но никого не нашли — искать беглецов в домике-музее Скотта в голову никому почему-то не пришло, хотя, как позже выяснилось, беглецы прятались именно в музее.)

Действительно, в операции вторжения участвовали британские, австралийские и новозеландские формирования. Целью первых стали бывшие английские станции Халли и Ротера; вторые осуществляли совместную с американцами высадку в Мосоне, Дейвисе и Кейси; наконец, третьи без выстрела захватили Скотт-Бейс по соседству с уже захваченным Мак-Мёрдо.

Испили свою чашу Новолазаревская, Мирный, Дюмон-Дюрвиль, Сёва, Чжуншань, Маитри, Добровольский, Бодуэн, Неймайер, Вернадский, все семь станций острова Кинг-Джордж...

Проще было перечислить поселки, не подвергшиеся нападению. Таковыми до поры до времени оставались станции Аргентины и Чили, больше похожие на крохотные военные базы, японская внутриматериковая станция Купол-Фудзи да несколько новых поселений, то ли игнорируемых, то ли пока не обнаруженных.

Это, в сущности, означало бы конец Свободной Антарктиды, если бы не странное поведение военных.

Допустим, на берегу Уилкса разыгралась пурга, приковавшая ко льду авиацию, — но в то же время в Новолазаревской, Бодуэне и Маитри стояла отличная погода! И тем не менее в действиях сил вторжения начала проявляться непонятная нерешительность.

Был совершен облет станции Купол-Фудзи, но и только. Десанта не последовало. Зато самолеты-разведчики стали летать над Антарктидой часто и подолгу.

Неожиданно ужесточился режим содержания пленных, но спустя сутки смягчился настолько, что в Мак-Мёрдо, Скотт-Бэйс и Халли антарктам разрешили даже прогуливаться по территории поселков, не выходя, однако, за их пределы. Столь вопиющий либерализм не коснулся бывших научных станций России, Китая, Индии и прочих неанглоязычных стран, но и тут повеяло послаблением. По-прежнему антарктов по одному таскали на допросы, и по-прежнему проводились планомерные, очень тщательные обыски, часто по три-четыре раза в одном и том же помещении, — но тон оккупантов заметно смягчился. В Новорусской недоумевали.

Казалось бы, в лучшем случае пленных ждет депортация в покинутые ими страны, и то после отсидки на американской базе в какой-нибудь гниющей тропической дыре. В худшем случае — та же отсидка, только многолетняя и, может быть, в перспективе судилище. Участь не из самых приятных.

Ан нет. И на третий день плена Нафаня шепнул на ухо угрюмому Баландину:

— А знаешь, америкосы чего-то здорово боятся, только виду не хотят показывать...

То же самое чувство, и даже с большей силой, владело антарктами в Амундсен-Скотте. В захваченной столице нервозность оккупантов была видна всем. Солдаты ходили только парами, поминутно оглядываясь. Шутка ли — за двое суток пропали без вести восемь военнослужащих!

Искали в стационарном куполе. Проверили ошупью сдувшийся купол бывшего зала заседаний, ничего не нашли и оттащили его подальше, чтобы не мешал. Проверили научные сооружения и — особенно тщательно — подледный магнитный павильон. Толку не было.

Ночью бесследно исчез с поста часовой. Днем, когда, казалось бы, все на виду, пропали еще двое. Проверка пленных показала, что не хватает кое-кого из бывшего персонала станции. Полковник Карпентер, заменивший убитого в госпиталь генерала Хески, запросил максимально полную информацию о станции и вскоре разгадал ребус. Вне всякого сомнения, партизаны скрывались подо льдом в катакомбах, оставшихся от старых строений и, очевидно, имевших замаскированные выходы на поверхность.

Спустя час удалось обнаружить один из них. Все остальное было уже делом техники. Карпентер планировал вступить с подледными жителями в переговоры и предложить им сдаться, выдав пленных в целости и сохранности, и при этом условии гарантировать жизнь. В случае отказа оставался выбор между выкуриванием и штурмом.

Запрет на проведение каких-либо активных действий ошеломил полковника. Ясный и недвусмысленный приказ командующего предписывал ждать дальнейших указаний, ничего не предпринимая. Совсем ничего. Просто ждать.

Велев присыпать дыру и отметить ее флажком, полковник задумался. Происходило что-то не предусмотренное планами вторжения, это было ясно. Но что?

С самого начала проблемы сыпались как из рога изобилия. Они начались еще во время подготовки к вторжению на обледенелый континент. Гринписовцы походили с ума, по их суденышкам приходилось даже открывать огонь, и вонь в прес-

се поднялась невыносимая, словно от раздавленного клопа. Потом одно десантное подразделение, несмотря на спутниковую навигацию, умудрилось вместо Антарктиды высадиться на одном из Каролинских островов, и морпехи успели сильно удивить островитян, прежде чем командовавший ими болван сообразил, что в Антарктиде пальмы не растут. Далее, никто не ожидал, что антаркты окажут реальное, а не показное сопротивление. Избыточность брошенного в Антарктиду военного контингента, по идее, должна была убедить их не совершать глупостей. Но были бои и, увы, неоправданные потери. Наконец, совсем уж идиотский случай с попугаем и генеральским ухом! Журналисты уже пронюхали, весь мир покатывается со смеху...

Теперь — подледные партизаны, крадущие часовых. Еще один повод развеселить публику. И непонятный запрет на проведение пустячной операции!

По убеждению полковника, сейчас следовало бы действовать максимально энергично. Наплевать на протесты и всяческую политику. Высадиться в еще не захваченных пунктах. Искать и найти новые поселения так называемых антарктов. Наверняка они существуют. Пленить или уничтожить всех, кто еще может вякнуть хоть слово от имени Свободной Антарктиды. Без этого операцию нельзя считать завершенной.

Вместо этого в Амундсен-Скотт прибыл самолет, привез приказ оказывать всемерное содействие «специальной группе» и нескольких неразговорчивых типов в высоких чинах, которые еще раз перевернули на станции все, что можно перевернуть, допросили всех подряд и, казалось, были озабочены чем угодно, кроме окончательной победы над противником.

Неприятности. Мелкие, но что-то много. Укусы. Будто сунулся в осиный рой.

Что-то происходило...

И поскольку происходило оно явно вне компетенции полковника Карпентера, он вскоре перестал об этом думать и стал выполнять приказ: ждать.

Глава 7

ПОСЛЕДНИЙ ДОВОД АНТАРКТИДЫ

— Зря ты за мной увязался, — сказал Непрухин.

— А я не собачка, чтобы за кем-то увязываться, — обиделся Женька. — Что бы я в Новорусской делал? Сидел бы под замком и ждал депортации? Ага. Щазз! Размечтались!

— Ну и депортировали бы... Подумаешь! Тебя Украина изменником объявляла? Нет. Остался бы жив-здоров и на воле, это точно.

— Я антаркт, — упрямо возразил Женька. — Я и сейчас на воле.

Непрухин не стал с ним спорить.

Что на воле — верно. Только кому нужна такая воля? Все равно будешь делать то, что велено, — не людьми, так природой. А не будешь, так помрешь. Эту волю вольную не уставал проклинать Робинзон на острове, хотя у него был теплый остров...

Больше ста километров до Новорусской.

И сейчас же Непрухин поправил себя. Не ДО, а ОТ Новорусской. Путь назад для него закрыт. А путь вперед — верная смерть либо в ледовой трещине, либо от голода и холода. Бывают, конечно, в жизни чудеса, но ведь нормальный человек не станет рассчитывать на то, что чудо непременно свершится. С какой стати? Почему Случай должен ублажать игрока?

Да просто потому что игроку этого хочется.

Кто посещал бы казино, не надеясь на удачу?

Кто покупал бы лотерейные билеты?

И кому какое дело, что у Случая своя профессия — укладываться в статистическую кривую?

Но иногда он все же улыбается человеку.

Строить расчет — глупо. Зато не возбраняется надеяться.

— Я серьезно, — сказал Непрухин. — Шел бы ты, парень, обратно...

— Один?

— А тебе проводник нужен? Держись колеи, пока ее не замело. Где трактор прошел, там человек не провалится. За веш-

ками следы сугубо внимательно. А как кончится зона трещин, так, считай, дома. Без компаса дойдешь.

— Сам говорил: до Новорусской километров сто, — напомнил Женька.

— Зато под горку и по ветру. Устанешь, не спорю, но дотопаешь суток за двое. И даже без компаса. Шансы хорошие.

— А ты?

— Говорил ведь уже: мне туда нельзя.

— Ну и мне нельзя, — отрезал Женька. — Что я, хуже других, что ли?

— Тебе-то как раз можно...

— Значит, мне просто не хочется, понял?

«А вмерзнуть в лед, как лягушке, тебе хочется?» — хотел было спросить его Непрухин, но не спросил. Парень не мальчишка, элементарные вещи сам понимает. Правда, пока еще умом, а когда он поймет и печенками, будет поздно.

Ну что ж. Его выбор.

Не повезло. А как хорошо все начиналось! От седьмого километра до тридцать пятого дошли вообще без проблем, несмотря на пургу. Добежали, а не дошли. Четко брали азимуты по наручному компасу, и только один раз пришлось выйти со страховочной веревкой искать вешку. Она нашлась спустя каких-нибудь десять минут поиска...

Полоса удач продолжалась еще целые сутки. Пурга постепенно сходила на нет, а небо не прояснилось. Грязно-серые клочья растрепанных облаков мчались низко над головами, совсем не удручая, а напротив, радуя. В такую погоду воздушный поиск затруднен, если вообще возможен. Низкое летящее небо, как в Питере в слякотном беспросветном декабре, не враг, а союзник. Пусть продержится еще несколько суток. Поди найди иголку в стоге сена.

Зону трещин тоже сначала шли хорошо. Вообще-то ледниковые трещины могут встретиться в любом месте купола, но близ побережья, где медленное течение льда резко ускоряется, трещин больше, чем где бы то ни было. Ориентировались по вешкам, оставленным санно-гусеничными поездами

Ерепеева. На подходе к гигантской трещине, которую потом пришлось долго обходить, видели цепочку снежных гейзеров, бьющих на высоту четырехэтажного дома. Женьке можно было позавидовать: не каждому бывалому зимовщику доводилось видеть, как взмывает в небо снег, гонимый ветром по трещине и напорившийся на препятствие. Женька был в восторге.

А потом удача кончилась. Сразу. Вдруг.

Они не сбились с пути. Они шли верно. Разумеется, не точно по следам санно-гусеничных поездов — ту колею давным-давно замело, — но все же в пределах разведанного, почти безопасного коридора. Здесь пять раз прошли тридцатитонные вездеходы и тяжелые тягачи, причем три раза из пяти — с таким грузом на санях, что на подъемах рвались тросы. Что по сравнению с этими мастодонтами трактор с легкими саночками? Пушинка.

И все же трактор провалился.

Сначала он клюнул носом, как лодка, соскальзывающая с гребня волны во впадину. Потом начал крениться вправо, одновременно вставая торчком. Непрухин вытолкнул Женьку и выпрыгнул сам. «Сани!» — заорал не своим голосом.

Поздно. Оседающему снежному мосту наскучило оседать. Ему захотелось рухнуть.

Непрухин пал на сани во вратарском броске. Что толку! Он заведомо не успевал ни отцепить трос, ни распутать веревки, крепившие поклажу. Трактор исчез, и сани рванулись, едва не утащив Непрухина в бездонную могилу. И еще долго грохотало и выло из обширной рваной дыры на белом снегу.

Потом стихло. Непрухин повернулся спиной к ветру и закурил. Женька злобно ругался. Пришлось прикрикнуть на него, чтобы, во-первых, замолк в тряпочку, а во-вторых, не топтался вблизи трещины.

Положение — не позавидуешь. Докурив сигарету до пальцев, Непрухин обмозговал ситуацию со всех сторон. Ему, конечно, обратного пути нет, и шансы его хреновые. А Женьку надо отправить назад. Зачем пропадать вдвоем, если можно одному?

Женька не ушел. И в душе Непрухин был благодарен ему за выбор.

— Все равно трактор пришлось бы бросить, — сказал он то, во что ему сейчас хотелось верить. — У нас запасных пальцев к гусеницам было всего три штуки. На таком запасе по Антарктиде далеко не укажишь.

— У нас же ни одного не лопнуло и не выпало, — возразил Женька.

— Потому что теплынь, — противореча сам себе, возразил Непрухин. — Когда поезд идет по куполу при минус шестидесяти, пальцы только так летят и трансмиссия тоже. Сейчас-то благодать: мы почти на экваторе, хоть и на километровой высоте. Градусов двадцать всего ниже нуля...

— Ну и не замерзнем, — подытожил Женька.

— Ага... Знаешь, однажды американцы катали большую группу туристов на самолете в районе Эребуса. Уж не знаю, что случилось с тем Боингом, только он аварийно сел, можно сказать — свалился. При посадке погибли немногие, зато раненых было предостаточно. С Мак-Мёрдо и Скотт-Бейса, разумеется, выслали спасателей, да что толку? Все до единого пассажиры превратились в мерзлые сосульки спустя какой-нибудь час после аварии. Спасатели прибыли гораздо позже.

— Мы не ранены. И потом, во что были одеты те туристы? Небось в шортики-маечки?

— И в каэшках люди замерзали за милую душу...

— А ты, я гляжу, оптимист, — фыркнул Женька. — На тракторе без кабины ехал — замерз, да? Озяб, но не замерз же! Ну и все! Будем двигаться — будем жить. Веди. А скажешь еще раз, что я зря увязался, — дам в морду, понял?

— Ты — мне? — удивился Непрухин.

— Тебе, хоть ты и мэр. Мэров я еще ни разу не бил, мне это даже интересно... Куда идти-то?

Идти пока предстояло туда же — на восток и в гору. До поворота на юг оставалось пройти еще километров пятнадцать — двадцать.

— Держись за мной.

ИЗ ЗАПИСОК ЛОМАЕВА

«Снилась мне такая ерунда, какую не встретишь и в помеси «мыльной оперы» с «ужастиком», а только покидать эту кошмарную бодягу все равно не хотелось ни в какую. Почему-то я твердо знал: наяву будет еще хуже.

А потом я услышал:

— Просыпается.

Глагол этот поверг меня в отчаяние. Я не хотел туда, в явь. Там было слишком страшно, чтобы я мог это выдержать. Там жил ужас.

И все же я неумолимо вываливался туда. Цеплялся, напрягая все силы, боролся — но соскальзывал.

Открыл глаза — все как в тумане. Ни людей, ни предметов — одни силуэты, да и те нерезкие, вроде как сквозь мутное стекло и вдобавок не в фокусе. Руки-ноги бесчувственные и неподъемные, словно деревянные протезы. Пошевелиться — проблема. И голова тупая-тупая...

Наверное, тоже протез. Притом дефектный: с головокружением и мигренью.

— Гена, с тобой все олл райт? Как ты себя чувствуешь?

Это был Ерема Шеклтон. А с ним и вся наша гоп-команда: Кацуки, Чаттопадхьяйя, Коган...

Обрадовался я лишь на один миг. А потом, припомнив все, что со мной было, впал в такое отчаяние, что хоть вой, хоть стреляйся.

— Все в порядке, Гена. Все теперь будет хорошо...

Хорошо?.. Они что, издеваются надо мною?

Вряд ли. Жалеют, наверное. Не понимают, что это для меня еще хуже.

— Где я?

— В Альпах, Гена. Уютный домик в долине. Да ты уже бывал в нем...

Что-то не припоминаю. Когда? Зачем? А, ну да, верно. Бывал. Беседовал с гейдельбергским человеком, как бишь его... Стар Трек? Ван Стар? Нет, ван Трек, точно.

— Ван Трек тоже здесь?

— Никого тут нет, одни мы, Гена, — заворковал Моисей Соломонович. — Был доктор, сделал вам укол и уехал. Сказал, что с вами таки все будет в ажуре...

— А почему я здесь? Меня укололи, я заснул...

— Вас собирались тайно вывезти в Италию на военную базу США. Мы таки очень даже не собирались смотреть на это сложа руки.

— Пришлось привлечь... э-э... платных статистов, — неизвестно над чем засмеялся Шеклтон.

Им всем было весело. Одному мне было гадко, потому что я все вспомнил. Ужас. Позор. И тоска такая, что самые необходимые предметы — веревка, мыло и табурет.

— Моисей Соломонович, — сказал я, отведя взгляд, чтобы никого не видеть. — Ребята... Я им все сказал...

— Об чем? Об Антарктиде?

— Да.

— И о секретном геофизическом оружии?

— Да. — Я с трудом сдерживался, чтобы не зарыдать в голос.

Все замолчали, а Коган сразу засуетился, захопотал вокруг меня, дружески похлопывая по плечу ладошкой и приговаривая:

— Вы себе успокойтесь, успокойтесь, Гена. Мы все знаем. Все хорошо, все так и должно быть...

— Как еще — так?

— Разве мы похожи на идиотов? Разве мы не понимаем, что такое форсированные методы допроса? — Когана аж передернуло. — Разве ничего не слышали о «наркотиках правды»? Вы себе зря волнуетесь, Гена. Мы знали, что из вас таки вытрясут все, что им надо. А вы не знали и знать не могли, что они заставляют вас говорить то, что НАМ надо...

Факт остается фактом: мой протез головы соображал настолько плохо, что я еще долго не мог понять, как меня подставили. Потом заподозрил, но не поверил. Мне не довелось служить ни в разведке, ни в тайной полиции, и, наверное, я к

тому же плохой политик, ибо оказался не готов поверить, что цель ВСЕГДА оправдывает средства.

— Вы помните человека, с которым я вас знакомил у себя в номере? — поинтересовался Моисей Соломонович.

— Да.

— Так и вспомните, какую вы с ним вели беседу.

— Это когда вы вышли?

— Вот именно.

Я попытался.

— Не помню. Какая-то болтовня шла несущественная...

— Очень даже себе существенная. Борис Гершевич — один из лучших гипнотизеров в мире. Между прочим, его содействие и его лояльность таки обошлись нам в изрядную сумму. Гена, мне очень неприятно говорить вам об этом, но Борис Гершевич незаметно для вас внушил вам полное доверие к моим словам о геофизическом оружии, которого у нас никогда не было и нет...

— Что, совсем нет? — тупо спросил я.

— Я вас умоляю, откуда ему взяться? Но ведь Антарктида таки прыгнула! Возможно, мы когда-нибудь узнаем почему, но согласитесь, не сыграть на этом прямо сейчас было бы полным идиотизмом...

И тут я все понял и во все поверил.

Не стану описывать то, что со мной творилось. Да и что могло твориться хорошего? Обида и ярость — не те эмоции, что доводят до добра. Скажу одно: хорошо, что я в тот момент еще слабо владел своим телом. Кое-кому могло бы не поздоровиться.

А потом я их всех выгнал из комнаты (это оказалась спальня) и зарыдал в подушку.

Не знаю, как долго это продолжалось. Уж простите меня за упоминание о моей слезливой истерике — уверяю вас, с вами может случиться то же самое, если вы вдруг окажетесь слабее грудного младенца. Прошло время, прежде чем ярость взяла верх.

Для начала я попытался встать. Кровать-то я покинул, а вот служившие вешалкой олени рога со своей одеждой обрвал и загремел на пол вместе с ними. Нашумел и моменталь-

но распростился с одиночеством — все четверо снова были тут как тут.

Я молча позволил им вернуть меня на постель и отказался с ними разговаривать. Слушал — и только.

Они пытались увещевать меня, пока не выбились из сил. А я узнал много нового.

Идею выдвинул Шимашевич. Через ван Трека он предложил мне сделку с AnSO, не особенно надеясь на положительный результат. Так и вышло. Ван Трека я не провел — он тут же донес своему боссу, что на план распродажи Антарктиды рассчитывать не приходится. Без нас Шимашевич оставался влиятельным, но неофициальным лицом, и доставшийся ему с таким трудом проект сделки летел в тартарары. План номер один рухнул. Но в запасе у набоба оставался план номер два...

Запасной. Рискованный. Игра ва-банк.

По нескольким каналам — тут торговцу информацией все карты в руки — подсунуть противнику хорошо сработанную «дезу». Напугать агрессора. Возможно, не до такой степени, чтобы тот в панике отозвал свои войска, но достаточно чувствительно для того, чтобы вернуть «побежденную» Свободную Антарктиду на игровое поле в качестве полноправного игрока. Сам Шимашевич, вероятно, исполнял бы небезвыгодную роль неофициального посредника. И с хорошим прицелом на будущее.

Подло? Еще как. Разумно? Вынужден признать: да. Как, очевидно, признал это Коган, раз пошел к набобу в подручные. Опасный план — но сулящий в перспективе единственный шанс не проиграть.

Но почему за мой счет??!

Целые сутки я то проваливался в сон, то просыпался и изобретал планы мести. Приходил эскулап, жалил шприцем задницу. А мои коллеги, мои спасители, мои бывшие друзья, покрывшие предательство, изо всех сил старались растопить мою ледяную злобу.

Они перетасили обеденный стол и превратили спальню в столовую. Мне выдали чашку куриного бульона с тостом, и я

принял. Голодовка не входила в мои планы. С какой стати мне наказывать себя, если гады — они?

— Нет, я таки не могу! — потешался Ерема, размахивая руками и расплескивая джин-тоник. — Как они с удочками!.. Несокрушимая фаланга! Да если бы у Александра Филипповича были такие наемники, как те рыболовы, он бы точно до Янцзы дошел, зуб даю!..

И он снова хохотал, а джин-тоник плясал и булькал в его зажатом в руке стакане, как кипяток в жерле гейзера.

— У какого еще Александра Филипповича? — снисходил я до вопроса.

— У Шурика Македонского, естественно.

— А где ты так по-русски насобачился?

— Как где? С тобой! И вот таки еще с Моисеем Соломоновичем...

— Сволочи вы. Суки.

— Гена!

— Что, Ерема? Может, мне еще спасибо сказать за то, что вы меня вытащили? Не дождетесь.

— Мы ничего не знали, Гена. Веришь?

— Допустим. Уже теплее. А кто знал? Шимашевич? Тейлор? Коган?

Все взгляды устремились на Моисея Соломоновича, и он сразу завел:

— Мы таки себе подумали...

— Ах, вы еще и думать умеете?! Спинозы!

— Мы решили, что вы таки непременно согласились бы, предложи мы вам такое дело... А что, разве не согласились бы?

Хороший вопрос. Главное, крайне своевременный.

— Какая разница, если предложения не было?

— А если бы оно все-таки было?

— Не знаю, — пробурчал я. — Тут сперва хорошенько поразмыслить надо...

Коган печально вздохнул — эхе-хе...

— Выходит, мы в вас ошиблись. Тогда примите наши извинения. Само собой, весь ущерб будет вам компенсирован.

Мне дано право выписать вам от имени руководства кругленькую сумму в виде компенсации. Будете себе довольны. Думаю, ничуть не меньше получите от Шимашевича.

Я сказал, куда и на какой срок ему идти со своей компенсацией и Шимашевичем. Хотя нет, Шимашевич пусть вернется и окажется в пределах досягаемости. Убью.

Друг-приятель! В бане парились, пиво пили... Почему я решил, что набоб пытается меня приручить? Ему, оказывается, просто-напросто хотелось посмотреть вблизи на того, кого он назначил на роль наживки для крупной рыбы! Сволочь. Извращенец. И мы хороши — не послали его с самого начала на все четыре стороны, на тридцать два румба!..

— Ладно... А кто подал идею меня выручить? Готов спорить на свою компенсацию — не Шимашевич!

— Не спорь — проиграешь, — встрял Шеклтон. — Он и одобрил, и оплатил.

— Ушам не верю. С какой стати?

— С такой, что в Италии тебя мог исследовать более сильный гипнотизер и заподозрить подделку. Шимашевич — умный и... как сказать?.. дальнозрячий?

— Дальновидный?

— Вэтс райт. Он не приказал ликвидировать тебя. Ему незачем с нами ссориться. Освободить тебя невредимым было сложнее и дороже, но Шимашевич на это пошел.

— Он таки очень себе не филантроп, — просветил меня Коган. — Что до денег, то он, как обосновался в Антарктиде, гораздо больше заработал себе на биржевой игре, чем потратил на нас. Чего проще, когда первым узнаешь новости! Шимашевич — это голова! Ну да, он таки сыграл на себя лично, но также и на Свободную Антарктиду. В данном случае интересы полностью совпали. Как прикажете убедить противника в том, что он сделал глупый ход? Естественно, следует скормить ему дезинформацию и позаботиться, чтобы он ее полностью усвоил. Надежнее всего подсунуть противнику человека, свято убежденного в правдивости «дезы». Таки лучше всего на эту роль подходил кто-нибудь из второстепенного антаркти-

ческого начальства, а учитывая фактор места — один из членов вашей делегации.

— То есть я?

— Любой из нас, — принял мяч Шеклтон. — Возможно, Шимашевич выбрал тебя потому, что именно тебя он просчитывает лучше других. Вы ведь дважды соотечественники...

— Это ненадолго.

Шеклтон заморгал.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я больше не антаркт.

На лице Кацуки остекленела ни черта не значащая улыбка. Чаттопадхьяя поморщился. Коган закричал. А Шеклтон признался:

— Что-то я не понимаю...

— Зато я все понимаю. Ерема, мы с тобой провозгласили независимость, чтобы стать свободными людьми в свободной стране. Я настоял на непосредственной демократии — самой либеральной из всех систем. Я стал бы анархистом, если бы верил, что анархия — мать порядка. Мне и в страшном сне не могло привидеться, что наше государство будет играть людьми точно так же, как это делается везде! Спасибо, хватит. Я приехал и схожу с поезда.

— А я думал, что мы провозгласили независимость, чтобы Антарктиду не раздергали на части, — сказал Шеклтон.

— Все равно, что ты думал.

— Жаль. Что ж, если наше дело ничего для тебя не значит...

Он вздохнул и замолчал. Коган только развел руками. И они вышли, все четверо, оставив меня злиться в одиночестве. Гордо удалились, можно сказать. С таким видом, как будто я был во всем виноват.

Да с какой стати я должен безропотно позволять государству ставить свои интересы выше моих? Что я им — винтик какой? Или недруг, или посторонний, которого не грех разыграть втемную?

Кой черт! Конечно, я согласился бы пережить то, что пережил, ради общего дела. Но добровольно! И только если бы

сам понял, что иного выхода просто нет. Но ни в коем случае не так, как сделали они...

А если нельзя иначе?

Иногда становится просто стыдно за свою принадлежность к человечеству. Только оно могло выдумать такую прорву ситуаций, когда успех можно купить исключительно подлостью, и придумало для подлости массу эвфемизмов. Нет, не надо мне такого успеха.

Мне — да. Имею право отказаться. А Антарктиде?

Спустя какое-то время я устал скрежетать зубами и переменил позу, чтобы наблюдать в окно кусочек пейзажа. Пейзаж был — во! Загляденье. Сначала мне казалось, что природа попросту насмехается надо мною, а потом я, как ни странно, поддался ее очарованию, стал понемногу успокаиваться и уже начал задремывать, когда услышал визг тормозов подкатившей к дому машины.

Кто еще пожаловал? Швейцарская полиция? Спецслужбы с группой захвата? Очень может быть.

А когда я услышал доносящиеся из гостиной голоса, то не встал с постели, не вскочил и даже не выпрыгнул — телепортировал, что ли. Как был, неглиже. И ухитрился устоять на своих двоих, придерживаясь только за воздух.

— Генка!..

— Папка!!!

Дети опередили Валю и с разбегу повисли на мне — к счастью, симметрично, так как малейший крен вогнал бы меня в пике. А Валя обняла всех троих, расцеловала меня так, что потемнело в глазах, и заголосила:

— Генка, мы так боялись за тебя, так боялись... И сначала, и потом, и особенно когда передали, что ты пропал...

— Ошиблись, — прохрипел я, силясь вдохнуть под всей этой грудой. — Бывает.

— Мы так и поняли, когда один человек оформил нам выезд. Быстро-быстро, я даже не поверила, что такое может быть. И квартиру через него продали в два дня и по хорошей цене...

— Папка, а мы теперь тоже антаркты!

- Пап, когда мы поедem в Антарктиду?
- Что-о?
- Пап, ты у нас самый крутой!

Краем глаза я заметил Ерему Шеклтона. Он стоял — рот до ушей — и делал мне какие-то знаки. Похоже, они означали: «Благодарить не надо. И еще имей в виду: ты нам никаких заявлений не делал, мы ничего не слышали».

А ну вас всех! Когда приходит счастье, надо просто быть счастливым, а дела текущие решать в порядке очереди...»

К исходу вторых суток после потери трактора Непрухину стало ясно: пешком до Солнечного не дойти.

Ночи были ужасны. Ни луны, ни звезд, одна лишь светящаяся стрелка компаса. Одиннадцать часов полной темноты и летящего снега. Двое бредущих в обнимку, как пьяные. Черепашье движение в замороженной бесконечности. Пурга то затихала ненадолго, то принималась выть с новой силой. У пурги было очень много терпения.

Да... Экватор...

Непрухин отдавал себе отчет: в прежние околополюсные времена Антарктида уже убила бы их с Женькой. Любой поход в мае месяце считался безумием, а пеший — просто самоубийством.

И не только считался, но и являлся в действительности. Исключений из правила что-то не припоминалось.

Сейчас, конечно, было легче. Особенно днем. По прикидке Непрухина, в светлое время им удавалось проходить километров по тридцать — тридцать пять. Да еще не меньше пятнадцати в темноте.

Вроде совсем неплохо для начала. Если бы можно было хоть полчаса в сутки отдохнуть в тепле. Если бы утихла резь в желудке. Если бы была пища. Если бы был горячий чай.

И Женька, кажется, все понял. Рычал, скрежетал зубами, но боролся. Тянуть парня не приходилось. Силой он превосходил Непрухина, но много ли толку от силы там, где все решают выносливость и терпение?

— Крышка! — определил он, едва отдышавшись к концу очередного короткого привала. — Как думаешь?

— Все там будем, — зло сказал Непрухин. — Не надо придавать своей персоне слишком много значения. Вот увидишь: сразу легче станет.

— Персону-то жалко, — возразил Женька.

— А мне мою, представь, тоже. Так что, будем тут сидеть и жалеть себя, пока не окочуримся? Я за то, чтобы двигаться. Если и замерзнем, то хоть будем знать, что сделали все возможное. Подумаешь — помрем! Какое необыкновенное явление! С начала цивилизации уже небось миллиардов сто людей перемерло, и то ничего.

— Я-то в первый раз, — заметил Женька, сияясь изогнуть в улыбке непослушные губы. — Привычки нет.

«А парень-то вроде ничего, — с облегчением подумал Непрухин. — Истерики, кажется, не будет... Черт, но до чего не повезло!..»

— И я не в десятый. Вставай, пошли.

— Далеко ли?

— В Солнечный город, Незнайка. Можно бы к складу, где летчики провизию с горючкой оставили, оно и поближе, но там ведь радиомаяк. Там нас с тобой запросто могут ждать... Так что — в Солнечный. Я говорил тебе, что он не в оазисе Грирсона?..

Еще можно было надеяться на чудо. Пурга могла прекратиться. Правда, с той же вероятностью она могла завывать в полную силу, но Непрухин почему-то убедил себя, что она точно скоро стихнет. И если на несколько ближайших дней установится хорошая погода — бывают же чудеса! — то добраться пешком до Солнечного теоретически в человеческих силах. Всего-то чуть более двухсот километров. Если сравнить это ничтожное расстояние с тем, сколько сумели пройти по Антарктиде Эрнст Шеклтон или Роберт Скотт, то предстоящий переход покажется просто жалким...

Нет. Нельзя сравнивать. Когда Скотт лишился лошадей, а Шеклтон еще и автомобиля, на котором наивно и героически

надеялся достичь полюса, у них оставались палатки, примусы, запас еды. Они могли отсиживаться по нескольку суток, пережидая пургу. А тут остановишься — замерзнешь. Хочется спать, а нельзя. Нечем даже выкопать снежную пещеру, потому что оттепели сделали свое дело и фирн больше похож на лед...

Нет, надо двигаться непрерывно, даже ночью. Вернее, особенно ночью. Двести километров без еды, без сна, без серьезного отдыха, с краткими привалами — возможно ли? Когда силы уже на пределе?

Придется проверить.

— Не бойсь, — сказал Непрухин, медленно, чтобы не потемнело в глазах, поднимаясь на ноги. — Скоро станет легче. Адаптация, считай, заканчивается. Потерпи еще. Это вроде «второго дыхания». А как повернем к западу, так начнется спуск — не пойдем, а побежим. Будет нам в Солнечном и чай, и теплая постель... Ой, блин!..

Он снова растянулся на снегу. В воздухе повис низкий пугающий гул. Оба беглеца почувствовали, как фирн под ними содрогнулся — раз и другой. И все, кроме пурги, стихло.

— Что за фигня? — спросил Женька. — Землетрясение?

— Снеготрясение, — пояснил Непрухин и со второй попытки все-таки встал. — Ну чего вылупился, бывает. «Е в кубе» с таким делом встречался. Внезапная подвижка льдов, только и всего. Теперь жди новых трещин, так что ловить ворон остро не рекомендую...

— Некого тут ловить... — Женька тоже взгромоздился на ноги и вздохнул. — А жаль. Я бы съел.

Непрухин ошибался в причинах снеготрясения. Звуковая волна такой силы, что на прибрежных станциях у многих людей едва не полопались барабанные перепонки, родилась не во льдах, а пришла с океана. Ее зафиксировали сейсмографы и барографы всего мира. А спустя пять минут до Новорусской дошли волны цунами. И хотя самая мощная из них едва достигала семиметровой высоты, дел они натворили порядочно. «Фестиваль» сорвало с якорей и выбросило на камни естествен-

ного мола. «Кассандра» чудом осталась на плаву, получив солидную течь. Что до недорасстрелянных остатков флотилии яхт, то мол и береговой уклон помогли им не более, чем плинтус таракану при сносе всего дома.

Никто из антарктов не погиб, а вот силы вторжения потеряли четверых смытыми и пропавшими без вести. На «Фестивале» тяжело ранило матроса. Тремя километрами южнее в море обрушился огромный кусок ледяного барьера.

Одновременно (хотя антарктам это стало известно позднее) командование северной авианосной группой потеряло связь с эсминцем «Уэстхоп», находившимся в двухстах милях от основных сил и в ста сорока милях от антарктического побережья. Ни попытки восстановить связь, ни оперативно организованный воздушный поиск не дали результатов. Ни корабля, ни спасательных плотов, ни плавающих обломков, ни мазутных пятен на воде. Вообще ничего.

То, что корабль, вероятнее всего, погиб, было еще полбеды. Хуже, что он пропал бесследно. Координаты «Уэстхопа» на момент исчезновения близко совпадали с вычисленным эпицентром неизвестного катаклизма, породившего акустическую волну и цунами. В течение многих часов никто не мог ничего сказать ни о причинах катаклизма, ни о судьбе эсминца.

А потом пришло сообщение о комете.

Точнее — сообщения. Их было великое множество, и поступали они непрерывно. Впервые за много десятилетий новооткрытая хвостатая странница не получила имени первооткрывателя, поскольку смешно и странно было бы перечислять всех, кто заметил комету без посторонней подсказки и сообщил о ней. А не заметить ее было трудно: блеском она уступала лишь Солнцу и Луне. В ее свете предметы отбрасывали заметные тени. И самое странное было то, что накануне ее не наблюдал решительно никто.

Едва над горой Сайдинг-Спрингс в Новом Южном Уэльсе, Австралия, зажглись первые звезды, 50-дюймовый широкоугольный телескоп Шмидта англо-австралийской астрономической обсерватории был наведен на новый объект. Уста-

ревшая фототехника зафиксировала на фотопластинке яркое, маленькое, чуть заметно вытянутое ядро кометы, обширную кому и широкий хвост. В ту же ночь снимки ядра с высоким разрешением были получены на громадных телескопах Субару, Джемини-северный и Джемини-южный.

Сомнений не осталось: по сильно вытянутой орбите вокруг Земли, совершая один оборот за трое суток, обращался несчастный «Уэстхоп» в облаке из нескольких миллионов тонн бурно испаряющейся в вакууме морской воды. Экстренными сообщениями СМИ удалось погасить в зародыше едва не вспыхнувшую мировую панику. Комета земного происхождения не намеревалась столкнуться с Землей на космической скорости. Ее орбита обещала быть стабильной в течение ближайших десяти тысяч лет.

Причина звуковых волн и цунами нашла свое объяснение, заставив вспомнить о «прыжке» Антарктиды. Правда, на сей раз масштабы катаклизма оказались куда более скромными, как и размеры поменявшихся местами областей пространства, — но экипажу «Уэстхопа» было с того не легче. Более двухсот моряков следовало считать погибшими от декомпрессии. У миллиардов жителей Земли волосы вставали дыбом и мурашки бежали по коже. Что, если завтра — нас?..

И не спрячешься. Не убежишь в иную часть света, поскольку неизвестно, куда бежать. Зря потеряешь время в попытках укрыться в местах удаленных и труднодоступных. Не спасешься в подземном убежище. Нет безопасных мест.

Как это? Совсем нет??!

Французская «Фигаро» нашла одно такое место: Антарктида. Приходится признать, говорилось в передовице, что так называемые антаркты не зря похвалялись, будто имеют в своем распоряжении геофизическое оружие неизвестного принципа действия. Приходится также признать, что само оружие вовсе не обязательно должно находиться внутри области, подвергаемой переносу. Надо думать, что на этот раз миру не была продемонстрирована вся сокрушительная мощь тайного оружия антарктов. Похоже, эпизод с эсминцем «Уэстхоп» — все-

го лишь намек на то, что нас может ожидать в ближайшем будущем. Жизненно важно, чтобы мы правильно поняли этот намек...

В ясную звездную ночь «намек» был виден каждому, кто не ленился задрать голову к небу. Спрос на бинокли, зрительные трубы и любительские телескопы достиг невиданных размеров. Фирмы-производители моментально подняли отпускные цены на свою продукцию. Впрочем, комета была прекрасно видна и без оптики, а в перигее невооруженный глаз замечал и характерную вытянутость ее ядра.

Трэшворм-Букреев был последним, кто стал бы тарашиться на комету, пытаясь определить, где там в ее ядре форштевень, а где рубка. Несколько фотографий хвостатого чудища, выложенных в открытый доступ, он скачал и беззастенчиво разместил на www.antarctida.ru. А потом на него накатило вдохновение.

До сих пор он только и делал, что размещал информацию. Теперь под его дробно колотящими по клавиатуре пальцами рождалась заметка, ядовитая, как каракурт. В ней он советовал американцам в спешном порядке развивать у себя верблюдоводство, поскольку лучший мех для полярных одежек получается как раз из верблюжьей шерсти. Это на тот случай, если Северная Америка вдруг перекинется на полюс. Если же разгневанные антаркты решат забросить ее на Луну, американцам не мешало бы спешно позаботиться о куполах и скафандрах. Америка, кажется, претендовала на освоение Луны? Ну что ж, у нее есть отличный шанс!

Конечно, Букреев самовольничал. Но чутье говорило ему: взбучки не будет. Напротив, могут отвалить премию. Сейчас антарктам, как видно, не до сайта. Но должен же кто-то «остаться в лавке»!

И чутье не обмануло. И премия размером в десятидневный оклад превзошла ожидания. И никто не погрозил даже пальчиком. А главное, Свободная Антарктида была жива, и сайт продолжал работу.

Будущее было обеспечено.

А несколькими часами раньше на противоположной стороне земного шара один человек, торопясь, выводил свою подпись под текстом приказа о немедленном выводе военного контингента с территории Антарктиды. Он очень боялся не успеть. Решение было принято. Приказ вступал в силу. Технический персонал носился как угорелый. Команда пресс-секретаря готовила заявление.

А президенту оставалось ждать. Выслушивать доклады. Бешено торопить. Разок появиться перед телекамерами, нацепив на лицо чуть глуповатую, но всегда внушающую уверенность в успехе улыбку, произнести несколько ободряющих слов — и снова ждать, мучаясь от неизвестности и надеясь на лучшее. Всегда надеясь на лучшее...

И в то же время другой человек в своем кабинете за красной в зубчик стеной, получив подтверждение первого фантастического доклада и отослав секретаря, немедленно вслед за злорадством ощутил ужас и детскую беспомощность. Ему и прежде приходилось испытывать подобные эмоции, и он всегда превосходно умел контролировать их. Его учили этому. Он был способным учеником. В любой ситуации он сумел бы сохранить на лице столь подкупающее публику заинтересованно-деловитое выражение, нередко с уместной примесью скепсиса или иронии. Но никогда еще президент огромной страны не казался себе таким маленьким и жалким, как сейчас.

Все изменилось в одно мгновение. Поднялась ниоткуда волна-громадина и захлестнула его, как кутенка. Мир опрокинулся. Новые геополитические реалии. Новое оружие сокрушительной мощи — и в чужих руках. В распоряжении тех, от кого неизвестно, чего ждать. Впору закричать, как обиженному ребенку: «Нечестно! Мы так не договаривались! Нельзя менять правила во время игры!»

Никто не услышит. А потому не будет и бесполезного крика. Будет кропотливая работа. Быть может, новую ситуацию удастся каким-нибудь финтом повернуть себе на пользу...

Страх уходил на мягких лапах, уступая место расчету. Поторопиться признать Свободную Антарктиду — это первое. Как

можно скорее, еще до обмена послами, нанести в этот пингвинятник личный дружеский визит, опередив конкурентов. Предложить безвизовый режим, торговое соглашение, льготные кредиты и содействие на международной арене. По возможности договориться о концессии на добычу нефти и газа для прикорма своих олигархов. Вот второе, третье и четвертое, но далеко не последнее. Однако уже этого хватило бы для подтверждения имиджа не народного президента, нет (при чем тут народ?), но хотя бы лучшего и наиболее умелого из худших. Из тех, кто остался, когда естественный отбор вышиб из большой политики мало-мальски порядочных людей...

Но как разговаривать с теми, кто может любую часть суши в один миг зашвырнуть на полюс и даже на Луну гораздо раньше, чем до их сволочных ледников долетят боеголовки??!

Страх не ушел далеко. Прятался поблизости. Скалил зубы. И было похоже, что он обосновался тут навсегда.

Где-то на Шпицбергене стоит скромный монумент. Он увековечивает память о человеке, который в одиночку прошел девятьсот километров по арктическим льдам и замерз, не дойдя трех километров до жилья.

Игорь Непрухин и Женька Большой прошли гораздо меньше. А до конца пути им осталось пройти гораздо больше, чем тому бедняге. Пусть Антарктида, сделав поблажку, соскочила с полюса и легла на экватор — она и на экваторе осталась Антарктидой.

Пурга улеглась. Убежали к океану низкие мрачные облака. Выглянуло солнце.

Недолго оно сияло. Недолго слепил глаза искристый наст. Задолго до заката желтый диск стал оранжевым, украсился на несколько минут двумя концентрическими кольцами, расплылся и истаял, как медуза на песке. Сильно похолодало. Утонув в дымке, исчез горизонт.

Непрухин знал, что такое белая мгла. Видел. Попадал в нее. Она возникает неизвестно откуда при больших морозах во внутриконтинентальных областях. Мириады ничтожно малых

кристалликов льда сгущаются над снежной поверхностью плотным туманом и висят мертво, без движения. Иногда день, иногда два. Бывает и дольше. Часто с крыши вездехода видно далеко окрест, а с наста — на три шага.

Кто мог подумать, что Антарктида и сейчас еще способна родить белую мглу, да еще в сравнительной близости от побережья?!

Без всяких эмоций Непрухин отметил про себя, что это, быть может, последняя белая мгла из наблюдавшихся в Антарктиде. И уж наверняка — последняя белая мгла в жизни двух антарктов.

Упала ночь. Ни звезд, ни луны. Жестоко кусал мороз. Без движения — верная смерть. А как двигаться, если нет сил?

Через «не могу», естественно. Переставлять непослушные ноги. Иного способа ходить еще не придумано. Правда, здесь снова начинается зона трещин... Строго говоря, белую мглу положено пережидать на месте — но в данной ситуации это не выход. Ночь убьет неподвижных. Продолжать путь в белой мгле — днем ли, ночью ли — тоже почти самоубийство. Русская рулетка с одним пустым гнездом в барабане.

Один раз Непрухин и Женька потеряли друг друга в трех шагах. Если бы в двадцати, то, пожалуй, не встретились бы, кричи — не кричи. Звуки в Антарктиде ведут себя странно. Иногда, особенно в ясную погоду, человеческий крик можно услышать за десять километров. Иногда, и тоже в безветрие, он глохнет в десяти шагах.

Они дожили до утра, хоть и остались совсем без сил. Белая мгла продолжала висеть неподвижной кисеей. Кое-как, с большими перерывами, удавалось продолжать движение, шатаясь и цепляясь друг за друга. Иногда Непрухин заставлял Женьку подняться и ковылять дальше, иногда роли менялись. Мысли странно путались. Временами Непрухин не понимал, куда они идут вдвоем и зачем, когда можно с большой приятностью отдохнуть, привалившись к застругу. Можно позволить себе сколько угодно отдыха!

Потом сознание ненадолго прояснилось, и он понимал, что все это — симптомы переохлаждения. Тогда он пугался, начал двигаться бодрее и тормозил Женьку, чтобы спустя минуту или две вновь забыть о цели и смысле движения.

Теперь они почти не разговаривали друг с другом. Но однажды, когда они в очередной раз повалились отдохнуть, Женька произнес чужим сиплым голосом:

— Надо написать записку.

— Кому? — отозвался Непрухин.

— Тем, кто нас найдет. Мы ведь не дойдем, ясно же.

— Может, и не дойдем... А идти надо.

— Да я не спорю. Идти так идти... — Женька закашлялся и сплюнул розовым. — А записку... неплохо бы...

— Нечем писать, — ответил Непрухин. — И не на чем.

— Жаль, — огорчился Женька. — А если бы было, что бы ты написал?

— Кому?

— Кому хочешь. Родным. Друзьям. Кто у тебя самый близкий друг — Ломаев?

— Ломаеву я знаешь что написал бы? Кретины мы с тобой, Гена. Напились до зеленых чертей и объявили независимость! Да кому она нужна! Кому-нибудь с того стало легче? А? Глупо сделали и за глупость платим...

— Ты серьезно? — спросил Женька.

— Я? — Непрухин помолчал. Затем попытался усмехнуться. — Нет, конечно. Это я для себя сказал. В предсмертных записках такое не пишут. Я написал бы: дерзай, Гена! Двигай то, что мы начали. Раз пошла такая игра, надо вести ее до конца. Вот что на самом деле я бы ему написал...

— Уже лучше.

— То-то. Отдохнул? Встать можешь? Тогда помоги подняться. Что-то я ничего не вижу...

— Это снежная слепота.

— Дудки. Это у меня в глазах потемнело. Ну вот, уже лучше. Пошли?

— Пошли.

И еще не раз они валились на снег, задыхаясь и кашляя кровью. Больше они не вели разговоров. Промежутки ясного сознания становились все короче, но Непрухина это уже не пугало. Его донимали странные галлюцинации: чаще всего в мутной мгле впереди ему мерещился ярко горящий костер. Там был свет. Там было тепло. У костра сидели люди, молча глядя на огонь, и было среди них как раз два свободных места на подстеленных еловых лапах.

Видение не грело. Более того, Непрухин понимал, что никакого костра на самом деле нет, что это обман, игра воспаленного воображения, пустой фантик, такая же ловушка для простаков, как Свободная Антарктида...

Но он упрямо шел к костру.

Глава 8

«ГДЕ ТЫ, ГДЕ ТЫ, СЫН НЕБА?»

ИЗ ЗАПИСОК ЛОМАЕВА

«Они бежали так быстро, что бросили у нас почти всю технику, не способную к самостоятельному перелету. Антарктида получила даром более полусотни легких бронемашин, пригодных для патрулирования побережья, и чертову уйму иного имущества.

Свое они побросали, зато тщательно запаковали и увезли самодельный радар Непрухина с магнетроном от микроволновки. Надо думать, для изучения. На халяву и хлорка — творог. Кто привык двигать прогресс заемными мозгами, тот не должен стыдиться мародерствовать. Главное — сделать вид, что так и надо.

Заодно они прихватили с собой Тейлора и еще нескольких видных антарктов. Наверное, полагали, что из них можно извлечь информацию о дислокации нашего «секретного оружия» и попытаться перехватить ускользнувшую победу.

А что мог рассказать им Тейлор? Еще меньше, чем я.

Одного грозного предупреждения, переданного по каналам «Антарктиды online», оказалось достаточно, чтобы пленных вернули нам с извинениями.

Взамен мы вернули тех, кого пленили в подледных ярусах Амундсен-Скотта. Правда, одному из них настолько понравились антаркты (а может быть, также и красное вино), что он попросил политического убежища. Просьба была удовлетворена.

Как пенили волны авианосцы, разбегающиеся от наших берегов! Как потешались над силами вторжения телекомментаторы неамериканских СМИ! Любо-дорого было посмотреть.

Американцы (кто бы сомневался?) объявили на весь мир, что своей военной операцией достигли поставленных целей, привнеся в Антарктиду дух демократических свобод, и тэ дэ, и тэ пэ. А следовательно, в присутствии американских войск на Белом континенте более нет никакой необходимости. Можно совершить акт доброй воли, благородно удалившись.

Может, кто-нибудь в Техасе и поверил в эту чушь, не знаю. По-моему, всякий, кто видел в небе комету с ядром из эсминца или хотя бы слышал разговоры о ней, должен был знать цену заявлениям Госдепа.

Впрочем, нам-то какое дело? Если целая нация желает и дальше пребывать в состоянии массового гипноза, то это ее дело, а никак не наше. Покуражившись в свое удовольствие, мы в конце концов даже ослабили пропагандистскую составляющую в материалах «Антарктиды online». Зачем сотрясать эфир тем, в чем нет нужды?

Мы уже не так отчаянно, как раньше, пытаемся внушить к себе уважение и сочувствие. Теперь Свободная Антарктида — всеобщее пугало, и это нас не беспокоит. Страх как оплот национальной безопасности гораздо надежнее, чем все на свете добрые чувства, вместе взятые. А уважение... я думаю, придет со временем.

Да куда оно денется! Свободная Антарктида не собирается брать пример с России, из кожи вон лезущей, чтобы доказать лощеным подлецам, что она тоже цивилизованная страна. Ник-

то этого не докажет, если дел на цент, а лести и хвастовства — на анталер.

Но я отвлекся. Пусть туда-сюда во времени скачет темпоральная блоха — продукт воображения какого-нибудь фантаста, а мне так делать не следует. Лучше я попытаюсь изложить все по порядку.

Ясное дело, я не поверил информационному выпуску о заброшенном в космос эсминце. А вы бы поверили? Даже когда сенсационное сообщение стали с упорством дятла повторять другие каналы, я все равно считал это «уткой». Тоже птица. Помнится, я не отказал себе в горьком удовольствии пройтись ядовито насчет повальной тупости человечества, которому что ни дай — все схарчит и не поморщится.

А ночью я сам увидел комету. Она висела низко на востоке, половина ее хвоста скрывалась за какой-то горой, но зрелище все равно было потрясающее. Коган смотался куда-то, привез мощный бинокляр на треноге, и мы по очереди убеждались: иногда СМИ говорят чистую правду. Впрочем, они почти всегда говорят правду в тех случаях, когда их информацию легко проверить.

Сложив два и два, мы убедились: Свободная Антарктида одержала победу. Мы отпраздновали триумф, причем даже мне было позволено выпить бокал вина, и даже Чаттопадхьяйя пил вино, но только безалкогольное.

А я-то думал, что теперь мне с женой и детьми придется подыскать тихую страну и жить не высовываясь, постепенно спиваясь от тоски... Куда там!

Понятия не имею, что случилось с агентами, захваченными при моем освобождении. Я не стал расспрашивать об их судьбе, а если бы и спросил, еще не факт, что мне ответили бы. Надеюсь, что им пришлось не лучше, чем мне.

Испытайте с мое — думаю, и вам не захочется подставлять вторую щеку, а захочется совсем другого.

На третий день после появления в небе необычной кометы и на второй после бегства оккупантов из Антарктиды мы легализовались в Женеве как ни в чем не бывало. Ни у поли-

ции, ни у швейцарских спецслужб не возникло к нам вопросов. Где пигмею тягаться с тяжеловесом! Для прессы мы заявили, что наша миссия исчерпана, от дальнейших комментариев воздержались и в тот же день вылетели в Антарктиду через Марокко, Суринам и Галапагосы, замкнув тем самым кругосветку.

Вале и пацанам понравилось путешествие. А как нас встречали в освобожденном Амундсен-Скотте! Как чествовали по всей Антарктиде! Вовка с Петькой задирали носы: их папка самый-самый супер-пупер! Он вам не какой-нибудь пришлый, он коренной антаркт и первый национальный герой!

Пришлось сделать им внушение, чтобы вели себя поскромнее. Не хватало мне еще обронзовать при жизни. Я живу, я двигаюсь. Мне даже случается мыслить. Могу обматерить, если надо. Покажите мне хоть один сквернословящий памятник.

И у меня есть планы на много лет вперед.

Кстати, мои пацаны почему-то решили, что теперь могут не ходить в школу за неимением таковой, — и жестоко просчитались. Почему хоть в детском, хоть каком возрасте жизнь должна казаться медом — этого я не понимаю. Во всех мало-мальски заметных антарктических поселках, включая и наш, теперь открыты школы, и мы уже подумываем об учебном заведении с программой колледжа. Специалистов, которых можно подключить к преподаванию (хотя бы на полставки), у нас достаточно. Преподавание ведется на разных языках, но никто не видит в том беды — у нас в Антарктиде все очень быстро становятся полиглотами.

Языковые барьеры мешали нам только поначалу, да и то не были самыми серьезными из наших проблем.

С тех пор прошло уже больше года.

Мы все крепче стоим на ногах. Свободная Антарктида подала заявки на вступление в чертову уйму международных организаций, включая ООН. Число стран, признавших нас, на прошлой неделе перевалило за сто пятьдесят. Это стало настоящей проблемой: ну нет у нас столько людей, чтобы укомплектовать минимально необходимым штатом полторы сотни посольств,

консульств и торгпредств! Да и антарктов, желающих надолго переехать в иную часть света, пока что набралось немного.

Подождем еще.

Несмотря на то что численность населения Свободной Антарктиды возросла до тридцати тысяч человек, нам все еще удастся обходиться без представительской демократии с ее лоббизмом, политехнологиями и прочими язвами. Во всем мире никто не осмеливается дразнить нас охлократами. Во-первых, потому, что нас боятся, а мы обидчивы. А во-вторых, сами-то они лучше, что ли? Послушный, лояльный, самодовольный охлос нужен им, а не нам.

Кроме того, полноправных антарктов среди нашего населения пока еще один из десяти. Мы увеличили ценз оседлости до двух лет. Поэтому в части ежедневных референдумов по текущим вопросам технических проблем не возникает.

Я знаю, что вы на это скажете: мол, самая настоящая дедовщина. Согласен, она и есть. Отчасти. Свободная Антарктида не объявляла призыв под угрозой суда и колонии. Нам нужны только добровольцы. Не согласен — гуляй. К тому же континент у нас очень уж специфический. Нельзя позволять новичку надеть больших глупостей, пока он не осмотрелся и не понял, что тут к чему.

А вы попробуйте получить гражданство в любой цивилизованной стране спустя всего-навсего два года после иммиграции!

Многие из тех, кто намеревался явиться на готовенькое, уезжают обратно, убоявшись трудов и неустроенного быта. Но многие остаются, и в каждом из них понемногу зреет антаркт.

Удачи им!

Вы умеете работать? Ваши способности не получают признания в вашей стране? Вы готовы начать с нуля? Тогда приезжайте. Возможно, вам понравится.

Разумеется, мы полностью игнорируем смехотворные притязания отдельных лиц на владение тем или иным клочком антарктической суши. Кроме притязаний, у них нет ничего, так за что же платить? Одному особенно настырному (кстати ска-

зять, ни разу не побывавшему в Антарктиде) я от своего имени послал наложенным платежом четыре кола. Нет, не осиновых. Это заявочные столбы — пусть вколачивает их хоть в лунный реголит, хоть в ржавые марсианские пески и царствует там в свое удовольствие. Не застолбил территорию, не защищал свои владения — гуляй.

Чуточку сложнее с чилийцами и аргентинцами, продолжающими храбро настаивать на своих правах на нашу территорию. Мы не стали выгонять их с давно насиженных мест и даже не требуем арендной платы, а всего лишь ограничились им свободу перемещения километровыми зонами вокруг их станций. Нет смысла форсировать события. В конце концов, терпел же Китай на своей территории Гонконг и Макао — и что фатального для Китая из этого проистекло? Кажется, в конечном счете он только выиграл.

Дела наши идут в целом неплохо. Правда, их не становится меньше. Мне то и дело приходится мотаться то в Амундсен-Скотт, то в Новолазаревскую, то в новый поселок в оазисе Грирсона, то куда-нибудь еще. Как и прежде, меня заедает текучка, и я мечтаю об отпуске.

Мечтать, говорят, не вредно. Но уж если мне надоест до чертиков — подам в отставку и махну с семьей на Таити. Или в Австралию. Ерема Шеклтон звал погостить на отцовском ранчо.

У нас еще все впереди. Не у всех, к сожалению...

Мы так и не узнали, где нашли свою смерть Игорь Непрухин и Евгений Кубицкий, более известный как Женька Большой. Мы не знаем, что их убило: холод или непрочный снежный мост над трещиной в леднике. Для нас, оставшихся в живых, это не так уж важно, а для них теперь тем более. Известно только, что они не дошли до Солнечного. И еще известно, что Игорь удрал из оккупированной Новорусской на тракторе без кабины и без настоящего снаряжения, чтобы местоположение Солнечного оставалось тайной. А Женька добровольно пошел с ним, чтобы хоть немного увеличить его шанс дойти до цели.

Теоретически авантюра могла закончиться удачей — при полном отсутствии ЧП. Но так не бывает. А если такое иногда случается, то немедленно объявляется чудом.

Чуда не произошло. Антарктида вообще не щедра на чудеса и шутить не любит. Сколько прекрасных людей навсегда остались в ее льдах! Игорь и Женька очень далеко не первые и, убежден, не последние. Хотя мне очень хочется думать иначе.

Мы долго пытались найти их тела. Мы не нашли ничего. В редкие погожие дни на поиски вылетал Ан-3. Два наблюдателя заработали себе снежную слепоту — и все без толку. Поиски продолжались месяц и другой.

Потом, как водится, трагедия начала забываться, а самолет понадобился для других целей. Количество неотложных дел отнюдь не убывало после того, как агрессор оставил нас в покое. Но еще и сейчас пилоты, пролетая над предполагаемым районом гибели наших друзей, пристальнее, чем обычно, всматриваются в ледяной ландшафт, если позволяет видимость.

Шимашевич предложил поставить им памятник. Я видел несколько эскизов, выполненных разными скульпторами. На одном из них они стоят обнявшись — полярник-мечтатель, осмелившийся провозгласить независимость Антарктиды, и яхтсмен, ставший настоящим антарктом. Оба улыбаются, причем под мышкой у Игоря зажат разинувший клюв утконос, а Женька держит в свободной руке банку пива.

Кое-кому идея поставить такой памятник показалась легкомысленной и даже кощунственной, а мне пришлось по душе. Когда мне однажды сказали с отвратительным апломбом, что памятник-де должен воспитывать нашу молодежь в духе мужества и героизма, я взбесился и наорал. Кому нужно искусственное, культивированное, вроде тепличного ананаса, мужество? Оно либо есть, либо его нет, и ни пиво, ни глупые мечты об утконосах ему не помеха.

Лично я до сих пор не могу простить агрессору гибели моих друзей-антарктов. Что мне с того, что его потери в итоге сравнялись с нашими? Я не удовлетворен тем, что далеко не все наши средства обороны, импровизированные и часто экзотические, были приведены в действие.

Отчасти из-за внезапности нападения. Отчасти из-за того, что само антарктическое руководство не владело всей полной информацией о том, что мы на самом деле имеем.

Например, так и не пошли в дело вакуумные бомбы на пропане, детали которых дизелист Хвостовой втихую выточил в механической мастерской еще до агрессии, а готовую продукцию где-то прикопал. Впоследствии мы испытали одно такое «изделие», избрав полигоном пустынное местечко метрах в двухстах от крайних домиков поселка. Кто ж знал, что надо было уходить за горизонт! Короче говоря, четырьмя домиками (к счастью, только что собранными и еще не заселенными) в Антарктиде стало меньше. Меня и Хвостового контузило, причем он уверяет, будто его контузило не взрывом, а мною, упавшим с несусветной высоты на него, мирно катящегося по насту и никого не трогающего. Может, так и было: чего не помню, того не помню.

При обороне Новорусской мы потеряли больше пятидесяти человек. Погибли в бою Нематодо и Бакланов-Больших. Приняв ледяную ванну, умер от воспаления легких Илья Зубко — оккупантам не пришлось в голову его лечить. А сколько наших соотечественников, как старожилов, так и новичков, пало по всей Антарктиде в попытке оказать безнадежное, как тогда казалось, сопротивление!

Нет ничего безнадежного. Теперь я это точно знаю.

Мы похоронили мертвых в красивом месте на берегу. Рядом с людьми вырыли могилу для Тохтамыша. Никто не видел, как погиб наш верный пес, но прошит пулями он был так густо, как могут прошить только из мести, паля по уже мертвому. Я не сомневаюсь, что его клыки успели попробовать чужой крови.

А попугай Кеша остался жив и снова как ни в чем не бывало летает под куполом. Его сломанное крыло вполне зажило и действует нормально. Сам видел. Уоррен души не чает в крылатом ухеде и на полном серьезе просил для него медаль. А пока повар оставляет самые лакомые кусочки баранины специально для попугая, так что уши жителей и гостей Амундсен-Скотта остаются в относительной безопасности.

В Новорусской теперь шумно: строится порт. Поселок — уже почти город — пришлось перепланировать, многое снес-

ти и еще больше выстроить заново. Работы хватает. О досуге мы тоже не забываем, имея для этого многое, в том числе и... яхт-клуб. Только у Баландина, нового мэра, нет минуты свободной.

Еще быстрее растет новый Солнцеград-Зонненбург в оазисе Грирсона. Прежний «Шнупфендорф» мы эвакуировали — жить в той сырости оказалось на редкость малоприятно. А ведь все-таки жизнь дана человеку, чтобы радоваться.

Не только наша Новорусская размножается почкованием. Новолазаревская вывела поселок-спутник к озеру Унтерзее в оазисе Ширмахера. Там купаются! Новые поселения отпочковались от Моусона, Дюмон-Дюрвиля и Бодуэна. Удалось реанимировать некогда заброшенные Молодежную, Бэрд, Восток, Литл-Рокфорд и некогда самую южную из береговых станций — Русскую. Процесс продолжается.

С Шимашевичем я сознательно не встречаюсь. Мне и думать о нем не хочется. Вероятно, он полагает, что поступил со мною максимально корректно, ну а я так не думаю. Люди для него — игрушки, подороже и подешевле. Меня он счел дорогой игрушкой и не позволил привести в негодность. Но почему я должен быть благодарен ему за это?

Я признателен за другое: ведь выезд ко мне Вали с пацанами наверняка организовали его люди. А Антарктида признательна ему за хлопоты, денежные вливания, оплаченные акции гринписовцев и антиглобалистов и тэ дэ, и тэ пэ.

Короче говоря, убивать набоба я передумал и даже не стал настаивать на лишении его прав гражданства, но немало позлорадствовал над тем, как он ИСПУГАЛСЯ нашего «геофизического оружия», о котором нам по-прежнему ничего не известно. Но Шимашевичу знать об этом не обязательно.

Он по-прежнему остается крупнейшим нашим финансистом с ограниченным влиянием и ведет себя очень осторожно. От мысли положить Антарктиду себе в карман ему пришлось если и не отказаться насовсем, то, уж во всяком случае, исключить ее из ближайших планов. Нам известно, что он прикармливает некоторых депутатов Конгресса, но, конечно, не

может купить голоса всех антарктов. Есть сведения, что его люди втайне собирают информацию о том, кто где находился в тот день и час, когда «скакнул» континент.

Мы тоже.

Мы — это члены бывшей антарктической делегации в Женеве плюс Коган. Плюс несколько добровольных помощников, умеющих держать язык за зубами и не посвященных полностью в суть дела. Во избежание.

Лично я не уверен, что мы что-нибудь отыщем. Еще меньше надежд на то, что, с находкой или без, нам удастся понять физику «скока». Но если есть хоть микроскопический шанс, было бы фатальной глупостью отдавать его Шимашевичу.

Почти все антаркты убеждены: мы действительно нашли во льдах инопланетный корабль и располагаем геофизическим оружием, настолько секретным, что засекречены и люди, которые могут знать о нем хоть что-нибудь. Но если вы вздумаете разубедить в этом какого-нибудь антаркта, пожалуйста, не надо ссылаться на меня. В ответ на прямой вопрос я лишь многозначительно усмехнусь и переведу разговор на другую тему.

Но ведь где-то — девять шансов из десяти! — и в самом деле прячется Нечто. Может быть, чужой космический корабль, вмороженный во льды миллионы лет назад. Может быть, что-то такое, чего мы себе не можем даже представить.

Оно есть.

И — снова девять из десяти! — сработало оно не случайно. Во второй раз — наверняка не случайно. Уж очень вовремя.

А значит, пресловутое геофизическое оружие не только существует, но и находится в распоряжении вполне реального человека, вернее всего, антаркта.

Надеюсь, он разумный человек. В пользу такого предположения говорит хотя бы то, что вот уже больше года никаких новых «рокировок» не наблюдается.

И все-таки мне беспокоит. Я предпочел бы поставить столь могучее средство под надежный контроль. Или тайно вывезти в океан да и утопить где-нибудь в глубоководном желобе.

Мы не успокоимся, пока не найдем. Мы продолжаем искать.

Но результатов пока нет. И нам остается лишь вопрошать, подобно толстовской Аэлите: «Где ты, где ты, Сын Неба?»

Не знаю, получим ли мы когда-нибудь ответ.

Хотелось бы надеяться...»

Дизелист Самоклюев встречал гостей.

Встречал он их всегда радушно, независимо от того, намеревались ли они задержаться или спешили дальше, перекинувшись с отшельником двумя-тремя словами. Некоторые и вовсе катили мимо, не притормаживая у кособокого домика близ холодного склада.

Самоклюев не обижался.

«Сосланный» Ломаевым на седьмой километр, он там и остался, несмотря на то, что его внешность теперь уже не имела никакого значения. Свое решение он объяснял тем, что стал полярником не для того, чтобы вертеться в шуме и давке — этого добра и на Большой Земле навалом. Чем меньше народу суетится вокруг, тем лучше. А еще лучше жить одному. Тогда начинаешь по-настоящему ценить всю прелесть человеческого общения.

— Генка! Андрюха!

Могучий Ломаев и долговязый Макинтош слезли со снегохода, подошли позвать руку. Макинтош протянул левую.

— Как? — спросил Самоклюев, указав взглядом на культю.

— Что? А, это? Уже не ноет. Рука есть как рука. Короткая только.

— Да уж, парень, нарушили тебе симметрию...

— Плохой солдат, — объяснил, улыбаясь, Макинтош. — Хороший выставляет из укрытия... как это... ствол! Да. Ствол, а не руку.

— Бывает, и чего похуже отстреливают, — сказал Самоклюев. — Вы на склад?

— Мы в оазис. Синоптики дают погоду. Часа за четыре добежим. Вот Андрюха хочет перебраться туда на жительство.

— Хорошее дело. Радируй оттуда в Новорусскую: дизель я перебрал, пускай забирают. Зайдете чаю выпить?

— В другой раз. Знаешь, прогноз — прогнозом...

— Знаю. Прямо сейчас и поедете?

— Ага, — кивнул Ломаев и достал блокнот. — Андрюха, ты погуляй покуда... Тут вот какое дело: я, знаешь ли, надумал писать историю Свободной Антарктиды. Ну, то есть с того дня, когда она прыгнула... Не сможешь?

— Я?

— Ты.

— Нашел историка. Я и объяснительные-то записки никогда не умел толком писать...

— Тебе и не надо. Ты только вспомни. Давай с самого первого дня, ладно? Когда случился «прыг-скак», ты был в дизельной?

— Здесь я был. Мы с Недобитько приехали за мороженой птицей. Да ты уже спрашивал.

— Ну? Когда? Убей, не помню. Ладно, давай по-новой. «Прыжок» ты сразу почувствовал?

— Все его почувствовали. Сперва трянуло несильно, потом у всех сразу мигрень...

— То есть почувствовал, когда был на складе?

— Не так. У вездехода я был, трансмиссию щупал. А Недобитько — тот на складе.

— Ну? Дальше, дальше...

— Чего тут «дальше»? Погрузили мы на сани курей-гусей — и назад. Что нам тут было делать? Прикатили на станцию — а там все ошалевшие, все бегают, и Типунов ругается. Да ты сам видел.

— Ладно... — Ломаев спрятал блокнот в карман каэшки. — Если еще вспомнишь что-нибудь...

Он оседлал снегоход, велел Макинтошу держаться крепче, махнул на прощание рукой и газанул. Слышимость сегодня была отменная. Прошло минут десять, прежде чем треск мотора затих вдаль.

Еще долго Самоклюев курил, подставлял лицо солнцу, вдыхал морозный воздух пополам с крепким табачным ды-

мом и все никак не мог решиться. Потом косолапо затопал в сторону от «тракта», от холодного склада и своего жилища. К свалке.

Поставь в Антарктиде хоть собачью конуру, хоть скворечник на шесте — и все равно рядом неизбежно будет свалка, дело только в ее размерах. Здесь, на седьмом километре, свалка была совсем маленькая. Не чета залежам всякого ненужного барахла в Новорусской и особенно в Мирном. Вдобавок все мало-мальски пригодное для строительства хибар — доски, бочки, ржавые жестяные листы, обрезки труб и швеллеров — давно было откопано, увезено и использовано.

В ничем не примечательном месте Самоклюев осторожно пробил ледяную корку. Пришлось повозиться, прежде чем в его руках оказалась драная, трижды отслужившая свой срок телогрейка, свернутая в тугой ком и обмотанная шпагатом. Дизелист осторожно развернул ее. Молочно-белый шар, испещренный непонятными, похожими на причудливые кляксы значками, ничуть не изменился за год. По-прежнему казалось, будто от него исходит тепло, и по-прежнему это был обман: шар нипочем не желал плавить снег. Какая энергия скрывалась в нем на самом деле, Самоклюев боялся даже думать. Ни одно рукотворное устройство так не может — это он знал точно. Дизелисту шар казался живым.

Он вновь не удержался — приложил к шару ладонь. Если просто дотронуться до него, ничего не случится. А если приложить палец к любому значку и начать чертить линию — значок послушно поедет за пальцем. И если совместить этот значок с другим значком, то...

То будет то, что уже было.

Один раз повезло. А ведь можно было, наверное, загнать земной шар в недра Солнца. Чего проще? Или разорвать Землю надвое. Или зашвырнуть ее к чертовой матери за орбиту Плутона — тоже удовольствие маленькое.

Худо, что Ломаев снова стал допытываться. Наверняка что-то подозревает. Как хорошо, что на шар не наткнулся покойный Непрухин! Болтун он был, светлая ему память. Растрепал

бы всем в один момент. А есть вещи, которые никому не надо знать...

Даже достойнейшие из достойных небезгрешны. И потом, разве необходим злой умысел? Ведь в первый раз шар сработал, и Антарктида «прыгнула» не от действия значка и пальца, а просто из-за того, что он, дизелист Самоклюев, поскользнулся и уронил шар на наст!

Старая телогрейка без одного рукава показалась недостаточным амортизатором. Дизелист сходил в подсобку за тряпками и стометровой бухтой капронового шнура. Как следует упаковав шар, обвязал его шнуром и, сориентировавшись по вешкам, понес его в сторону от трассы. В пятидесяти шагах он нашел то, что искал.

Трещина была давно знакомая — узкая, не шире метра. Надо думать, в глубине она еще сужалась. Идеальная могила.

Опустив в трещину сверток, Самоклюев стал медленно стравливать шнур. Когда от бухты осталось всего пять-шесть петель, дизелист забеспокоился. Бросать было ни в коем случае нельзя. Но вот шнур провис. Осторожное подергивание ничего не дало — как видно, сверток плотно застрял. Вот и ладно...

Свободный конец шнура Самоклюев бросил на скользкий наст. Развернувшись змеей, шнур заскользил туда, вниз. Еще оставалась секунда, чтобы поймать его, переиграв все заново...

Секунда прошла. Рядом с трещиной остался только Самоклюев. Он точно знал, что уже сейчас никто не найдет ухоронку, а спустя дни и недели, когда вьюги наметут в трещину снега... Нет, это навсегда.

Гостинец со звезд сделал свое дело. Свободная Антарктида более в нем не нуждалась.

2001—2004 гг.

Авторы рады выразить благодарность:

Игорю Антоновичу Корженевскому, начальнику нескольких антарктических научных станций, великодушно поделившемуся с нами своим знанием Антарктиды и антарктического быта, и не его вина, если мы все-таки не избежали кое-где «развесистой клюквы»;

Дмитрию Байкалову, серьезно пополнившему наши запасы литературы об Антарктиде в период работы над книгой, что, надо надеяться, уменьшило развесистость указанной ягоды;

Кириллу Еськову, литератору и ученому, без чьей светлой головы и дельных консультаций мы, может быть, и не начали бы писать эту книгу;

Павлу Вязникову, также не оставившему нас во тьме невежества;

Многим нашим друзьям и знакомым, не раз помогавшим нам добрым советом и торопившим с окончанием затянувшейся работы.

Пингвинам Адели за факт их существования.

Спасибо всем!

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

ПРИБОРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **Буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 17б, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», ХЛ ТЦ Мытиши, Мытиши,
ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56,
4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «ХЛ», Дмитровское ш., 89,
т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1,
3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1,
т. 161-43-11

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего
представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000

Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, 18, т. (8182) 65-44-26
- Белгород, пр. Хмельницкого, 132а, т. (0722) 31-48-39
- Волгоград, ул. Мира, 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Малышева, 42, т. (3433) 76-68-39
- Калининград, пл. Калинина, 17/21, т. (0112) 65-60-95
- Киев, ул. Льва Толстого, 11/61, т. (8-10-38-044) 230-25-74
- Красноярск, «ТК», ул. Телевизорная, 1, стр. 4, т. (3912) 45-87-22
- Курган, ул. Гоголя, 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Ленина, 11, т. (07122) 2-42-34
- Курск, ул. Радишева, 86, т. (07122) 56-70-74
- Липецк, ул. Первомайская, 57, т. (0742) 22-27-16
- Н. Новгород, ТЦ «Шоколад», ул. Белинского, 124, т. (8312) 78-77-93
- Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, 15, т. (8632) 35-95-99
- Рязань, ул. Почтовая, 62, т. (0912) 20-55-81
- Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
- Санкт-Петербург, Невский пр., 140
- Санкт-Петербург, ул. Савушкина, 141, ТЦ «Меркурий», т. (812) 333-32-64
- Тверь, ул. Советская, 7, т. (0822) 34-53-11
- Тула, пр. Ленина, 18, т. (0872) 36-29-22
- Тула, ул. Первомайская, 12, т. (0872) 31-09-55
- Челябинск, пр. Ленина, 52, т. (3512) 63-46-43, 63-00-82
- Челябинск, ул. Кирова, 7, т. (3512) 91-84-86
- Череповец, Советский пр., 88а, т. (8202) 53-61-22
- Новороссийск, сквер им. Чайковского, т. (8617) 67-61-52
- Краснодар, ул. Красная, 29, т. (8612) 62-75-38
- Пенза, ул. Б. Московская, 64
- Ярославль, ул. Свободы, 12, т. (0862) 72-86-61

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:
(495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Васильев Владимир Николаевич

Громов Александр Николаевич

Антарктида ONLINE

Фантастический роман

Художественный редактор О.Н. Адаскина

Компьютерная верстка: Р.В. Рыдалин

Технический редактор Н.К. Белова

Младший редактор Е.А. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2: 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.003857.05.06 от 05.05.06 г.

ООО «Издательство АСТ»

170002, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, 27/32

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»

129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ООО «ХРАНИТЕЛЬ»

129085, г. Москва, пр. Ольминского, д. 3а, стр. 3

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ОАО «Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

ISBN 5-17-038493-9

9 785170 384938

АНТАРКТИДА
ONLINE

Мир СОШЕЛ С УМА?
Нет. ПЛАНЕТА ЗЕМЛЯ СОШЛА С УМА!
Антарктида переместилась в центральную
часть ТИХОГО ОКЕАНА!

Ученые и политики пребывают в шоке.

Но они еще не знают, что претерпев-
шие ОЗАРЕНИЕ от смеси жары и алкоголя
российские антарктологи, в содружестве с
антарктологами австралийскими, намере-
ны ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ МОМЕНТОМ, дабы
обратить Антарктиду в НЕЗАВИСИМОЕ
ГОСУДАРСТВО.

Как?

Зачем?

И — ЧТО ПОТОМ?

Слушайте.

Антарктида ONLINE!

Последствия НЕПРЕДСКАЗУЕМЫ!

ВЛАДИМИР
ВАСИЛЬЕВ
АЛЕКСАНДР
ГРОМОВ

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й